

vk.com/kurotranslations

ША ФОРД

ПРЕДВЕСТИНИК

ЗАБЫТЫЙ СУДЬБОЙ

КНИГА 1

Семнадцать лет назад долгое кровавое восстание сильно навредило шести регионам королевства. А теперь огромной армией Средин управляет новый король, он же держит в страхе небольшую группу аристократов, которую он зовет своей Высшей пятеркой, и эти аристократы правят в остальных регионах. Словно этого было мало, король еще и запретил искусство шепота, а это уже проблема для Каэла.

Он не просил родиться шептуном, он не просил странных исцеляющих сил, он и без того был изгоем в деревне. И когда он спасает раненую девушку в Беспощадных горах, его удача подводит его еще сильнее. Девушка оказалась не простой, а рыцарем-изменником с мечом, и все Королевство на нее охотится. И одним снежным вечером все становится еще хуже, и Каэлу приходится покинуть с ней горы. Они отправляются на безумные приключения, и любая ошибка может изменить Королевство, которое они знали.

Ша Форд «Предвестник» («Забытый судьбой» — 1)

Перевод: Kuromiya Ren

Моей маме Брэнди, отцу Терри, сестренке Эмили

Вы всегда знали, что это день придет,

хоть я и не верила.

Спасибо за веру в меня

Пролог:

Девушка-дракон

Граф Хьюберт прижал изящный серебряный кубок к полным губам. Он сделал три глотка вина без передышки. Звук его глотков донесся до потолка столовой, но слуги, стоящие у стен, послушно смотрели в пол.

Между пухлыми руками Хьюберта стояла тарелка с большим куском оленины, еще теплым. Пар поднимался от мяса в холодном горном воздухе. Он вдохнул запах и поджал губы. А потом он потянулся за ножом.

Первый кусочек почти попал в его рот, когда дверь распахнулась.

— Ваше графство!

Хьюберт развернулся, насколько позволял его большой живот. Он посмотрел на потного задыхающегося стража, ворвавшегося на порог.

— Что такое? У вас должна быть веская причина прерывать мой...

— Ваше графство, мы нашли ее, — быстро сказал страж. Его глаза были безумными. Он убрал мокрые волосы со лба и судорожно дышал. — Она ранена, мы сковали ее цепями. Скорее!

Он говорил бред, задыхаясь. А ужин Хьюберта остывал.

— Кого?

Страж удивленно посмотрел на него. Его взгляд стал безумнее, вена пульсировала на шее. Его грудь вздымалась в такт пульсированию. Но кровь не достигала его лица. Он не говорил.

Ему и не требовалось. Хьюберт прочитал его ужас и записанные в спешке и панике

слова придворного писаря. Чувства покинули его тело, они упали в его живот. Нож выпал из его пальцев и звякнул об пол.

— Ее?

Страж кивнул.

Хьюберт вскочил на ноги, сбил стул спиной, а животом — тарелку с олениной.

— Где?

— Двор, — сказал страж и ушел с дороги, когда Хьюберт промчался мимо него.

Гобелены и мерцающие факелы сливались, пока Хьюберт спешил по коридору. Впереди возвышались две крепкие деревянные двери, он толкнул их пухлыми руками.

Близился вечер, воровал тепло солнца. Хьюберт плотнее укутался в меховой плащ, его тяжелое дыхание вырывалось облачками. Лето в горах было не лучше зимы, только без снега.

Он шел к дальнему углу двора и видел, что стража стояла толпой. Они крепко держали мечи дрожащими руками. На стенах стояли лучники наготове. Их луки были направлены на мишень. Все лучники смотрели в бьющееся сердце цели.

Стражи были так заняты присмотром за пленницей, что не услышали приближение Хьюберта.

— Двигайтесь! — сказал он, пробив первый ряд. — Прочь с дороги!

Они слушались, а те, кто не успел уйти, были сбиты Хьюбертом. Когда стражи расступились, чтобы он увидел, Хьюберт застыл. Его ноги окоченели, все тепло покинуло его лицо.

В трех шагах от него на земле сидела на коленях молодая женщина. Она выглядела не старше семнадцати, ее тело было приковано к стене несколькими цепями, что обвиняли ее конечности. Замки свисали со спутанных цепей, удерживавших ее на месте.

Она не поднимала голову, темные волны ее волос скрывали глаза. Кровь все время капала из ее носа, собираясь в лужицу на земле. Каждая капля шипела, словно вода попадала на огонь.

Хьюберт потрясенно выдохнул. Он понимал, что не ожидал найти ее. Он годами не видел ни обгоревших камней, ни поваленных деревьев. Ни четкого следа. Все патрули, которые он отправлял за ней, никогда не возвращались. Он не знал, гибли они в горах... или виной была она.

— Что нам делать, ваше графство?

Вопрос вернул Хьюберта в реальность. Говоривший страж смотрел на него подбитым глазом. Его губа была рассечена, кровь испачкала воротник его серой туники. Голова золотого волна на его теле была в грязи. У нескольких других стражей были порезы и синяки. Один человек прижимал окровавленную руку к груди.

Их пленница не сдалась без боя.

— Мы отправим весть королю, — сказал Хьюберт. — Он захочет наказать предательницу лично. Но нам нужно убедиться, что это точно она, — он кивнул стражу с раненой рукой. — Ты, убери волосы с ее лица.

Страж скривился.

— Ваше графство, прошу...

— Выполний, трус! Или я тебя уволю, — однорукий солдат ему не требовался. И если девушка нападет, Хьюберт хоть не потеряет способного воина.

Страж прикусил губу и шагнул вперед. Он старался держаться как можно дальше от девушки и протянул к ней здоровую руку. Его пальцы едва коснулись ее волос, когда ее

голова вдруг вскинулась.

Страж вскрикнул и упал назад. Он пополз от нее к товарищам, а те опустили мечи и отпрянули на шаг. Над ними затрещало дерево, лучники приготовились стрелять.

При виде ее глаз Хьюберту стало не по себе. Он точно знал, что это она. Ярко-зеленые пылающие глаза смотрели прямо на него. Они смотрели ему в глаза и прожигали путь к душе. Он знал, что она ощущает все его чувства, все страхи. Она должна была слышать, как колотится его сердце, потому что она бросилась к нему. Горячая кровь полилась из ее раны, она подавила инстинкт нападать. Она могла убить его за секунду, в этом Хьюберт был уверен. И хотя он знал об опасности... он невольно восхищался ею.

Человеческая слабость заставила его шагнуть ближе. Под засохшей кровью на ее лице она была невероятно красивой. Темные волосы, пылающие глаза, полные губы и бледная кожа... ее лицо могло довести до смерти любого мужчину.

— Это она, ваше графство? — спросил один из стражей.

Хьюберт взял себя в руки и тряхнул головой, освобождаясь из ее чар:

— Да. Это Драконша.

При звуке его слов ее глаза вспыхнули. Она отвела взгляд.

— Я не могу остаться, — сказала она. — Я ищу кое-что. Это очень важно.

Сухость ее голоса удивила его. С ней что-то было не так.

— Никаких оскорблений? Никаких клятв убить всех на своем пути? Ты — не кровожадная преступница, которой тебя считает Его величество.

Она не слушала его.

— Отпустите меня. Мне нужно уходить, это очень важно, — сказала она.

Удар по голове, похоже, навредил ей. Да, так и было. И, потеряв столько крови, она лишилась сил бороться. Хьюберт запрыгал бы от радости, если бы мог поднять себя над землей. В кои-то веки у него было преимущество.

— Боюсь, это не обсуждается, — сказал он, его уверенность росла с каждой секундой. — Ты останешься на ночь в подземелье, а утром мы отдадим тебя королю. Уверен, он захочет повесить твое предательское тело с другими.

Она притихла на миг. А потом повторила просьбу, но в этот раз рыча:

— Отпустите меня.

Хьюберт ухмыльнулся.

— Нет. Стража! Ведите ее в подземелье.

Двое мужчин грубо подняли ее и потащили. Хьюберт фыркнул и пошел к замку. Он думал о том, куда потратит награду, когда услышал шум, от которого его сердце чуть не остановилось. Скрежет рвущегося железа, цепи разрывались и падали. Он развернулся и в ужасе увидел, как пылает огонь в глазах Драконши.

Ноги Хьюберта никогда так быстро не двигались. Он помчался по двору, крича стражам открыть ворота. Он упал в двери, чудовищный рев сотряс землю.

— Закрывайте их, дурачье! — сказал он, ударив сапогом ближайшего мужчину, пытаясь откатиться дальше.

Стражи был потрясен.

— Но, ваше графство, как же остальные? Их убьют...!

— Всех убьют, если вы не запретите дверь! — завопил Хьюберт.

Страх одолел смелость. Стражи закрыли двери и заперли большим железным засовом. Хьюберт слышал снаружи панические крики мужчин, пытающихся попасть в замок. Он

закрыв уши, чтобы не слышать.

— Она убьет всех нас, — простонал страж рядом с Хьюбертом. — Нам нужно написать королю...

— И что мы ему скажем? Что в наших руках была разыскиваемая преступника, и мы дали ей сбежать? Нет! — закричал Хьюберт. — Король и слушать не захочет.

Они сжались, что-то тяжелое врезалось в дверь с хрустом. Через миг под дверью появилась темная жидкость. Хьюберт подтянул ноги к себе, чтобы кровь не коснулась его сапог.

— Она хотела свободу. Она уйдет, когда двор будет чист, — сказал он, чтобы успокоить себя. — Но она ранена, так что не уйдет далеко. Беспощадные горы добьют ее... а королю знать это не обязательно.

Глава 1:

Последняя стрела

Каэл глубоко вдохнул. И медленно выдохнул.

— Сегодня все решится, — сказал он уже в сотый раз за утро. Он надеялся, что, если повторять это часто, он поверит в это.

Порыв ветра заставил сосны над ним затрещать. Он поднял голову и посмотрел на их ветви, попытался разглядеть, где их вершины соединяются с небом. Деревья Беспощадных гор были самыми высокими в Королевстве, они были даже выше деревьев в Великом лесу, как он читал.

Он был убежден, что никогда сам и не узнает.

Грубая поверхность ветки, на которой он сидел, впивалась в ноги. Его кости от коры отделял лишь тонкий слой кожи, каждые несколько минут ему приходилось менять позы, чтобы тело не немело. Но, если его план сработает, все будет не зря.

Он крепче схватил изогнутый лук из красного дерева. Оружие было во многом похоже на хозяина: простое и тонкое. У всех мужчин в Тиннарке был такой лук. Он всегда носил лук с собой, а когда постареет и перестанет ловко двигаться, он гордо повесит лук над камином.

В основном, лук был символом свободы. Но для Каэла он был бременем, постоянным напоминанием о том, что его дед Амос называл упрямством. И если что-то пойдет не так...

Нет, нельзя так думать. Не сейчас. Не сегодня. Вместо этого он старался сосредоточиться на другом.

На его колене лежала маленькая книжка. Потрепанная обложка лежала на ноге, потрепанные страницы открылись на первой. На корешке были раньше золотые буквы, складывающиеся в «Атлас путника», но после многих лет в кармане Каэла они стерлись.

«Атлас» начинался с краткой истории шести регионов Королевства. Он читал ее так много раз, что мог читать наизусть, не подглядывая. И в тишине леса он невольно начал читать вслух, обращая внимание на узор слов, слетающих с языка:

— Сядьте за стол, — сказала Судьба. —

Посмотрим, что кости подарят вам.

Леса царица вышла к Судьбе,

Землю деревьев взяла себе.

— Быть тебе лесом Великим теперь,

Фрукты деревьев накормят детей.

Кости Пустыне землю отдали
Сухую, ее не приручишь годами.
— Не бойся, дитя, Белокостю зовись,
И хитрости требуй, тебя чтобы пройти.

Вот очередь Моря, вскричала Судьба:
— О, как от неба ты далека!
Пусть вознаградятся дети твои,
И для того Высоким зовись.

Долина пришла, ей досталась земля,
Которую очень любит луна.
— Сильных детей ты, посевы родишь,
Имя долин Бесконечных носи.

Идет важно Холм, сияя, горя,
Ему достается середины земля.
— Властными будут дети твои,
И воевать будут здесь короли.

Пришли Горы поздно, их доля ясна.
— Беспощадных детей породила там я,
Всегда будут в красном дети твои,
И все же при этом будут сильны.

Хотя она обещала им силу, насколько Каэл знал, Судьба дала детям гор только одно. Он провел рукой по диким вихрам волос, сияющих темно-красным в тусклом свете солнца. Старейшины называли это короной Судьбы, но Каэл считал, что это гнилая неудача.

У других регионов процветала торговля, а вот горам не везло. У них был камень, да, можно было поймать дичь, если сильно покопать, можно было найти руду. Но здесь было слишком опасно, чтобы сознательный торговец открыл здесь магазин. И пока все Королевство разрасталось, деревни, как Тиннарк, были забыты.

Забыты, но не затеряны. Все знали, что из гор не приходит ничего хорошего, но редкие знали, сколько зла приходит к ним.

Воры, убийцы, предатели и бандиты скрывались среди утесов. Худшие преступники, которых не рискнули бы преследовать даже армии Средин в горах. Маленькие потрепанные деревушки стояли на камнях и были последним укрытием отчаявшихся. Они могли быть раньше ворами или изгнанными рыцарями, но, если они оставались, погода и опасности меняли их. Их руки становились грубыми от камня, а кожа — обветренной от холода.

В обмен на убежище земля влияла на их детей. Не было важно, были ли волосы отца черными или белыми, любой ребенок в горах рождался с пылающими рыжими волосами.

Старейшины думали, что в этом часть проблемы Каэла. Они думали, что его волосы могут быть причиной, по которой он часто спотыкался, не мог хорошо управляться с луком. Его отец и дед были истинными сыновьями гор, а Каэл — нет.

Его принес в Тиннарк отец, вскоре после этого умерев, и Каэл вырос, ничего не зная о прошлом, потому что Амос отказывался говорить об этом. Насколько он смог узнать, какая-то вражда разбила их давным-давно, а раны так не залечились. Даже теперь Амос отказывался называть сына по имени, говоря о нем «этот человек».

Каэл был уверен, что он родился где-то в Королевстве, в низинах, как говорили местные жители. Он знал это, потому что его волосы были рыже-каштановыми.

Жители не давали ему забыть, что он другой. Его звали полукровкой, скалились, когда он проходил мимо. Он знал, что они говорят, когда он отворачивается спиной:

— А это полукровка Каэл, проклятие Тиннарка.

Он очень хотел доказать им, что они ошибаются, заткнуть их шепот. И потому ему пришлось принять худшее решение в жизни. Его сердце забилося быстрее от одной мысли об этом, рука, державшая лук, стала мокрой из-за воспоминания.

В Тиннарке двенадцатый день рождения мальчиков праздновали особенно, ведь в этот день мальчик получал лук и свое место среди мужчин деревни. Но для Каэла этот день был ужасным, как и все остальные.

Его день рождения засыпало первым зимним снегом, день проклинали, о нем ходили легенды, и семьи старались делать так, чтобы их дети и близко к нему не рождались. И он шел к Залу один, все из Тиннарка смотрели на него. Многие — с жалостью. Старушки качали морщинистыми головами, когда он проходил, и шептали:

— Бедное, забытое судьбой дитя.

Это не успокаивало. Когда он дошел до стола старейшины, он едва дышал. Он стоял, прижав руки к бокам, и ждал.

Брокк, старейшина, склонил седую голову и обратился к нему слабым голосом:

— Настал этот день, мальчик, — его рука подрагивала, когда он прижался пальцами к столу перед собой. — Ты получил свой лук и место в деревне. Но теперь тебе нужно выбрать: ты возьмешь полный колчан и место, что мы тебе уготовали? Или ты пройдешь Испытание пяти стрел?

Каэл тогда думал, что выбор сложный.

Мальчики, выбиравшие полный колчан, учились у кузнецов или рыбаков, зависело часто от их отцов. Для Каэла это означало, что он обречен на жизнь целителя.

Амос занимался исцелением, он был в этом очень хорошо. Но пока Амосу нравилось читать толстые пыльные тома с названиями, типа «Что делать, если потерял конечность», Каэл думал, что проще было пронзить себе ногу стрелой и узнать самому.

Нет, исцеление ему не подходило. Ему нужно было что-то, связанное с приключениями, интересное, хоть он и знал, что это глупо, он мечтал стать охотником.

Охотники Тиннарка работали во все времена года, преодолевали препятствия, чтобы заполнить кладовые. Они были самыми сильными, быстрыми и отлично стреляли. Старейшины считали их избранными Судьбой, найденными испытанием и получившими ответственность поддерживать жизнь в Тиннарке. Потому к ним относились как к королям.

Но старейшины никого не назначали охотником, для этого нужно было пройти Испытание пяти стрел.

— Что ты решил? — спросил Брокк.

Каэл знал, что все от него ждут, он знал, что стоит сказать. Но, когда он открыл рот, ответ получился совсем другим.

— Я хочу пройти Испытание.

В зале раздались вскрики, Каэлу показалось, что он слышит стоны Амоса.

Брокк недоверчиво фыркнул, но сдержал серьезное выражение лица.

— Хорошо. Правила Испытания просты: у тебя есть пять стрел и пять лет, чтобы убить оленя. Принесешь тело в Тиннарк и получишь свое место среди охотников. Провалишься, и старейшины выберут тебе... более подходящую работу. Пусть твою судьбу направляет удача.

Годы прошли быстро, и удача Каэлу требовалась больше всего. Уже почти наступила его семнадцатая зима, так что ему пора было завершать испытание. Потому в этот раз он был очень осторожен, потому он ходил по следам в лесу.

Он сидел высоко на огромном дубе, перед ним простиралась широкая роща. Желуди усеивали неровную землю под ним, тени были длинными от тусклого света утреннего солнца, они покрывали землю пятнами. Осень наступала быстро, листья уже начинали сохнуть на ветках.

Тощий Каэл не во всем был хорош, но прятаться умел. Он узнал, что его тонкие руки почти не отличаются толщиной от веток.

Он повесил рюкзак в гуще рощи. Там было оживленно: зайцы, белки и даже сбежавшие гуси играли там. Он не очень хорошо стрелял из лука, но так сильно хотел научиться, что Роланд, старший охотник Тиннарка, сжалился над ним.

Он был старым другом Амоса, многие считали его странным. И все же он увидел что-то, что другие в Каэле не замечали: потенциал. Это Роланд научил его делать ловушки.

У Каэла были умелые руки, и Роланд сказал, что он весьма изобретателен. Он за неделю овладел простыми силками, через пару недель понял сложные. И Роланд был рад, что взял его в ученики, он учил ему всему, что знал о лесе.

Хотя стальное небо пыталось скрыть это, Каэл знал, что солнце восходит. Вскоре тушки в его рюкзаке начнут пахнуть, предупреждая всех вокруг о его намерениях. Он понимал, что у него осталось всего пару минут, и он был рад этому. Он бы сошел с ума, если бы сидел тут еще дольше.

Роланд часто ругал его за нетерпение.

— Добыча не прыгнет тебе на колени, парень, — сказал бы он, вскинув руки. — И не будет вежливо ждать, пока ты всадишь в нее стрелу. Лес не будет давать тебе играть, ты должен сам его покорять.

Каэл это знал. В глубине он знал, что так охотиться было правильно. Но этот способ был очень скучным.

Прошло пару минут, ничего интересного не случилось, и он посмотрел на «Атлас». Он перевернул страницу и провел рукой по карте Королевства. Он обвел кончиком пальца смертельные пики гор. На половине пути к самой высокой горе был Тиннарк. Обычно его не отмечали на карте, но Роланд оставил точку там, где была, по его мнению, деревня.

В центре Беспощадных гор была чаша зеленой земли. Место было обозначено просто Поляной, и Каэл завидовал тем, кто жил там. Зеленый редко был в Тиннарке, если земля не была в снегу, она была в трещинах и коричневой.

Движение привлекло его внимание к роще. Он посмотрел вверх книги, не ожидая ничего особого. А потом застыл.

Из-за деревьев вышел молодой олень. Он стоял на расстоянии броска камнем, ел желуди, выгнув шею и почти касаясь носом земли. Весна хорошо отразилась на нем, его ребра почти полностью скрывали мясистые бока.

Хоть сердце Каэла колотилось от восторга, он знал, что найти оленя — половина дела.

Может, где-нибудь в Королевстве олени и были медленными и глупыми, но в горах они были хитрыми, как люди. Роланд клялся, что они — потомки оборотней, племен Великого леса, которые могли принимать облик зверей. Он считал, что горы просто прокляли их, заставив всегда жить в животном облике.

Каэл не был уверен, что верит этому, но не мог спорить с фактом, что оленя было очень сложно поймать. Он как-то спугнул оленя, просто чихнув. И хотя этот олень был в паре ярдов, Каэл быстро вытащил стрелу из колчана.

Это был его последний выстрел. Четыре стрелы уже отлетели от камней, остались в воде. Он не мог охотиться, как остальные, на уверенных ногах и с огромной скоростью. Он мог бежать долго, не задыхаясь, но не мог преследовать оленя и при этом стрелять.

Так что он начал приманивать зверей и нападать, когда у него было преимущество. Ловушка была сложной: он выбрал эту рощу из-за желудей, а это дерево — из-за густых веток, эту ветку — за угол выстрела. Ему оставалось только выпустить стрелу, а притяжение довершит дело.

Он никак не мог испортить шанс. Олень был его.

Он натянул тетиву и склонился, щурясь, чтобы видеть среди листвы. Олень подставил ему бок, мишень была большой. Он приготовился стрелять, его сердце колотилось о ребра.

В восхищении он забыл об «Атласе». Он натянул тетиву до подбородка, а книга соскользнула с его колена. Она застучала по ветвям, задевая каждую по пути. Когда она рухнула в прутья и листья на земле, Каэл посмотрел на оленя.

Конечно, зверь услышал.

Он смотрел на дерево, забыв о еде. Его белые заостренные уши насторожились, его влажные ноздри раздувались. Он отвернулся, и Каэл знал, что развернется все тело. Он растворится в лесу, забрав с собой всю надежду.

Он искал неделям и не видел оленя, а если это был последний? Если он не выстрелит сейчас, шанса может больше не быть. Вот так.

Он выстрелил вслепую. Он пытался проследить за полетевшей стрелой за оленем, но листья закрыли ему обзор.

А потом он понял, что падает.

Он следовал за «Атласом», бился о беспощадные ветки, беспомощно летел к земле, притягивающей его. Когда листья закончились, он рухнул на землю. И мир почернел.

*

Когда он моргнул первый раз, все было размыто. Через несколько мгновений он смог отличить куст от дерева. Медленно вернулись чувства его конечностям. Он даже пожалел.

Его локти и колени жалило. Он чувствовал синяки на спине. Его голова гудела. Его словно растерзал злой горный лев.

Над ним висели обломки ветвей. Если бы он слышал их, то они точно ругались бы. Он нащупал рядом с собой «Атлас». Удивительно, но он остался целым. Немного помялся, но читать можно было. Когда Каэл попытался перекатиться на бок, что-то впилося в его спину. Он потянулся и вытащил это из-под себя.

От боли в черепе было сложно сосредоточиться на том, что он держал. Три силуэта плясали, пересекаясь, пока его глаза не смогли объединить их.

О, нет.

Он поднес ближе к лицу и открыл рот, поняв, что ему не показалось. Он забыл об олене, о стреле, забыл о том, как ему было больно, ведь это не имело значения.

В руках у него был лук. Только это уже не был лук, это были два куска сломанного дерева, удерживаемые тетивой.

Удача ему уже не помогла бы.

Глава 2:

Неудачный поворот судьбы

Это было хуже, чем быть изгоем, хуже, чем слушать насмешки из-за худых рук и цвета волос, хуже, чем провалить Испытание. Никто в истории Тиннарка не ломал свой лук. Это было неслыханно и невысказано. Сама Судьба не могла придумать случая ужаснее.

Но это случилось.

Он не был ремесленником, но видел, что его не починить. Оружие было разломано, щепки усеивали землю вокруг него. В этот миг он не думал, каким уязвимым был, сидя посреди леса с одним кинжалом за поясом. Он не знал, что сказать Амосу.

Голодный горный лев мог разорвать его на куски, но Амос мог сделать хуже. У него не было когтей и клыков, но были слова. Он никогда не поднимал руку на Каэла, но слова жалили еще хуже.

А еще Роланд не скажет ничего, но от этого будет только хуже. У него просто будет хмурый вид, опущенные плечи, а в глазах будет кипеть разочарование.

И Каэл предпочел бы встречу с горным львом.

Он крутил лук в руках, не слушая протесты тела. Он мог только одним способом скрыть это: прийти до старейшин ночью и сказать им, что он провалил Испытание, чтобы ему дали другую работу.

Это будет лучше правды. Целитель все же был человеком.

Приняв решение, он вскочил на ноги. Неподалеку рос шиповник. Он склонился над ним и уронил лук в центр, где шипов было больше. Он обошел куст, чтобы убедиться, что никто не увидит лук.

И тут сзади раздался громкий голос:

— Если это не Прутик.

Двое мужчин вышли из леса. Один был очень высоким, другой — очень низким. Они были страшными.

Высокого звали Марком. Его улыбка напоминала волчий оскал, он отращивал клоки волос на подбородке. На его плечах была туша оленя, свежая кровь засыхала на ране на сердце. Он ухмыльнулся, когда Каэл взглянул на добычу.

— Узнаешь? Последний твой олень, в которого ты не попал. Хорошо, что мы были рядом, иначе Тиннарк ждал бы голод, — Марк тряхнул головой, на его лице появилась жалость. — И как тебе поражение, Прутик? Тяжело, наверное.

Низкий, Лэмот, был с длинной косой волос. Он скрестил большие руки и кивнул на Каэла.

— Эх, он уже привык к этому. Если он сделает хоть что-то правильно, это, видимо, убьет его.

Каэл привык к их насмешкам. Марк и Лэмот были старше его на пару месяцев, им исполнилось двенадцать в один год с ним. Но когда им исполнилось тринадцать, они убили оленя и стали охотниками, и они не давали ему забыть это.

Он не был удивлен, увидев их в роще. Как бы он ни старался скрыть свои следы, они

всегда следовали за ним и убивали оленя, в которого он не попадал. Для них это было игрой. Его удивило, что они еще не побежали в Тиннарк, вопя, что он сломал лук.

— Может, они не заметили.

Он вдруг понял, что на его спине висит пустой колчан, а его плечи пустые. Если он не отвлечет их, они поймут, что оружия нет.

— Ага, уверен, старейшины будут рады услышать, что вы потратили утро, чтобы меня выследить, — сказал он ровно, желудок сжимался. — Интересно, что случается с охотниками, которые не кормят деревню?

Марк бросил оленя на землю. Он пересек пространство между ними в два больших шага и впился в рубашку Каэла.

— Только скажешь им, Прут, я тебя сломаю.

Хотя ему казалось, что он ослепнет от вони изо рта Марка, Каэл упрямо смотрел ему в глаза.

Марк серьезно подумывал выбить ему зубы, он видел это по глазам. Но Марк не был дураком, хоть и казался таким. После напряженного момента он оскалился, но оттолкнул Каэла с рычанием.

— Ты знаешь, что мы бы не забыли о своих делах, когда на носу зима, — сказал Лэмот. Он прошел среди обломков веток, где упал Каэл, что-то пытаясь найти. А когда нашел, он радостно хмыкнул. — Что у нас здесь? — он поднял сумку, полную дичи.

Марк радостно зарычал.

— Как тебе? Мы постарались сегодня. Уверен, старейшины будут рады.

Каэл знал, что нельзя вступать в бой там, где ему не победить, но гнев кипел в его голове и прогонял мысли. Он бросился к ним и схватился за рюкзак.

— Отдай.

Лэмот рассмеялся ему в лицо.

— Или что, Прутенек? Что ты сделаешь... ах!

Кулак Каэла врезался ему в рот, затыкая. Лэмот пошатнулся и прижал руку к губам. Когда он увидел на пальцах кровь, он заревел. Он отпустил свою часть рюкзака, вытащил охотничий нож из-за пояса и напал. Повезло, что Каэл прижимал сумку с дичью к груди, нож вонзился в тушку зайца и гуся, но не задел его кожу. Марк толкнул его, пока он не ударил во второй раз.

— Его нельзя убивать.

— Но я могу! Я могу вырезать его сердце и обвинить волков! Никто не узнает...

— Старик поймет, — сказал Марк тихим голосом. — Он узнает, что это сделали мы, и не отстанет от нас.

Гнев пропал из глаз Лэмота, заменившись страхом.

Горные люди были суеверными. Роланд не выходил наружу, если шел дождь с солнцем, потому что верил, что духи мертвых идут по деревне. Он не оставлял свой лук на улице и вздрагивал от каждого крика совы.

Жители Тиннарка верили, что целители могли пересекать порог смерти и выкупать души. Все уважали Амоса, потому что боялись, что он может вытащить их души после смерти и вернуть в их мертвые тела.

Это не было правдой, но Каэл не собирался мешать Марку и Лэмоту верить в это.

Он повернулся бежать, но Марк схватил его за рубашку и свел руки за спину.

— Бей в живот. Нам не нужно, чтобы синяки было видно.

Лэмот отвел руку, и Каэл знал, что грядет. Если бы у него были мышцы живота, он бы напряг их. Но кулак Лэмота пробил его жалкую защиту и выбил из него воздух.

— В следующий раз сломаем тебе ногу. Прочь из моего леса, полукровка, — Марк с силой толкнул его к деревьям.

Каждый вдох вонзался ножом между ребер, мир пошатывался перед ним, но он все же смог уйти. Он знал, что человек без сознания в горах станет мертвым. Так что он все силы направлял в бег.

Его голова гудела, пульсировала в такт с движением ног. Сильный порыв ветра ударил его, послышался громкий треск. Желудок сжался, и Каэл понял, что грядет.

Он заставил мышцы пригнуться. Как только его грудь коснулась земли, волна грязи и гальки посыпалась на него, огромная ветка дуба рухнула на тропу. Только его скорость спасла его от гибели.

Потому горы и называли беспощадными, ошибиться можно было только раз. Один раз споткнуться, упасть, столкнуться с медведем. Опасность была такой, что даже король перестал пытаться завоевать их. С людей Тиннарка веками не собирали налоги.

Через пару минут сердце Каэла замедлило биение, его ноги дрожали, когда он поднимался с земли. Он столько раз провалился сегодня, но был рад, что тут нарушил планы гор.

Он представил, как деревья заламывают ветки с раздражением, пока он убежал.

*

Когда он вышел из леса, он замедлил бег. Большой камень выпирал слева от дороги, и он ловко забрался на него.

Отсюда открывался его любимый вид на деревню. Отсюда Каэл видел маленькие деревянные домики, занявшие склон. Они были треугольной формы, крыши доставали до земли. Между ними двигались люди, спешили по тропам, как жуки по дереву. Они носили вязанки хвороста на спинах или нити с рыбой в руках. Даже малыши ходили за родителями и помогали.

Два дома были больше остальных. Больница была на краю деревни, близко к лесу. Она была такой же ширины, как обычные дома, но в три раза длиннее. Самым большим зданием был Зал. Он был в центре Тиннарка, крыша была такой широкой, что там собиралась вся деревня, чтобы поесть.

Ливень мог смыть деревню, но она была домом. Каэл не знал, что подумали бы другие люди. Как сравнить ее с бесконечным синим океаном или нежной волной колосьев? Он смотрел, как сверху движутся облака, накрывая дома тенями, и почти улыбался.

Солнце редко светило на Тиннарк. А когда оно это делало, люди жаловались.

Он знал, что не мог задерживаться. Ему нужно было покинуть лес, без лука там было опасно ходить. Он пошел по склону, не оглядываясь. Он знал, что дни в лесу закончились, но не хотел, чтобы горы знали, что это его ранит.

Возле больницы была маленькая хижина в одну комнату, где он жил с Амосом. Никто не хотел жить рядом, потому что могли прийти призраки. Так что вокруг больницы все принадлежало им.

Он толкнул потрепанную погодой дверь, услышал знакомый скрип петель. Амос обещал поговорить с кузнецом насчет этого... лет десять назад. Они проводили много времени в больнице, так что про петли все забывали.

Теперь их камин был скорее пылью, чем пеплом, дыры в крыше никто не чинил, пахло

затхло.

Маленькая семья мышей жила под половицами. Когда он открыл дверь, они разбежались с соломинками, которые вытаскивали из дыры в его матрасе. Их лапки топали по полу, пока они бежали в укрытие. Он слышал их переговоры, пока пытался найти место, чтобы спрятать колчан.

Он сунул его под кровать в тень. Свет, проникавший в дыры в крыше, был слишком тусклым, чтобы найти колчан. И он знал, что мышей не скоро станет столько, чтобы вынести колчан на спинах. Так что, не тревожась, он покинул хижину и пошел по грязной тропе в больницу.

Он открыл дверь и не был удивлен увидеть, что кровати почти все заполнены. Большая часть была рыбаками, снег на вершине таяли, реки становились шире в это время года, и рыбачить было опасно. Многие баюкали сломанные руки или вывихнутые лодыжки, стонали, ерзая.

В мрачном углу комнаты за столом со скатертью сидела группа девушек. Они держались за носы и кривились, пока пили из кружек, делая паузы, чтобы почесать зеленые пятна на шеях. Наверное, это они получили после вчерашней похлебки с голубикой.

В горах даже самые невинные ягоды нужно было готовить, иначе их сок мог быть ядовитым, душить жертв. Амос называл это чертополоховым горлом, лекарство было очень неприятным.

Каэл понял, что не зря выбрал за ужином другой котел.

За кашляющими женщинами был мужчина, который будто столкнулся с ульем: кожа на его лице была красной и опухшей, особенно, на обвисших щеках. Он неразборчиво стонал пухлыми губами, Каэл остановился и нанес мазь на места укусов. Он читал, что в других регионах пчелы теряли жала. Но в горах они могли жалить человека, пока он не давил их или... умирал.

Он нашел Амоса в конце комнаты, он ухаживал за мальчиком с большим порезом на руке. Хотя его волосы были седыми, карие глаза Амоса все еще были пронзительными. Он не мог ничего упустить в больнице.

— Не трогай стежки, мальчик! Хочешь, чтобы рана начала гнить? — рявкнул он. Мальчик отдернул руку от раны, в его глазах были слезы. — Вряд ли так будет, — Амос обмотал руку мальчика белым чистым бинтом, а потом серьезно посмотрел на него. — Больше не залезай на гниющие деревья, ладно?

Мальчик напряженно кивнул. Он ушел, прижимая руку так, словно она могла отвалиться.

— Не забывай приходить ко мне на неделе. И родителям расскажи, — крикнул ему Амос.

Следом за мальчиком сел рыбак. Он скривился и прислонился к поддерживающим его товарищам.

Амос взглянул на него.

— Что тут случилось? Ушиб колена или вывих лодыжки?

— Нет. Шипы, — пропыхтел рыбак. — Я стоял на камне, забросил удочку и поскользнулся. И упал на ежевику, — его друзья развернули его и показали спину, утыканную шипами. Они пронзили одежду, каждый шип окружала кровь.

Кожу Каэла покалывало при виде этого, но Амос закатил глаза.

— Ох, ты похож на огромного свиноежа, — он подвел их к столу и расстелил чистую

скатерть. — Уложите его сюда... нет, на живот! Я не хочу вытаскивать шипы из его легких.

Когда они устроили его, Амос влил в горло рыбака резко пахнувший напиток. Вскоре тот мирно захрапел.

— Это не надолго. Я отправлю его домой, когда мы закончим, — сказал Амос, прогнав его товарищей к двери. Когда они ушли, он прошел мимо Каэла и сказал, не глядя. — Принесешь мне пинцет?

Он давно работал с Амосом и знал, о каком пинцете идет речь. Пинцет нужного размера, чтобы впиться в гладкий шип.

— Я буду вытаскивать, а ты сразу вытирай кровь, хорошо? — сказал Амос.

Каэл взял чистую ткань и прижал к первому шипу. Руки Амоса дрожали, пока он цеплялся пинцетом. Но он упрямо хмурился, и его руки стали уверенными.

— Готов? — сказал он, Каэл кивнул.

Амос резко выдернул шип, и Каэл накрыл тканью рану. Он подумал, что крови много, а потом Амос тихо выругался.

— Крюкосеть, — процедил он, показывая шип Каэлу.

Крюкосеть была одним из худших колючих кустарников. Шипы ее напоминали рыбацкие крючки, с двумя остриями. Одно вонзалось в плоть, другое мешало вытащить шип, не повредив при этом кожу.

— У меня нет времени, — Амос бросил шип в миску и схватил другой инструмент. Это была длинная тонкая проволока, которой он убирал осколки из глубоких ран. Он вытащил второй шип так, и острия вышли куда чище.

Они часами вытаскивали шипы, промывали раны и бинтовали их.

— Давно я не тратил зря столько времени... — Амос ворчал, заканчивая бинтовать рыбака. Он мыл руки в миске и посмотрел на Каэла. — Видишь? Если бы тебя тут не было, у меня на это ушла бы чертова неделя. Так что заканчивай бред с охотой и становись целителем.

Они спорили о его будущем с его двенадцатого дня рождения. Обычно Каэл скрещивал руки и напоминал Амосу, что охота — его мечта, что он имеет право пройти Испытание пяти стрел. Но не сегодня.

— Исцеление любите вы, а не я, — сказал Каэл. Он знал, что слова звучат пусто.

К счастью, Амос не заметил.

— Не отрицай дар, мальчик. А у тебя есть тяга к целительству. Тебе придется с этим столкнуться.

Это ему не нравилось. Не нравилось слышать это. И что с того? Это не меняло факта, что ему не нравилось исцеление. Его не интересовали травы или мази, он хотел приключений! Он хотел сражаться, защищать королевство. Глубоко в душе Каэл был воином.

Но Судьба говорила иначе.

— Я пойду ужинать, — пробормотал он. Он не ждал Амоса, а пошел сразу к двери.

*

Шум в Зале оглушал, но ужин всегда был самым шумным приемом пищи. Когда небо потемнело, все праздновали. Даже если у них были сломаны руки или ноги, они все еще пережили день.

Длинные столы расходились от середины Зала лучами солнца. В центре в яме были угли, на них стояли десятки котлов, в них кипело содержимое, помешиваемое железными половниками.

Вся еда Тиннарка была в котлах. Чаще всего это была густая похлебка с коричневым бульоном. Но если там были ягоды, бульон мутнел.

Каэл выбрал себе чистую миску на столе. Девушкам в деревне было мало работы. Кроме брака и воспитания детей, они могли только готовить. Когда он подошел к котлу, девушка равнодушно плюхнула ему похлебку, забрызгав его сапоги.

Он уже привык. Девушки насмеялись над его худобой, как и парни, но не в лицо. Если бы его били, он мог бы хоть принять это с достоинством. Но девушки ждали, пока он отвернется, и смеялись. А это ранило сильнее, чем удар в живот.

Охотники сидели у огня, и Каэлу приходилось проходить мимо них, чтобы получить еду. Он пытался игнорировать их, но Лэмот выставил ногу, чтобы он споткнулся. Каэл перешагнул ногу, и Марк толкнул его.

Горячая похлебка вылилась на его тунику. Они рассмеялись, обычно он отвечал им. Но этой ночью у него были другие проблемы. И он проигнорировал их и пошел к столу.

Амос и Роланд были стариками, так что не ждали в очереди еду. Когда Каэл дошел до стола, они уже спорили за едой.

— Знаешь, что я видел утром? — сказал Роланд, склонившись над миской, почти макая седую бороду в бульон.

— Могу лишь представить, — пробормотал Амос.

— У двери сидел ворон. Я вышел, а он сидел и смотрел на меня глазами-бусинками. Конечно, ты знаешь, что это значит...

— Тебе пришлось убираться на крыльце?

Роланд нахмурился.

— Нет. Это значит, что у нас будут гости.

Амос фыркнул.

— Гости? Сюда никто не приходил даже до нашего рождения.

— Конечно, ведь до них дошли слухи о твоей вредности, и это отпугивает всех.

Каэл знал, что перебивать их не стоит. Роланд и Амос были друзьями с детства, теперь они были старыми вдовцами, так что могли лишь ворчать друг на друга или на Каэла.

Когда Роланд заметил притихшего Каэла, он улыбнулся.

— Что получил? — спросил он, его голос был грубым, как и ладони.

Каэл сунул в рот ложку похлебки и скривился от вкуса.

— Зайца и чернику.

Роланд рассмеялся.

— У меня перепел с кедровыми орехами. Амос?

— Не знаю. Лук и лосось, — ему не нравилась игра Роланда. Он давно потерял чувство вкуса, потому его настойки были гадкими.

— Лосось? — Роланд зачерпнул похлебку Амоса. Он нахмурился, пока жевал. — Это не лосось, а кабан, безумный старик!

Часть улова охотников высушили и спрятали на зиму, другую часть приготовили в котлах, не думая, как это будет на вкус вместе. Заяц с черникой был не худшим сочетанием.

— Как прошел день? — глаза Роланда блестели, как всегда, когда был шанс поговорить об охоте. Его пальцы стали уже слишком непослушными для стрельбы из лука, но в сердце он остался юным.

— Плохо. Ничего не принес, — сказал Каэл, глядя на стол. Это не была ложь, но из-за разочарования на лице Роланда ощущалось именно так.

— Ой, ладно. Порой лес вредничает, порой щедрый. Но лесная царица была жадной не со всеми. Марк и Лэмот принесли сумку дичи и оленя, — он улыбнулся и ткнул Амоса локтем, тот чуть не выронил ложку с едой. — Олень в такое время года. Представляешь?

— Я потрясен, — фыркнул Амос и продолжил есть.

Роланд скрестил руки на груди.

— Вот именно. Старейшины думают, что это хороший знак. Значит, зима будет не такой жестокой.

— Да? А мои суставы думают иначе. Будет холодно и противно, как и всегда в этих горах, запомни мои слова.

Роланд рассмеялся.

Пока они спорили, Каэл молчал. Он был благодарен шуму в Зале, ведь не было слышно, как зайцы воют с черникой в его желудке. Ужин подходил к концу, старейшины могли вот-вот встать, чтобы к ним можно было подойти. Этого момента он боялся.

— Ты в порядке? — вопрос Роланда вернул его в реальность. Он вытер холодный пот лица и кивнул.

Роланд посмотрел на него и пожал плечами.

— Ладно. Тебе нужно хорошо себя чувствовать сегодня, потому что у меня для тебя сюрприз, — он склонился и широко улыбнулся. — Я говорил, спорил со старейшинами неделями. Упертые до ужаса. Но я понял, как провести тебя.

— Куда?

Роланд удивленно посмотрел на него.

— К охотникам, конечно!

Каэл вздрогнул. Ему было плохо. План Роланда не сработает, потому что у него не было лука. Почему он не подождал еще день для охоты? Почему не дал оленю сбежать?

Все было ужасным совпадением, и слова Роланда едва влезали в его уши.

— ...знал, что ты обрадуешься... вовремя... теперь будешь с парнями... старейшины захотят обсудить это с людьми!

Когда он пришел в себя, было поздно. Роланд уже пожимал руки за столом охотников. У огня стоял Брокк. Он раскинул руки, и Зал притих.

— Люди Тиннарка, — сказал он, сев. — Старейшины готовы вас слушать. Кто-нибудь хочет поговорить?

К ужасу Каэла, первым выступил Роланд:

— Старейшины, люди Тиннарка. Зима почти наступила, — сказал он.

Некоторые рассмеялись. В горах зима или была или почти наступала. Некоторые шутили, что зима занимала три времени года, а четвертое делили себе весна, лето и осень.

Роланд улыбнулся, смех утих, и он продолжил:

— Я слишком стар, чтобы успевать за охотниками. Ловушки я ставить умею, но сил у меня все меньше. Если мы хотим пережить зиму, мне нужна юная замена. У меня есть на примете юноша, которого я обучал, — он раскинул руки. — Но он не убил оленя.

Приглушенные разговоры заполнили Зал. Никто не становился охотником без убийства оленя.

Брокк вскинул брови, добавив лбу морщин.

— А никто из охотников не может занять твое место?

Роланд покачал головой.

— Нет. Ловушки — игра, где нужны талант и умения. Мне не хватит зимы, чтобы

обучить другого. А Каэл уже знает дело, так что он — лучший вариант.

Его имя вызвало больше шепота. Он покраснел, сотни людей смотрели на него.

— Правда?

— Он?

— Этот неказистый?

— ...как зубочистка.

Брокк кашлянул, в Зале стало тихо.

— Не помню, чтобы Каэл приносил дичь. Уверен, что у него есть талант?

Он покраснел от смеха людей, но Роланд быстро защитил его.

— Лев убивает, но гиены пируют.

Брокк заерзал и смотрел на Роланда, а не на стол охотников, где Лэмот был с каменным лицом, а Марк отводил взгляд.

У старейшин были любимцы, без сомнений. И они приносили половину не своей добычи. Старейшины скорее поверили бы, что Марк и Лэмот обеспечивают деревню, а не полукровка. Роланд знал это.

После напряженной тишины Брокк сказал:

— Мы согласны с тобой. Мы примем Каэла в охотники, но если согласятся остальные охотники.

Он выдохнул с облегчением. Марк и Лэмот точно не пустят его. Они откажутся, он был в этом уверен. А потом он без стыда попросит другую работу. Никто не будет винить его за такое после отказа охотников.

Ему придется благодарить Роланда за это. Лучше он бы не придумал.

После пары минут жарких споров за столом охотников проигравшие надулись и скрестили руки на груди, и Марк встал и обратился к старейшинам:

— Никто не может ставить ловушки лучше Каэла, — сказал он. — Мы хотим полные котлы еды и зимой, охотники не могут найти лучшего человека для этой работы.

Волоски на шее Каэла встали дыбом. Он знал, что что-то грядет. Он видел ухмылку Марка на другом конце Зала, слышал темный триумф в его голосе. А потом его осенило.

Марк и Лэмот заметили пропажу его лука. Они знали, что ему придется идти к старейшинам и просить при всем Тиннарке работу. Они выждали.

«Нет», — в отчаянии подумал он. Он посмотрел на Марка, пытаюсь увидеть блеск милосердия в его глазах. Этого там не было. Его улыбка стала шире.

— Но охотник — не охотник, мужчина — не мужчина без лука, — сказал Марк, скалясь. — И если Каэл хочет присоединиться к охотникам, так тому и быть. Пусть только покажет нам лук.

Глава 3:

Путник

— Чего ты ждешь? Покажи свой лук, — прошипел Амос.

Каэл пару мгновений был не здесь. Он затерялся под гнетом взглядов всех в комнате, потерялся в мыслях, что точно были в их головах.

«Что он делает? Почему не двигается?» — читалось на их лицах.

Его разум опустел, ноги стали тяжелыми. Он медленно повернулся к Амосу. Когда он увидел лицо Каэла, его смятение сменилось недоверием. Он громко простонал.

— Где твой лук? — спросил Брокк. Его голос оживился. Он стоял, упершись в стол перед собой. Он смотрел, как краснеет лицо Каэла, и хмурился. — Где он? Говори, мальчик!

— Старейшины, — вмешался Марк, — я знаю, где он, — он кивнул Лэмоту, и тот вытащил сумку и открыл. Он оскалился Каэлу с опухшей губой, а потом вытащил лук.

Он подцепил пальцем тетиву, две половинки звякнули друг о друга. Лэмот помахал ими, чтобы увидели все в Зале. Прозвучали вскрики, Амос простонал и спрятал лицо в ладонях. Роланд в другом конце Зала выглядел так, словно его ударили в живот.

Брокк открыл рот, но подавил выражение лица, О из губ пропало, и он опустился на место.

— Что это значит?

Он спрашивал Марка, и тот с радостью доложил:

— Я рано утром ушел из деревни, чтобы выследить оленя, — сказал он, улыбаясь, но тон его посерьезнел. — По пути я столкнулся с Каэлом. Он сломал лук и пытался спрятать в кустах. Но я его забрал. Добрый народ Тиннарка заслужил знать правду. А Каэл ее рассказывать не собирался, — он покачал головой под звуки нового шепота. — Он соврал нам, хоть мне и больно это говорить.

Каэл вскочил с лавочки и выступил вперед. Он не врал, и он хотел, чтобы люди Тиннарка знали это. Он наполнил легкие первыми злыми словами, но тут прозвучал голос Роланда:

— Это правда, Каэл?

Он не улыбался. Его плечи были направлены вперед, он хмурился. Потрясение в глазах Роланда выбило из него ярость, и Каэл в ужасный миг понял, что в этот день умерла не только его мечта. Он подвел не только себя, но и Роланда.

И это осознание потушило весь запал.

— Да, — слово прозвучало громче, чем он хотел. Оно отразилось от древних сосновых балок крыши Зала и заполнило комнату шепотом. — Это правда. Мне жаль.

Он ушел. Хоть Брокк кричал ему вернуться к старейшинам, он не оглянулся. Они не могли причинить ему больше боли, чем взгляд Роланда.

У ворот висели два факела. Они служили маяком, если с вершины опускался туман, жители все еще могли найти путь к еде. Этой ночью они служили другой цели, уводили Каэла из Тиннарка как можно дальше. Он схватил факел и побежал.

Ночь была холодной тихой. С каждым вдохом его нос заполнял свежий запах дождя. Он понимал, что ему не стоит уходить далеко от деревни. Он мог замерзнуть на смерть за полчаса, если пойдет дождь. Часть его знала это, но другая часть вела ноги дальше. Вскоре он оказался посреди леса.

Ночь все удваивала. Факел покачивался от бега, деревья плясали со своими тенями. Ветер дул с ледяных вершин гор. Он пронзал кожу, листья шуршали, как кости. Одинокий волк завыл в стороне, зловещая песнь донеслась с ветром, по спине Каэла пробежал холодок.

Он все еще думал, что лучше быть съеденным, чем возвращаться в деревню. Он мог выжить в горах. Он знал, как построить шалаш и добыть еду.

Да, лучше остаться одному.

Сверху раздался громкий гул, он вскинул голову и увидел молнию. Один взгляд, секунда невнимательности, и горы получили свой шанс. Он не успел понять, а уже падал.

Он ударился коленями о камни и услышал, как рвутся штаны. Его факел вылетел из рук, и ему пришлось потянуться за ним, пока он не откатился. Проклиная камень, через который

он споткнулся, он повернулся, чтобы пнуть его, и застыл.

На дороге был не корень или камень. Он не должен был видеть это в лесу и в такое время ночи. Ему пришлось подойти, чтобы убедиться, но когда он озарил светом, то уже не мог отрицать: из кустов торчали человеческие ноги.

Сапоги были в земле, а штаны были такими грязными, что он не мог понять, какого они были цвета. Он пытался вспомнить, говорили ли охотники за ужином о пропавших. Точно нет. Значит, это был не местный, а путник.

Был... ноги не шевелились.

— Ау? — сказал Каэл и почувствовал себя глупо. Человек точно был мертв. — Вы в порядке?

Прошла долгая минута, путник не двигался, и он шагнул ближе. Каэл убрал ветки за плечо, придерживая их.

— Не бойтесь. Я просто...

Он чуть не выронил факел.

Он ожидал увидеть крупного мужчину с бородой и морщинами. Или дикаря с вершин, или кого-то, кто давно умер. Но увидел он не это.

Девушка. Девушка лежала перед ним на земле. Она выглядела юно, близко к его возрасту. Ее волосы были цвета воронова крыла, падали ниже ее плеч и на землю волнами. В волосах запутались листья и прутики, словно она на скорости летела по лесу. Он посмотрел на ее красные губы и прямую линию носа, а потом увидел рану размером с кулак на боку головы.

Кровь покрывала рану и волосы уже пару дней. Коричневые полосы покрывали ее лицо, дорожки капель крови, катящихся по бледным щекам, пока рана была свежей. Каэл знал, что она точно не может быть живой. Никто не мог выжить, потеряв столько крови.

Он видел много смертей, он давно понял, что этому не помешать. Но это было печально. Одежда девушки была грязной, но лицо — невероятно красивым. Почему она была в лесу? Куда направлялась?

Что-то в ее одежде настораживало. Он коснулся ткани ее узких брюк кончиком пальца. Это точно была не кожа. Напоминало железо, но не такое холодное, каким должно быть железо. Он стряхнул грязь и увидел, что ее одежда сделана из маленьких соединенных частичек, почти как кольчуга.

Почему девушка была в броне?

Его сердце ёкнуло, когда он оружие, пристегнутое к ее ноге. Изогнутый меч в черных ножнах. Он собрался схватиться за гладкую рукоять и вытащить меч из ножен...

Гром загрохотал над ним, спугнув его руку. Он хотел взглянуть на меч, но знал, что скоро пойдет дождь, и ему нужно было найти сухое место для ночлега. Он подумывал забрать меч себе, но Роланд всегда говорил, что украденное оружие мертвеца приносило неудачи. Ему только этого не хватало.

Он собрался уходить, но взглянул на девушку еще раз. Свет упал на ее шею, и ему показалось, что он кое-что увидел. Он замер на миг и пригляделся. И это произошло снова, в этот раз точно: под ее челюстью пульсировала вена.

Она была жива!

Он рухнул на колени и воткнул факел в огонь.

— Мисс? Вы меня слышите? — он прижал пальцы к ее шее и нащупал пульс. Он был слабым, едва стучал. Ей нужна была помощь Амоса, ему нужно было доставить ее в

больницу.

Он обвил ее руками свои плечи и подхватил ее ноги. О, горы, она была тяжелой. Он пытался нести ее, пока не стал задыхаться, но его сил не хватало, чтобы поднять ее с земли. Может, стоило сбегать в деревню и привести охотников на помощь...

Гром загрохотал, и полился дождь. Капли были скорее льдом, чем водой, и хлестали кожу. Они падали ливнем, занавес дождя развевался на ветру.

Он сорвал рубашку и растянул на ветках над ними. Он не успел спасти факел, тот погас и оставил их во тьме. Он знал, что рубашка защитит их всего на пару минут, а когда дождь начнет литься сквозь нее, они тут же замерзнут.

Он плотнее свел ветви над головой, попытался сделать крышу, связав их.

— Все будет хорошо, — сказал он девушке, пока работал. — Мы не замерзнем на смерть... наверное. Не буду врать, шанс есть.

Амос всегда лучше успокаивал людей. Каэл предпочитал честность.

Вода начала протекать сквозь их крышу, и он закрыл ее своим телом. Он обвил ее рукой и ногой, чтобы нависнуть над раной.

Через пару минут у него начали замерзать губы. Он пытался шевелить ими.

— Знаешь, я нормально не общался с девушками, особенно, с красивыми, как ты. Но этот раз не считается, да? Ты же не отвечаешь.

Снова гром, он вздрогнул.

— ...аэл!

Кто-то кричал его имя.

— Здесь! Я здесь! — завопил он, выталкивая слова сквозь стучащие зубы. Прошел долгий миг, никто не отвечал. Может, ему показалось.

— Каэл!

Теперь он точно услышал. Кто-то искал его. Он выбрался из укрытия и встал на середине тропы.

— Здесь! Я здесь! — сказал он так громко, как мог.

— Я его слышу! — завопил кто-то.

Он кричал, пока не охрип. Он махал руками и прыгал. Его голая грудь горела от холода, он не чувствовал нос. Когда он подумал, что превратится в ледяную статую, на дороге показался фонарь.

— Нашел! — капюшон закрывал встревоженное лицо, но Каэл узнал походку Роланда, его хромоту. — Чем ты думал? Мы знаем, что Марк горазд сочинять, почему ты не защищался?

Свет не успел коснуться его, Каэл быстро скрестил руки на груди. Он заставил себя смотреть в глаза Роланда.

— Потому что он был прав. Я сломал лук и пытался скрыть это.

Улыбка Роланда была доброй даже в зловещем свете лампы.

— Не могу сказать, что не поступил бы так на твоём месте. Хорошо, что старейшины согласились встретиться с тобой завтра. Не переживай, — он схватил Каэла за плечо, — мы что-нибудь придумаем.

Он взял плащ, что протянул Роланд, и тут же бросил на ветки.

— Там раненая девушка, — сказал он в ответ на вопрос на лице Роланда. — Нужно отнести ее в больницу.

— Девушка? Уверен, что это не проделки холода? — он сунул лампу в укрытие, его рот

раскрылся. — Точно, девушка. Амос! Скорее двигай старыми ногами, тут раненая женщина!

Теперь уже потрясен был Каэл. Что Амос забыл тут в такую бурю? Это же опасно.

Амос вскоре появился на дороге с группой охотников.

— Что ты сказал? Каэл ранен?

— Нет, Каэл в порядке...

— Нет! — проревел Амос, увидев их. — Чем ты думаешь, бегая в бурю без рубашки? Ты не древесный дух...

— Да и вы не юны, — парировал Каэл. — Зачем вы побежали в лес посреди бури?

Роланд встал между ними.

— Хватит думать, надо действовать, — он кивнул Амосу. — В кустах девушка, она сильно ранена.

Амос прошел мимо них и поднял лампу. Он побелел, увидев ее, и Каэл понял, что ее рана серьезнее, чем он подумал.

— Что нам делать? — сказал Роланд, но Амос не ответил. — Амос?

Он оторвал взгляд от девушки.

— А? Что?

— Я спрашивал, что нам делать?

Он посмотрел сквозь дождь на охотников.

— Мне нужны носилки, и скорее. И если у вас есть еще плащ, дайте Каэлу.

Кто-то бросил ему плащ, и Каэл накинул его на плечи, надел капюшон. Он убедился, что складки плаща закрывают грудь.

Они осторожно уложили девушку на самодельные носилки и пошли по горе. Дождь делал камни скользкими, еще и было холодно. Пока охотники шли с носилками, Каэл и Амос двигались с ними, натянув плащ над девушкой, как крышу. Роланд вел их с лампой в руке.

Они шли медленно, но все же вернулись в больницу. Этой ночью кровати были пустыми, значит, они могли работать спокойно.

— Разожги огонь, — сказал Амос.

Каэлу не нужно было повторять, он был удивлен, что у него остались зубы после того, как они стучали. Огонь загорелся, Амос прогнал любопытных охотников.

— Я расскажу вам, как она, утром, — сказал он, прогнав и Роланда.

— Логично. Каэл, — он поднял голову, Роланд надел капюшон с серьезным лицом, — не убегай больше. Буря пройдет, после нее трава зеленее, — его улыбка была убедительной, он ушел в бушующую ночь.

Амос приступил к работе.

— Нужна миска с водой.

Пока Каэл ходил за водой, Амос снял грязную одежду с девушки и накрыл шерстяным одеялом до подбородка. Он вручил Каэлу ее одежду и меч.

— Это отнеси в мою комнату. Я потом почищу.

— Что это за броня?

— Броня? Почему ты решил, что это броня? — резко сказал Амос. — Зачем девушке броня?

— Не знаю...

— И не надо. Посмотрим, будет ли ее сердце биться и после этой ночи.

Каэл бросил ее вещи на пол в комнате и опустил меч на стол Амоса. Он снял плащ,

вытащил рубашку пациента из груди только постиранных. Пока он надевал тунику через голову, у него возникло странное чувство. Он мог поклясться, что за ним следят.

Он развернулся, не зная, что хочет увидеть. В комнате, кроме вещей Амоса, была броня... и тот меч. Ему стало интересно, как выглядит лезвие. Он хотел вытащить его и поддержать. Он шагнул ближе.

— Миска теплой воды и чистая ткань! — рявкнул Амос из главной комнаты.

Каэл оторвал взгляд от меня и закрыл за собой дверь. Пока он работал, он старался прогнать странное ощущение. Он нагрел миску воды на огне, бросил туда немного трав. Сушеные листья медленно таяли, делая воду дымчато-голубой. Он налил в миску поменьше и оставил остальное на огне.

Амос обмакнул ткань в настой и протер рану девушки, хмурясь.

— На исцеление уйдет время. Она даже не пыталась остановить кровотечение.

Под грязью кожа вокруг ее раны была красной, воспаленной. На ней была корка с прядями волос и обломками из леса. Но вода с травами хорошо справлялась, после пары минут рана была чистой.

Амос отложил грязную ткань и почесал затылок. Он смотрел то на рану, то на разные углы комнаты. Каэл знал, что он думает, как затянуть рану.

— Мне принести иглу?

Амос покачал головой и посмотрел на дверь.

— Думаю, придется попробовать другое, — сказал он, и Каэл понял.

Амос положил ладони по обе стороны от раны девушки, Каэл встал так, чтобы никто из вошедших не увидел, что он делает, потому что тогда они будут убежать от страха.

Хоть Амос и не умел ловить души, он был не обычным целителем. Он был из вымирающей расы, древнего народа с необычными силами. Их звали шептунами.

В отличие от магов с их сложным языком чар, шептуну не требовались слова, только сила разума и сила рук. Обычному кузнецу требовались молот и жар огня, но умелый шептун мог гнуть железо в кулаке и ногтем точить лезвие меча. Многие солдаты всю жизнь тренировали навыки, но умелый шептун в бою не уставал, не мазал.

И если шептун много изучал исцеление, он мог залечить любую рану.

Амос надавил пальцами на края раны, и кожа девушки стала глиной, податливой и мягкой. Он работал осторожно и четко, запечатывал за края. Этот талант был невероятным, мог спасти множество жизней... если его позволили бы использовать.

Не так давно шептуны служили королю. Ребенка, рожденного шептуном, принимали без вопросов в дом знати, давали комнату в крепости короля на всю жизнь. Шептуны возвели непреодолимые стены крепости, хранили жизни королевей долгие годы. Они делали армию непобедимой.

А потом двадцать лет назад все изменило восстание.

Его назвали Шепчущей войной, все началось, когда Банагер, глупый и ленивый король, попытался превратить шептунов в своих рабов. Он решил, что они — собственность короны, его по праву, и к ним нужно относиться так же, как к камням на полу. Конечно, шептуны этому не обрадовались, они восстали.

Но то, что началось с недовольства, быстро переросло в нечто более опасное. Они побеждали, захватывали земли и моря, и шептуны вскоре поняли, какой силой обладают, они захотели большего. Вскоре они отправились в центр и попытались захватить трон.

После трех кровавых лет Королевство победило. Банагер погиб в бою, наследника он не

оставил, и его военачальник занял трон.

Звали его Креваном, он был злым. Вскоре после конца войны он вызвал всех шептунов в Средину. Он сказал, что хочет перемирия, восстановить Королевство с их помощью. Но это было ловушкой.

Никто точно не знал, что случилось в тот день, но Амос сказал, что ни один вошедший в крепость шептун оттуда не вышел.

Через неделю вышел указ: сила шептунов стала запрещенной. Все, кого ловили на этом, приговаривались к казни, а те, кто выдавал шептунов, получал награду в двести кусков золота. В потрепанном войной Королевстве этих денег хватало на три жизни, так что многие откликнулись на это.

Выжившие шептуны бежали в горы.

Хотя Амос давно жил в Тиннарке, он никому не рассказывал о своих силах.

— Эти люди суеверны, — всегда говорил он. — Что бы случилось, если бы я срастил кости? Они бы снесли мне голову и сожгли.

Молчание спасло ему жизнь.

Каэл смотрел, как Амос сращивает рану. Его пальцы двигались уверенно, пока он не дошел до середины, а потом он остановился.

— Ее череп треснул. Придется сначала исцелить это, а потом заканчивать с кожей, — нахмурился он. Он сунул указательный палец в ее рану. — Посмотрим. Думаю... ай!

Он выругался и отпрянул, тряся пальцами, словно сунул их в котел с кипятком. Каэл схватил миску с водой, но Амос покачал головой.

— Нет, ткань!

— Но она грязная...

— Плевать! Вытри!

Визг Амоса испугал его. Он схватил ткань одной рукой, запястье Амоса другой. Свежая красная кровь покрывала кончики его пальцев, и кровь была странной. Она кипела, от нее поднимался пар. Амос стонал, пока Каэл водил тканью по его руке. Его желудок сжался, когда он увидел, как покраснели пальцы Амоса. Кровь, впитавшаяся в ткань, тут же остыла и затвердела.

— Что случилось? — спросил Каэл.

Амос опустил руку в миску и недовольно кивнул на девушку.

— А на что это похоже? Она меня обожгла!

— Но как...?

— Не знаю, — рявкнул он, и Каэл встревожился сильнее, у Амоса редко не было ответа. Он подошел к девушке с миской и склонился над ее раной. — О, уже засохла. Я такого еще не видел... это магия. Да, она нарвалась на мага, и он проклял ее.

— Но как такое возможно? Я думал, что все маги в цепях.

Амос издал недовольный звук.

— Значит, она привлекла внимание короля. Другого варианта не вижу.

Сердце Каэла вздрогнуло от пришедшей мысли.

— Вы же не думаете, что она — шептун?

— Метки нет, — сказал Амос, и Каэл ощутил разочарование на месте надежды. — Нет, думаю, это чары, — он посмотрел на Каэла и удивленно вскинул седые брови.

Когда Каэл увидел, на что смотрит Амос, он резко выдохнул. Капля крови блестела на его руке, бурля. Он осторожно коснулся ее пальцем. Кровь была теплой, но не обжигала.

— Интересно, — выдохнул Амос. — Тебя она не ранит?

Каэл покачал головой. Он посмотрел на пальцы Амоса, там уже появились волдыри. Почему магия не ранила его?

— У нас будет время узнать это позже, — сказал Амос. Он поднял миску и встал у стола, где лежала девушка. Он выжидающе посмотрел на Каэла.

— Нет.

Его голос был твердым. Он ощутил, как в сердце понимается стена, как было всегда, когда Амос уговаривал его использовать дар. Исцеление было самой слабой из трех школ шепота. По мнению Каэла, Судьба одарила его достаточно, чтобы не рушить жизнь. Он поклялся игнорировать это. Он притворился нормальным.

— Если ты ей не поможешь, она умрет, — отметил Амос.

Черт возьми.

Каэл швырнул грязную тряпку в стену и подошел к девушке. Ее лицо было гладким во сне, грудь ритмично вздымалась и опадала. Почему-то это его успокоило.

В глубине ее раны он видел трещину на черепе. Алая линия не длиннее ногтя. Но он знал, что трещинка может убить, если ее не исцелить. Кровь могла затечь внутрь, и это убьет ее.

Он глубоко вдохнул и сунул палец в рану. Поверхность кости была теплой, влажной и твердой, это было знакомо. Он знал все текстуры, знал, как они должны соединяться. Он медленно провел пальцем по трещине, удерживая воспоминание.

Воспоминание детства. Он часами играл в прудах у деревни, строил королевство из глины. Материал был непостоянным, но у глины были свои преимущества: если стены замка рушились, он легко мог починить их.

Прижав палец к ее черепу, он закрыл глаза и подумал:

«Ты — глина».

Когда он открыл глаза, он уже не смотрел на смесь мышц, кожи и кости, это была глина. Кость ее черепа соединилась, запечаталась силой его мысли. Когда трещина пропала, он соединил слои кожи. Кровь задела его пальцы, пока он зажимал рану. Она была теплее обычной крови, но не обжигала его.

Когда он закрыл рану, остался только белый шрам. Он не думал, что девушка захочет шрам на голове, так что разгладил его большим пальцем.

— Отлично, — сказал Амос, когда он закончил.

Каэл не понимал, как сильно был сосредоточен. Голос Амоса доносился издалека. Он сел и прогнал туман из ушей, а потом нахмурился при виде довольного Амоса и сказал:

— Что теперь?

Его худые плечи поднялись и опустились.

— Теперь ждем и надеемся, что она проснется.

Глава 4:

Высшая пятерка

Вдали от гор стояла непокоренной великая крепость Средин.

Внешняя стена была из толстого камня, огромная пасть вырывалась из земли и поглощала землю вокруг нее, и все деревья с травой были принесены в жертву защите. Высокие башни вдоль стен напоминали острые зубы, их тяжелые тени падали на казармы

под ними.

Посередине была крепость. Она выглядывала из укрытия железных башен, множество окошек смотрели, не мигая, на все четыре стороны.

На вершине ее была другая цитадель, созданная выживать во время обстрела или осады. Она была вне досягаемости лучников, слишком прочной для катапульта и огражденная от чар. С этой высшей точки король Крewan наслаждался видом и своей властью.

Для него солдаты на полях казались муравьями, они выполняли его приказы. Страх — тяжесть в их взглядах и груз на их маленьких головах — делал их послушными. Да, пусть строят свои города, сражаются, умирают и истекают кровью ради него. А когда они станут слишком старыми, чтобы поднимать меч, он сокрушит их маленькие тела пальцами...

Стук в дверь вернул его в реальность. Он повернулся и увидел заглядывающего в крохотную щель слугу.

— Простите, Ваше величество, прибыли ваши гости.

Он дождался кивка короля и скрылся за дверью, закрыв ее. Посмотрев в окно, Крewan пошел в тронный зал, где ждали его гости.

В коридорах факелы висели через каждые три камня. Крewan приказал, чтобы они горели днем и ночью. Тени могли скрывать воров. Он не давал им места прятаться.

В конце коридора его покои охранял большой дракон из оникса. Он скалил зубы и угрожал изогнутыми когтями. Черный дракон был символом Средин со времен первого короля, метка власти, правителя всех зверей.

И все же Крewan не смотрел в каменные глаза. Он толкнул шип на хвосте дракона, один поддался. Он опустил и щелкнул. Часть стены слева от статуи с шумом отъехала, открывая скрытый проход во тьму. Он схватил факел со стены и пошел по спирали ступеней.

Скрытые проходы пересекали крепость, как паутина. Они тянулись за каждой дверью и под каждым коридором, и он держал это в секрете. Крewan шел во тьме без страха. Стены прохода были достаточно толстыми, чтобы его тяжелые шаги никто не слышал. Человек мог кричать тут часами, и его никто не услышал бы.

Это он знал точно.

В конце прохода была маленькая деревянная дверь. Он затушил факел и медленно открыл ее, стараясь не скрипнуть петлями. За дверью была задняя сторона гобелена. Он посмотрел в дыру в нем на свой трон.

В центре комнаты за длинным столом сидели пять человек. Избранники Кревана, Высшая пятерка.

Когда короля Банагера... убили, несколько аристократов пытались захватить трон, но Крewan перехитрил их. Он был сильным, да, он возвышался над всеми при дворе короля, но его гордостью была хитрость, а не сила. И теперь он правил Королевством так же, как командовал армией короля: беспощадно.

Не осталось клубка лордов и леди, правивших королевством. Были изгнаны бормочущие старики и завистливые юные аристократы. Шумные мнения были подавлены, как и дух демократии. Под правлением Кревана был только его голос. И когда он говорил, Королевство слушало.

Он захватил крепость и армию, но нужно было управлять еще пятью регионами. Для этого он назначил маленькую группу знати, выбрав их за особую жестокость.

Женский смех привлек его взгляд к камину за столом. Время не портило графиню Д'Мер, правительницу Великого леса. Она была прекрасной, как и семнадцать лет назад.

Когда графиня отбрасывала назад золотисто-каштановые волосы и строила голубые глазки, враги падали. Никто из мужчин не мог устоять перед ее чарами, пережить поцелуй ее кинжала.

Герцог Реджинальд из Высоких морей улыбался как жулик. Его короткие волосы завивались кудрями на голове. Он тянул конец бородки и прислонялся к стене, огонь мерцал на его улыбке. Хотя он изображал безразличие, его взгляд постоянно падал на шею графини, пока они говорили.

Барон Сахар из пустыни Белокоость был с темной кожей своего народа. Его шахты в песках приносили Срединам камни и драгоценные металлы. Много колец вспыхивало на пальцах Сахара, пока он разглядывал золотые кубки на столе. Если в них был брак, Сахар тут же нашел бы его.

Слева от него мужчину не интересовали кубки, его больше интересовало содержание. Граф Хьюберт пил кубок за кубком, его покрасневшие глаза жадно вглядывались в дно. Хотя его виноградники в тени Беспощадных гор производили лучшие вина в Королевстве, их вкусы Хьюберт давно знал.

Последним был лорд Гилдерик Ужасный из Бесконечных долин. Если бы кто-то натянул кожу на скелет и сверху добавил ворох прямых волос, то получилось бы нечто, похожее на Гилдерика. Но он был еще и коварный. Он прятался в темном углу, следил за комнатой глубоко посаженными глазами, другие притворялись, что не видели его.

Креван редко собирал их вместе, пока его казна и кладовые были полны, ему было все равно, что они делают. Но этот день был особенным. Сегодня один из них умрет.

Слуга вошел в тронный зал, и Креван увидел свой шанс. Пока они отвернулись, он выскочил из-за гобелена и подошел к ним.

— Приветствую, друзья!

Все вздрогнули и рухнули на колени.

— Ваше изящество, — пробормотали они хором.

Креван жестом попросил их встать.

— Хватит, не нужно преклоняться. А ты можешь уйти, — сказал он слуге, и тот послушно покинул комнату.

Он приказал пятерке сесть за стол и опустился в свое кресло во главе. Сахар убрал руки, когда Креван задрал ноги на поверхность стола.

Тишина. Немного тишины. Он заложил руки за голову и ждал, глядя на каждого по очереди.

Первым заговорил Реджинальд:

— Ваше величество, что вызвало такое редкое событие?

Реджинальд был отличным человеком. Он смог забрать себе все корабли в Высоком море, уклонившись от переговоров. Но Кревана не интересовал бизнес, это его и не должно было волновать.

— Человек с твоими связями должен знать причину.

Реджинальд моргнул.

— Милорд, если вас что-то беспокоит, Высокие моря в вашем распоряжении. Мы двинемся по вашему приказу.

Другие тоже поспешили кивнуть и пообещать верность. Он послушал их бормотание и поднял руку.

Тишина.

— Если подумать, кое-что меня беспокоит. Кое-что. Что же это может быть? — он отклонился на спинку кресла и состроил насмешливое лицо, подперев голову рукой. Жест был обычным, но для пятерки означал кое-что особое. Никто не смотрел, где стучал палец.

— Мы все пытались, Ваше изящество, и всех нас ранили, — сказала Д'Мер. Ее глаза были большими и серьезными. Графиня знала, что не стоит использовать чары на короле.

— Да, но Хьюберт потратил впустую больше шансов, чем было у всех нас, — сказал Реджинальд.

Хьюберт перестал пить и сказал:

— Понятия не имею, о чем вы.

— Не понимаешь? — Реджинальд пронзил Хьюберта взглядом. — Каждый раз, когда ты пытался вполсилы схватить ее, она улетала и вредила всем нам. Она потопила три моих корабля. Три! Ты хоть понимаешь, как дорого заменить корабль?

Хьюберт пожал плечами.

— Не понимаю, в чем моя вина...

— Когда она была в прошлый раз в Белокости, она сбросила сеть троллей в мой дворец, — сказал Сахар, глядя на кольца. — Глупые твари бегали по коридорам несколько дней, пока мы не поймали их. И я все еще пытаюсь проветрить свои шелковые подушки.

Хьюберт фыркнул.

— Тролли? Вряд ли...

— Почему твои виноградники не сгорели? — вмешалась графиня. — Почему горели мои леса, но она не тронула твои виноградники?

Хьюберт не отвечал. Он открывал и закрывал рот, как рыба. Неприятные звуки доносились из его горла, а остальные хмуро смотрели на него.

— Хорошо подмечено, графиня, — сказал Реджинальд. Его глаза блестели, он был готов убивать. — Да, я даже вижу взаимосвязь: каждый раз, когда Хьюберт плошает, она летит с гор и сжигает все у нас...

— И поля тоже, — добавил Гилдерик. Он мрачно смотрел на Хьюберта, а тот быстро отвел взгляд.

— Вот именно, — согласился Реджинальд. Он направил палец на Хьюберта. — Если бы я не знал, я бы решил, что у тебя с ней сделка.

— Я такого не делал! — завизжал он.

Реджинальд хмыкнул.

— Докажи.

Хьюберт облизнул пересохшие губы, его взгляд скользил по столу.

— Она... мертва, — сказал он.

Все сели прямее.

— Ты убил ее? — Сахар не скрывал недоверия в голосе.

— Да. Я начал, а горы закончат, — быстро добавил Хьюберт до вмешательства Реджинальда. — Мои воины нашли ее с раной на голове, которую людям не пережить. Я мог бы сунуть кулак в ту дыру. Но она сбежала в горы. Там есть лишь камни и деревья. Уверен, лес убил ее за пару часов.

Новость заставила остальных молчать. Графиня поджала полные губы. Реджинальд потянул за бородку. Пальцы Сахара, сверкая кольцами, стучали по столу. Гилдерик смотрел на него.

Через миг Хьюберт замялся. Он повернулся к Кревану.

— Надеюсь, Ваше величество, новость успокоила ваши тревоги.

Он убрал ноги со стола и начал больше напоминать короля. Отточенное выражение тревоги появилось на его лице.

— Друзья, мне больно слышать ваши споры. Разве мы не победили вместе всех шептунов?

Они кивнули.

— Разве мы не разделили награду и не привели Королевство к процветанию?

Они кивнули осторожнее.

— Тогда помните, что наши споры дают шанс врагу, — по его приказу в зал вошел слуга, неся на ладони поднос с шестью серебряными кубками. Креван сам угостил пятерку, налил им щедро лучшего вина. — Сегодня нужно праздновать, друзья. Граф Хьюберт сообщил о смерти самого ненавистного врага, — он поднял кубок. — И он будет вознагражден за это.

Хьюберт с ухмылкой посмотрел на остальных.

— За графа Беспощадных гор! — заявил Креван. Он почти поднес кубок к губам и замер, глядя, как Хьюберт опустошает кубок.

Остальные не двигались. Они знали, что не стоит пить то, что не пьет король.

Креван смотрел, как глаза Хьюберта становятся шире, он впился в горло.

— Хотя мне не нравится это признавать, ты почти все сделал. Она бы умерла одна, но там, куда она убежала, не только камни и деревья, — он повысил голос, заглушая кашель Хьюберта. — Оказалось, что там есть деревушка... и они нашли ее.

Пена появилась на губах Хьюберта, его глаза пустели с каждой секундой все больше. По приказу Кревана двое стражей вошли в комнату, чтобы унести его тело.

— Минутку, — он остановил стражей и забрал с шеи Хьюберта золотой медальон, это было сложно из-за его дрожащих подбородков. Он поднес медальон к угасающим глазам Хьюберта, чтобы он в последний раз увидел там вырезанного волка. — Я лишаю тебя власти.

А потом стражи унесли его тело из комнаты и закрыли за собой дверь, чуть не прижав его пухлые ноги. Страх оставшихся был таким сильным, что Креван учуял бы его на другом конце замка. Он слышал вопрос, занявший мысли четверых: «Напиток был отравлен у всех, или только у Хьюберта?».

Пусть подумают. Пусть посомневаются в доверии к себе.

— Хорошо избавиться от этого ленивца, — сказал Реджинальд и повернулся к Кревану. — Беспощадным горам нужна сильная рука. Если вы хотите, я могу взять эти земли себе.

Его предложение вызвало новый спор. Почему это Реджинальду дадут больше земель, чем остальным? Как он собирается покорить горы? Кто сказал, что он подходит для этого лучше всех?

Их возмущения заставили Кревана стиснуть зубы. Он ударил кулаком по столу, кубок упал на пол. Громкий звон заставил всех притихнуть.

— Если бы я хотел больше толстых и жадных торговцев в Королевстве, то так и сделал бы, — сказал Креван Реджинальду. — Но горы я вижу иначе. Намного... агрессивнее.

Словно по указу, дверь в тронный зал открылась. Мужчина в броне прошел к Кревану. Его спутанные волосы падали на плечи, волчий оскал было видно за неухоженной бородой. Он поклонился и сел в пустое кресло Хьюберта.

Креван улыбнулся, глядя на потрясенные лица остальных.

— Вы помните Титуса, моего военачальника.

Вопросов не было. Титус устроился в кресле, глядя на остальных глазами хищника, и они были напряжены от этого.

— Соглашусь, Реджинальд, горам нужна крепкая рука. Уверен, Титус научит жителей гор дисциплине, — сказал Крewan.

Титус забрал у него золотой медальон и надел на шею. Он улыбнулся четверке, купаясь в их презрительных взглядах, как лучах солнца.

Крewan встал, и пятерка последовала примеру.

— Думаю, вы будете стараться сильнее, чтобы поймать Драконшу, ведь вы видели, к чему ведет поражение, — он кивнул Титусу. — Ты найдешь ее в Тиннарке. Спеш и напомни горным крысам о короле.

Глава 5:

Сломавший лук

Встреча Каэла со старейшинами прошла плохо.

Он никогда не был в Зале, пока там не было людей. Пока он шел мимо бесконечных рядов пустых столов и стульев, он смотрел на царапины на жилете Роланда. Хотя он знал, что стулья были пустыми, он чувствовал на себе вес взглядов.

Может, тут были его предки, качали призрачными головами, стыдясь его.

Когда Роланд отошел в сторону, Каэл увидел старейшин за их столом. Они склонились, глядя на него и сцепляя ладони среди бород, Брокк даже попытался встать, но ему пришлось опереться о стол.

Лицо Каэла становилось все жарче с каждой секундой ожидания. Он смотрел на множество тонких морщин на лбу Брокка, стараясь не выдавать эмоции.

— Мы долго верили, что ты — самый обреченный из нас. Похоже, мы не ошиблись, — сказал Брокк, хотя он не выглядел расстроенным. Казалось, он радовался.

— Расскажите о судьбе мальчика, — прорычал Роланд.

Брокк ухмыльнулся.

— Повезло, что у тебя много защитников, — сказал он Каэлу. — Беглец их вряд ли заслуживает.

— Я не сбежал, — его кулаки дрожали, ему хотелось сбить ухмылку с лица Брокка. — Я не позволю называть меня трусом...

— Тише. Будь как лиса, — пробормотал Роланд.

Он хорошо говорил снаружи, но когда Брокк попросил повторить, он не смог. Это и не имело значения. Редкие понимали слова Роланда. Но Каэл знал его достаточно, чтобы понять, что он просит его о хитрости. Он должен знать, когда сражаться, а когда защищаться.

Потому Каэл, хоть и не хотел, извинился и закрыл рот.

Брокк был недоволен. Он поджал губы так сильно, что они почти исчезли среди морщин.

— За позор сломанного лука старейшины хотели изгнать тебя. Но из уважения к твоему деду мы согласились послабить наказание, — его кулак заканчивал каждое предложение, запечатывая их законом Тиннарка. — Ты будешь до конца своих дней целителем, работать в больнице. Тебе запрещено выходить в деревню, даже в Зал. Тебе будут приносить еду

трижды в день. Ты лишен всех привилегий жителя Тиннарка, тебе запрещено ходить, куда вздумается, и говорить без разрешения. Так решили старейшины.

Когда кулак опустился в последний раз, звук эхом разнесся по комнате. Каэл подумал, что лучше бы его изгнали.

— Это не честно! Это пытка! — завопил Роланд, потрясая кулаками.

Руки Брокка дрожали, когда он склонился к лицу Роланда.

— Так решили старейшины!

Другие тоже встали, скрипя суставами, и подхватили его слова:

— Так решили старейшины!

— Хотел бы я увидеть, как вы висите на своих бородах! — перекричал их Роланд. —

Жалкие старые летучие мыши, вот вы кто...

Каэл схватил его за руку.

— Хватит, это того не стоит.

— Тебе не позволено говорить! — завизжал Брокк.

— У него есть мое разрешение! — рявкнул Роланд.

Каэл сжал его руку, борясь со своим гневом, желая успокоить Роланда. Будет хуже, если старейшины накажут их обоих. Он это понял. Роланд притих, но сверлил их взглядом.

Когда воцарилась тишина, Каэл кивнул. И ушел.

Роланд хотел пойти за ним, но старейшины остановили его.

— У нас проблемы с припасами, — сказал Брокк. — Припасов не хватит на зиму. Этом утром твои люди принесли вполовину меньше, чем до этого, этого не хватит, чтобы наполнить котлы. У тебя есть ответ?

— Я не провидец, но, видимо, это связано с тем, что лучший создатель ловушек в Тиннарке теперь не может ходить в леса.

Неприятная тишина заставила Каэла поднять голову выше, пока он шел к двери, но он все равно чувствовал себя так, словно его приговорили к смерти.

Все онемело: от пяток до макушки. Он не чувствовал ветерок, пока шел по Залу, не чувствовал грубое дерево тяжелых дверей, открывая их. Когда он увидел Марка на дороге с чем-то в мясистой руке, он даже не замедлился.

— Прочь из нашей деревни, Луколом! — сказал он и бросил.

Буря ночи превратила землю в грязь. Следы на грязи были наполнены водой. Грязь была хорошим оружием.

Горсть грязи прилетела в его голову, шлепок оглушил его. Камешки порезали лицо. Земля оказалась во рту, он пошатнулся и попытался выплюнуть грязь, но еще одна горсть попала по его уху.

Он услышал голос Лэмота, заглушенный грязью:

— Прочь, Луколом!

Вскоре грязь облепила его со всех сторон. Он слышал злые вопли жителей, они ругали его и бросали:

— Полукровка!

— Луколом!

— Признак неудачи!

— Убирайся!

Грязь ранила хуже их слов, и хотя он чувствовал, как царапины наливаются кровью, он шел дальше. Он опустил голову, но не собирался радоваться их побегом, даже если из-за этого

мог потерять ухо или глаз.

Он не будет больше убегать.

Они перестали преследовать его в паре ярдов от больницы. Шум толпы привлек на порог Амоса, и, увидев его, жители тут же ушли.

— Свины, — крикнул он им. — Ох, я вам задам еще... что ты делаешь? Ты запачкаешь мне всю больницу!

— Я возьму пару вещей и больше не буду вам мешать, — сказал Каэл, пройдя мимо него. Он схватил с пола пустой мешок и начал наполнять бинтами и склянками с травами. Несколько пациентов повернули окровавленные головы, некоторые с любопытством смотрели на него подбитыми глазами, но он не обращал внимания.

Амос следовал за ним.

— И как это понимать?

— Я ухожу.

Каэлу не нужно было оглядываться, чтобы понять, что рот Амоса широко раскрыт.

— Но ты не можешь... Ты нужен мне здесь. Нужен ей.

Последнее он сказал тихо, чтобы не слышали остальные. Каэл поискал взглядом свой охотничий нож и увидел закрытую дверь кабинета Амоса. Они решили пока что держать раненую девушку там. Ее жар прошел, но она все еще спала. Весь Тиннарк собрался бы тут, поглазеть на нее, если бы она лежала на виду. Так что они решили держать ее под замком, пока она не проснется.

— А если я не смогу ее спасти? — продолжил Амос. — А если только ты можешь...

— Значит, все плохо. Я не хочу быть пленником до конца жизни. Ни для кого, — парировал Каэл и отчасти не врал.

Но голосок в голове тут же добавил:

«Если уйдешь, — сказал он, — она может умереть. Ты всегда говорил о смелости, так почему бы не совершить смелый поступок?».

Он не знал, как этот голосок смог сдержать поток гнева, который почти мог высушить грязь на его коже. Но голос сдавливал гнев, пока тот не стал таким маленьким, что влез бы в его карман. Он подумал об историях в «Атласе», о рыцарях и воинах, которым приходилось делать то, что не хотелось: сэр Гориган, Скарн, Сезеран Райт...

Все они жертвовали, чаще всего умирали. Если бы плохо было Брокку, Марку или Лэмоту, он бы тут же ушел из Тиннарка. Но это было другим. Это была девушка-путница, которая могла не заслуживать смерти.

— Помоги вернуть ее, — попросил Амос, глядя на борьбу эмоций на его лице. — Как только она исцелится, можешь уйти. Может, не придется даже ждать схода снега.

— Хорошо, — Каэл бросил мешок на ближайший стол и пошел очищать одежду от грязи. Хотя ему не хотелось оставаться, он не мог приговаривать к смерти невинную девушку.

«Но только до весны», — сказал он себе. Когда растает снег, он точно покинет Тиннарк.

*

Следующий месяц был пыткой. Старейшины не пускали Каэла в Зал, значит, ему должны были приносить еду. Когда он открыл дверь первым утром, то с удивлением увидел охотника с его завтраком.

Мужчина пытался скрыть смех за кашлем, так что Каэл осторожно зачерпнул ложкой еду. Рядом с малиной и мясом черепахи там было что-то черное. Черное, размером с

камешки, и когда он ткнул ложкой, один такой камешек развалился, подтвердив его худшие подозрения. Отходы оленя.

Он не позавтракал.

Марк принес обед, и таких «камешков» в бульоне было еще больше.

— Уверен, старейшины не против такой еды для тебя, — его сапоги хлюпали, когда он уходил.

Каэл не рассказал об этом Амосу. Он жевал травы, чтобы живот не урчал так громко, и пытался занять себя. Когда он приговорил себя к медленно смерти от голода, ужин ему принес Роланд.

— Надеюсь, ты знаешь, что причинил себе проблемы, вылив еду на Марка, — сказал он, отдав миску.

Каэлу было все равно, что там за рыба и бульон, он выпил все тут же.

— Не переживай, твой я взял из чистого котла.

Он подавился.

— Чистого котла?

— Ага, твой дед положил в остальные черный корень.

Еда чуть не полезла у него через нос. Порошок из черного корня помогал с желудком. Но если насыпать больше щепотки, человек проведет ночь, не разгибаясь. Зная Амоса, он насыпал куда больше щепотки.

— Он постарался, но он сказал, что все обвинят качество еды, — Роланд опустил мешок на пол и принялся рыться в нем. Когда он что-то нашел, он оглянулся через плечо, а потом вытащил.

— Вот.

В его руке был лук. Простой и короткий, потрепанный и сделанный из тиса.

— Роланд, я не могу...

— Конечно, можешь. То, чего старейшины не знают, не убьет их. А лучше пусть убьет, — он улыбнулся и протянул лук. — Бери. Это моего прадедушки, он брал его с собой в долины, когда его гнали люди короля. Я заменил тетиву и подправил, но дерево должно хорошо гнуться.

Каэл все-таки взял. Лук был крепким, хорошо лег в руку. На дереве были зарубки, похожие на ступеньки. Он улыбнулся, увидев их.

Предки Роланда были бандитами: дикарями, грабящими деревни Великого леса. Хотя он мало об этом говорил, Каэл узнал приметы из рисунков в «Атласе». Вырезанная полоска означала, что его прадед убил врага. Вырезанный X означал, что он забрал голову, как сувенир.

Было забавно думать, что такой человек, как Роланд, был родом из такой кровожадной семьи. И Каэл был удивлен тому, как хорошо был сделан лук. Он натянул тетиву, и она легко послушалась.

— Это лучше, чем ходить со сломанным, да? — Роланд смотрел на него и нахмурился. — Я хотел отдать его Тэду, но...

Но его убили.

Оба сына Роланда были охотниками. Тэд был старшим, Хэммон — младшим. Их убил один медведь, чудовище семи футов ростом с зубами размером с палец. Сердце Роланда разбилось, когда он обнаружил их обглоданные тела, но он не плакал. Вместо этого он больше трех лет выслеживал зверя в лесу, ждал идеального момента. А потом пронзил

сердце медведя стрелой.

Роланд позже сказал, что думал, что сил ему придал зверь внутри него. Он верил, что люди раньше знали леса так же хорошо, как животные, и немного дикого духа в каждом осталось. И пока медведь умирал, он увидел кровь и, не управляя собой, набросился на него.

Он выхватил кинжал и в ярости отрезал медведю голову, пока тот еще был жив. А потом гнев угас, и он рухнул, понял, что зверь растерзал его спину.

Амос исцелил его, спустя месяцы он снова смог ходить, но красно-белые полосы остались. Он показал Каэлу их один раз, потому что тот просил, и ему стало не по себе, ведь шрамов там было больше, чем кожи.

Голова медведя была насажена на кол во дворе Роланда. Хотя мех уже пропал, кость побелела, Роланд плевал на череп каждый раз, приходя домой. Он говорил, что мог плевать на него тысячу лет каждый день, но это не сравнивает счеты.

— Если Тэд не может его получить, то ты должен. У мужчины должно быть средство защиты, — Роланд вытащил колчан и отдал Каэлу. Там было так много стрел, что он не знал, как вытащить одну. — Ага, это твое, — сказал Роланд и улыбнулся. — Тем более, когда я так близок к...

— Не хочу думать об этом, — сказал Каэл. В сердце выросла стена от одной мысли об этом. — Вы не можете остаться с нами? Мы позаботимся о вас.

Роланд рассмеялся и шлепнул по коленам.

— Знаю, ты бы продержал меня живым дольше, чем я. Нет, я хочу смерти в лесу. Знаю, ты не согласен, но я этого хочу.

В ранние дни Тиннарка мужчины, которым возраст не позволял обеспечивать деревню, часто выбирали смерть, а не жизнь. Они брали лук и стрелы и уходили в лес, готовые принять любую смерть, уготованную им горами. Они звали это смертью в лесу.

Но это было давно. Теперь в Тиннарке был целитель, были полные котлы еды. Не было причины уходить умирать. Но Роланд отказывался слушать.

— Поищем, куда это спрятать, — быстро сказал он, взглянув на Каэла. — Здесь должна где-то быть выбившаяся половица.

Они нашли такую под кроватью и спрятали лук и колчан в яму под ней.

— Спасибо...

— Не стоит, — Роланд надел капюшон плаща и приготовился уходить. — Амос сказал, что ты уходишь весной, и я подумал, что тебе понадобится лук. Спокойной ночи.

*

Рано утром наступил День последних листьев, когда старейшины вышли наружу и сообщили, что все деревья в округе облетели. Днем воздух остался холодным, а тучи стали зловеще-серыми.

Роланд пришел поздно с ужином, его плащ заоченел, а борода была в инее.

— Плохо дело, парень, — сказал он, поставив еду на стол.

Он принес две миски: одну Каэлу, другую девушке, отказывающейся просыпаться. Миски были холодными, и он высыпал мутное содержимое в котел и поставил на огонь. Он был привязан к больнице, и Амос дал ему задание кормить девушку по вечерам, вливая ей ложной бульон в горло. Это было скучно, и у него заканчивалось терпение.

— Почему? — сказал он, помешивая содержимое котла.

— Я оставил утром подношение в привычном месте. Но, когда проверил, оно оставалось там, — глаза Роланда расширились. — Никто не попробовал и кусочка. Понимаешь, что это

плохой знак?

Еще одной причиной ненависти людей Тиннарка к Каэлу было то, что в год его рождения в лесу появился монстр. Он оставлял вокруг деревни скелеты оленей, обглоданные начисто, с целыми костями. Скелеты выглядели идеально.

Охотники решили, что чудовище пришло с вершины. Все знали, что на вершинах гор живут монстры, а живущие там люди часто стогнали их вниз. Старейшины хотели убить чудовище, пока оно не начало есть людей, но Роланд не думал, что оно хочет навредить им. И он убил оленя и оставил в миле от Тиннарка.

— Если это чудовище разумно, — сказал он, — оно поймет, что мы не хотим, чтобы оно охотилось на наших землях.

На следующее утро люди отправились проверять подношение и обнаружили его обглоданным тем же странным способом. После этого скелеты перестали появляться, и Роланд традиционно оставлял оленя для монстра каждый год в День последних листьев.

— Как думаете, что это значит? — спросил Каэл, борясь с комками мяса, пытающимися прилипнуть ко дну котла.

Роланд пожал плечами.

— Без понятия. Но это не к добру, это точно. Может, чудовище больше нам не верит.

— Может, оно вернулось на вершину.

— Может... — Роланд посмотрел на огонь, горящие угли отражались в его темных глазах. — Прошлой ночью, Каэл, мне приснился сон. Плохой сон.

— О чем?

— О волках, — сказал он едва слышно, — с железными зубами. Они рвали нас на куски, пожирали всю деревню.

Холодок пробежал по рукам Каэла. Некоторые сны Роланда были ничем, но некоторые сбывались. Каэл подозревал, что в его роду были провидцы.

— Может, это просто сон, — сказал он, желая убедить в первую очередь себя.

Улыбка Роланда не прогнала тревогу в глазах.

— Ага, наверное, — он напрягся. — Мне нужно вернуться в Зал. Пока я не ушел, у тебя нет запасного плаща? Амос говорит, снега не будет, но я знаю, что он близко. Я чувствую это суставами.

Каэл подавил улыбку и бросил ему плащ. Они всегда спорили насчет первого снега. Пока все в деревне заламывали в тревоге руки, Амос и Роланд спорили из-за этого.

Когда он ушел, Каэл еще несколько раз помешал содержимое и пошел проверить девушку. Они были одни в больнице этой ночью, что значило, что он мог болтать без проблем.

Они поставили ее кровать между стеной и краем стола Амоса. Если постараться, Каэл мог втиснуться в кресло у ее головы. Амос отметил, что жители низин не привыкли к холоду, так что, хоть ее кожа была теплой, ее укрыли горой одеял.

— Еда будет готова через пару минут, — сказал он, сев. Он знал, что она его не слышит, но все равно было приятно говорить с кем-то своего возраста.

Ее лицо было гладким во сне, полные губы почти улыбались. Хотел бы он знать, что ей снилось. Какие сны у жителей низин? Наверное, хорошие. Вряд ли ей снились волки или рвущий ее на куски медведь. Вряд ли у нее вообще были кошмары.

— Хочешь послушать историю, пока мы ждем? — он вытащил «Атлас» из кармана и открыл на случайной странице. — «Неумирающий Скарн», одна из любимых...

Он читал долго, вскоре в комнату донесся запах горящего мяса. Выругавшись, он бросился спасать еду, но было поздно.

Три дюйма рагу подгорели на дне, он зачерпнул ложку того, что еще было жидким, и скривился от ужасного запаха. Может, если добавить немного воды и трав...

Его тело поняло раньше, чем он сам. Ложка застыла на пути к губам, зубы сомкнулись. Уши улавливали все мелкие звуки: свист ветра, шорох веток деревьев о крышу, стоны стен вокруг него. От шума его сердце колотилось быстрее, но другое ощущение чуть не заставило его остановиться.

Кто-то стоял за ним. Следил. Ждал.

И он был уверен, что этот кто-то хотел ему навредить.

Глава 6:

Поющий меч

Воздух покинул комнату, словно хищник вдохнул. Если бы тут был Роланд, он бы сказал слушать зверя в себе. А он шептал оставаться неподвижным.

Но разум знал, что сзади нет чудовища, желавшего растерзать его тело и вытащить кишки на пол, хоть тело считало иначе. Нет, он знал, что сзади мог быть Марк или даже Лэмот.

Пока все ужинали, они могли пробраться в больницу, чтобы проучить его. Они часто приходили, пользуясь шансом поиздеваться. Они ставили ему подножки и смеялись, когда он разбивал склянки с настоями. Но их смех утихал, когда он без слов убирал беспорядок, они мрачнели. Потом его били по ногам и тыкали локтями в ребра. Они хотели услышать, как он пыхтит и кричит от боли, как он ругается, чтобы малейший звук дал им повод отвести его к старейшинам и попросить изгнать. Ноги Каэла были в синяках и опухли, было больно дышать, но он не позволил себе даже стонать.

И теперь он за это заплатит.

Он боролся с инстинктами, просящими его застыть, и собрался бежать. Его ноги не успели согнуться в коленях, острый нож прижался к его горлу. Он впился в шею, но не задевал пока что вену под подбородком.

Вот и все. Его все-таки убьют. Он понимал, что старейшины не будут злиться на смерть Луколома. А страх перед Амосом померкнет по сравнению с ненавистью к Каэлу.

Он не будет стонать и кричать. Он расправил плечи. Он встретит смерть с честью...

— Где я?

Он не узнал голос у уха. Хотя он не был пронзительным, но точно был женским. Голос был низким, похожим на рычание. И он опешил.

— Где я? — повторил голос.

Он сглотнул, в горло неприятно вжался нож.

— Тиннарк.

Резкий выдох.

— Деревня среди гор?

— Да.

Его тело развернула сильная рука. Он моргнул, а потом увидел лицо девушки.

Он привык к спокойствию на ее лице, но не думал, что ее темные брови будут так низко опущены, а губы поджаты. Волосы, упавшие на ее лицо, отбрасывали тени, придавая ей

угрожающий вид. И хотя ее лицо удивляло его, глаза лишили дыхания.

Они были цвета весны, когда все в горах становилось зеленым. Они были дикими и опасными. И они пленили его.

Она посмотрела на его лицо и нахмурилась еще сильнее.

— Как тебя зовут? Быстро отвечай.

Казалось, она хотела отпустить его. Ему нужно было лишь ответить на вопрос, и она отпустит его. Она уйдет вместе со своим убийственным взглядом.

Он заставил губы шевелиться и выдавил:

— Каэл.

И тут его ноги покинули землю.

Его спина выгнулась, ребра затрещали, она толкнула его к стене. Она держала его там, прижимая к стене. Он размахивал руками и ногами, но нож прижался к шее в предупреждении.

Он застыл.

Она порвала на нем рубашку. Он ощутил грудью холодный воздух, пока трещала ткань и стучали пуговицы, падая на землю. Его телу вернулась сила.

С ревом он оттолкнул ее. Она отшатнулась, и он попытался пробежать мимо, но смог сделать лишь два шага, и она схватила его за воротник и прижала к стене. Рука с ножом обхватила его грудь, как железный прут, и он знал, что уже не сбежит.

В любой миг она увидит... а потом перережет ему горло, а голову отнесет в Средины для награды.

Время шло, а она не убивала его, и он приоткрыл глаза. Он смотрел, как она разглядывает его открытую из-за разорванной рубашки грудь. Он вздрогнул от прикосновения кончиков ее пальцев. Она провела по метке вверх и вниз, по красной приподнятой линии, тянувшейся от ключицы до живота.

Амос говорил ему прятать метку даже от Роланда. Его силы можно было объяснить, но отрицать метку не вышло бы. Увидев ее, любой понял бы, кто он.

Она схватила его за шею, и он приготовился к тому, что она сломает ее, но этого не было. Она осторожно повернула его голову к огню. Он отвел взгляд, пока странные глаза разглядывали его.

И тут же давление ножа пропало, она отпрянула на шаг. Она смотрела на него потрясенно, как и он на нее.

— Ты — это он, — выдохнула она едва слышно.

— Кто именно? — сказал он. Нож был далеко, и он собирался мстить.

— Каэл из Беспощадных гор.

— Да. А разве я не назвал имя?

— Каэл Райт.

Он рассмеялся. Нервы, то, что его чуть не прикончили, ее смешные слова вызвали его хохот.

— Не тот Каэл. Я не Райт.

Она нахмурилась. Она скрестила руки, нож опасно блестел у ее локтя.

— Не говори, что я ошибаюсь. Ты ничего не знаешь.

— Знаю, я же живу под своим именем, — парировал он. — Да, я шептун. Но я лишь целитель. Не переживай, я все равно стою золото.

— Я не собираюсь тебя выдавать. Поверить не могу, что ты все это время был у меня

под носом, — она посмотрела на огонь, словно что-то придумала, а потом взглянула на него. — Ты хоть знаешь, как долго я тебя искала?

— Меня? — он вспомнил о подгорающей еде, убрал котел с огня и поставил на пол остывать. — Тогда ты зря потратила время. Я похож на Райта? — он встал и раскинул руки, чтобы она увидела, какой он худой, какая у него белая, почти прозрачная кожа. Он покраснел, когда ее взгляд скользнул по нему, но не шевелился.

Она задумчиво постукивала рукоятью ножа по подбородку.

— Если так подумать, то... да.

Или удар по голове что-то у нее переключил, или она издевалась. Он подозревал последнее.

Он не был Райтом, это было очевидно всем с первого взгляда. Райты были самыми сильными шептунами, одаренными всеми тремя видами силы. Они прекрасно творили, еще лучше лечили и были непобедимыми воинами. Последний Райт, Сезеран, выиграл в одиночку в Шепчущей войне. Он разбил утес голым кулаком, и его с мятежниками засыпало обломками. Эта жертва спасла Королевство.

И сравнивать Каэла с воином как Сезеран было... глупо.

— Ты...

— Прощу, — она вскинула руку. — Я не хочу спорить. Этим вы, горный народ, славитесь. Поговорим о другом, — она опустила взгляд и потянула ткань ночной рубашки. — Почему я в ужасном куске ткани?

Если бы он уже не сталкивался с ней, ее ворчание на одежду вызвало бы смех.

— Все пациенты-женщины носят такое.

— Да? — она отпустила ткань. — А ты не думал, что зимний ветер может проникнуть под такое платье? Я могу так же замерзнуть, как и ты.

Каэл не знал подробностей женского тела, но его щеки покраснели. Она уже не хмурилась, а почти улыбалась.

— Забудь. Просто скажи, куда вы дели мою броню.

Он указал на кабинет, и она ушла, подбрасывая нож и ловя его через каждые несколько шагов. Когда она пропала из виду, он попытался собраться с мыслями. Что он делал?

Желудок заурчал, напоминая.

Он смог разделить остатки рагу на две миски. Он не был уверен, что она будет это есть, но попытался придать приличный вид столу. Он оттер его и положил ложки, но стол все равно был словно готов для операции. Ну и ладно.

— Что-то горит?

Он хотел огрызнуться. Но, когда увидел ее, не смог выдать ни слова.

Амос неделю очищал ее броню от грязи. Каждый вечер он запирался в кабинете и работал допоздна. Он одолжил у кузнеца масло и ворчал из-за грязи. Но он постарался на славу.

Каждый дюйм ее одеяния был цвета самого темного часа ночи. Высокий воротник жилетки почти задевал подбородок, подол доставал до колен. Широкий пояс обвивал ее талию, очерчивая изящную фигуру. Ладони покрывали перчатки с выступами для смертоносных ударов. Выступы шли до локтей, где заканчивались опасными шипами.

Когда она повернулась к огню, он увидел за ее плечами капюшон. Она двигалась, и плотная ткань на ее руках и ногах поблескивала. Он был уверен, что броня была из соединенных кусочков металла, и они казались гладкими.

— Кто ты?

Она хмыкнула. Ее волосы были собраны в хвост, но несколько прядей падало на глаза, скрывая их тенью.

— Меня зовут Килэй.

Он ожидал, что она скажет, что она — агент графа или даже убийца. Но имя сделало ее менее угрожающей. Его взгляд опустился на сапоги в ее руках, из подошвы сзади торчали шпоры, а потом он заметил ее босые ноги.

— Тебе не холодно?

Килэй пожала плечами.

— Редко, — она опустила сапоги у огня и села за стол. — Как хорошо. Я давно нормально не ела, — она посмотрела на него.

— Что?

Она кивнула на стул напротив.

— Ты не сядешь?

Он скованно послушался, стараясь не смотреть ей в глаза. Когда она была в лохмотьях и прижимала нож к его горлу, он не думал толком о том, что она — девушка. Но теперь он прекрасно это понимал.

— Это твое, кстати, — она толкнула нож по столу.

Он схватился за пояс и понял, что охотничий кинжал пропал.

— Ты его украла.

— Если не хочешь этого, прячь в сапоге, — сказала она, пожав плечами.

Он сунул кинжал за пояс, переча ей.

Она закатила глаза и сунула ложку рагу в рот... и тут же выплюнула.

— Фу, что это такое?

— Если бы ты не напала, оно бы не сгорело.

— Я не про бульон, — она сунула ложку и отодвинула ее от себя подальше, словно там был яд. — Что это?

— Лук-порей.

— Что?

— Овощ такой.

Она уставилась на ложку.

— Я не ем корм добычи. Можешь забрать.

Он не успел остановить ее, она бросила лук в его миску.

— Это же было у тебя во рту!

— Что? Я его не жевала.

Он успел поймать лук раньше, чем он утонул, и бросил в огонь. Когда он отвернулся, на его месте появилось еще пять кусочков лука.

— Ты точно не леди, — проворчал он.

Он так привык говорить с ней, пока она спала, что вздрогнул, когда она рассмеялась.

— Конечно, я не леди. Иначе я бы сказала, что есть с окровавленного стола отвратительно.

Он понимал, что она права.

— Тогда кто ты?

— Разве не видно? — она развела руки. — Я рыцарь.

Эти слова были самыми смешными из услышанного за вечер.

— Нет. Женщин-рыцарей не бывает.

— Значит, есть, — сказала она и подняла ноги на стол. Она устроила миску на коленях и принялась есть, кривясь при каждом найденном луке-порее.

— Я никогда о таком не слышал. А я все читал о рыцарях.

— Да? — она вскинула брови. — Тогда ты знаешь, какие скрытные рыцари Средин, и даже их имена выдуманы, чтобы скрыть их.

Конечно, он знал. Только лучших солдат Королевства принимали в армию Средин, и только самые умелые становились рыцарями. Они были самыми опасными воинами во всем Королевстве, но даже король не знал, сколько их, что именно они делали. Но по слухам они ходили по королевству и исполняли самые ужасные приказы короля в тени.

Он понимал, что женщина могла быть рыцарем. Но в армию Средин принимали не просто так. И если Килэй говорила правду, значит, она убивала.

Он уже не хотел есть.

— Кого ты убила?

— Многих людей, — сказала она с набитым ртом.

— Ты понимаешь, о чем я.

Она уловила серьезность его голоса, потому что опустила миску и склонилась к нему.

— Друга или родственника?

Он кивнул.

— Никого, потому что у меня их нет.

— Не верю. У всех есть хоть кто-то.

— А у меня нет, — она отклонилась на спинку стула и скрестила руки. — Болваны короля убили мою семью, и я осталась одна.

Он видел по морщинам вокруг ее глаз, что она не врет.

— Но зачем тогда ты служишь королю, если он убил твою семью?

— Уже не служу. Я — изгой, рыцарь-отступник.

— А ты не собиралась отомстить?

Она фыркнула.

— Если я отомщу кровью за кровь, начнется бойня. Нет, я хочу перемен. Я хочу увидеть, как падет Креван, как Пятерку свергнут с тронов.

Он фыркнул.

— А я бы хотел, чтобы еда не кончалась.

— Я не шучу, — она нахмурилась. — Это возможно. Мне нужно лишь...

Дверь распахнулась, и прибыл ругающийся Амос.

— Снег идет! — заявил он, стряхивая снежинки с плеч. — Нужно было послушать Роланда за ужином. А я же говорил, что будет снег. Мои суставы не врут! Ха, только он и рад в деревне. И ты, видимо, — Амос кивнул на Каэла, не глядя. — Для остальных снег значит, что нет еды и нечего делать.

— Почему Каэла радуется снег? — спросила Килэй.

Амос фыркнул и сказал, не оборачиваясь:

— Потому что это его день рождения! Я думал, все в Тиннарке это знают.

Она отклонилась на стуле.

— Ах, да, горный народ погодой определяет дни рождения. Я забыла об этом.

И тут Амос понял. Он развернулся с раскрытым ртом.

— Ты проснулась.

Она нахмурилась.

— Проснулась? А я спала?

Он кивнул.

— Больше месяца. После того, как Каэл нашел тебя в лесу, — он взял инструмент и пошел к ней. — Посмотрим, как все зажило.

Она отбила его руку.

— Погодите. Почему я была в лесу?

Амос нахмурился.

— Ты не помнишь? Не странно для человека с травмой головы. Я расскажу, что мы знаем...

Она смотрела на огонь, пока он рассказывал все, и хмурилась. Чем больше он говорил, тем больше тревоги было на ее лице. Сначала Амос хотел пропустить часть об исцелении, но Каэл сказал, что она уже знает их секрет. Он вскинул брови, но ничего не сказал.

Когда он закончил, Килэй склонилась, прижав ладонь к лицу.

— Да, теперь вспоминаю, — пробормотала она. Через миг она села прямо. — Это все усложняет.

— Как это? — спросил Амос.

Она посмотрела на Каэла.

— Ты спас мне жизнь.

— Нет, — только это он мог сказать, чтобы не краснеть. — Многие помогли. Я лишь закрыл рану.

— Иначе она умерла бы, — заявил бодро Амос. — Кстати... почему твоя кровь обжигает сильнее жара печи? — он протянул перевязанные пальцы. — Ты проклята?

Она криво улыбнулась.

— Можно и так сказать.

— Ты помнишь, как поранилась? — спросил Каэл.

— О, это просто... недопонимание, — сказала она, отмахнувшись. — Но важнее то, что ты спас мне жизнь. По закону моего народа я перед тобой в долгу.

— Ммм, а кто твой народ? — перебил Амос.

— Воины из Великого леса.

Ответ был кратким, но Каэл не успел спросить подробности, вмешался Амос.

— Ясно. Значит, ты в долгу перед моим внуком? Что за долг?

— Долг жизни. Я должна сражаться с ним, пока не спасу его жизнь в ответ. Значит, придется пока забыть о своей миссии.

Каэл не искал себе спутника. Впереди была долгая дорога, и он сомневался, что Килэй выживет в горах.

— Спасибо, но мне помощь не нужна, — сказал он с недовольным видом.

— Боюсь, у тебя нет выбора. Мой меч — твой, — ее рука дернулась невольно к ножнам на бедре, и она поняла, что их там нет. — А куда он убежал?

— Он? — сказал Амос.

— Да, он. Корабли и мечи в Королевстве получают женские имена, и я подумала, что пора мечу стать им. Его зовут Предвестник, если... — она вскочила и застыла. — Предвестник? — она склонила голову, как лиса, слушающая шорох зайца под снегом. А потом она развернулась и побежала к кабинету. — Я иду, Предвестник!

— Ох, эти пациенты с травмой головы, — пробормотал Амос.

Когда они догнали ее, показалось, что в комнате прошла буря. Книги Амоса валялись повсюду, чистые и грязные вещи смешались в кучи. Кровать лежала на боку, а стол — вверх ножками, одна из них была с трещиной.

— Не половицы! — сказал Амос, но было поздно.

Килэй опустила пятку на одну из планок, и та с треском сломалась. Она вырвала ее и еще несколько, отбросив прочь. Когда дыра стала большой, она потянулась внутрь. Ее рука пропала по локоть, а потом она издала победный вопль.

— Нашла! — радостно сказала она, вытаскивая изогнутый меч.

— Черт, девица! Если бы ты подождала минуту, я бы сам его тебе достал без таких разрушений, — сказал Амос. Он старался спрятать меч от чужих глаз, а теперь был разрушен весь его кабинет.

— Прости, я не знала, что вы его спрятали, — сказала она, прикрепляя ножны к поясу. — Он звал меня, и я не могла...

— Звал? Ты безумна? — перебил Каэл. Он знал, кто будет потом все убирать, и это точно не Амос.

— Нет, — сказала она твердо. — И я могу доказать.

Она выхватила меч и плавно взмахнула. Лезвие было прочным, белым, сияющим и изогнутым посередине, чтобы терзать плоть. Он никогда не видел такой меч, он представлял, как он сносит голову с плеч без усилий. Но это было не самое странное.

Меч гудел, прорезая воздух. Звук был зловещим, почти человеческим. Он словно слышал в зове радость и... голод. Почему-то захотелось бороться.

— Где ты его нашла? — сказал Каэл, не сводя взгляда с меча, а она взмахивала им.

— Скорее он нашел меня, — ухмыльнулась она.

Он сомневался раньше, но теперь видел, как она двигалась с мечом, и верил, что Килэй была воином.

— Ты кого-то убивала?

— Каэл, — резко сказал Амос, но она не обиделась.

— Я тебе уже говорила, что да.

— На что это похоже?

Она перестала взмахивать.

— Похоже? Не очень приятно, должна сказать, — она сунула Предвестника в ножны и посмотрела на Каэла. — Я встречала уже таких, как ты: мечтателей, читающих книги. Ты думаешь, что битва — это что-то чудесное.

— А разве нет? Это ведь прекрасно — защищать дом. И помогать тем, кому нужно, бороться за тех, кто не может себя защитить. Или такое не важно для изгоев?

Ее губы изогнулись в улыбке. Она начала что-то говорить, но покачала головой.

— Забудь. Я вижу огонь в твоих глазах, и я не буду его гасить. Так куда мы пойдём?

Амос встревожился.

— Вы уходите? Но пошел снег. Вы замерзнете до полуночи.

— Я не уйду, — он повернулся к Килэй. — И ты не идешь со мной.

Она открыла рот, чтобы возразить, но раздался громкий грохот. Напоминало гром, но от этого дрожал весь дом. Каэл схватил Амоса за хрупкие плечи, чтобы тот не упал, и Килэй расставила руки в стороны для равновесия.

— Что это такое? — пролепетал Амос, когда все прошло. Он оттолкнул Каэла и открыл дверь.

Снаружи полился свет, ярко-оранжевый свет. Злой свет. Крики и звон металла доносились среди снега. По рукам Каэла побежали мурашки, и они не были связаны с холодом.

— Что это?

После долгой паузы Амос сказал:

— На Тиннарк напали.

Глава 7:

Волки с железными зубами

Потрясение наполнило меня ватой. Он едва ощутил, как Килэй встала рядом с Амосом. Она выглянула в дверь, щурясь и глядя в ночь.

— Это люди графа, — сказала она через миг. — Небеса... они привели магов.

Дом содрогнулся, вспыхнула молния, раздались крики. Каэл пошел к двери, но Амос остановил его.

— У порога армия, не время играть в героя. Нужно уходить... сейчас.

— Нельзя дать им сжечь Тиннарк, нужно бороться! — он миновал Амоса, но не Килэй. Она оттолкнула его локтем и закрыла дверь.

— Тиннарк уже сгорел. Мы можем только убереечь тебя, — сказал Амос и открыл сундук у подножия одной из кроватей. Он надел на голову Каэла кожаную кепку, Килэй заставила его просунуть руки в рукава кожаного плаща и застегнула его. Амос бросил ей рюкзак, и она надела его себе на плечи.

Рюкзак выпирал по бокам, словно был уже загружен.

От взрывов содрогалась дверь, в этот раз было ближе. Каэл повернулся к Амосу.

— А другие жители? А Роланд? Кто спасет его?

Амос положил ладони на его плечи и посмотрел ему в глаза.

— Ты. Однажды ты всех спасешь. Но не сегодня.

— Что? Дед, ты не знаешь, что...

— Молчи и слушай, — рявкнул он и впился пальцами в кожу Каэла. — Иди за Килэй, слушайся ее.

— Я не хочу... — стоп. Он не помнил, чтобы Килэй представлялась Амосу. — Откуда ты знаешь ее имя?

Он побелел.

— Ты должен бежать. Пора.

Но он не хотел бежать. Он поклялся, что больше не убежит. Он попытался озвучить мысль, но она ускользала, как рыба. Уши заложило. Он вдруг забыл, как дышать.

Беги.

Он видел только морщинки вокруг глаз Амоса. Его ноги отрывались от земли. Он падал все глубже во тьму и не мог остановиться.

Беги.

Голос Амоса был всюду. Дом пропал. Тиннарк пропал. Даже горы пропали. Его голос, приказ, был единственным, что осталось, и Каэл схватился за него.

Беги!

Снег вылетал из-под его ног, он следовал за Килэй по туннелю пылающих улиц. Она была тенью с белым мечом, и тень становилась темнее от стен огня вокруг.

Его ноги двигались сами по себе, руки тоже. Туман заполнял его разум, каждую трещинку, подавляя его. Тьма простиралась кругом. Он мог лишь видеть обрывки ужаса вокруг.

Огонь пролетел по небу. Он попал по дому перед ними, сорвал крышу. Дымящиеся доски падали с неба, шипели вокруг него, погружаясь в снег. Тьма. Он видел, как Брокк прислоняется к боку Зала. Он смотрел пустыми глазами, как огонь пожирает крышу, рот застыл от потрясения. Тьма. Тени стояли у них на пути. Они поднимали мечи и ревели сквозь прорези в шлемах, бросаясь вперед. Тьма. Вспышка золота: голова волка пылала на тунике солдата. Она скалила клыки, словно рычала, когда он бросился в атаку. Килэй направилась к нему. Тьма. Кровь... всюду кровь. Она топила снег, текла из нарисованного глаза волка. Тьма. Снег таял, был темным и липким. Всюду лежали мужчины с волками. Каэлу приходилось перепрыгивать тела. Тьма.

А потом крик.

Кто-то кричал, знакомый звук пробил туман в ушах Каэла, прогнал онемение. Он снова ощущал мир, чувствовал, как колотилось сердце в груди. Его легкие пылали от холода, глаза слезились. Ноги все еще бежали, но теперь он боролся с силой. Его шея скользнула по плечу, он заставил себя повернуть голову. Он моргнул, прогоняя тьму, чтобы увидеть...

Роланд.

Он на земле неподалеку. Он полз, держась за руку, что висела плетью. Кровь текла меж его пальцев, его глаза пылали, глядя на мужчину, стоящего над ним.

— Давай, сделай это! — проревел он. — Давай, предатель. Убей меня ради своего драгоценного графа, а горы заберут тебя! — он плюнул кровью на сапоги солдата.

Время словно шло вспять, пока солдат поднимал меч. Нет, не так должен был умереть Роланд. Не этого он хотел. Он заслужил лучшего, чем гибель от рук предателя.

Ноги Каэла двигались, но он смог освободить руку. Его плечо затрещало, он потянул руку к единственному оружию: ножу на поясе. Он схватил его за лезвие и смотрел, как голова солдата отклоняется, его меч взмывает вверх, и под его шлемом стало видно тонкую полоску белой кожи.

И он бросил.

Меч начал падать, но не попал по Роланду. Он смотрел, как солдат отпрянул, схватился за горло и упал.

Тело Каэла дернулось, колени ударились о землю. А потом и голова. Боль. Ужасная огненная боль пронзила его череп. Она ослепила его. Он понимал, что случилось. Такое бывало пару раз до этого, но он хорошо помнил боль.

Он использовал слишком много сил, чтобы пробить то, что с ним сделал Амос, и теперь у него была шепчущая головная боль. Его тело вот-вот обмякнет, он уснет. Он лежал на снегу, парализованный, без сознания, и вскоре холод поглотит его или разорвут волки.

Это был конец. Он был в этом уверен.

*

Земля под ногами Титуса была еще горячей. Участки травы пылали красным вокруг него на лысом участке земли, что выделялся как дыра в море снега. Комок металла лежал в центре участка. Он пнул его.

Мечи.

— Она была здесь, — сказал он толпу солдат. Он указал на ближайшее скопление мужчин. — Общайте лес. Ищите признаки, куда она могла уйти. Вперед!

Они поспешили исполнять.

Он был близко. Он почти схватил ее. Он прошел к стражам, держащим выживших жителей. Впереди на снегу сидел на коленях старик. Его нашли лежащим в нескольких ярдах от участка земли, он держался за раненую руку. Его лицо было бледным от потери крови, а в глазах блестела боль.

Титус знал, что через пару часов он умрет.

— Как тебя зовут, подданный?

— Роланд, — пробормотал он опухшими губами.

— Скажи, Роланд, куда она ушла?

Его взгляд ожесточился.

— Не знаю, о ком вы.

Титус подавил желание дернуть Роланда за бороду.

— Говори, куда она ушла, и тебя вознаградят. Она опасна. Она угрожает миру в королевстве.

— Какому миру? — рявкнул Роланд. Он кивнул на горящую деревню. — Если это мир в королевстве... тогда я рад, что кто-то против него.

— Мы нашли еще нескольких, Ваше графство! — крикнул кто-то, спасая этим Роланда. — Поймали в лесу.

Солдаты вытащили двух мужчин. Они были юными, их и мужчинами было рано называть. Тот, что был со щетиной на подбородке, скулил и держался за окровавленную руку. У другого была длинная коса и шишка размером с яйцо на лбу.

В два шага Титус оказался рядом с ними. Он ударил ладонью бородатого.

— Где она? Где Драконша? — он открыл рот, и Титус снова его ударил. — Я пушу тебе кровь, червяк! Я развешу твои внутренности по деревьям, забуду тебя до смерти твоей же оторванной рукой. Я...

— Нет! Я все расскажу, — выдохнул бородатый, падая на колени.

Титус поднял голову мужчины за бороду и заставил смотреть в глаза.

— Скажи, где Драконша.

— Не знаю никого с таким именем, клянусь!

Титус видел по панике в его голосе, что он говорит правду. Он толкнул бородатого на землю и указал на другого.

— Ты. Видел ее?

Он покачал головой.

Титус подавил раздражение. Он знал, что шанс невелик, что эти люди, застрявшие на горе, вряд ли о ней слышали. Они даже не искали ее. Не повезло.

— Вы меня сильно разочаровали, — сказал он. — А это чувство я ненавижу больше всего. Я должен убить вас за это.

Бородатый заскулил, лежа на снегу, а другой отступил на шаг. Но Титус не собирался их убивать. Он потерял в горах много людей и хотел бы использовать местных, чтобы выйти отсюда живым.

По его сигналу солдаты поставили мужчин на колени. Взмах руки, и они бросили Роланда в снег между ними. Он дал трусам по мечу.

— Убивайте или будете убитыми, господа. Такова цена за попадание в мою армию. Убьете товарища, станете солдатом графа. Или можете быть смелым... и пытаться не кричать, когда мы будем разрезать вас и оставим воронам. Выбор есть, — Титус поднял

руку. — Начинайте.

Мужчина с косой вскочил.

— Не нужно, Лэмот, — сказал Роланд. — Знаю, это сложно, но будь храбрым. Поверь, так лучше.

Лэмот оскалился.

— Это ты так думаешь, старик. У меня своя судьба, — он повернулся к бородатому. — Вставай, Марк. У нас есть шанс жить, и я им воспользуюсь.

Марка уговаривать не требовалось. Солдаты ударили его плоской стороной клинков, и он встал.

— Вонзишь ему в грудь, — сказал Лэмот, прижимая меч к спине Роланда. — Убьем его вместе.

Марк стоял так, словно был посреди болота, словно малейшее движение утянет его на дно. Время шло, и Титус злился.

— Если не принимаете мое предложение, не вижу смысла ждать. Лучники!

Десяток стрел, направленных на него, помогли Марку решиться. Он прижал меч к Роланду с другой стороны и огромными глазами смотрел на Лэмота, начавшего отсчет:

— Раз...

— Я должен, Роланд. Простите, но иначе они убьют меня. Другого выбора нет, — умолял Марк.

— ...два...

Роланд вскинул голову.

— Выбор есть всегда. Может, не самый простой, но он есть всегда.

Марк отступил на шаг. Рука с мечом дрожала.

— ...три!

С криком они бросились вперед. Их мечи пронзили Роланда и его изорванную куртку. Лэмот тут же выхватил свой меч, но Марк отпустил свой, и Роланд упал.

Он умер без борьбы: тихий выдох, и тело замерло.

Марк упал на колени.

— Мне так жаль, — всхлипывал он.

— Не извиняйся за жизнь, мальчик. Ты выглядишь жалко, — сказал Титус и подчеркнул слова пинком, Марк отлетел лицом в снег. — У нас есть для них туники?

Солдат, ответственный за броню, ухмыльнулся.

— Простите, Ваше графство, но только одна.

— Ох, как жаль. Похоже, двоих мы взять все равно не сможем.

Лэмот зарычал.

— Но одна-то есть?

Титус сделал вид, что думает.

— Да, но вы не можете вдвоем ее надеть. В том-то и проблема.

Лэмот все понял первым.

Он бросился на Марка с мечом, бедняга едва успел уклониться, лезвие вспоролло воздух над его головой. Лэмот замахнулся снова, Марк отпрянул и споткнулся о бревно, скрытое в снегу. Он рухнул на локоть. Лэмот через секунду добрался до него.

Марк перекатился на бок, меч вонзился в бревно. Лэмот вырвал его с ревом, отшатнулся, когда меч высвободился. Он на миг потерял равновесие. Марк задел сапогом колено Лэмота, и тот отлетел на землю.

Он рухнул. Боль и потрясение проступили на его лице, меч пронзил его тело.

Титусу всегда нравились сражения. Когда король послал его воспитывать солдат, он направил друга на друга, родню против родни, только так можно было обеспечить верность короне. Он обещал победителю жизнь, а проигравшему смерть. Было забавно наблюдать, как человек спасал свою жизнь.

Но выживание было не простым.

Когда бой заканчивался, победитель смотрел на изломанное тело противника и терял часть себя. Он терял страх и сострадание. Каждую слабость из тела выгоняли кровью на руках. И когда доходило до сражения, он сражался. Он убивал без промедления, купался в крови. В королевстве не хватило бы эля, чтобы утопить его кошмары, но ему некуда было податься. Его народ считал его предателем.

Бой был единственной отрадой.

Лэмот умер, Титус смотрел на Марка. Морщины боли вокруг его рта станут глубже в маске ненависти. Долгие ночи впереди прогонят из него милосердие. Титус знал, что он видит рождение воина, и это было прекрасно.

— Нельзя бегать с мечом, направленным вверх, — сказал он, бросая тунику к ногам Марка. — Или закончишь как этот дурак, — он пнул тело Лэмота, схватил Марка за капюшон и толкнул. — Поздравляю, червяк, ты заслужил свое место в армии графа.

Пока солдаты разбивали лагерь, Титус ходил среди выживших жителей, выпытывал их умения. Талантливых он забирал себе, остальных... убивал.

Многие жители убежали, когда его армия напала, растаяли в лесу, как горные крысы, какими они и были. Остались лишь те, кто был слишком стар, чтобы бежать, или слишком глуп, чтобы спрятаться. Он хотел отдать приказ убить их всех, но старик привлек его внимание.

У него были спутанные седые волосы и пронзительные карие глаза. Может, дело было в его стиснутых зубах или в сосредоточенном взгляде. Но почему-то Титусу понравился его вид. Он приказал мужчине встать.

— Как тебя зовут?

— Амос, — казал он.

В его голосе не было страха. Титус едва смог прогнать ухмылку с лица.

— Умения?

— Я целитель.

Он не ошибся, судьба улыбнулась Титусу. Он потерял целителя при оползне, пока они поднимались, он знал, что без целителя потеряет от ран много солдат. Но он сохранял лицо строгим.

— Целитель, да? Предлагаю поработать. Покажи мне, что ты достоин еды, и я дам тебе жить.

Слабо поклонившись, Амос остался ухаживать за ранеными.

Титус провел большим пальцем по груди, показывая своим людям, что пора начинать резню. Крики пронзили воздух ночи, и он повысил голос, чтобы его было слышно поверх просьб о пощаде:

— Отдыхайте, мои волки. С рассветом будет слава и свежая кровь!

Глава 8:

Долгий подъем

— Амос! Амос!

Огонь вырвался через трещины в стене, побежал по полу и проглотил их кровати. Угол крыши провалился, волна жара и углей полетела оттуда, обжигая щеки Каэла.

Он стоял на пороге, тянулся так далеко, как только мог. Он протягивал руки так, что пальцы болели. Он видел Амоса у камина.

— Амос! — сказал он снова. — Возьми меня за руку!

Но он не двигался. Искры сыпались с потолка с волнами жара. Каэл кричал так громко, как только мог, молил Амоса двигаться. Земля дрожала, крыша опустилась еще ниже. Раскаленная горящая балка чуть не задела макушку Амоса.

Хотя горло болело, он кричал изо всех сил... но Амос не мог его слышать. А потом крыша обвалилась, взметнув жар и пепел, и Каэл отлетел назад.

*

Он резко проснулся и ударился затылком об пол. Открыв глаза, Каэл увидел вокруг камень: из него были стены, потолок, даже пол, на котором он спал. Серый, неровный камень в черных следах от огня.

Огонь. Он ощутил запах дыма.

Холодная паника, оставшаяся после сна, стала сильнее, он вскочил на ноги. Голова ударилась о низкий потолок, от боли Каэл рухнул на колени.

— О, хорошо, что ты проснулся.

Он моргнул пару раз, пока смутный силуэт перед ним не превратился в Килэй. Она сидела, скрестив ноги, перед большой дырой в стене. За ней он видел снег и белые облака. Он понял, что они в какой-то пещере.

— Я приготовила завтрак, все, как ты любишь, — сказала она, кивнув на огонек рядом с собой.

Посреди огня висело то, что когда-то было ногой с мясом. Но теперь она так обгорела, что было сложно поверить, что хотя бы мухи захотят это есть.

— Я не голоден, — сказал он и не соврал. Проснувшись, он начал смутно вспоминать прошлую ночь, собирать обрывки. Он многое потерял во тьме сна, но остальное...

Он хватался за картинки, но они не давались. Он словно смотрел на них через грязное окно, видел движущиеся силуэты, улавливал отголоски их значений, но не мог понять всего.

После долгих попыток он увидел голову волка во тьме. Она была привязана к броне мужчины, и вдруг Каэл вспомнил, что на Тиннарк напали. Но кто?

И он вспомнил, что голова волка была символом графа Беспощадных гор.

— Почему сейчас? — сказал он скорее себе, чем кому-то. — Почему Хьюберт вдруг решил напасть на нас, если все это время не трогал?

— Потому что это был не Хьюберт, а Титус, — сказала Килэй. Она сняла мясо с огня бросила ветку наружу. Каэл услышал шипение, когда она попала в снег.

— Титус... но он же военачальник Средин, — сказал Каэл. — Откуда ты знаешь, что это он?

— Я его чую за версту. От него воняет смертью. А еще я видела его, когда возвращалась за своей обувью, — она указала на ноги. А потом склонилась и принялась что-то искать в рюкзаке.

Но Каэл еще думал над ее словами.

— Ты вернулась и забрала только обувь?

— Нет. Я нашла еще это, — она подняла лук, который ему отдал Роланд. Он даже не думал спросить у нее, как она его нашла. Он не был рад видеть этот лук. И он выбил оружие из ее руки.

— Почему ты не спасла Амоса? Ты вернулась за обувью и дурацким куском дерева, но не подумала про моего деда?

— Я не смогла его спасти, — рявкнула она. — Ты отключился. И пока я тащила твое тело в укрытие, Титус всех забрал.

— Кого?

— Жителей!

Ему стало не по себе. На миг он обрадовался, Роланд всегда говорил, что сон о смерти важного человека означал, что он еще жив. Но надолго ли? Он знал, что сделает с пленниками Титус.

— А были...?

— Не знаю, — гнев пропал из ее голоса, но ее взгляд остался тяжелым. — Я не могла оставаться. Лес кишел солдатами, а мне нужно было вернуться к тебе.

— Зачем?

— Ты для меня важнее. Мы связаны.

— Уже нет, — он схватил лук и порылся в рюкзаке, где нашел колчан. Его ладонь задела что-то знакомое, и он вытащил «Атлас путешественника». Он не знал, как книга попала в рюкзак, но он все равно сунул ее в карман. Каэл не нашел свой охотничий кинжал. Его не было в сумке, не было за поясом. Куда он делся? — Если ты рассказала правду и оттащила меня в укрытие, тогда твой долг отплачен. Мы можем идти разными путями.

Она встала одновременно с ним, перекрыв проход.

— Не так быстро. Нет никаких гарантий, что без меня ты не умрешь.

— Да? — он шагнул в сторону, но Килэй двигалась вдвое быстрее.

— Да. Сам подумай: огонь деревни согревал и отпугивал волков.

— Разве люди графа не опаснее? Они не сделают из меня подушечку с иголками, увидев?

— Вряд ли. Они могут отнестись к тебе не так серьезно, — ухмыльнулась она. — Нет, мне мало спасти тебя от почти верной смерти. Когда я спасу тебя от верной смерти, тогда долг будет отплачен. А до этого придется терпеть меня.

Он не мог понять ее, не мог бороться с ней, хотя подумывал ударить ее по голове и оглушить, но не мог заставить себя сделать это. Он не мог так просто от нее отвязаться.

— Хорошо. Оставайся, но веди себя тихо.

— Ладно. Куда пойдём?

— А ты как думаешь? К этому графу... или Титусу, или как там его...

— Граф Титус, видимо, так его повысили, — сказала она, закинув рюкзак за плечи.

— Кем бы он ни был, он не мог уйти далеко от нас. Я был в отключке всего день, да? И мы вдвоем будем идти быстрее армии. Как только мы найдем их след, мы догоним их менее, чем за неделю.

Она начала отвечать, но Каэл ее не слушал. Он вышел из пещеры и поискал, куда можно забраться, чтобы понять, где он. Неподалеку толком ничего не было, но Каэл нашел большой булыжник на холме над пещерой. Он забрался туда и огляделся.

В нескольких ярдах отсюда заканчивался снег идеальной линией, а за ним начиналась коричневая трава, спускающаяся по склону в густой хвойный лес. А за ним... нет, не может

быть.

Он спустился по булыжнику на другой выступ, чтобы увидеть, что лежит дальше. Ему не нужно было открывать «Атлас», чтобы узнать Поляну.

В море зелени выделялись точками деревья, виднелись извивающиеся ручейки. Высокая трава колыхалась волнами от ветра, что спускался с гор вокруг Поляны. Вдали стояли тихие домики через большие промежутки, сонный дымок поднимался из труб. Отсюда ему казалось, что он видит серые вершины западных гор.

Они были не рядом с Тиннарком или графом Титусом. Как-то они оказались у подножия.

— Красиво, да? — сказала Килэй. Она стояла на входе в пещеру и смотрела на него. — Не то, что ваши Бесплезные горы.

— Беспощадные горы, — исправил он. — Почему мы внизу? Как долго я спал?

— Ночь и половину дня. Неплохо.

Неплохо? У них не было лишнего времени! Он схватился за волосы и подавил желание закричать на нее.

— Как мы умудрились за такое время добраться до подножия гор?

— Не могу сказать. Я — бывший рыцарь, я клялась защищать свои секреты.

Он за десять секунд добрался до нее.

— Верни меня, — сказал он как можно опаснее.

Она посмотрела ему в глаза.

— Нет. Если я тебя верну, тебя убьют...

— Нет, потому что я, в отличие от тебя, умею выживать в горах. Я бы не разбил голову о камень и ждал спасения...

— О, это был не камень.

— А что тогда?

Она закрыла рот, ее лицо порозовело.

— Не важно. Сейчас важно, что ты должен жить.

— Зачем? — возмутился он. — Зачем я тебе живым? И почему Амос думал, что я способен сделать что-то важное?

— Я тебе уже говорила.

Он задумался на миг.

— Ты все еще думаешь, что я — Райт, да? — понял он. — Это смешно. Я уже говорил, что я не...

— Я не хочу спорить об этом, — она вскинула руки. — Скажи, что будешь делать, Каэл Не-Райт. Куда мы идем?

За ним была лишь стена из прочного камня, опасный склон уходил в облака. До Тиннарка в хорошую погоду путь занял бы недели, а сейчас тучи окружали горы и напоминали неподвижное железо. Они нашли себе место на зиму и не собирались уходить, пока их не растопит солнце.

А это будет только весной.

Снег скроет следы армии. Они будут находить лагеря, которые бросили месяцы, а не дни назад. Следов не найти. А Роланд всегда говорил, что даже лучшей ищейке нужны следы.

Его сердце сжалось от мысли о Роланде, он надеялся, что тот в порядке.

— В сумке есть еда?

Килэй покачала головой.

— Нет. Но там есть пара потертых перчаток. Можно пожевать, если совсем будет плохо.

Он нахмурился.

— В домах у подножия можно будет поменяться... Если нам есть чем?

Она вытащила потрепанный кошелек. Немного медных и серебряных монет лежало на дне, но он не знал, что это значит.

— Ладно, за это отвечать будешь ты, — сказал он, вернув ей кошелек. — Идем. Если поспешим, дойдем до дна к ночи...

— А потом?

— Как я и сказал, поищем еду.

— Нет, после этого. Куда мы пойдем, наполнив сумки?

— В горы за дедом, — он не знал, была ли она такой глупой до удара по голове. Он дошел до деревьев, когда понял, что она не идет за ним. — Что? — возмутился он.

— Можно озвучить предложение?

— Нет.

— Но мне кажется, что ты выбрал безуспешное задание.

— О? И как ты это поняла? — сказал он, не стараясь скрывать раздражение в голосе.

Она пошла к нему, сцепив руки за спиной.

— Допустим, мы придем в Тиннарк. Допустим, не замерзнем, не упадем и не погибнем по пути. И если мы вдруг найдем Титуса... что тогда? Как ты его победишь?

Она думала, что он прятал в штанах подробный план?

— Не знаю. Решу на месте.

Она фыркнула.

— Один ты там не решишь. Поверь, я видела Титуса в бою. Креван не зря сделал его военачальником. Нет, — она посмотрела вдаль, — нам нужна помощь... друзья, умеющие сражаться.

— У меня нет друзей. Тем более, таких.

— У тебя есть я, — напомнила она ему. — А я знаю некоторых людей, достаточно безумных, чтобы помочь нам. Но их нужно найти.

— Далеко они?

Она глубоко вдохнула.

— У Высоких морей.

Теперь он качал головой. К морям быстрее всего было идти через Поляну, но он знал по историям из «Атласа», что это место опаснее, чем выглядит.

В этом углу королевства жили бандиты, они нападали на несведущих путников и быстро убегали в укрытия в горах. Воры свободно забирали кошельки, платили при этом городским стражам, чтобы уцелеть. Такой беспорядок привлекал патрули из Средин, и они прибывали, чтобы все восстановить. Но потом солдаты напивались слишком сильно крепкого горного вина и в пьяном угаре резали всех во имя короля.

А это было до прихода к власти графа Хьюберта. Каэл представлял, что стало только хуже.

— Это не так далеко, — сказала Килэй, увидев его лицо. — Мы будем идти днем и ночью, будем спать вдали от дороги. Мы дойдем до морей через пару дней, если будем осторожны.

Он знал, что выбора нет. Килэй была права. Он лучше умер бы, чем признал бы это, но

вдвоем у них не было шанса против армии Титуса. Им нужны были люди. Даже Амос закатил бы глаза и сказал: «Ты не можешь сразу прыгнуть на вершину дерева, мальчик. На него нужно забраться!».

И забираться будет долго.

— А мы не можем добраться через Поляну той же силой, что спустились с горы?

Она поджала губы.

— Чтобы заметило все королевство? Нет уж. Слушай, у нас есть шанс пройти. Главное, чтобы нас не заметили. Поляна не такая пустая, как горы, король плохо доверял Хьюберту. В этом краю солдат больше, чем башен в Средине. Нет, придется идти пешком.

— Ладно, — он все-таки сдался. — Сделаем по-твоему.

И это ее обрадовало.

Они усиленно шли остаток дня. Килэй перепрыгивала камни и гнилые бревна, пока он выбирал путь безопаснее. Порой она пропадала на несколько минут, и он видел ее потом бегущей по выступу над ним или идущей вдоль реки по покрытому мхом упавшему дереву.

Он не удивлялся, как она чуть не лишилась головы, если она все время ходила по горам, словно они ей принадлежали.

А потом они вышли из леса. Оставалось пройти по склону, который был достаточно покатым, чтобы пролететь до дна весь отрезок пути, если оступишься. Или можно было по пути врезаться в один из многих неровных камней, что торчали из земли, как копья.

Солнце садилось, но он думал, что, если они будут идти быстро, то смогут спуститься до темноты.

— Дамы вперед, — сказал он, взмахнув.

Она не поняла, что он шутит.

— Ладно, — улыбнулась Килэй. Каэл не успел ее остановить, она прыгнула.

И побежала по склону так легко, словно по открытому полю. Она съезжала между камнями, отталкивалась с силой ногами. Она меньше, чем за минуту, добралась до низа.

А потом повернулась и помахала ему.

— Не стой там, спускайся!

Она была точно безумной.

— Я не буду прыгать так, чтобы превратиться в кровавое месиво, — крикнул он. Каэл начал медленно спускаться, останавливаясь, чтобы отдохнуть, между камней.

— Надеюсь, за десять лет спустишься, — крикнула она.

— Если скучно, почему не устроить нам место на ночлег? — парировал он. Пот стекал в глаза, ослепляя его, он тянулся ногой к выступу, но едва доставал до него.

— Может, построить нам дом? Я успею.

— Как хочешь... только не отвлекай меня.

— Ладно. Один этаж делать или два?

Он вскинул голову, чтобы ответить, но потерял равновесие.

Глава 9:

«Заяц Джек»

— Не шевелись, — сказала Килэй, схватив его за подбородок. Он скривился, пока она вытирала его щеку влажной тканью. Жгло ужасно, а потом она принялась оттирать тряпку в миске, и он увидел, что она покрыта смесью грязи и сухой крови.

Его спуск с горы прошел не так хорошо, как он планировал, и он винил в этом только Килэй. Если бы она не отвлекала его, он бы заметил, что камень, на котором он стоял, вот-вот отвалится. Тогда он бы не улетел вниз головой, сбивая каждый камень и торчащий корень по пути.

К счастью, большой куст спас его от смерти. Но впился в его одежду и не хотел отпускать. Он застрял так на несколько минут, пока Килэй не перестала смеяться и не высвободила его. Она помогла ему пройти еще несколько миль, и они прибыли в маленькую гостиницы с названием «Заяц Джек».

Хозяин гостиницы был подвижным мужчиной. Когда они постучали, он посмотрел на них в щель, а потом распахнул дверь. У него были короткие волосы и ужасно спутанная борода. В руке он держал топор лесоруба.

— Это опять один из тех монстров? — сказал он, глядя на раны Каэла. — Я видел их поздно ночью — ужасные волки размером с человека! Козы начали блеять, и я побежал, чтобы их спугнуть, но... — он покачал головой. — Я не успел. Они забрали прошлой ночью мою Нэнси.

Каэл не был уверен, но глаза хозяина гостиницы словно наполнились слезами.

— Не монстры, — успокоила его Килэй. — Просто он плохо упал. Можно войти?

— Конечно, мисс. Мы ведь не просто так зовемся гостиницей, — сказал он и пропустил их. Потом он выбрал им столик, принес миску теплой воды и несколько тряпок, чтобы промыть раны.

И теперь Каэл вытирал руки и ноги, пока Килэй обрабатывала его лицо и шею. И нежной она не была.

— Может, хватит? — он отвернулся, чтобы она не достала. — Я бы хотел сохранить хоть немного кожи.

— О, не будь таким неженкой, я до кожи еще не добралась, — она выжала тряпку над миской, вылилось много мутной коричневой воды. — Видишь?

Он вытащил шип из локтя и прижал тряпку к свежей крови.

— Это все напоказ. Я сам все исправлю позже, — пробормотал он.

Она посмотрела поверх его плеча на дверь кухни, откуда было слышно, как ругается хозяин гостиницы, и как гремят кастрюли.

— Только тише, ладно? Нам не нужны лишние вопросы.

— Я не ребенок. Я смог сохранить секрет до этого. Я это умею, — он бросил тряпку на стол.

— Ужин подан! — хозяин гостиницы открыл дверь и прошел к их столу с тарелкой в каждой руке. — Жареные ножки индейки, хлеб и сыр. Если не против, я немного посижу с вами. Дела ночью, ах, не такие неотложные.

Точно. Из десятка столиков у камина занят был только их. Для них была вся гостиница.

Хозяин гостиницы зажег трубку и выдохнул облачка дыма.

— Похоже, у меня единственный травоядный кот в королевстве. Крысы бегают мимо него, такие толстые, что тащат брюха по земле. А он просто провожает их взглядом. Слышали о чем-то еще хуже?

— Хуже кота? Не думаю, — Килэй улыбнулась. — Скажите, вы кормите его со стола?

— Я — нет, но жена может...

Пока они обсуждали кота, Каэл взялся за еду. Он оторвал большой кусок от ножки индейки и проглотил, не жуя. А потом принялся за хлеб и сыр.

Он никогда такого не ел, в Тиннарке не было ферм, да и если бы были, вряд ли жители смогли бы так долго не есть животных, чтобы получить сыр. Он знал, что герои из «Атласа», когда попадали на пир, всегда ели хлеб и сыр.

Он оторвал кусок хлеба, положил сверху полоску сыра и сунул в рот. Хлеб был насыщенным, как похлебка, а сыр таял на нем. Каэл был уверен, что не ел еще ничего вкуснее.

Его ножка индейки превратилась в кость, и хор завываний прервал ужин. Три собаки вбежали в здание и примчались к их столу. Их лай пронзай чувствительные уши Каэла, он подумывал ударить ногой ближайшую.

— Ох, замолчите, проглоты! — завопил хозяин гостиницы. — Не видите, что у нас гости?

Оглушительный свист Килэй утомил их. Они повернули головы к ней, хвосты стояли столбами.

— Идите сюда, — сказала она, похлопав по коленям.

— Осторожнее, мисс, — предупредил хозяин гостиницы, но было видно, что собаки, облизывающие ее лицо, вреда ей не хотели.

Она отвела их к камину и заставила сидеть, пока чесала им уши. Она мило говорила с ними, и их языки вывалились меж острых зубов, они слушали каждое слово.

— Они чуть не оттапали руку одного из гостей на прошлой неделе. А теперь вот так, — хозяин гостиницы покачал головой и рассмеялся. — Где ты нашел такую девушку?

Каэл понял, что теперь на вопросы хозяина гостиницы отвечать придется ему. Он решил не выдавать правду.

— Скорее она меня нашла.

— Просто нашла? — улыбнулся хозяин гостиницы. — Я не удивлен. Так всегда и бывает... когда встречаешь особую даму.

Каэл чуть не подавился хлебом.

— Я знаю, что ты имел в виду, парень, — продолжал он с блеском в глазах. — Просто идешь по делам, но тут, — он хлопнул в ладоши, — как удар по ушам, начинаешь что-то чувствовать. Так было, когда я нашел свою родную, — он посмотрел на камин, Килэй и собаки устроились подремать, он понизил голос. — Ты знаешь, как очаровать женское сердце?

Он понятия не имел. И не хотел слушать хозяина гостиницы, но успел лишь выдохнуть, а тот уже стукнул грубой ладонью по столу и заявил:

— Просто говоришь ей. Поднимаешь свой зад и даешь ей понять, что она — самая красивая, прекрасная...

— Сэр...

— ...потрясающая женщина в мире! А потом подхватываешь ее на руки и страстно целуешь.

— Не думаю...

— Ты сможешь, парень! Да, нужна смелость. Но это того стоит, да? И, — он понизил голос снова, — такая красивая девушка, как твоя, не будет ждать вечно. Вокруг полно парней, и красивых, которые радостно ее у тебя заберут. А таким, как мы с тобой, нужно реагировать быстрее остальных.

Каэл уже не узнал, что горит сильнее: его лицо или огонь в камине. Но тут появилась жена хозяина гостиницы и спасла его.

Она была хрупкой изящной женщиной, и хозяин гостиницы улыбнулся при виде нее.

— Кстати о прекрасных дамах.

Она покраснела от его взгляда.

— Купальни готовы, если гости желают.

Каэл вскочил на ноги.

Она нахмурилась при виде пустого стула Килэй.

— А куда ушла леди?

— Ах, она ниже, милая, — хозяин гостиницы указал на храпящую гору меха у камина. — Я разбужу ее и отправлю в купальни.

— Хорошо. Но собак не беспокой, — сказала она и повела Каэла в комнату. — Помни, что было в прошлый раз.

Ответом было ворчание. Он явно помнил.

Комнаты здесь были маленькими и чистыми. Но Каэл мог думать только о кровати.

— Ванна здесь, сэр, — сказала быстро жена хозяина гостиницы, пока он не перепачкал постель.

Она указала на большую кадку. От воды поднимался пар, он опустил туда пальцы и словно оказался в теплой миске с супом. Жена, видимо, подумала, что он умеет так купаться, так что поклонилась и оставила его одного.

Он купался всего пару раз. Обычно это было обливанием из ведра холодной водой из реки. Но ночной воздух был прохладным, а он был слишком грязным, так что решил раздеться и попробовать такой способ.

Вода была удивительно приятной, но вот доставала ему только до середины бедра. Одну часть ванны занимала полка с разными принадлежностями, и ему места почти не оставалось.

Он попытался сесть, но ноги были слишком длинными, он ощутил себя индейкой, не влезшей в кастрюлю. А потом он нечаянно поскользнулся и выяснил, что под полкой пусто. Он ушиб пятую точку, часть воды расплескалась, но тепло было невероятно приятным.

Он схватил нож с полки и убрал щетину, что успела вырасти на лице за эти несколько дней. Он не мог отрастить бороду. Он пытался пару раз, но тогда жители начинали звать его Латанным.

Он не видел раны на лице, но зато видел достаточно остальных, которые нужно было исцелить. Он успел закрыть лишь несколько, а потом заболела голова. Он не хотел снова терять сознание, так что решил промыть раны.

Один из предметов на полке казался подходящим для этого: это был желтый кусок, пахнувший цветами. Но, когда он попытался потереть им, кусок вылетел из его руки в глубины вод ванной. Он пытался схватить, но кусок ускользал.

Он был посреди борьбы, когда голос Килэй остановил его:

— Тут все в порядке?

Что она забыла в его комнате? Он развернулся и попытался прикрыться, но только ударился коленом о ванну, сбив с полки несколько предметов. Каэл скривился, тарелка упала на пол и разбилась.

— Ты бы вредил по минимуму, все-таки я плачу за это, — сухо сказала она.

Он понял, что голос раздается не из его комнаты, а из-за стены рядом с ним.

— Прости, я не могу ухватиться за эту желтую штуку, — сказал он, придвигая ногой кусок к себе.

Последовала долгая пауза.

— Но ты точно пользовался мылом раньше.

Он не знал, почему она так удивлена.

— Нет, мыла в Тиннарке не было.

Ее смех разозлил его.

— Это многое объясняет. А я-то думала, что пахнет гнилыми животными.

— Очень смешно. Ты расскажешь мне, как пользоваться мылом?

— Бери его осторожно. Не сдавливай, а то вылетит из руки.

Она снова была права. Он держал мыло свободно и смог управляться им, не роняя. Каэл тер, пока мыло не уменьшилось до размера камешка, он был поражен количеству грязи, сошедшей с него. Это было магией.

Когда жена хозяина гостиницы пришла за его грязной одеждой, Каэл заметил, что она держит их как можно дальше от себя, словно туника могла укусить ее. Похоже, он на самом деле ужасно пах.

Как только он забрался в постель, ему стало все равно, его глаза закрылись, и мир затих.

Глава 10:

Хитрый Гаррон

Даже заплатив за разбитую тарелку, Килэй смогла купить немного засоленного мяса с собой. Монетки, которыми она торговалась, были бесполезны для Каэла, но хозяин гостиницы был им рад.

— Вам всегда здесь рады, — бодро сказал он. — Остановливайтесь в любое время.

Она попрощалась с собаками, и они ушли. Когда Каэл обернулся, хозяин гостиницы жестом намекнул на внешность Килэй и на то, что Каэлу пора действовать.

— Почему твое лицо такое красное? — спросила Килэй, когда он отвернулся.

— Просто так. Тут жарко, — сказал он, а его нога хрустнула замерзшими сорняками.

Чем дальше они уходили, тем красивее становилась Поляна. Зеленая трава покачивалась вокруг их сапог, пахло цветами. Деревья тут склонялись, как ленивые мужчины после ужина, их изгибы были противоположностью прямых сосен на горе.

Когда солнце стало жарким, они остановились под большим деревом для обеда. Каэл закатал рукава и сел в густой тени, а Килэй растянулась на солнышке. Он не понимал, как она может терпеть жару, будучи в черной броне. Но ей явно нравилось.

Пока она дремала, он листал «Атлас». Он думал, что найдет советы, как избежать бандитов. Но там были лишь общие слова об их истории, это он уже читал. Он бросил книгу на землю и вздохнул.

— Проблемы, мой друг-книголюб? — сказала Килэй. Под ее головой была рука, она смотрела на него одним глазом.

Он нахмурился.

— Нет.

Она повернула лицо к солнцу и улыбнулась.

— Конечно. Наверное, совсем не обидно помнить каждое прочитанное слово.

— Я не помню каждое слово.

— Говорят, Райт запоминает на всю жизнь то, что один раз прочитает.

Опять про это? Было слишком жарко для споров, и он сказал лишь:

— Я не Райт, и я докажу это, — он отбросил книжку, и она стукнулась о локоть Килэй. — Прочитай пару предложений, если умеешь, и если я Райт, то я смогу продолжить.

Она села и открыла «Атлас» на коленях.

— О, «Сэр Гориган, Убийца драконов». Если это не тот старик...

— Просто прочитай, — процедил Каэл. Ему нравилась история, и он не хотел, чтобы она портила ее.

Она, казалось, боролась с улыбкой, пока начинала:

— Из всех ужасных существ нет ни одного опаснее дракона. Со своим змеиным телом в железной чешуе, зубами длиной с меча и огненным дыханием, жарким настолько, чтобы опалить панталоны...

— Нет, чтобы растопить броню, — вмешался Каэл. — Не балуйся. Не сработает, если не читать правильно.

Она посмотрела на него поверх книги, но промолчала.

— Драконы, желая захватить королевство, летали над людьми и приглашали их на ужин...

— И разрушали все, что было им дорого, — он помрачнел, когда она улыбнулась. Он не мог поверить, что она не воспринимала эту историю всерьез.

— Рыцари королевства выступили в бой, но им стало скучно...

— Но мечи сломались о чешую дракона. Ты неправильно рассказываешь!

— Ну, прости. Кхм... и только сэр Гориган, хитрейший из людей...

— Честнейший.

— Не растерялся...

Каэл выхватил у нее книгу и сунул в карман.

— Не сдался он, не сдался! Может, ты в это не веришь, но не нужно портить истории. Они могут быть правдой. Сэр Гориган, действительно, прогнал драконов. Ты видела драконов? Я — нет.

Он пошел на тропу, чтобы оказаться подальше от нее. Но вскоре услышал ее шаги.

— Я не хочу с тобой разговаривать.

— Мне очень жаль, — сказала она. Каэл не смотрел на нее, но голос звучал искренне. Я просто веселилась. Я не знала, что для тебя это так важно. В следующий раз я буду читать правильно.

Он пожал плечами, ему не хотелось, чтобы она думала, что ему есть дело. А ему было до этого дело.

Это бы звучало смешно, если бы он произнес это вслух, но он считал сэра Горигана близким другом. Когда дети не играли с ним, он уходил в мир историй. Он сбегал в страницы и представлял себя сражающимся вместе с воинами, с сэром Гориганом, убивающим драконов и спасающим королевство. И герои были ему единственными друзьями.

Но он бы умер, но не признался бы в этом Килэй.

Они шли еще час в тишине. Его гнев быстро угас, вскоре он начал мрачно думать о погоде. Пот собирался на воротнике его рубашки, и она кололась сильнее обычного. Может, потому он так часто вертел головой.

Каждый куст, каждое скопление деревьев были опасны. Он следил за любым признаком движения. Он сжимал лук так крепко, что пальцы болели. Но он не собирался сдаваться бандитам. Если он расслабится хоть на полсекунды, они могут напасть, перерезать им

глотки и оставить воронам.

Позже ему начало казаться, что он зря переживает, они никого не встречали весь день. А потом они забрались на холм, и увиденное разбило спокойствие.

Под ними на земле раскинулся большой караван. Шесть крытых телег стояли кругом, дымились останки огней, на телегах был нарисован дуб из Великого леса. Темноволосые лесники кишели вокруг них, кричали друг другу, собирая лагерь.

— Думаешь, они позволят нам пройти немного с ними? — сказала Килэй.

Он подумал, что план ужасен.

— Шутишь. Они могут быть скрытыми бандитами. Или магами, убийцами, работоторговцами...

— Ужасные кролики! Ладно тебе, — сказала она, когда он посмотрел на нее. — Это просто торговцы. И с караваном мы будем защищены от настоящих бандитов и прочего бреда, которого ты боишься, — он не успел остановить Килэй, она решительно пошла по тропе.

— Все равно нужно быть осторожными, — проворчал он, следуя за ней. — Маги-изгой опасны. Я читал о них.

Он не был уверен, но вроде ее лицо озарила улыбка.

Лесники были так заняты сбором вещей, что никто их не заметил. Когда они были на расстоянии крика, мужчина на черной лошади увидел их. Он взбежал по холму и остановил лошадь рядом с Каэлом, перекрыв им тропу. Он не сразу заговорил. Его строгие голубые глаза скользнули по ним, пока он нетерпеливо потирал седую бороду.

— Вы опоздали почти на день, — сказал он серьезным голосом. — Я отправлял весть графу неделю назад и просил сопровождение. А если бы на меня напали бандиты? Его графство отплатил бы мне за украденные товары? Он отправил вас, наверное, искать наши тела. Все знают, что он уже обманывал меня. Я заплатил столько золота, что мне должны были дать маленькую армию, а не пару детей...

— Мы не дети... сэр, — добавил быстро Каэл, когда мужчина опасно вскинул брови.

— Не дети? Мне-то виднее, — фыркнул он. Лошадь согласно фыркнула, горячий воздух коснулся волос Каэла. — Вы бросили наш караван, а теперь мы можем не попасть на рынок. Как нам зарабатывать? Золото с небес не падает.

Каэл не знал, откуда берется золото, но ему надоел этот мужчина и его вонючая лошадь. Он уже хотел сказать ему, куда стоит пойти, но тут вмешалась Килэй.

— Вы правы. И если мы не попадем на рынок, можете требовать расходы с нас, — сказала она.

Мужчина тут же перестал злиться.

— Я согласен, — он скрестил руки поверх выпирающего живота. — Я впечатлен, обычно вы не признаете ошибок. Как вас звать?

— Я Килэй, а это, — она ткнула его локтем, — Каэл.

Он кивнул каждому, а потом приложил ладонь к груди.

— Я Гаррон Хитрый, торговец Великого леса. Не зовите меня мистер Хитрый, от этого у меня несварение. Хватит Гаррона, — он повернул лошадь к каравану. — Бросьте вещи к остальным. Быстрее, у нас нет времени на возню!

Каэл подождал, пока тот отъедет подальше, а потом выругался.

— Прекрасно. Теперь он думает, что мы работаем на графа. И где тогда настоящее сопровождение? Думаешь, мистер Хитрый нас потом отпустит? — он повернулся к

каравану, он слышал, как Гаррон ругался на беднягу, который двигался недостаточно быстро. — Он привяжет нас к той лошади и будет таскать за собой, пока у нас кожа не слезет.

Килэй вскинула брови.

— Изобретательно. Но не думаю, что нам стоит беспокоиться из-за появления настоящего сопровождения. Граф Титус забрал лучшую часть армии в горы, помнишь? Остальных он оставил защищать замок.

Он тут же ощутил себя глупо. Стоило подумать об этом.

— Тогда мы окажем Гаррону услугу, если пойдем...

— Именно. Ему нужно сопровождение, а нам — безопасный проход по Поляне. Видишь? — она хлопнула его по плечу. — Мы и пяти минут с ними не были, а ты уже думаешь о побеге.

— Это все не честно.

Она пожала плечами.

— И что? Ты идешь или нет?

— Ладно. Но если нас поймают...

Она схватила его за руку и потащила вперед.

— Тогда сможешь сказать: «Я же тебе говорил», а потом нас повесят.

Гаррон Хитрый привязал свою лошадь и ходил среди телег, отдавая громкие приказы, когда они подошли. Вокруг него воздух был напряжен, люди сразу вскакивали и искали занятие. Они закрепляли ремни, грузили товар, тушили огни, только чтобы он не кричал на них.

Он осматривал колесо телеги, когда к нему подбежала красавица. Его строгий вид растаял, он подхватил ее и поцеловал в лоб. Они поговорили, а потом он повернулся и указал.

Девушка развернулась и поймала взгляд Каэла. Он попытался скрыться за телегой, но врезался в Килэй. По ощущениям он словно врезался в стену.

— Ты в порядке? — она улыбнулась и помогла ему встать. Килэй прочитала панику на его лице, ее ладонь тут же потянулась к мечу. — Что такое? — она посмотрела в сторону... и увидела девушку.

Она рассмеялась.

Каэл не успел остановить ее, Килэй помахала. Девушка помахала в ответ и побежала к ним.

Ее голубое платье заставляло одежду женщин Тиннарка выглядеть как лохмотья с дыркой для головы. Ее платье ниспадало до стоп и развевалось, пока она бежала. Когда ветерок подул на ее юбки, они прилипли к ее телу, показывая ее фигуру.

Каэл покраснел раньше, чем она подбежала к ним.

— Папа сказал, что вы только прибыли. Добро пожаловать! Можете звать меня Аэрилин, — сказала она, ее голубые глаза сияли, как и улыбка.

Килэй пожала ее протянутую ладонь и представила их.

— Рада видеть новые лица. Мне показать вам караван? — Аэрилин посмотрела на Каэла, а он сделал вид, что ему интересно смотреть, как торговцы запрягают лошадей.

— Конечно. Уверена, это поможет, — ответила Килэй.

— Отлично, — она обхватила руку Килэй и махнула Каэлу идти за ними.

Кроме Аэрилин и Гаррона, остальные были темноволосыми и темноглазыми

лесниками. Каэлу было сложно отличить одного от другого, но Аэрилин знала всех по именам.

Мужчины улыбались, видя ее, словно знали, что она озарит их день. Сначала Каэл подумал, что она глупышка. Но чем больше она говорила, тем больше он понимал, что она удивительно умная. Слова мужчин не заставляли ее врасплох. Если они говорили что-то о ее платье, она отбрасывала назад золотисто-каштановую косу и парировала словами насчет их штанов. Порой Каэл считал ее ответы близкими к оскорблению, но ответом были широкие улыбки.

Мужчины пожимали руку Каэла, когда Аэрилин представляла их, но все смотрели на Килэй. Даже самые общительные мужчины могли лишь лепетать, когда она улыбалась. В караване было столько открытых ртов, что Каэл начал переживать за мух.

— Может, если бы они знали, как она могла раздражать, они бы так не смотрели.

Тур Аэрилин длился дольше, чем нужно. Они продолжили, хотя Гаррон приказал двигаться. Она показывала им телегу кожевника, когда грубого вида молодец появился из ниоткуда и втиснулся между ними. Он был старше Каэла на пару лет, но его кривая улыбка придавала ему детский вид.

Аэрилин застонала при виде него и невольно улыбнулась.

— Это Джонатан, — сказала она, помахав парню. — Он наш главный скрипач и разбойник. Уверяю, от него будут проблемы на каждой остановке по пути в Средины.

Смех Джонатана напоминал гром. Некоторые впереди недовольно оглянулись.

— Я бы остался дома, но они каждый год забирают меня с собой, — сказал он.

— Не думаю, что деревня пережила бы шесть месяцев твоего беспорядка, — парировала Аэрилин.

Джонатан пожал плечами, глядя на Каэла, словно у них была общая проблема.

— Мне надоело держаться вдали от проблем. Мужчина без дела — ворона без шарфа, как я говорю. Так, — он посмотрел на Килэй, — нас познакомят?

Аэрилин закатила глаза.

— Это Каэл, — Джонатан пожал энергично его руку, безумно улыбаясь. — А это Килэй.

Когда Джонатан поднес ее ладонь к губам, Каэлу стало не по себе. Джонатан подмигнул, а она лишь рассмеялась.

— Я бы обиделась, но вряд ли это как-то подействует.

Джонатан покачал головой.

— Нет, мисс, это меня только подбодрит. А теперь, — он посмотрел на нее, шурясь, — у вас ведь есть дар к музыке? Я сразу чувствую родственную душу.

Ее лицо ничего не выражало. Но это его не расстраивало.

— Ага! Я так и знал. Скажете, на каком инструменте играете, или мне нужно догадаться?

Каэл чуть не рассмеялся при мысли, что Килэй на чем-то играет, но она была удивительно раздраженной.

— Мы не можем это опустить?

— Нет. Если не скажете, то у меня не останется выбора, и мне потребуется и вторая ее рука, — он обратился к Аэрилин, та все еще обхватывала руку Килэй.

Она неохотно отпустила ее.

— Спасибо, — сказал он, обхватив ладони Килэй. Он разглядывал их минуту. — Хмм, о, как интересно. Смотрите, — он указал на ряд мозолей под ее пальцами. — Это от лет

размахивания мечами. Обычно ими орудут одной рукой. Но я видел как-то парня, который мог управляться сразу двумя мечами. Он был одноглазым вором с даром актера! Все еще должен мне денег...

— Хватит сказок, Джонатан, — сказала Аэрилин, пока он не разошелся. — Мы не хотим, чтобы у нас сгорели уши раньше, чем мы отправимся в путь.

Он отмахнулся.

— Потерпите. Вы умеете играть мечами, мисс Килэй, — он вскинул брови. — Вы опасная, да?

Она мило улыбнулась.

— Будешь задерживать нас, увидишь сам.

Он рассмеялся.

— Ладно, продолжаю. Что у нас здесь? — он провел пальцами по длинному тонкому шраму на другой ее ладони. Он был белым и чуть приподнятым. — Вы же не пытались остановить лезвие ладонью?

— Расскажи сам.

Он почесал щетину на щеке.

— Дорогая опасная дама, я не уверен, что могу рассказать многое. На пальцах нет следов от струн, так что инструментов остается меньше. Не думаю, что вы играете на барабанах...

Она ухмыльнулась.

— Нет. Я лучше уберу руку...

— Нет еще, — темные глаза Джонатана загадочно мерцали. — Я слышу в том, как вы говорите... словно ваши слова должны были слушать старые уши, — он отпустил ее руки. — Вы умеете петь.

Аэрилин радостно завопила и перекрыла слова Килэй.

— О, ты должна спеть для нас! Мы слушаем все время только Джонатана. А он поет только грубые песни, — она пронзила его взглядом.

— Боюсь, для этого нужно правильное настроение, — сказала Килэй.

Джонатан выпятил грудь.

— Сказано настоящим творцом! И я просто обязан сыграть так, чтобы вы захотели петь. Нет, нет, — он не дал ей возразить, — это будет честью для меня. Но сначала нужно найти мою скрипку.

Он преувеличенно поклонился и убежал, чуть не сбив катящуюся телегу.

— Он немного странный, но безобидный, — сказала Аэрилин, снова обхватив руку Килэй.

Каэл все еще был потрясен.

— Ты умеешь петь?

Килэй подняла голову, глядя шрам на ладони.

— Только когда больше нечего делать.

Он бы ни за что не догадался.

— Что еще я о тебе не знаю?

Она улыбнулась.

— Многое.

Он не успел спросить, Гаррон нашел их.

— Ты показала нашим сопровождающим караван? — сказал он Аэрилин.

— Да, папа.

— Спасибо, милая. Судя по твоим волосам, — он посмотрел на Каэла, — ты из гор?

— Да, сэр.

— Так ты охотник.

Это был не вопрос. Он хотел сказать, что это так, но было стыдно врать снова.

— Вообще-то, сэр, место охотника я не заслужил, сэр.

— Одного сэра в предложении достаточно, — заявил Гаррон. — Поднимай голову, когда говоришь. Так будешь выглядеть увереннее, — он дождался, пока Каэл поднимет голову, и продолжил. — Не знаю, о чем ты, но с тех гор, как по мне, приходят только опытные лесники.

— Спасибо, сэр.

— Не за что, — Гаррон отмахнулся от благодарностей, как от мух. — Я хотел сказать только это: кроме защиты от бандитов, я хочу, чтобы ты помогал нашим добывать еду. Я буду платить больше, если научишь их.

В этот раз Каэл легко поднял голову.

— Конечно, без проблем.

— Не назвал бы это почетным, но это поможет, — сказал Гаррон с ноткой удивления в серьезном голосе. Он повернулся к Килэй. — Я планировал, чтобы ты была нашим разведчиком, но в таких обстоятельствах, — он посмотрел, как Аэрилин держит ее руку, — думаю, тебе лучше остаться с моей дочерью, как ее личный страж.

Аэрилин захлопал в ладоши.

— О, спасибо, папа! — она повернулась к Килэй. — Ты не знаешь, как было сложно без другой женщины. С мужчинами особо не поговоришь, и они ничего не понимают в моде или красоте, а об этом говорить тоже важно!

Килэй умела убивать, но от перспективы общения о таком на ее лице проступил такой ужас, что Каэл чуть не рассмеялся. Аэрилин увела ее прочь, оживленно говоря о всякой всячине, Килэй напряженно шла за ней, словно ее жестоко наказывали.

Глава 11:

Ошибка

Креван плохо воспринял весть о поражении Титуса.

Он ударил бедного слугу, принесшего письмо, и выбежал из комнаты. Он мчался по коридорам замка. Многие любопытные слуги не выглядывали, ведь знали, что такой грохот означает беду.

И потому они не отвлекались от дел.

В южном углу замка страж стоял у маленькой двери. Он не успел отойти, и Креван схватил его за грудную пластину и оттолкнул. Страж упал на спину, размахивая конечностями, как перевернутый жук.

Креван открыл дверь и поднялся по витой лестнице, перешагивая по две ступеньки. Он зло дышал, но начинал задыхаться, пока поднимался. На вершине была другая дверь. Он толкнул ее и чуть не врезался в человека за ней.

— Прочь... о, это ты, — сказал он жуткому человеку перед собой.

Королевский хранитель зверей хмыкнул в ответ. Его кожа была покрыта белыми пересекающимися шрамами, его волосы торчали клочками. Он посмотрел на Кревана одним

глазом, другой был молочным и незрячим.

— Где Аргон? — сказал Креван, пытаясь не смотреть на зеленый гноящийся порез на груди мужчины.

Он хмыкнул снова, повернулся и показал на комнату за ним. Кончика пальца у него не было.

Креван миновал его и прошел в комнату, чуть не упав из-за мелочей, валяющихся на полу. Книги лежали открытыми, их страницы покрывали иностранные письма. Он отбрасывал их с пути.

В центре комнаты стояла каменная чаша на железном столе. Вода на дне была неподвижной, как зеркало. Если бы Креван склонил голову, он бы увидел свое злое отражение. Он посмотрел на неровный шрам на правой стороне лица, борода не могла это скрыть. Таким шрамом хранитель зверей гордился бы.

Он коснулся воды ладонью.

— Звали?

Голос Аргона хрипел, но Креван вздрогнул, когда увидел, что провидец стоит напротив него. Он ненавидел волшебные трюки.

— Ты знаешь, почему я здесь, — прорычал он.

Аргон посмотрел на него глубокими глазами. Его синяя мантия тянулась по полу, его седая борода ниспадала до живота.

— Вижу, добыча ускользнула, — сказал он. Он провел рукой по воде. Рябь, поднятая Креваном, унялась, поверхность снова стала гладкой.

— Я здесь, потому что вы ошиблись. Вы сказали, что она будет в южном краю деревни. Вы ошиблись, из-за этого она сбежала!

Аргон пожал плечами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Будущее хрупко...

— Не, — Креван бросил в его голову книгой, — ври мне!

Аргон не моргнул, книга скользнула по его седым волосам и попала по столу за ним, разбросав его инструменты.

Креван разозлился еще сильнее. Он уже хотел схватить Аргона за бороду и сбросить с башни.

— Если бы ты увидел будущее девчонки...

— Не мог.

— О чем ты?

Аргон вздохнул. Он вытащил из мантии шар гладкого черного мрамора. Он был размером с наконечник копья.

— Посмотрите в воду, Ваше величество, и я покажу вам.

Он опустил мрамор в центр чаши. Креван смотрел, а камень начал кататься по дну, ускоряясь, пока не образовалось кольцо из воды. Водоворот раскачивал чашу так сильно, что она могла упасть со стола.

Аргон обхватил руками чашу и прошептал ее имя. Миска лишилась цветов, водоворот кружил их, пока они не увидели ее лицо, ее темные волосы, зеленые глаза... она почему-то улыбалась.

Ее вид ранил его ядовитым ножом.

— Скорее, — прорычал Креван.

Изображение стало отдаленным, словно они смотрели глазами летящей птицы. Стало видно все ее тело. Она кого-то держала за руку.

Они хотели посмотреть на ее спутника, но картинка рассеялась. Щит, потрепанный боем, поднялся из воды и отпугнул Кревана. Он на миг замер в воде, окруженный пеной. В центре был глаз, но вместо зрачка был нарисован символ: линии образовывали наверху три треугольника, смотрящие друг на друга, внизу три треугольника пересекались, а один черный был в центре.

Медленно щит опустился в воду и пропал, Кревану было не по себе.

— Невозможно, — прошипел он.

Аргон взмахнул рукой, и шар перестал крутиться. Он сам вылетел из воды и опустился в его ладонь.

— Ваше величество знает этот символ?

Креван не сразу услышал его.

— Это не твое дело. Если хочешь сохранить голову на плечах, исправь это.

— Ваше величество, я такого еще не видел, — сказал он, раскинув руки. — Никакой талисман или заклинание не может помешать мне Видеть. Никого не могли спасти. Но в этот раз все иначе, — он посмотрел на чашу. — Я не понимаю эту магию.

Креван сжал кулаки. Видения хранили Аргона живым. Они не знали, где она, и нужно было теперь удвоить стражу у комнаты, а ночи грозили быть долгими и тревожными.

Осталась только она. Когда закончилась война, он знал, что должен был убить всех до единого. Любой выживший мог разрушить все, что он творил. Пират получил по заслугам. Шептунов ловить было сложнее, но крыс, сдающих их, было много. Как только он узнавал секрет, раскрыть их было просто. А потом у него был провидец.

Аргон не хотел быть на его стороне, но у него не было выбора. Он был сильным, но не справился бы с армией. Его проклинали и сковали другие придворные маги, он стал слугой Кревана и показал свою пользу. Когда его разведчики не смогли найти ее, когда армии пропали в тумане гор, он повернулся к Аргону. Даже если его силы не могли принести ее, провидец мог хотя бы следить за ней. Креван знал, что пока она жива, он все еще в опасности.

— Может, если другим позволят изучить проблему, мы найдем способ обойти щит, — сказал Аргон, перестав задумчиво смотреть в окно.

Креван нахмурился. Он предпочитал держать магов порознь. Он знал, что толпа думающих людей опаснее для короля, чем любая армия, он бы не подумал о таком неделю назад. Но обстоятельства изменились. Аргон уже не был его оружием.

— Хорошо, — отвлеченно сказал Креван. Он захлопнул дверь и пошел к хранителю зверей. Он не мог поверить, что старый дурак не заметил ее, это было странно.

Хранитель зверей был все там же, но теперь он копался мизинцем в ухе.

— У меня есть для тебя задание.

Он убрал ладонь и почесал ею красные следы когтей на руке, пока слушал.

— Это произошло, Драконша в другом облике, — прошипел Креван, брови хранителя зверей поднялись в интересе. — Если поспешим, сможем нанести сокрушительный удар. Иди в атриум и посылай птиц, всех птиц. И когда они найдут ее, выпускай собак.

Хранитель зверей приоткрыл рот, показывая желтые зубы. Это можно было считать улыбкой.

Но хранитель зверей ужасал.

Глава 12:

Удача и умение

Путешествие с караваном было как путь с маленькой подвижной деревней. В каждой телеге был свой магазин: кожа, кузня, повар, портной, украшения и столяр. Гаррон рассказал о делах и дал Каэлу разрешение торговать с телегами.

Но он отказывался тратить деньги, что дал ему Амос. Каэл хотел понять, как торговать самому, хоть это было сложнее.

Он быстро понял, что, если попросить, но не дать ничего взамен, дверь закроют. Он пытался объяснить кузнецу, что ему нужен охотничий нож, потому что он не мог резать без него добычу, и он не мог отдавать их не обработанными повару. Но кузнец пожимал плечами.

— Если я отдам просто так, не получу выгоду. Тогда мне достанется от Гаррона. У нас будут проблемы. И решать их нам, — он захлопнул дверь.

Каэл весь день пытался добыть нож, но никто не хотел отдавать без платы. Он ворчал об этом Килэй весь ужин.

— Я бы дала тебе денег, — сказала она.

Он покачал головой.

— Нет, тут я хочу разобраться сам.

— Можно использовать Предвестника.

Он посмотрел, как она полирует шершавой тканью опасно изогнутое лезвие. Белый клинок сиял в свете огня и гудел, пока она гладила его. Песня была неприятной.

— Спасибо, но так я себе отрежу пальцы.

— Хмм, есть идея.

— Думаешь, кому-то нужен мой палец?

Она рассмеялась.

— Нет, я не о том. Разве Гаррон не говорил, что ты будешь охотиться?

— Говорил. Он сказал, чтобы я научил его людей. Но при чем тут это?

— Что-то за что-то — это правило торговли.

Ему не нравились загадки.

— Но у меня нет денег, в том-то и дело.

Килэй подняла голову, в ее глазах отражались искры огня.

— Дело не в деньгах. У тебя есть навыки, они нужны людям Гаррона. Всем нужны.

Ах... теперь он понял. Охота была важной для каравана, как и в Тиннарке: если у людей Гаррона не будет еды, они не смогут есть. И Каэл мог дать им нужные навыки. Он будет помогать им охотиться, а они будут помогать ему разделять добычу, а прибыль они могут и поделаться. План был идеальным.

Но он мало знал о том, какая помощь нужна людям Гаррона.

Охотиться с ним пошли братья — шумные и неугомонные. Клод, младший, был двенадцати лет, его больше интересовал сбор камней, а не выслеживание добычи. Чэни, старший, был лет пятнадцати, но вел себя так, словно знал все. Они сразу признались, что охотники из них плохие, и Каэл через пару минут понял причину.

— О, Каэл! Смотри на это растение. Как думаешь, что это? — кричал Клод у рощи, он спугнул фазана, в которого уже целился Каэл.

Чэни посмотрел на цветок в руке Клода.

— Это бандитская борода, балбес! Не ешь. Будешь весь день сидеть в кустах.

Клод убрал растение ото рта.

— Ох. Эй, Каэл! Думаешь, если я измельчу его и смешаю с водой, Джонатан поверит, что это суп?

— Даже Джонатан не так глуп, — сказал Чэни. И выбил цветок из руки брата

Вопли из-за этого были такими громкими, что распугали всех животных, что еще не убежали.

Он никак не мог их прогнать или заткнуть. Как бы рано он ни вставал или как бы тихо ни уходил, они вскоре появлялись рядом с ним, вопили насчет листа в форме дракона или найденного зеленого желудя. Каэл понимал, что скорее посинеет трава, чем братья замолчат, так что он решил сменить тактику.

На следующий день он проснулся раньше рассвета и научил их ставить ловушки. Он показал им, как превращать шиповник в силки, как склонять ветви деревьев, как использовать еду для приманки. Как бы громко они ни шумели, пока работали, когда они возвращались в лагерь, ловушки были полными. К середине утра они догоняли караван с полной сумкой еды.

Клод лучше резал добычу, чем делал ловушки, так что он убирал шкуры. Чэни обнаружил талант к ловушкам. Он мог легко найти нужные кусты и превратить их в ловушку так, что ни один заяц не сбегал.

Когда Каэл похвалил его, он просиял.

— Ты правда так думаешь? — он посмотрел на землю и рассеянно попинал сапогом камень. — Но я, конечно, не так хорош, как ты. В твоих ловушках всегда есть добыча.

Каэл не считал это особенностью. Он делал ловушки правильно, но не видел проблемы в том, что они не всегда кого-то ловили. Но Чэни и Клод разнесли весть по каравану, что его ловушки никогда не подводят. И вскоре посыпались странные просьбы.

Кузнецу нужны были гусиные перья для стрел, определенного вида. Он радостно отдал лучший охотничий нож за три пуда перьев. Гаррон отметил, что любит фазана, и Каэл получил новую одежду, поймав десяток. Кожевнику нужны были волчьи пояс, а ювелиру — зубы льва, за это они платили серебром.

Слухи расходились по каравану, вскоре говорили, что мальчишка с гор может поймать все.

— Не понимаю, зачем так шуметь, — говорил он Килэй. Группа торговцев поздоровалась с ним, проходя мимо, и он быстро кивнул им. — Многие умеют ловить.

— Многие приходят с пустыми руками, — сказала она, словно это было очевидно. — И они не приходят именно с тем, за чем их послали. А у тебя, если ты говоришь, что поймаешь трех белых белок, значит, так и будет.

Его забавляло ее впечатление о нем. Он так не говорил.

— Белые белки были простой удачей.

Она вскинула брови.

— Да? — она уткнула палец в его грудь. — Или это умения?

Он убрал ее руку.

— Это была удача, — коротко сказал он. Может, у него и был дар, он мог сделать то, что задумывал, но он не был мастером, он был целителем.

Несколько дней спустя меди у него было больше, чем он мог сосчитать, но спокойствия

не было. Люди всюду находили его с просьбами, даже спорили, удастся ли ему найти то или это. Он уже подумывал собрать вещи и убежать. Он бы так и сделал, если бы не Горацио, повар.

Это был пухлый мужчина с красными щеками и каштановыми волосами, что напоминали гребень петуха на его голове. Он следил за едой заботливым взглядом наседки, он нападал на всех, кто задерживался в его телеге.

Много раз Джонатан выбегал оттуда с охапкой всего, что смог забрать. Горацио выбегал за ним, размахивая большой деревянной ложкой, как мечом, и просил Гаррона остановить вора-скрипача.

Однажды Горацио поймал Каэла прячущимся за бочкой с яблоками, и Каэл решил, что ему конец. Но Горацио не стал бить его ложкой, я сжалился.

— Не хотел бы поработать? — сказал он.

Каэл очень хотел. Он закончил с ловушками рано утром, а теперь мог лишь избегать людей. И он думал, что готовить будет весело.

Горацио знал почти все о готовке. Ему нравилось прятать рецепты в странные места, чтобы не видел никто из входящих.

— Стоит сделать пирог, и десяток ворон тут же хочет его забрать, — ворчал он, вытаскивая чеснок из связки. — Я не позволю балбесам испортить мою работу.

Каэл поклялся жизнью, что защитит рецепты, и смог их прочитать. Было сложно разглядеть слова за коричневыми пятнами, чернила растеклись местами. Местами вообще не получалось расшифровать слово. Но он все-таки разобрал их.

В телеге повара плоский железный котел стоял на полу с дырой в крыше. Каждое утро Горацио наполнял котел горячими углями и готовил на них.

— Погодите. Я думал, что морковь идет раньше лука, — сказал Каэл.

Горацио поднял голову, его ладонь зависла над кипящей водой, он нахмурился.

— Каэл, мальчик мой, это рецепт моей матушки. Я его знаю.

Он пожал плечами.

— В рецепте говорится, что морковь идет раньше, потому что готовится дольше. Если бросить лук первым, получится странное варево.

Горацио надул щеки.

— Как ты мог это запомнить? Ты едва взглянул на этот рецепт на той неделе, а теперь говоришь так, будто он у тебя в руке, — он покачал головой и отложил лук. — У молодых людей бывает такой дар, это порой раздражает.

Он передал Горацио морковь, Каэлу было не по себе. Он не знал, как запомнил рецепт. Слова всплыли четкие, ясные, как светлым днем.

Может... нет, этого точно не могло быть.

Глава 13:

Женская одежда

С рассвета до заката Каэл был на ногах. Он весь день помогал готовить для каравана, порой часы между завтраком и ужином пролетали так быстро, что он не помнил, как обедал. Но порой они заканчивали раньше.

Эти дни Каэл не любил, потому что свободное время давало Горацио шанс опробовать новые рецепты. Они были странными: яблочные пироги с грибным соусом, суп из мышинных

хвостов. Горацио звал это экспериментами. Каэл считал это отравой.

— Что попробуем сегодня, мой мальчик? Это должно быть что-то невероятное, что-то, что согреет сердце, — сказал Горацио. Он сидел на стульчике в дальнем конце комнаты, упирался локтем в объемный живот, а подбородком утыкался в ладонь. — Жареная печень фазана не была принята хорошо, — отметил он.

Точно. Половина попробовавших провела ночь в лесу, опустошая себя. Рецепт стал таким ненавистным, что Гаррон запретил его. Джонатан даже написал об этом песню, но ее невозможно было повторить.

— Думаю, нам стоит попробовать черепах с миндальной крошкой...

— Или нет, — быстро сказал Каэл.

— Почему? — Горацио сощурил глаза. — Хороший повар должен экспериментировать, чтобы стать великим. Расстояние между рукой и ртом невелико, а от руки до кармана еще меньше. А я хочу узнать, как сделать так, чтобы рот наполнялся слюной при виде моей еды.

Каэл думал быстро. Он должен был спасти караван от этого блюда.

— Просто... о, у меня есть идея. И я хотел ее осуществить, если можно.

К его удивлению, Горацио обрадовался:

— Вот это уже лучше. Да, кухне нужны свежие руки. И, — он сцепил ладони, — с чего начнем?

Каэл перечислил ему список ингредиентов. Они убили несколько куриц, ощипали их. Пока Горацио резал мясо на полоски, Каэл делал соус. Он просто бросал туда то, что ему нравилось: яблоки, чеснок и еще пару продуктов, которые должны были сочетаться. Он открывал баночки со специями, и если ему нравился запах, он добавлял их. Пока курица жарилась на огне, он смазывал кусочки соусом. Мясо еще готовилось, когда телеги остановились, но Горацио предложил подать свою еду, пока Каэл заканчивал. Когда все было готово, соус превратился в хрустящий слой на курице. Он попробовал, чтобы убедиться, что есть можно.

Горацио вернулся и попробовал сам. Пока он жевал, его брови поднимались. Они почти пропали под его волосами, когда он сообщил:

— Гениально! Это победа! — он пожал руку Каэла так сильно, что чуть не оторвал, а потом переложил курицу в миску и махнул на дверь. — Иди, мальчик. Нельзя заставлять клиентов ждать!

Первые люди с опаской подходили к миске. Они кривились, кусая, и осторожно жевали, словно думали, что еда может их убить. Но когда они ощущали вкус, их глаза загорались. Весть разошлась, как огонь.

Толпа окружила Горацио за секунды. Он пропал в давке и держал миску высоко над тянущимися руками.

— По одному кусочку! Одному, Клод, а не по двенадцать!

Каэл не переставал улыбаться. В темноте никто не видел, как он рад. Он мог улыбаться, сколько хотел, и никто не узнал бы.

Вскоре его урчащий живот отправил его прочь от толпы на поиски ужина. Все в караване разделялись между кострами для еды и сна. Он был с младшей группой на краю лагеря. Этой ночью они спали под ветвями старого дуба, что могло спасти от дождя, но в корнях могла обнаружиться семья пауков.

Килэй сидела одна у огня, двигала кинжалом по кусочку березы. Он сверился с поясом и понял, что она опять забрала у него кинжал.

— Не стоит брать вещи, что не принадлежат тебе, — сказал он и заглянул в котелок на огне. Было пусто.

— Тогда не держи кинжал на поясе, — парировала она. Она взяла сверток и протянула ему. — Это тоже не мое, но я подумала, что ты будешь голоден. Конечно, я могу все вернуть, если твоя совесть не позволит это есть.

Он забрал сверток, игнорируя ее ухмылку, пока он садился рядом с ней.

— Как ты пробралась на кухню мимо Горацио?

— Я дождалась, пока он уйдет, конечно. Я хотела просто поздороваться, но ты был... таким сосредоточенным, я не хотела тебя беспокоить.

Он жевал сухое мясо и подумал, что ослышался.

— Ты была там, пока я работал?

Она кивнула.

Это пугало. Места на кухне было мало, и Каэл не видел, чтобы она там проходила.

— Клянусь, я слышу, как у тебя работают шестеренки в голове, — сказала Килэй, и он понял, что она смотрела на него с улыбкой. — Сдавайся, ты никогда не угадаешь.

Он не собирался сдаваться, ее насмешки только усилили его желание узнать ее секрет. Но он притворился, что сдается, чтобы дожевать мясо. На дне сумки было яблоко, кусочек хлеба и немного сыра.

Он убедился, что вокруг нет никого, и возмутился:

— Не нужно было так делать, — сказал он, подняв сыр. — Горацио говорит, что у нас заканчиваются припасы.

— Ладно тебе, — пробормотала она, впиваясь кинжалом в сучок на куске дерева. Она сосредоточенно хмурилась. — Он найдет больше. И они тебя недооценивают. Ты заслужил целую телегу сыра.

Каэл знал, что торговцы обманывают его. Чэни говорил ему никогда не делать предложение первым, но его уже не интересовали сделки. От денег только становился сильнее мешок.

— Что завтра?

— Рынок. Мы будем к вечеру в Вороньем кресте, у нас появится работа, — улыбнулась она.

Его сыр застрял в горле. Он был рад рынку, но читал, что города привлекали патрули. Толпы людей обеспечивали налоги для короны.

— Гаррон не говорил, что ждет от нас там?

Она пожала плечами.

— Он хочет, чтобы мы отгоняли воров. Но я сомневаюсь, что у нас будет работа. Мы еще ни одного бандита не встретили.

Она была права. Пока он ходил ставить ловушки, он пару раз натыкался на следы лагеря бандитов. Угли от огня бывали горячими, у палаток лежало оружие, но не было ни души. Это было странно... словно они пропали.

Может, в Поляне было что-то хуже бандитов. Может, хозяин гостиницы не шутил насчет чудовищ.

— Кроме ловушек и кухни, что еще ты делал сегодня?

Он оторвал взгляд от огня и ответил:

— Ничего. А ты?

Она вздохнула.

— Посмотрим... Когда я не отбиваюсь от Джонатана, я прячусь от Аэрилин.

Бедная Килэй. Ее обязанности превратились из личного стража в личный холст. Аэрилин каждый вечер ловила ее, заставляла сидеть, пока она наносила краску на лицо Килэй. Она то затемняла ее глаза, то делала их ярче, то делала ее щеки румяными, а губы красными. Краска, может, и работала, но результат Каэлу не нравился. А Килэй — тем более.

— А что нужно Джонатану? — спросил он, надеясь, что смена темы ее взбодрит.

Она вернула ему кинжал и отклонилась, упираясь локтями.

— О, глупости. Сегодня он ходил за мной и надоедал ужасной скрипкой.

Джонатану нравилось играть мимо нот. Он заявлял, что такие скрипящие звуки добавляли оригинальности его ужасным балладам. Но они лишь добавляли головную боль.

— И он думает, что я умею петь, — продолжала Килэй. — Днем я слышала, как он напевал, пока думал, что никто не слышит, и знаешь, что? Это звучало мило.

— О? И где ты пряталась, что он тебя не увидел?

— На крыше телеги ювелира, — призналась она. — Аэрилин пыталась заставить меня читать поэзию.

— Какую?

— Какую-то ритмичную ерунду о деревьях и людях. Аэрилин нравится то, что до тошноты романтичное, — она бросила прутик в огонь, представляя, что на нем вырезана обидная строчка про любовь.

— Если она умеет читать, зачем заставлять тебя?

Килэй посмотрела на небо, словно просила у звезд терпения.

— Она говорит, цитирую, «есть в словах особая нежность, когда кто-то читает поэзию вслух».

Она сказала это таким высоким тоном, что было похоже на Аэрилин. Каэл невольно рассмеялся.

Килэй вскинула брови.

— Я думала, что умру раньше, чем услышу твой смех.

Он тут же нахмурился.

— Ты вряд ли услышишь это снова, так что... не радуйся.

— Думаю, я попрошу Аэрилин вышить дату на моем платке. Или я напишу об этом книгу. Ты же любишь читать... — она резко замолчала и повернулась к огню. На ее лице появился такой ужас, что Каэл ожидал, что из-под земли вылезет двухголовый труп. — Нет, — сказала она, вскакивая на ноги.

— Что такое? — он щурился, но не видел ничего в темноте.

— Слишком страшно, чтобы упоминать, — она схватилась за ветки и скрылась в зарослях.

Каэл не знал, стоит ли идти за ней. Он слышал, как на другой стороне лагеря Джонатан играет на скрипке, мужчины смеялись. Они не ощущали опасность.

Шепот Килэй раздался с вершины дерева:

— Веди себя так, будто меня тут нет.

Он замер, не зная, закончится ли сейчас его жизнь. А потом увидел, кто к ним идет, и выдохнул с облегчением. Всего-то Аэрилин. Она бежала к огню, подхватив платье.

— Нужно было выбрать место лучше. Она тебя там найдет, — сказал Каэл уголком рта.

— На деревья смотрят только те, кто по ним лазает, — ответила она.

Он хотел сказать еще кое-что, но Аэрилин заметила его.

— Добрый вечер, Каэл!

Она была в бледно-розовом платье, длинные волосы завивались аккуратными локонами.

Когда она улыбнулась, он обрадовался, что в тусклом свете не видно его румянец.

— Да, вечер и... все такое, — сказал он.

Она не обратила на это внимание.

— Ты не видел Килэй? Я нашла потрясающее платье, она должна его примерить.

Он смотрел на огонь, чтобы не дать себе взглянуть на дерево.

— Я ее рядом не видел, — он чуть повысил голос, — но я был бы не против увидеть ее в платье.

Желудь упал с дерева и ударил его по голове.

— Ай! — он посмотрел на ветви. Аэрилин с любопытством следила за ним. — Вот потому я не люблю сидеть под дубом.

Она вздохнула и села рядом с ним, юбки легли вокруг нее.

— Боюсь, у меня кончились идеи. Я думала, что если найду тебя, то найду и ее. Но если она не с тобой, то я не знаю, где она.

— Эм... не знаю, что сказать. Почему ты думала, что она может быть со мной?

Она фыркнула.

— Вы как морской узел. Все это видят, — она оторвала травинку и принялась крутить ее.

Он не знал, когда все находили время делать такие дикие выводы.

— Они ошибаются. Мы только встретились... нечаянно оказались в одном и том же месте, — возразил он.

Она захихикала, привязывая травинки друг к другу.

— Ладно, прости. Наверное, пребывание вдали от дома привязывает к людям. Кстати, ты правда с Беспощадных гор?

Он кивнул.

— О, завидую! Я никогда не была в горах, но слышала пугающие истории, — она склонилась. — Там очень опасно? Люди замерзают, если сидят слишком близко?

— О таком я не слышал. Но у нас есть Река сотни костей.

Она вскинула брови.

— И почему ее так называли?

— Потому что в ней кости сотни смелых рыцарей короля, они все утонули там.

Аэрилин прижала ладонь ко рту и восхищенно выдохнула.

— Правда, — ее реакция взбодрила Каэла. — Говорят, старый король Фергус хотел построить замок на вершине гор. Он приказал сотне самых благородных рыцарей забраться туда первыми и очистить путь...

Аэрилин была идеальным слушателем. Когда из тумана выскакивало чудовище, она вскрикивала. Если момент был напряженным, она склонялась и слушала с огромными глазами, пока его герои не выпутывались из опасности. Она смеялась там, где были шутки. Истории перетекали одна в другую, и вскоре огонь начал догорать.

— Потому что вершины гор всегда покрыты снегом, — закончил он.

— Потому что они поссорились с солнцем?

Он кивнул, а она захлопала.

— Bravo! Это было чудесно. Ты хороший рассказчик.

Он отвел взгляд от ее восхищенных глаз и почесал голову.

— Не знаю. Амос справлялся лучше.

Слова вырвались раньше, чем он их обдумал, и Аэрилин уцепилась за них.

— Амос? Это был твой отец?

— Нет, я не знал отца, — быстро сказал он. Он хотел сменить тему, но она воскликнула:

— О, Каэл, это ужасно! Но я тебя понимаю, я не знала маму. Может, немного знала, но была слишком маленькой, чтобы помнить. Сколько я помню, были только мы с папой. Мы путешествуем по королевству и пытаемся прокормить деревню...

— Эй! Что вы тут обсуждаете? — Джонатан появился из темноты. На его плече лежала скрипка, он занес руку в опасной манере.

Аэрилин нахмурилась.

— У нас был милый разговор. Пока ты все не испортил.

Джонатан не обратил внимания.

— Гаррон говорит, пора спать. Значит, иди спать.

Аэрилин не разрешали спать на улице со всеми. Хотя она просила, Гаррон заявлял, что улица не для юной леди. Он заставил ее устроить свой спальный мешок в телеге с бельем. И Джонатан не упускал шанса пошутить над этим.

Этой ночью, видимо, ее терпение лопнуло. Ее лицо было красным, Аэрилин встала и потряхнула юбками.

— Я была бы рада, если бы ты не говорил со мной, как с ребенком. По всем стандартам я уже взрослая женщина!

Она хотела убежать, но Джонатан подхватил с земли край платья и помахал им.

— Не забыла свой большой платок? — он обернул тканью руку. — Ой, я ошибся. Это палатка, да?

Она выдернула ткань из его руки так быстро, что она чудом не порвалась.

— Это платье, остолоп! Не палатка, не покрытие крыши, а платье! — она подхватила юбки и убежала.

— Спокойной ночи, моя нежная, покрытая росой роза! — крикнул ей Джонатан и пробормотал. — Похоже, шипы она уже отрастила.

Каэл понимал, что скрипачу повезло, что Аэрилин была без оружия.

— Не надо ее так злить.

— Э, это ей на пользу, — сказал он, почесывая подбородок. — Женщина, что не кричит, просто потом такой станет, так говорила мама, а ей виднее. Видел бы ты, как сияет мой отец, когда она входит в комнату. Это любовь, — он бросил скрипку на землю, струны недовольно звякнули. Он рухнул на спальный мешок, раскинул длинные конечности и тут же захрапел.

Чэни и Клод пришли следующими. Они поблагодарили его, на их лицах был соус, и они молили его приготовить больше курицы завтра. Когда их голоса сменились храпом, Килэй спустилась с дерева.

— Я думала, это не закончится, — сказала она, стряхивая кору с рукавов.

— Ты сама туда залезла, — напомнил он.

— Но рассказывать долгие истории стал ты.

Она не улыбалась. Она стояла, опасно оперев руки в бока.

Он быстро встал на ноги.

— Я не думал, что это затянется, — сказал он, заглушая голосом храп Джонатана. —

Она просила еще. Что мне было делать?

Килэй скрестила руки.

— Мог бы сказать, что не хочешь рассказывать.

— Я никогда так не скажу, — медленно и четко сказал он. — Я не против разговоров с ней. Если ты не хотела слушать, спустилась бы и примерила платье.

Огонь вспыхнул в ее глазах. Килэй шагнула к нему, но Каэл не дрогнул.

— О? Тебе понравилось бы, да? Понравилось бы, что меня поставили на место. Ты бы хотел, чтобы я бегала вокруг, как безмозглая девочка...

— Плевать, — он собрал все терпение, чтобы не толкнуть ее. — Плевать, что ты делаешь. Плевать, в чем ты. В платье, штанах, без одежды... плевать.

Огонь в ее глазах стал углями. Она хотела что-то сказать, но отвернулась и ушла.

— Куда ты? — крикнул он вслед.

— Тебе все равно.

Он пошел за ней, Килэй сорвалась на бег, и он попытался догнать ее. Но она вскоре оторвалась. Тьма скрыла ее черную броню и приглушила шаги, оставив его только с шумом его дыхания.

— Хорошо! Уходи! — крикнул он деревьям. Было приятно кричать, хоть она его не слышала. Он пнул ветку на пути и пошел в лагерь, думая, что Джонатан не зря так говорил.

Глава 14:

Вороний крест

Следующий день тянулся со скоростью одноногой черепахи. Он начался очень рано, когда Гаррон разбудил их и сообщил, что ловушки ставить они не будут.

— Бандитов у города больше всего, — сказал он слишком громко и властно для утра. — Не хочу, чтобы мои люди разошлись по округе. Так мы будем легкой мишенью. Будьте вместе и не бросайте луки, ясно?

— Да, сэр! — хором сказали Чэни и Клод.

Каэл проворчал что-то неразборчивое, вскоре Гаррон ушел, и он попытался снова уснуть.

Он большую часть ночи не спал и ждал Килэй. Сначала он злился, ведь хотел, чтобы она вернулась, и он поговорил бы с ней. Ей не стоило так срываться, будто он был враг, и не стоило убегать одной в ночь.

Но время шло, менялись его чувства. К полуночи он начал переживать. А если она заблудилась? А если ее схватили бандиты или съели волки? Он несколько раз вставал и подкладывал в огонь дрова. Он дважды обошел лагерь по кругу, он даже заходил в лес и кричал ее имя.

Отвечали ему лишь сверчки.

Утренние часы принесли новые тревоги. Он начинал бояться, что она бросила его. Он не был ей нужен, и он сам это ей говорил несколько раз. Вот и все. Она ушла.

С этим ужасным осознанием он ощутил новое чувство. Воздух вокруг него стал пустым, словно он мог протянуть руку на мили, но все равно не коснулся бы того, кто был ему важен. Торговцы были добрыми, но не знали его. Он не мог доверить им секреты. И даже если мог, они его не знали так, как Роланд, Амос... или Килэй.

И он вдруг понял, что остался совсем один. Совсем.

Время тянулось медленно. В самый темный час ночи перед рассветом он что-то ощутил. Что-то переменилось в небе, и он понял, что отчаяния уже нет. Он потянулся за спину и коснулся странного материала брони Килэй. Он был слишком рад, чтобы злиться на нее. Когда она коснулась его ладони, он не нашел сил убрать руку.

Но это было часы назад. Теперь солнце беспощадно жарило сверху, и он хотел спать. Горацио думал иначе.

— Вставай, парень! — сказал он, срывая одеяло. — Впереди долгий день пути, нам нужно готовить.

— Когда завтрак? — проворчал Каэл, поднимаясь на ноги.

Горацио сунул ему в руки хлеб и чашку воды.

— Сейчас! — завопил он, потащив его к телеге.

Гаррон разбудил лагерь, чтобы они ушли через полчаса. Люди выбирались из кроватей и собирались у телеги повара, щурясь. Некоторые по пути натягивали штаны и застегивали рубашки. Некоторые так и не оделись, остались в нижнем белье. Они брали хлеб и фрукты, что давал им Каэл, ворчали, когда начинал кричать Горацио.

Когда завтрак был закончен, они забрались в телегу, пока она ехала, и забрали мешки с едой. Горацио в полдень сгрузил на деревянный огромный поднос гору еды и отправил Каэла раздавать ее. Задание было скучным, но проблемы были от Джонатана. Он пытался забрать и чужую порцию, пока Каэл не смотрел. Когда он сделал так в третий раз, Килэй вскинула ногу, и он отлетел к карете ювелира.

В четвертый раз он уже не пришел.

Когда Каэл раздал и ужин, Горацио сказал, что больше дел нет, и выгнал его. Ему было нечего делать, и он понял, как сильно устал, что сделало вечер намного ужаснее.

Он надеялся пару минут побыть в тишине, но его нашла Килэй. Она явно ощутила, что он не в настроении для разговоров, так что шла в тишине рядом с ним. Он не был против. Если не смотреть на нее, можно было подумать, что ее не было рядом. Но потом пришла Аэрилин и начала обсуждать с Килэй рынок. Пришел и Джонатан, стал добавлять грубости во все темы, что они обсуждали. Тихий вечер Каэла на этом закончился.

— Это не так, — сказала Аэрилин, хмурясь. — Никто не танцует голым для урожая.

Джонатан пожал плечами.

— Но должна же быть причина роста посевов.

— Да, но это не связано с наготой, — фыркнула Аэрилин. А потом повернулась к Килэй. — Ты когда-нибудь пробовала пряный рис?

— Один раз, но я очень давно не была в Белокости. Вряд ли я побываю там в ближайшее время.

— Обожаю пустыню, — сказала Аэрилин, ее глаза сияли. — Культура невероятна. А за пряный рис можно и умереть...

— Это точно, умереть от него можно, — встрял Джонатан. — Когда я впервые его попробовал, меня вывернуло. Даже сейчас изжога началась от одной мысли.

Аэрилин ударила его ладонью.

— Какой ты грубый!

— Он такой острый? — спросил Каэл.

— Не очень, — пожал плечами Килэй.

Джонатан присвистнул.

— Тогда твой желудок крепче моего. Мне было так плохо, что я думал...

— Достаточно! — снова ударила его Аэрилин. — Я не хочу слушать отвратительные детали твоих... опытов.

— Отвратительно и было, — пробормотал Джонатан.

— Кстати, — перебила его Аэрилин, — я надеялась, что мы посетим пару деревушек островов у берега, там продают прекрасные украшения. Но, — она вздохнула, — папа говорит, что это все еще очень опасно.

— Почему опасно? — сказал Каэл.

Она удивленно посмотрела на него.

— Из-за пиратов, конечно! Ты не слышал?

Он покачал головой.

— Удивительно, ведь шума было много. Пираты стали нападать чаще за последние годы. Говорят, герцог Реджинальд начал подозревать, что кто-то из его людей связан с ними. И от этого шума и суеты стало больше.

Каэл мало знал об этом герцоге, только то, что услышал в караване. Реджинальд, став герцогом, купил все корабли в Высоких морях. А потом поставил цены на перевозки на корабле такими высокими, что никто из торговцев не мог их заплатить. Когда торговцы разорялись, он забирал их магазины. Он превращал моря в личное шоссе для короля. И он не берег звать, он отправлял их в магазины и на корабли. Он платил им хорошо, а они следили, чтобы все шло на пользу Высшей пятерке.

Он знал о пиратах лишь то, что было в «Атласе». Они были жадными, были готовы пролить кровь ради сокровища. Но ему было все равно, если они нападали на герцога.

— А что такого? В море деньги получает только герцог. Конечно, его стали бы грабить.

Аэрилин закатила глаза.

— Дело не в этом, а в том, как именно его грабят.

В этот раз Джонатан согласно кивнул.

— Я слышал разные слухи, когда играл в карты. Странное происходит в морях, зловещие совпадения и подобное. Такое, что закаленный моряк сжался бы и начал звать маму.

— О? Например? — Килэй была заинтригована.

— Бури, — глаза Аэрилин были серьезными. — Люди говорят, что из волн поднимаются тучи, и ветер становится таким сильным, что может перевернуть судно. А потом, — она взмахнула рукой, — буря скрывается в море. Пропадает... как и корабль.

— А еще туман, — добавил Джонатан. — Очень густой белый туман. Корабли заплывают туда и не возвращаются.

— Похоже, они просто беспечны, — сказала Килэй.

Аэрилин хмуро взглянула на нее.

— Нет. Говорят, это работа ведьмы, магия помогает пиратам. Конечно, Реджинальд думает, что это все выдумки.

— Кстати о пиратах, — сказал Джонатан. — Я слышал, что у них есть легендарная игра в метание ножей. Если проигрываешь, тебя скармливают акулам...

Время медленно меняло Поляну. Тепло угасало, ведь солнце начало скрываться за горами, от вершин которых потянулись лиловые тени, приглушая песни жизни в сумерках. Вскоре сверчки сменили птиц, началась новая песня. Когда появились звезды, Гаррон приказал зажечь факелы, телеги ехали в оранжевом свете. Тени таяли, пока они шли, но большая тень вдали не двигалась.

Они приближались, и Каэл увидел, что это стена деревьев. Их вершины были заострены,

они росли так близко, что даже ветер вряд ли пролез бы между ними. Стена была в три раза выше телег Гаррона. Высокие башни торчали по углам, тепло сияло в окошках.

Караван остановился у огромных дверей в стене. Гаррон сказал им оставаться на месте, а сам подошел к стене.

— Приветствую, Вороний крест! Караван хочет войти, если можно.

Факел показался, пока она говорил. Он вышел из одной из башенок, проплыл над вершиной стены, покачиваясь, пока не остановился перед караваном.

— Приветствую! — прокричал грубый голос. — С кем я говорю?

— Гаррон Хитрый, — ответил он, подняв свой факел, чтобы дозорный увидел его лиц.

— Почему не сказали? Я открою, — свет поплыл прочь.

Через минуту огромные двери открылись со скрипом. Мужчины в броне стояли на страже, когда караван проходил туда, их зубы были сжаты, взгляды скользили по телегам.

Когда они оказались внутри, по сигналу дозорного закрыли двери. Он отсалютовал им.

— Рад вас снова видеть, — сказал он Гаррону. Свет его факела превращал улыбку в чудовищную. — Простите за такую встречу. Недавно нападали бандиты.

— Да? — сказал Гаррон, пока они шли за ним по извилистым улицам. — Мы ни одного не видели.

Дозорный фыркнул.

— Потому что все они рядом с нами. Они скрывались как торговцы. Только вчера такие испачкали лица и пытались пройти как народ из пустыни. Почти сработало, но один вытер пот со лба и выдал себя, краска быстро слезла. Странно, что темная кожа пропала, да?

Они остановили телеги на большой площади в центре Вороньего креста. Несколько других телег стояли кольцом у огней мужчин, охраняющих их. Каэл заметил, что у всех стражей были туники с печатью. Он узнал солнце Белокости и скрещенные серпы Бесконечных долин. Было и пару человек с волчьими головами на туниках, он старался не попадаться им на глаза.

— Думаю, тут вы и устроитесь, — бодро сказал дозорный, Каэл заметил, что у него простая кожаная броня без эмблемы на груди. — У вас есть комнаты на ночь?

Гаррон кивнул.

— Я писал гостинице неделю назад.

— Хорошо. Пару лет назад заказывали комнаты за месяц. Ах, рынок сейчас не такой людной, как раньше, — он вскинул руку. — Мне пора на пост. Безопасного пути.

— Да, — Гаррон тряхнул головой. — Заходи завтра. Купишь что-нибудь милое жене.

Дозорный улыбнулся.

— Хорошо. Спасибо, сэр! — он прижал кулак к груди и ушел.

Несколько человек остались сторожить телеги, остальные пошли с Гарроном в гостиницу. Воздух был холодным, слабо пах дымом. Сапоги громко стучали по камням, звук отражался от домов. Каэл поражался тому, сколько людей в этом месте. Их дома были так близко, что они с соседями были через стену.

Двухэтажный дом скрывался среди темных окон и сонных улиц. Он стоял на краю грязного переулочка. В ближайших домах были закрыты ставни, чтобы защититься от света из этого дома, двери были заперты из-за людей, ходивших здесь.

Пока все спали, гостиница «Крысиные усы» только проснулась.

Дверь была выкрашена в красный, была приоткрыта, словно ее пару раз срывали с петель, а обратно ее приделал тот, кто уже выпил эля. Как только Гаррон открыл дверь,

стало слышно шум. Люди смеялись, стучали кулаками по столам, играли в карты и разливали содержимое кружек на пол. Пахло жареным мясом и теплым хлебом, но и не самыми приятными запахами. Каэл отделился от группы, когда в него врезался толстяк, сбив его с ног. Он упал в подозрительно пахнущую лужу, тут же впитавшуюся в его штаны.

Хозяин гостиницы повел их среди шумной толпы в их комнаты. Каэл делил комнату с Джонатаном, Чэни и Клодом. Из мебели тут были только четыре маленькие кровати, с трудом уместившиеся сюда. Кровать Джонатана не давала открыть дверь до конца, а кровать Каэла была так близко к окну, что можно было вывалиться на улицу во сне.

Он старался не думать о коричневых пятнах на подушках, когда бросал сумку и уходил за дверь за другими. В главной комнате Горацио смог занять большой стол у камина. Они пробились через толпу и сели рядом с ним.

Он помахал девушке, несущей поднос с кружками.

— Пять пирогов, четыре эля, а мне — вино! — крикнул он среди шума.

Она кивнула и ушла. Когда она вернулась, ее руки были полными. Она опустила поднос с горячими пирогами, которые они тут же съели, и вручила каждому по кружке. Горацио дал ей монет, она пропала в толпе.

Гостиница бывала и чище, но пироги были отличными. Каэл едва дышал, пока ел. Когда во рту стало сухо, он потянулся к кружке. От двух глотков горло запылало.

— Давно не пил? — сказал Джонатан с улыбкой, пока Каэл старался не кашлять.

— Нет, — прохрипел он. — Это ужасно.

Джонатан пожал плечами.

— Ты привыкнешь. Я на этом вырос. Когда у мамы кончилось молоко, она приучила меня к бутылке! — он выпил остатки напитка и встал. — Я поищу тех, кто пьянее меня, для карт. Хотите со мной?

Чэни и Клод вскочили на ноги.

— У нас есть дела, — сказал Горацио, кивнув Каэлу. — Но вы идите. Джонатан! Гаррон не будет за тебя заступаться снова, так что держи себя в руках.

Они ушли, и повар повернулся к Каэлу.

— Я хочу купить твой рецепт курицы, мальчик. Продашь?

Каэл, убежденный, что полюбит эль, проглотил еще немного огненной жидкости. Он несколько раз кашлянул, а потом ответил:

— Да, он ваш.

— Нет, бесплатно не приму. Я говорил с Гарроном, и мы решили, что это, — он опустил на стол мешочек, — честная цена.

Мешочек почти рвался от серебра. Он не думал, что видел столько монет в одном месте.

— Этого много, — сказал Каэл, отодвигая мешочек. — Это просто курица.

Горацио подавился вином.

— Это шедевр! Это начало кулинарной империи, — он огляделся. — Килэй! Помоги ему включить голову.

Она была у стойки, общалась о чем-то с официанткой. Но, услышав Горацио, она пошла к ним.

Килэй не приходилось расталкивать толпу, люди пропускали ее. Крики притихли, смех застрял в горле. Мужчины смотрели на нее пьяными глазами, врезались, потому что не видели, куда идут. Один отпрянул так, что упал вместе со стулом. Его кружка отлетела, он выругался, но остальные не обратили на него внимания.

А потом кто-то крикнул, что один из мужчин собирается съесть три пирога за минуту, и шум вернулся, все поспешили туда, чтобы смотреть.

Килэй словно не видела, какую вызвала реакцию.

— Оживленно здесь, да? — сказала она, сев рядом с Каэлом. — О чем спорите?

Горацио рассказывал ей, а она взвешивала мешочек в руке.

— Это честная цена, — сказала она.

Каэл сомневался, что она понимала.

— Как? Курица стоит всего три медяка.

Она склонила голову.

— Да. Но если Горацио продаст каждую полоску курятины за три медяка, а с каждой курицы получится не меньше двадцати полосок...

— Я стану очень богатым, — сказал он.

Она кивнула.

— Он заработает завтра на рынке еще больше, это я тебе обещаю.

Горацио громко пил вино, его щеки покраснели сильнее.

— Если хочешь открыть свой магазин, то побереги рецепт. Но если нет, то мы можем разделить прибыль. Так что... согласен на мою цену?

Он даже не думал об этом.

— Хорошо, согласен, — и они пожали руки.

— Отлично! — Горацио вытащил грязный кусок бумаги, перо и склянку чернил из складок фартука. — Теперь запиши рецепт в подробностях. Ты же умеешь писать? Хорошо. Я не знаю, как там учат горный народ. А пока ты пишешь, я закажу нам праздничный эль!

Девушка принесла больше кружек. Горацио протянул напиток Килэй, но она вежливо отказалась.

— Я такое редко пью. Предпочитаю сохранять ясность мысли. Вот, — она вытащила на стол монету из мешочка Каэла. — Остальное я заберу в свою комнату на ночь. Мы же не хотим, чтобы тебя обокрали?

Обычно он бы начал возражать, что и сам о себе позаботиться, но этой ночью он не хотел спорить. Он не знал, почему вдруг стал таким податливым. Он не знал, почему ему было так легко и радостно. Он сделал еще глоток эля и понял, что на него действовало веселье в гостинице.

*

Вечерокрыл не любил быть запертым в здании. Запах тел людей был таким сильным, что он задыхался. Шум впивался в его уши, крыша казалась слишком близкой к голове.

Почему люди всегда путешествовали толпой? Было тише и проще, когда они были одни.

Он смотрел из угла комнаты, прячась в тени. Кружка в его руке была только для того, чтобы смещаться. Он не подносил ее к губам.

Если бы кто-то трезвый посмотрел на него, то заметил бы что-то странное в мальчике, следящем за ними. Его штаны были задом наперед, остальная потрепанная одежда была ему велика. Его ноги были босыми и грязными. Над левой лодыжкой железные оковы оставили красный след на коже. Но одежда была в нем не самым странным.

У него была длинная темная челка, чтобы скрывать глаза, но все равно было видно, что они не человеческие. Бездонные черные зрачки обрамляли желто-карие радужки, он не моргал. Он ловил каждое движение тел, каждое выражение опухших лиц. Ни одна родинка, морщинка или шрам не оставались незамеченными.

Он запоминал каждое увиденное лицо. Это была не его память, а данная ему. Во всем королевстве его братья и сестры ждали в городах, в гостиницах и людных местах, искали ее.

Громкий шум привлек его взгляд к другой части гостиницы. Кто-то сбил стол, от этого рев людей притих на миг. А потом продолжился шум, толпа расступилась для кого-то.

Сначала появился худой юноша с рыжеватыми волосами. Вечерокрыл не узнал его прямой нос, карие глаза и кривую улыбку, но быстро запомнил, а еще отметил его красные щеки и путанную речь. Юношу поддерживала рукой девушка. Когда она показала зубы, как делали люди, выражая радость, Вечерокрыл замер. Он не мог поверить своей удаче.

Он не узнал юношу, но девушку узнал тут же: пронзительные зеленые глаза, волосы цвета ночи, губы были такими, как в его памяти. Она кивала хлопающим людям.

Драконша!

Стоило ему подумать об этом, кандалы на лодыжке стали горячими и загудели.

Он бросил кружку. Напиток разлился по полу, когда она ударилась об пол, брызгая на сапоги людей неподалеку. Они посмотрели недовольно, но Вечерокрыл уже ушел.

Он вырвался из задней двери гостиницы. Он миновал поющих людей и бросился к конюшням. Лошади смотрели на него любопытными черными глазами, когда он упал на пол. Он застонал и прикусил губу. Началось превращение, и он цеплялся на одну мысль:

«Нельзя кричать».

Каждая кость в его теле трещала, словно на него наступила огромная нога. Он ощущал, как обломки задевают мышцы, спина и конечности пылали. Иглы пронзали каждую пору, тысячи перьев вылезали из его кожи, прорывались наружу.

Кровоклык говорил, что это будет недолго, и он успокаивал себя этой мыслью. Вскоре два тела Вечерокрыла станут одним. А потом так больно не будет. Он должен продержаться.

Когда превращение закончилось, мальчик пропал. Ястреб лежал в груди рваной одежды. Его крылья были цвета туч, темные перышки на груди напоминали звенья доспеха. От мальчика остались лишь желто-карие глаза под бровями из перьев.

Он поднял крылья и с сильным взмахом взлетел в воздух. Вороний крест превратился в пятно, когда он набрал высоту. Через каждые несколько взмахов крыла он кричал, зов понимали только его братья и сестры. Он говорил им о находке, говорил предупредить мечников.

Он приближался к Средине с каждым взмахом. Приказы короля гремели в голове:

«Найдешь Драконшу, вернись ко мне. Найдешь Драконшу, вернись ко мне».

Глава 15:

Спешный побег

Каэлу снились зеленые луга, прохладный летний ветерок. Он лежал на спине и наслаждался миром вокруг, когда заметил, как издалека приближается человек. Он узнал его и сел помахать...

Ледяной водопад обрушился с неба и разбудил его. Он закашлялся, сплюнул воду и судорожно вдохнул. Когда он понял, что не тонет, Каэл убрал мокрые волосы с лица и увидел Джонатана, стоящего у его кровати с пустым ведром в руках.

Каэл хотел ударить его.

— Что за...

Но звук собственного голоса был кинжалом для его головы. Он рухнул на подушку, его

тошило.

— Это беда всех городов, — слова Джонатана били по его черепу. — Эль всегда смеется последним. А ты, похоже, установил новый рекорд ночью — двадцать четыре кружки! Человека слабее это убило бы.

Каэл хотел сказать ему заткнуться. Но он боялся даже открывать глаза, не то что рот.

— Сделай глоток вот этого, тебе полегчает.

Он приоткрыл глаза и увидел чашку в руке Джонатана. Он тут же выпил содержимое, надеясь, что его все-таки стошнит. Вкус был таким, словно Джонатан вылил это из своего сапога. Его желудок сжался, вязкая жидкость текла по горлу, и Каэл пытался не кашлять.

— Как мама готовила, да? — от гулкого смеха Каэлу захотелось его убить. — Прости за резкий подъем, но в городе беда. Гаррон решил уходить, — Джонатан выглянул на улицу. Каэл нашел силы сесть и посмотреть.

Серые пальцы рассвета едва касались окна, а площадь уже была полна движения. Солдаты в позолоченной броне шли по улицам, стучали в дома и требовали впустить их. Когда двери открывались, они врывались внутрь. Если двери не открывали, их выбивали.

Купец из пустыни попытался пробежать незамеченным, но страж грубо схватил его за воротник. Он задал вопрос, купец покачал головой, и страж бросил его на землю. А потом повернулся к гостинице.

Каэл побелел, увидев извивающегося черного дракона на груди стража.

— Средина, — сказал он, Джонатан кивнул.

— Я слышал, что они прошли через ворота утром. Я был занят, кхм, опустошая кошельки местных игроков, когда увидел их. Конечно, я сразу побежал к Гаррону.

Его худшие страхи были здесь — солдаты короля шли по городу, что-то искали. И он догадывался, что именно. Конечно, после двадцати четырех кружек эля его заметили. Он натянул рубашку через голову, ругаясь. Он обул сапоги и посмотрел на другие кровати. Они были пустыми.

— Не переживай, все в первой телеге, — сказал Джонатан, увидев панику на его лице. Он забросил рюкзак за плечо и бросил Каэлу его сумку. — Остались только мы с тобой и Горацио. Остальные сбежали через задние ворота. Я забыл, что ты здесь, иначе забрал бы тебя раньше. Как только те стражи отойдут, мы побежим.

Они стояли по краям от окна, смотрели на стража, бросившего купца. Он все еще глядел на гостиницу. Он скользнул взглядом по первому этажу, потом по второму. Он посмотрел на окна, и Каэл застыл, когда взгляд остановился на их окне. Страж прищурился и пошел к гостинице. Он повернулся и крикнул что-то банде солдат, которые оторвались от основного отряда.

— Хотя лучше бежать сейчас, — сказал Джонатан, и Каэл согласился.

Большая часть постояльцев еще спала после эля, так что в коридорах было тихо. Они поспешили по ступенькам, а потом и по первому этажу. Когда они добрались до главного зала, Джонатан остановился у угла и пригнулся.

— Хорошо, — прошептал он через миг. — Похоже, все чи...

Входная дверь распахнулась, дождь пыли посыпался с потолка, когда она врезалась в стену. Внутрь прошел страж с солдатами.

— Ищите всюду! — рявкнул он. — Она была здесь, я это чувствую.

Они бросали столы, стулья, разбивали бутылки и тарелки, стоявшие на них. Несколько человек лежало у очага, их разбудили, ударяя ножами.

Шум разбудил владельца гостиницы. Он вышел из комнаты за стойкой с красным лицом, дрожа, за ним следовала девушка-служанка.

— И что вы делаете...?

— Ищу опасную преступницу. Врага короля, — страж уперся руками в стойку. — Она зовет себя Драконшей, за ее поимку дадут гору золота. Вы ее видели?

Владелец гостиницы фыркнул. Он пригнулся, а потом достал огромную книгу. Облако пыли вылетело из страниц, страж закашлялся.

— Я не помню всех, но вы можете посмотреть сами, — сказал он с сарказмом.

Страж помрачнел.

— Вы арестованы.

— За что?

— За сокрытие врага короля! — по его сигналу двое солдат схватили владельца гостиницы и потащили его, кричащего, из комнаты.

Служанка хотела пойти за ними, но страж схватил ее за кудрявые волосы и задержал.

— Прошу, сэр, я не знаю никого с таким именем, клянусь, — сказала она, запахивая ночную рубашку на груди.

— Ее лицо. Скажи, видела ли ты женщину с темными волосами и зелеными глазами? Она твоего возраста, а еще должна быть в броне.

Каэл не успел зажать рот, Джонатан шумно выдохнул, служанка это услышала. Она взглянула на долю секунды в их сторону. Он знал, что им конец. Он знал, что девушка видела Килэй, они общались прошлой ночью. Как она бы ее забыла? Она знала, что Килэй путешествует с Гарроном. Она скажет солдатам, и они остановят караван. Нельзя позволить стражу услышать это. Каэл потянулся за стрелой, когда девушка сказала:

— Нет, сэр, я никого такого не помню.

Страж нахмурился. Он видел по упрямо поджатым губам, что она врет. Он зарычал и толкнул ее к ближайшему солдату.

— Запри ее с другим, — он повернулся и рявкнул. — Обыщите каждый этаж. Живо!

Они пошли по коридору, Джонатан выругался. Он двинулся, но Каэл остановил его. Он смотрел на служанку, а она — на него.

Солдат держал ее за одну руку, другая была свободной. Каэл видел, как она вытягивает руку, тянется к миске на краю стойки... и сбивает ее.

Она разбилась об пол, все оглянулись, и Каэл получил необходимый шанс, схватил Джонатана и бросился за стойку. Они прошли через кухню и дверь, миновали кладовую с гнилое едой, а потом выбрались в переулок.

— Ударьте меня! — глаза Джонатана были дикими. — Ты знал про Килэй?

— Она говорила мне, что она — изгой, — признался он.

Джонатан перестал ругаться на миг, промчался отряд солдат. Но, как только они ушли, он продолжил.

— Ты же не от графа? — он посмотрел на макушку Каэла. — И волосы, наверное, не твои.

— Нет, мы не от графа. И, — он потянул себя за волосы, — цвет настоящий.

Джонатан покачал головой.

— Нужно сказать Гаррону. Это серьезно.

Каэл не был с этим согласен. Гаррон разозлится, что пропустит торговлю, может, он даже захочет выдать Килэй. Особенно, если страж не врал про награду. Он не знал даже, что

она сделала, чтобы ее так преследовали.

— Нельзя говорить Гаррону, — сказал он, схватив Джонатана за воротник. — Нельзя говорить. Я серьезно.

Его глаза стали шире. Он кивнул.

— Точно. Ты прав. Даже если она изгой, она все еще мне друг. И я не предатель, — он плюнул на камни. — Ее секрет я сохраню. И я знаю, что она — твоя девушка. Я не хочу разрушать вам все.

Каэл ткнул его локтем.

— Она мне не девушка.

Джонатан указал на его красные щеки и рассмеялся. Каэл не успел ударить его, он убежал.

*

Горацио ждал у ворот. Его глаза были красными, а на щеках были зеленые пятна. Он делал маленькие глотки из фляги и кривился, пока глотал.

— Вовремя, — проворчал он. — Но они уже поставили стража.

Врата были не одни. В первые пролезла бы телега, их заблокировал отряд солдат. Их пики были опущены и направлены на торговцев перед ними. Их лошади фыркали в холодном утреннем воздухе, рыли землю. Он ругались, но торговцы не спешили ехать мимо пик.

Чуть дальше в стене была брешь с лестницей, ведущей к вторым вратам, они были лишь дверью, не больше входа в дом. Один солдат стоял перед проходом, скрестив руки, смотрел на толпу торговцев перед собой. Его каменный взгляд удерживал их на месте. Никто не хотел бросать ему вызов.

— Одного пройти можно, — сказал Джонатан, Горацио согласился.

Он пошел через толпу, люди беспомощно отступали, и Джонатан с Каэлом шли за ним. Они поднялись по ступенькам и встали на площадке перед стражем. Каэл был слева и старался не слушать любопытную толпу сзади.

— Торговцы просят пройти, — сказал Горацио.

Страж ухмыльнулся.

— Отказано.

Он скрестил руки и нахмурился.

— Отказано? Почему? У вас нет права держать нас в плену.

— Я имею право по приказу Его величества, — оскалился страж. — Вам нельзя уходить. Так почему бы вам не спустить свою жирную задницу со ступенек...

— Не называй меня жирным, тупица.

Каэл слышал грохот брони, приближающейся к ней. Он повернулся и увидел десяток солдат, идущих к толпе. Они крикнули, но торговцы не пропускали их. Угрозы звучали с обеих сторон, это выглядело опасно.

Страж осмелел при виде подмоги.

— Тупица? Я? — он постучал по шлему. — Может, мне проломить тебе голову моим шлемом?

Он угрожал Горацио и не заметил, что дверь за ним открылась. Фигура в капюшоне прошла арку, схватила его за плечо и вонзила меч в спину так быстро, что он не успел вскрикнуть. Белый клинок пронзил дракона на его груди, и они поняли, кто их спас.

— Килэй...

— Тихо! За мной, — сказала она. Она была в капюшоне, если бы не Предвестник, Каэл

не узнал бы ее.

Страж попытался позвать на помощь, но вместо этого давился кровью. Его тело ослабевало все больше с каждой секундой, он повисал на клинке. Джонатан смотрел, раскрыв рот, на умирающего мужчину, пока Горацио не втолкнул его в проем. Килэй шагнула к краю платформы.

Она держала стража за кольчугу, он все еще был пронзен ее мечом. Под ними боролись торговцы и солдаты. Они толкались, возмущались, но оружие оставалось за поясами. Килэй склонилась и бросила тело в середину толпы.

И мечи моментально вылетели из ножен.

Каэл не успел понять, что случилось, она схватила его и потащила его через проход, дверь за ними захлопнулась. Они побежали к лесу, злые крики доносились сзади. Когда они добрались до деревьев, стало слышно звуки борьбы.

— Чем ты думала, когда убила солдата Средин? — выдохнул Горацио, когда они замедлились. — Они догонят нас и убьют!

— Никто не видел, что это сделала я, — сказала она. — Нам нужно убедиться, что несколько часов солдаты будут заняты. Мятеж отлично замедляет армию, — она улыбнулась, — а труп начинает мятеж.

Они бежали, пока Горацио не стало плохо, им пришлось идти. Каэл оглядывался, ожидая увидеть, что все солдаты бегут за ними. Но никого не было.

Он понимал, что все идет не так. Если бы их не заметили, если бы Килэй не показалась, если бы служанка не отвлекла стража, они бы висели на стене города. И хоть он понимал, что они в беде, его сердце колотилось от восторга.

У него было приключение. Настоящее!

В полдень его желудок заурчал, и радость пропала. Он сомневался, что они догонят караван, двигаясь в темпе Горацио. Он смирился с этой мыслью, но тут они пересекли холм и увидели приятное зрелище.

Огромная роща раскинулась под ними, сотни деревьев склонялись от оранжевых фруктов, пахло цитрусовыми. Тропа вела через рощу, и там был караван.

Джонатан завопил, пока они приближались, несколько человек подняло головы от еды. Они встретили их по пути, похлопали по спине и сунули им в руки еду. Каэл был удивлен, как много людей было радо им. Он не думал, что по нему будут скучать. Чэни и Клод повторяли, как боялись за него, они думали, что его схватили. Но они убедили его, что, если бы его поймали, они бы пошли его спасать. Гаррон пожал ему руку и поблагодарил за то, что Джонатан и Горацио вернулись живыми. Он жалел, что сомневался в его навыках.

А потом была Аэрилин. Она не похлопала его по спине, а крепко обняла.

— Я так боялась, что больше тебя не увижу! — сказала она. Когда она подняла голову от его груди, он увидел в ее глазах слезы. — Мы долго ждали, но вы все не шли. И папа сказал, что идут стражи, нам пришлось уходить. О, простишь ли ты меня?

— Конечно, прощу, — выдавил он, хотя она почти задушила его.

Когда он уже не мог дышать, она переключилась на Килэй.

— Как ты могла! Как ты могла убежать, не сказав, куда!

Она рассмеялась и попыталась отодвинуться.

— Я говорила тебе, куда иду.

— Спасать Каэла — это не место, если тебе не говорили.

Джонатан ткнул его локтем в бок и подмигнул, Каэл старался игнорировать его. С

Килэй все было проще, но он все еще думал, что они могли сбежать и без ее помощи.

Закончив отчитывать их, Аэрилин обняла Горацио. Даже Джонатан получил объятия, а потом сделал кое-что, за что получил пощечину.

После приветствий Гаррон дал им пару минут на еду. Они устроились под большим деревом, и Аэрилин ушла собрать им апельсины. Каэл вызвался помочь.

— Папа купил три ящика, а еще каждому дали по одному на обед, — сказала она, снимая фрукт с ветки и вручая ему. — Он продал за них фермеру шелковую блузку, представляешь?

Каэл не знал, что это за шелковая блузка, но не был удивлен тем, что Гаррон обхитрил фермера.

— Надеюсь, обмен его порадовал, — осторожно сказал он.

Она улыбнулась.

— Думаю, да. Он потерял деньги, но он был рад помочь рабочим.

Каэл чуть не выронил охапку апельсинов.

— Погоди... потерял деньги?

Она с любопытством посмотрела на него.

— Шелк для королей, а не фермеров. Конечно, фермер не знал этого, он хотел что-то милое для жены, — видимо, Каэл все еще был потрясен, потому что она огляделась и понизила голос. — Ты умеешь хранить секреты?

Он настороженно кивнул, не зная, какой секрет могла хранить Аэрилин.

— В общем, — она глубоко вдохнула, — мы с папой не из Великого леса.

Это мог видеть даже почти слепой, но он пытался изобразить удивление.

— Да? Я не знал...

Она кивнула.

— Это так. Моя семья из Высоких морей. Но мой дед переехал из-за нашего дела в лес, когда папа был маленьким. Знаешь, почему?

— Нет. Почему?

— Потому что он был в долгу перед жителями деревни. Он был должен им жизнь. Как-то, когда дед и пап были в пути по торговле, папа сильно заболел. Они остановились в деревушке в Великом лесу, где старик дал папе лекарство от лихорадки. Но даже после того, как температура спала, он был слишком слаб для дороги. Хотя деду не хватало денег, старик поклялся, что будет заботиться о папе, пока он не разберется с делами. Дед был так благодарен за помощь, что переехал в лес и дал жителям работу в караване. Папа не забывал доброту старика. Он понял, что некоторые богачи королевства доброту проявлять не умеют.

Каэл не ожидал услышать такого о Гарроне. Он кашлянул.

— Хорошо, что он это понял, — он не знал, что сказать, и добавил. — Другие ждут.

Они раздали апельсины и принялись за еду. Клод боролся с кожурой. Увидев его безуспешные попытки, Килэй забрала у него апельсин и прокусила кожуру, и потом уже он смог его почистить. Каэл ел дольками, наслаждаясь вкусом сока, разливающегося во рту. Чэни развлекался, плюясь косточками в голову Джонатана. Тот не сразу понял, кто его дразнит, а потом начал стрелять в ответ. И начало сражение, почти по каждому попали косточки.

Они закончили с едой быстро и могли отдохнуть пару минут. Каэл думал серьезно о том, чтобы поспать, когда Джонатан начал пилить скрипку.

— Развлечемся? Ты размял мне руку. Готовьтесь, дамы и господа, — он посмотрел на

Килэй, — и те из нас, чья одежда из металла.

Она ответила грубым жестом, как понял Каэл, потому что Аэрилин возмущенно выдохнула, а Чэни рассмеялся.

— Не нужно так злиться, — с напускной строгостью сказал Джонатан. — Я буду рад развлечь всех вас грязной песенкой, которую я назвал «Порочные панталоны пирата»...

— О, Джонатан, только не твои жуткие песни! Мы же хорошо поели, — попросила Аэрилин.

— Да, я буду рада, если ты споешь что-то уместное, — сказала Килэй.

— О, смотрите, кто заговорил! А пару минут назад ты вела себя уместно? — парировал Джонатан и подставил за ухо ладонь, чтобы лучше слышать.

— Я ничего не говорила...

— Но это было ужасно! — заявила Аэрилин. — Леди нельзя так себя вести. У Каэла манеры лучше, а он — парень.

— Спасибо, — проворчал он.

Килэй опасно улыбнулась.

— Ты права, я вела себя не как леди. Как мне загладить вину?

Аэрилин скрестила руки.

— Этого уже не вернешь.

— Но я ничего не говорила, — она повернулась к Джонатану. — Играй, как можешь. Эту ты должен знать.

Она скрестила ноги и потянула руки, сцепив их при этом. Казалось, они должны были ожидать что-то необычное. И Килэй неожиданно запела.

Ее голос заполнил воздух, и все потрясенно замолчали. Джонатан так растерялся, что не сразу заиграл. А потом его музыка сплелась с ее голосом, поднимаясь там, где ее голос снижался, пропадая там, где ее голос нес высокие ноты.

Каэл затерялся в ее песне:

— Там, на бескрайнем поле

Ярко фиалки цвели.

Но сэр Гориган был мрачен,

Ведь был у него лишь щит!

Драконы терзали Долину,

Сжигая дыханием все.

Сэр Гориган воскликнул:

«Прогнал бы я их мечом!»

И солнце сказало: «Горри,

Луч мой тебе станет мечом.

Бери его, бей им драконов,

Огонь их ему нипочем!»

Когда закончилась последняя строчка, он едва мог в это поверить. Он думал, что она не знает толком о сэре Горигане. Но она взглянула на него перед тем, как все начали хлопать. Он увидел ухмылку Килэй и опустил голову.

Он не хотел, чтобы она думала, что он был впечатлен.

— Это было просто прекрасно! — сказала Аэрилин. — Не знаю, почему ты все это

время молчала. А ты! — она бросила а Джонатана апельсиновой кожурой. — Как ты мог? Ты пытал нас столько лет, а сам умел нормально петь! Как ты смел!

Кожура полетела в Джонатана со всех сторон. Он рассмеялся и попытался защититься скрипкой.

— Откуда мне было знать, что вам нравится такая скука? Я хотел научить вас искусству, а вы... ай! Вот тебе и благодарность!

Он вскочил на ноги и побежал за деревья. Чэни и Клод бросились за ним, бросая кожуру.

Глава 16:

Проход Бартоломью

Под крепостью Средин, ниже теплых очагов и уютных кроватей, был мир тьмы, сырых каменных комнат, что были забыты. Эти мрачные комнаты под землей были давно забытой главой в истории королевства. И король обещал запечатать их, чтобы убивать или отпускать, но не приговаривать людей гнить здесь.

Вот только он соврал.

Вода капала с потолка, звук сводил с ума. Капли собирались в грязные лужи и отражали ужасные лица самых опасных узников Средин. Слизь не приглушала их вой. Некоторые бились о стены камер. Некоторые царапали камень или скулили. Но им не суждено было снова увидеть свет, если король этого не захочет.

Кровоклык слушал их безнадежный стук. Те, кто боролись, еще не поняли, что сбежать невозможно. Даже если они протиснутся через прутья или прокопают выход, ошейники начнут гореть и заставят их вернуться в камеры.

Его стая привыкла к ошейникам. После годов изменения тел по приказу короля их два облика стали единым.

Теперь стая спала в соломе. Но Кровоклык не мог спать. Он сидел у стены, уперев руку в мохнатое колено, и следил. Его тело было почти как у человека, но покрытое густым черным мехом. Его голова и лицо были как у волка. От человека остались только глаза под мохнатым лбом.

Король получил его тело, но он боролся за разум. Он игнорировал голоса, проникающие в него, рассеянные мысли всех, попавших под заклятие. Он знал, что если будет слушать их, его глаза станут пустыми и темными. Он станет животным... как все в его стае.

Где-то дальше скрипнула дверь. Кровоклык дернул острыми ушами, тяжелые шаги звучали по холодному полу, приближались к их камере. Он встал, прислушался и разбудил стаю низким рычанием. Они потянулись и заворчали из-за прерванного сна, но не могли игнорировать альфу. Они сели один за другим, выпрямили лапы, щелкая клыками в предвкушении.

Когда стало видно хранителя зверей, Кровоклык приветственно застучал хвостом по полу. Он поздоровался и с серым соколом на плече хранителя зверей, тот похлопал крыльями в ответ.

Кровоклыку нравился Вечерокрыл, он был маленьким, но умным. Он знал, как бороться с голосами.

Еще не пришло время еды, так что Кровоклык знал, что принесли послание короля. Железная перчатка на покрытой шрамами руке хранителя зверей засияла, когда он коснулся

ее. Ошейник Кровоклыка стал теплым. Он сел прямее. Вдруг в голове раздался голос короля: «Следуй за Вечерокрылом, он приведет тебя к добыче. Когда найдешь ее... убей. Принеси мне ее голову, будешь вознагражден».

Стая восторженно завывала вместе с Кровоклыком. Они были готовы к новой охоте и нетерпеливо ждали воспоминание короля.

Кровоклык узнал город, где им нужно было начать: эту деревню люди звали Вороньим крестом. В гостинице была кровать с ее запахом. Воспоминание изменилось, и он увидел ее лицо. А потом понял, что ему не нужен ее запах, он уже его хорошо знал.

Он невольно завыл, ноги согнулись от веса ошейника. Он боролся с ним впервые за годы. Как бы он ни старался, чары с силой сковывали его со словами короля. Он управлял его обликом, воровал его мысли, двигал его ноги. Он никак не мог остановить себя, если король приказывал.

Когда хранитель зверей открыл дверь, Кровоклык выскочил. Он опустился на четыре лапы и поскакал. Он следовал за Вечерокрылом по мрачным коридорам, его стая радостно лаяла позади.

Они не помнили ее лицо. Как они могли? Магия забрала их разумы много лет назад. Они снова были щенками, ослепленными жаждой охоты, не видящими смерти, что ждала их. А она точно убьет их всех.

Коридор повел выше, они впивались когтями в мох и карабкались. Они вылезли из дыры в стене замка, свежий запах ночного воздуха наполнил нос Кровоклыка.

Стены Средин пропали позади, они бежали. Он следовал за Вечерокрылом, точкой высоко над ними, слушал, как его когти бьют по земле. Пока они путешествовали, он пытался не думать о добыче... он не хотел, чтобы король узнал то, что было ему известно.

*

Каэл несколько дней просыпался и сразу оглядывался. Он осматривал холмы, пытался увидеть облако пыли, что означало бы, что армия догоняет их, но этого не было.

Впереди все ближе была западная гряда Беспощадных гор. Они уже не были лиловыми тенями вдаль, а теперь были большими и неровными, как их восточные братья.

Он не понимал, как Гаррон собирался поднять туда шесть телег. Многие пути были вытоптаны оленями, туда не могла пролезть телега. Но никто не беспокоился. Караван шел дальше, словно опасные горы были простыми зелеными холмами. Он не был уверен, что они понимали, как сложно будет неделями идти там. Это было безумием.

Но у подножия первой горы стало ясно — и ему стало страшно — как они их пересекут.

Маленькая гора отличалась от других — она была рассечена пополам, словно огромный топор упал с неба по ошибке туда, а не на бревно, разбил гору пополам. Трещина была узкой. Она изгибалась в центре горы и пропадала в вышине.

— Это проход Бартоломью, — сказала Аэрилин, когда он указал туда. — Сто лет назад изобретатель Бартоломью сделал магазин на этой горе. Но один его эксперимент пошел не так, и он взорвал гору! Бедняга, от таких взрывов не выживают.

Проход Бартоломью? Торговцы совсем сошли с ума от денег, что забыли о разуме? Он отошел от Аэрилин и сел рядом с Килэй на бревно.

— Ты видела? — сказал он.

Она посмотрела в указанную сторону и пожала плечами.

— Да, нужно быть слепой, чтобы не заметить это.

— Мы же не пойдем туда?

— Конечно. Пойдем. Это самый быстрый путь к побережью, — она обхватила рукой его плечи, словно он был ребенком, которого нужно было успокоить. — Не переживай, нас вряд ли засыплет.

Он отпрянул от нее.

— Вряд ли?

— Ага.

— А я вот уверен, что засыплет, — прошипел он, говоря тихо, чтобы не слышали остальные. — Я видел оползни в горах. Я знаю, как быстро это происходит. Если хотя бы камешек двинется, пока мы будем там, нас не найдут и через сотни лет, пока очередной Бартоломью не решит взорвать гору. Почему ты смеешься?

Но она согнулась так, что не могла ответить. Ее лицо было красным, дыхание вырывалось порывами. Несколько раз она пыталась взять себя в руки и что-то сказать, но смотрела на него и начинала смеяться снова.

Ему надоел ее смех и весь этот бред. Он развернулся и пошел прочь, не слушая ее просьбы вернуться. Когда гора обрушится на них, он спросит, смешно ли ей, если успеет.

Гаррон хоть немного исправился, сообщив, что они не будут останавливаться, а пойдут сразу, отдохнут, когда окажутся на другой стороне. Он повел их, перо на его зеленой шляпе покачивалось от шага лошади.

Караван вошел в Проход, и разговоры утихли. Давление горы словно сжало руками их шеи. С каждым шагом хватка становилась сильнее: воздух был слишком тяжелым для дыхания, тишина давила на них. Постепенно стены камней закрыли солнце, и они пошли в свете факела.

Каэл мог лишь идти и тревожиться, и это усилило его воображение. Тьма делала каждый звук зловещим. Лошадь заскулила, и он замер. Он задержал дыхание и слушал. Камешки падали по стенам, зловещие капли перед бурей, он был в этом уверен. Он прислушивался к гулу камней, но его не было.

Корни древних деревьев извивались на стенах, тянулись к нему, удлинённые из-за теней. Они впивались в его лицо, просили уйти, пока они не поглотили его. Говорили, что его плоть сделает их сильнее, что они вырастут на его крови.

Его сердце колотилось, а Килэй была спокойна. Она шла уверенно перед ним, свет ее факела делал ее тенью, из-за огня на ее плечах были странные линии.

Прошла вечность, и кто-то все же крикнул, что видит конец. Каэл поднял голову и выдохнул с облегчением. Точка серого света вдаль становилась все больше с каждым шагом. Вскоре жуткое место окажется позади.

Когда он подумал, что переживет, Килэй остановилась. Ее рука коснулась его груди, он попытался пройти, но она оттолкнула его.

— Что такое? Идем, мы почти...

— Тихо.

Ее тон был резким, он тут же притих. Она склонила голову, хмуря темные брови, разглядывая стены над ними, пытаясь найти то, что он не мог видеть.

Наконец, она опустила руку.

— Может, ничего нет. Но я будто слышала...

Крик сокола пронзил воздух, а потом вопль был таким жутким, что стыла кровь. Звучало так, словно человеку оторвали ногу. Это был крик души, которую терзали, которая не могла остановить боль, крик человека, который не мог вырваться из агонии. Он закрыл

уши и стиснул зубы.

Существо вырвалось из-за утеса и с воплем бросилось на Килэй.

Это было чудовище, одно из тех, о которых предупреждал хозяин гостиницы. Он и не поверил бы, если бы не увидел сам, но тело выглядело так, как ему описывали: будто человек проглотил волка. Только теперь волк явно вырывался наружу.

Участки серого меха вырывались из кожи человека, почти покрывая длинный нос и впалые щеки. Черные глаза смотрели из глазниц на Килэй. Острые когти тянулись к ее горлу.

Каэл не успел испугаться, она сбила его на землю. Она стояла над ним, монстр пролетел, она уклонилась от когтей. Вспышка белого, и мертвое тело ударилось о стену. Она развернулась, и Каэл увидел Предвестник в ее руке. Лезвие сияло в свете факела.

Еще больше воя раздалось в Проходе, еще больше монстров появилось из-за утеса и обрушилось на торговцев. Гаррон вопил поверх криков мужчин, пытаясь навести порядок. Крики Аэрилин оглушали.

Существа следили за ними всю ночь, скрывались в тенях, следили своими бездушными глазами, как они слабеют. Они ждали этого момента для атаки, и они напали как волки — изо всех сил, думая лишь об одном: убить.

Еще один монстр напал на Килэй. Он попытался укусить ее за шею острыми зубами, она отскочила. Она ударила его факелом по голове и побежала. Схватив Каэла за руку, она подняла его.

— За мной!

Она, казалось, знала, что делает, и он не спорил.

Гаррон собрал торговцев меньше, чем за минуту. Он организовал их в круги и приказал встать спиной к спине. Они махали мечами и атаковали стрелами, защищаясь, пока Гаррон на коне бросался на стаю. Он отгонял монстров мечом и вопил:

— Держитесь! Деритесь изо всех сил!

Они обнаружили Аэрилин, сжавшуюся на земле, за телегой ювелира. Край ее платья был грязным, ее глаза покраснели от слез. Ее завитки волос обвисли. Килэй схватила ее и забросила на плечо. Она ударила дверь телеги ювелира и забросила Аэрилин внутрь.

Каэл вскинул лук и был готов вступить в бой, когда она схватила его за пояс и забросила к Аэрилин. Он вскочил на ноги и побежал к двери, но она оттолкнула его.

— Ты остаешься здесь, ясно? Не двигайся! — прорычала она, зеленые глаза пылали, она захлопнула дверь перед его лицом.

Он был в ярости. Он был не самым сильным в королевстве, но не был трусом: он бы не прятался, пока остальные сражаются. Ворча, он выхватил лук и открыл дверь ногой.

Группа торговцев была близка к поражению. Они смогли одолеть двух монстров, но третий рухнул в центр, разбив их круг. Он ударил одного когтями по спине, второго отбросил ударом в живот. Третий мужчина размахивал мечом, загнал монстра к стене и замахнулся на его грудь.

Когти чудища ударили его снизу по челюсти. Он отлетел и упал на лодыжку. Был слышен хруст.

Чудище приближалось, ощущая добычу. Ноздри раздувались, мужчина пытался отпрянуть, но зверь ощущал его страх. Слюна лилась изо рта, монстр прыгнул. Длинные когти почти ударили по горлу мужчины, когда стрела Каэла попала в его бок.

Зверь отлетел и рухнул на землю, но не надолго. Монстр тут же перекатился и встал.

Его голова поворачивалась, пока черные глаза не нашли Каэла.

Пока он смотрел, чудовище выдернуло стрелу. Горячая кровь полилась из раны. С рычанием зверь напал на него.

Он пригнулся и закрыл за собой дверь. Монстр врезался в телегу и отпрянул, этого времени хватило, чтобы он выпустил еще одну стрелу. Она взревела и вонзилась в плечо. Монстр бросился снова, но в этот раз Каэл двигался не достаточно быстро.

Коготь проехал по его ноге и потащил к себе, разрывая сапог, штанину и кожу. Он вскрикнул, его оттащивали за плоть. Боль пронзила ногу, рана пылала. Он застонал, а монстр наслаждался пыткой.

Зверь выгнул спину и вскрикнул от боли. Зверь развернулся, когти тянулись к стреле в спине. Каэл увидел Чэни, опускающего лук.

— Нет!

Но было слишком поздно.

Монстр забыл о нем и бросился к Чэни, чьи глаза расширились, пока он искал стрелу в колчане. Его руки дрожали слишком сильно для выстрела. Он не мог натянуть тетиву. Монстр прыгнул.

Каэл прикусил губу и заставил шевелиться раненую ногу. Когти тянулись к Чэни, пасть монстра раскрылась, как брешь в центре земли, брешь с сокрушающими кости зубами. Он ощущал только стрелу, пока целился. А потом его пальцы соскользнули с тетивы.

Каэл моргнул, монстр был мертв.

Стрела торчала из его шеи, пробила слои меха и кожи. Выстрел был невероятным. Он бы гордился этим весь день, если бы не переживал так за Чэни. Он придвинулся ближе, опасаясь худшего, и голова Чэни выглянула из-под тела монстра. Он был потрясен.

— Я застрял, — проворчал он, пытаясь убрать с себя тело зверя. Каэл потащил, а Чэни толкал. Но результата не было.

— Я поищу помощь.

Чэни побелел.

— Ты не можешь меня тут бросить! А если другой решит меня съесть?

Тревога была не напрасной. Одна из телег горела, судя по запаху, кожевника. Он видел, как сражалась Килэй.

— Я буду следить за тобой, обещаю. Притворяйся мертвым.

— Быстрее!

Он побежал к Килэй и замер, увидев, с кем она борется. Судя только по размеру, это был король этих волков-монстров. Он стоял на задних лапах, возвышался над ней, его тело было полностью покрыто черной шерстью. Он замахнулся когтями, но Килэй отбила их мечом. Он бросился на нее, а она, танцуя, отпрянула.

Она играла с ним?

Он не мог дожидаться конца этой игры. Как только он приблизился, он прицелился в голову монстра. Он уже хотел стрелять, когда Килэй заметила его.

— Не стреляй! — завопила она.

Паника в ее голосе отвлекла его, он не так отпустил тетиву. Стрела задела острое ухо монстра. Он повернулся к Каэлу, а тот уже готовился стрелять снова. Но, увидев глаза монстра, он застыл.

Его глаза были не такими, как у остальных. Они не были черными и безумными, они были карими и умными. На миг он подумал, что смотрит в глаза человека. И от этого

замешкался.

Килэй размахивала Предвестником, и меч зловеще вопил.

— Каэл, уходи отсюда!

Ее голос отвлек зверя. Он повернулся, замахнулся, но Предвестник вспыхнул быстрее. Монстр упал на колени, держась когтистой лапой за рану на теле, откуда текла темная кровь на его мех. Он посмотрел на Килэй и заскулил, но она не добивала его.

Почему?

— Еще один!

Люди бросились на монстра со всех сторон с мечами. Но зверь отскочил и побежал к утесу на четвереньках. Они бросали камни, но он уже ушел.

Как только его хвост пропал из виду, Килэй добралась на него. Она схватила Каэла за рубашку и подняла к себе.

— Чем ты думал? Как ты мог...?

— Чэни застрял, — быстро сказал он, пока она не ударила его.

Когда они прибыли, трое мужчин пыталось снять мертвого волка с Чэни. Она подошла к ним, схватила монстра за загривок и отбросила. Она не обратила внимания на раскрытые рты, пока поднимала Чэни на ноги.

Бой был закончен, торговцы собирались со всех стороне каравана. Некоторые была ранены в голову, прижимали к порезам ткань. Но мертвых Каэл видел только волков.

— Где Аэрилин? — сказала Килэй

От ее вопроса его сердце сжалось. Он совсем забыл про Аэрилин. Он поняла это по его лицу, и они развернулись одновременно и побежали к телеге ювелира.

Дверь висела на петле. Украшения блестели в земле вокруг нее, кольца и бусы были рассыпаны по полу. Но Аэрилин не было видно.

Килэй повернулась к Каэлу.

— Как ты мог ее оставить?

— Я не виноват, — рявкнул он. — Ты должна была понять, что я не буду сидеть и жаться, пока остальные сражаются.

Она нахмурилась.

— Я просила защитить ее. Я просила охранять ее, защитить ту, что совсем беззащитна! Я не просила жаться, — ее голос стал ниже, соответствуя взгляду. — Я просила поступить храбро. А ты не смог.

Ее последние слова повисли в воздухе горячим пеплом, прожигаящим сердце. Если Аэрилин была мертва, то по его вине. И он знал это. Он побежал искать ее, но крик из передней части каравана остановил его.

Он узнал голос Аэрилин, она выла:

— Папа!

Глава 17:

Идэн и Быстроножка

Гаррон лежал на земле и смотрел на то, что никто из них не мог видеть. Его туника была покрыта грязью, зеленая шляпа была изорвана, часть пера пропала. Его седые волосы, обычно стянутые назад и чистые, торчали под странными углами. Но ему было все равно.

Он смотрел на что-то вдали. Может, видел врата в другое королевство, дверь в Зал, где

отдыхали храбрые люди, где не было жестокой зимы. Или его история просто закончилась. Может, он прочитал последнее предложение и улыбнулся, поняв вечный секрет, что жизнь на этом не кончалась.

Но в реальности Аэрилин голосила, лежа на земле рядом с Гарроном. Она отбросила отломанную часть ее копья и уткнулась лицом в его грудь. Ее ладони дрожали, и она сжала в кулаках его тунику, словно думала, что могла оттащить его обратно.

Тело чудища лежало рядом с Гарроном. Его волчья голова была разбита копьем Аэрилин, спину усеивали стрелы. Глубокие следы когтей вокруг сердца Гаррона были работой этого монстра. Темные пятна вокруг ран уже не растекались, но вред был нанесен.

Всхлипы Аэрилин были единственными звуками. Остальные окружили ее, не зная, что делать. У некоторых были красные глаза, но Каэл ощущал лишь гнев. Буря в его груди была такой сильной, что его сердце едва выдерживало. Кровь текла из раны на ноге в сапог, а ярость подбиралась к голове.

Когда зверь убивал человека в горах, семья никак не могла отомстить. Каэл плюнул на голову волка и смотрел, как слюна стекает по его сухому носу. Он понимал, что Гаррон не боялся встретить смерть: у него были товарищи, что могли выступить за него.

Он мог ощущать это в воздухе, когда горы слышали его. Холодный воздух коснулся его шеи, и он знал, что они смотрели. Горы не могли получить Гаррона, он остался с Каэлом.

Остальные тоже плевали. Джонатан был следующим, за ним Чэни и Клод. Вскоре и другие торговцы плюнули на голову чудища и касались лица Гаррона.

Они могли не понимать, что делают, но Каэл не останавливал их. Гаррон заслужил почести.

Килэй обнимала Аэрилин все это время. Она крепко держала ее, шептала успокаивающие слова, которые знали только женщины. Аэрилин плакала в ее плечо, лепетала бред со всхлипами. Но постепенно ее громкие рыдания стали едва слышными.

Горацио склонился возле Гаррона, нахмурился от боли и закрыл пустые глаза кончиками пальцев. Рядом с Гарроном лежала зеленая шляпа. Горацио поднял ее с земли и стряхнул землю. Он сунул ее в карман.

— Нам не стоит задерживаться, — хрипло сказал он. — Их может быть больше, а бежать здесь некуда.

— Что это было? — спросил один из мужчин, остальные согласно заворчали.

— Не знаю, — признался Горацио.

Джонатан шагнул к убитому волку и осмотрел железный ошейник на его шее.

— На них поцелуй Его величества, — сказал он, Каэл побелел, увидев черного дракона на ошейнике.

От его слов люди зло зашептались.

— Но зачем королю нападать на торговцев? — спросил кто-то.

Джонатан посмотрел на Килэй, но опустил голову. Горацио пытался смотреть в другую сторону.

Наконец, заговорил Чэни:

— Он еще тот жадина, явно хотел наше золото.

Люди приняли его ответ. Они сжали кулаки, вены проступили на шеях, они требовали поход в Средины. Горацио не с первого раза смог их успокоить.

— Хватит! Прекратите! — рявкнул он. — Думайте головой, а не сердцем. Король опасен, — мужчины заревели, соглашаясь, — нас слишком мало. Если пойдете туда с

вопросами, он всех вас повесит. Подумайте о детях, подумайте о женах.

Холодная правда слов Горацио заглушила их крики. Мечи неохотно вернулись в ножны, стрелы — в колчаны.

— Но что нам делать? — спросил Клод, его голос был тихим.

Горацио вздохнул.

— Мы пойдем домой. Вернемся в деревню и под защиту графини. Королевство теперь опасное для торговцев.

И он отдал приказ двигаться. Только три телеги из шести могли ехать: у двух других были разбиты колеса, а телега кожевника сгорела. Хуже было то, что конь Гаррона упрямо стоял рядом с хозяином и не двигался, и Аэрилин снова разрыдалась.

— Кто-нибудь, позаботьтесь о звере, — пробормотал Горацио. Он забрал Аэрилин. Чэни схватил коня за поводья и потянул.

Остальные шли, не оглядываясь, оставив Килэй и Каэла позади. Он не мог винить их. Джонатан сдержал обещание, Горацио не выдал Килэй. Они больше ничего не были должны им.

Когда они ушли, он увидел, что Килэй ставит камни вокруг тела Гаррона, закрывая его от падальщиков. Она сделала могилу, а потом опустилась рядом с ней. Он не слышал, что она шептала, и ему было слишком больно подходить.

Вокруг никого не было, и он мог быстро исцелить ногу. Он закатал штанину и снял сапог, скривившись, когда засохшая кровь треснула, потекла новая. Он закрыл раны, но не заживлял полностью: он оставил шрамы. Он не хотел забыть этот день.

Когда он поднял голову, то заметил, что Килэй делает вторую могилу — из-под нее торчала когтистая лапа зверя. Он вскочил и побежал к ней, не обув сапог.

— Что ты делаешь?

— А на что это похоже? — она опустила камень и пошла за следующим, но он преградил путь.

— Не верю. Честно. Ты оказываешь этому существу такое же уважение, как и Гаррону?

— Каждый человек заслуживает могилы, — она пыталась обойти его, но он не давал.

Она должна убить его или хотя бы отключить, чтобы пройти.

— Ты слепая? Это не люди, а монстры!

Она фыркнула с отвращением.

— Ты не знаешь, о чем говоришь. С дороги.

— Нет.

А потом его ноги оторвались от земли, острые края стены Прохода впились в его спину.

— Они были людьми, шептун, — сказала она, ее голос дрожал, она рычала. — Древняя раса людей с силой принимать облик зверей. Они мирно жили в лесах задолго до твоих королей, — она процедила слово. — А теперь Креван делает из них зверей. Он сделал их рабами через магию в их крови, довел до безумия своей ненавистью. Он украл их величие и превратил тела в такое, — она схватила его за подбородок, заставляя посмотреть на ближайшего волка, — в то, что вы зовете монстрами.

Он не сразу осознал то, что она сказала. А потом понял.

— Погоди... так они были... оборотнями?

— Или чужаками, как твой вид любил их называть, — рявкнула она, отпуская, и он рухнул на землю.

Она ничего не знала о его виде: оборотни были в Беспощадных горах. Старейшины

верили, что это были благословленные дети Судьбы. Сколько раз он слышал, как Роланд ворчал, что обречен ходить по лесу на двух ногах? Что неуклюжий облик человека не давал ему понять все секреты леса?

Каэл подумал о моменте, когда смотрел в глаза последнему монстру, который был главой среди них. Он помнил его глаза, они были умными и понимающими. Это было невозможно, но так было.

— Я не знал. Клянусь, — сказал он.

Огонь в глазах Килэй угас до угольков, но она все еще поджимала губы.

— Нет, это моя вина. Не стоило ждать, что ты поймешь.

— Но я понимаю. Мне всегда нравились истории про оборотней.

Она не ответила и продолжила строить могилу. Он помогал ей двигать камни, но она не смотрела на него. Ее губы были сжатыми, взгляд — необычно тяжелым. Как мог он убедить ее, что ему было очень жаль?

— Когда я был младше, я представлял себя одним из них, — его лицо пылало, когда он ощутил на себе ее взгляд, но он продолжил. — Я притворялся, что слышу разговор зверей, что у меня острый слух и нюх. Знаю, звучит глупо, но я всегда хотел быть таким.

Она молчала.

— И каким животным ты себя представлял?

— Оленем.

— Правда? — теперь она улыбалась, и он не знал, радоваться или обижаться. — Я всегда думала, что ты больше похож на барсука.

— Почему?

— Ты сильнее, чем выглядишь, и с причудами.

Он обдумал это и решил не возражать. Когти барсука были неплохими. Он посмотрел на волка, его желудок сжался, когда он увидел, как искажено тело.

— Все они так выглядят?

— Да, после того, что с ними сделал король, — мрачно сказала она. — Маги наложили на них проклятие, и оно заставляло их менять облик против их воли. Это против природы. После нескольких лет они застряли где-то между.

Он увидел ошейник на шее зверя с черным драконом.

— Это оковы.

Она кивнула.

— Проклятые.

Гнев разбухал в его груди. Он никогда не встречал оборотня, но читал про них достаточно, чтобы они были ему близки. Королевство было перед ними в долгу.

Он помнил Крепкого Идэна, единственного храброго рыцаря, который смог вызвать на бой левиафана из Высоких морей. Когда они встретились, монстр разбил его судно, и он отлетел в глубины. Его прибило к берегу три дня спустя, едва живого. Если бы не Быстроножка, кулик, он бы умер. Она вытащила его и отнесла в гнездо, где выходила его.

Идэн влюбился в нее, но Быстроножка знала, что любовь обречена. Как только он выздоровел, она улетела за океан, в странные земли за морем.

Хотя Идэн жил, его сердце было разбито. Он снова поплыл и вызвал левиафана. В этот раз ему было нечего терять, и он поплыл в пасть монстра, в его горло. Он добрался до сердца и разрезал вены, удерживающие его, отправил его в огненные глубины брюха левиафана, где оно сгорело.

Если бы не Быстроножка, Идэн никогда не убил бы левиафана. Высокие моря были безопасными, потому что он пожертвовал собой.

— Думаешь, их можно как-то спасти? — слова вылетели из его рта раньше, чем он подумал.

Килэй пожала плечами.

— Может... я пыталась, но это пошло не так, как я планировала.

— Потому у тебя такие проблемы с королем?

— Отчасти, — кивнула она. Килэй села на корточки и уперла локоть в колено. — Слушай. Освободить оборотней сложно. Одно дело идти по Беспощадным горам, другое дело — Средины. Мы должны взять себя в руки, да?

Он неохотно кивнул. Он не знал, сколько лет должно уйти, чтобы отомстить за Тиннарк и освободить оборотней. Если все продолжится в таком темпе, как сейчас, он будет возраста Амоса, когда получит шанс жить счастливо.

Килэй хлопнула его по плечам, улыбаясь при виде его тяжелого взгляда.

— Не переживай. Можно думать сразу о нескольких заданиях. Ведь задания редко простые и требуют лишь сделать что-то.

*

Он помог ей похоронить оставшихся оборотней — полуволков, как звала их Килэй — и они покинули Проход.

Темные тучи закрыли небо над ними, ветерок стал холоднее. Изгибы равнин остались позади, впереди их ждали камни и пучки коричневой травы. Сосны смотрели свысока, как стражи, пока он шел за Килэй по тропе, вьющейся между деревьев.

Он не думал, что будет скучать по шуму каравана: крикам Чэни и Клода, вечной болтовне Аэрилин и нотам бедной скрипки Джонатана. Но, чем дальше они шли, тем больше ему этого не хватало.

Он понимал, что не стоило так думать. Гаррон был мертв по их вине, он и не ждал снова увидеть караван.

Они вышли из-под прикрытия деревьев на широкую долину. Узкий ручей бежал по ней, вдоль берега он увидел знакомые зеленые туники, люди отмывали раны в воде.

Он увидел Аэрилин на дороге вдали от остальных. Ее глаза были красными, она упрямо скрестила руки. А, когда увидела их, тут же побежала. Кто-то рассказал ей правду. Он видел по ее взгляду, что они в беде, и приготовился.

Она побежала к Килэй.

— Знаю, — она вскинула голову, чтобы не пролились слезы. — Горацио сказал мне, что ты опасна. Плевать. Король спустил тех монстров на всех нас, ему было все равно, кто пострадает. Но важно то, что ты — моя подруга, а друзья не позволят этому помешать их дружбе, — она крепко и быстро обняла Килэй и шагнула к Каэлу.

Она прижалась к его груди, и он не знал, что делать. Так что он обхватил ее руками, стараясь не помять платье.

— Мне жаль, — начал он, но она зажала его рот рукой.

— Не надо. Я уже наплакалась, а папа не хотел бы видеть меня такой, — она слабо улыбнулась. — Знаешь, что он бы сейчас сказал? «Время ценно, милая, так что не топи его в слезах».

Она взяла их за руки и повела к каравану, где их ждали друзья.

Глава 18: Пираты?

Они долго не задерживались на месте, через пару часов деревья пропали, их встретило открытое поле. Солнце начало спускаться, лучи падали в бреши между туч. Ветер танцевал с длинными травинками, пока караван шел мимо них.

За полем мир резко обрывался. Каэл оторвался от группы и подбежал к краю утеса, его манил гул волн. Он остановился на краю и смотрел на чудо перед собой.

Океан.

Он был бесконечным, как небо. Вода тянулась вдаль, волны мерцали на солнце, преследовали облака над собой. Чайки летали на холодных порывах ветра, кричали друг другу, и он завидовал им. Оттуда был прекрасный вид.

Он мог стоять так весь день, глядя на то, как вода целовала небо. Но караван шел дальше. Они мало спали, а деревня у скал обещала горячую еду.

Вниз можно было спуститься только по тропе, вырезанной в камне. Путь был опасным, резко менял угол направления. Лошади спускались зигзагами и со страхом перебирали копытами. Внизу их ждал деревянный знак «Харборвилль».

Синие буквы выгорели и облетели. Одна из цепей была ржавой. Табличка висела на оставшейся цепи, и ветер беспощадно бил ею о столбик.

Среди камней и гнилых досок стояли кучи ростом с человека. От них сильно пахло гнилью и тем, что он мог описать как старый океан: вода высыхала, и оставался запах рыбы.

Они прошли первые несколько куч, и Каэлу начало казаться, что они не одни: кто-то следил за ними из теней. Он зажег факел и шагнул ближе, готовый к нападению. Свет прогнал тени и открыл преследователя. Размытые грани тьмы стали тощими руками и ногами, он увидел испуганное лицо мальчика.

Он был младше Клода. Но выглядел как старичок: под его голубыми глазами были мешки, его одежда была изорванной и грязной. Несколько пуговиц на рубашке пропали, его живот выглядывал из-под одежды, раздутый.

Мальчик поймал взгляд Каэла и нырнул за гниющую кучу. Каэл подвинул факел и озарил его. Он испуганно отпрянул, когда увидел, сколько под кучей трупов. Их кожа облетала с костей, их глаза были красными и закрытыми. Он хотел отвернуться, но один из них поднял тощую руку и приоткрыл глаза.

Они были живыми.

Кто-то — судя по запаху, Джонатан — схватил его за плечо и оттащил. Он держал факел, пока они шли и видели все больше страдающих людей под горами мусора. Те, кому повезло, сидели у маленьких костров, смотрели на котелки. Другие сидели, прижавшись подбородками к коленям, смотрели впавшими глазами на проезжающий караван.

Не так должны были выглядеть Высокие моря. В «Атласе» были описаны богатые деревни рыбаков, океан был полон разноцветных суден. Здесь описывались мили белого песка, дети, бегающие по нему с ракушками в руках. Здесь должно было светить солнце, а не быть тучи. И должна была стоять деревня, а не Харборвилль.

Если бы Джонатан не толкал его, он бы не смог двигать ногами. Он знал, что герцог Реджинальд заставлял людей бедствовать, но не знал, что они голодали. Куриц Горацио кормили лучше, а ведь их ждал котел.

— Двигайся, друг, — тихо сказал Джонатан, когда он снова остановился.

Но Каэл не хотел идти, он хотел найти герцога Реджинальда и ударить по голове.

— Нужно что-то сделать, — прорычал он.

— Мы не можем, это против закона, — Джонатан повернул его к новенькой табличке, висящей впереди на камнях. Он видел буквы даже издалека.

«Это колония воров, забирающих у короля, их оставил отбывать наказание здесь Его превосходство герцог Реджинальд. Все, кого увидят помогающим вору, будут названы ворами и соответственно накажут».

Под табличкой у воды горело несколько больших костров. Вокруг них стояли стражи, говорили и пили из кружек. На их туниках спереди был символ Высоких морей: свернутая змея, хвост которой пронзал гарпун.

Он ощущал запах жареной рыбы от костров стражей, так что его ощущали и жмушился у куч люди. Он не знал, почему они не пытались поймать себе еду. А потом прочитал табличку у воды и все понял:

«Моря — имущество Его превосходства герцога Реджинальда. Все, кто будут ловить рыбу без разрешения, будут обвинены в воровстве и соответственно наказаны».

Люди Харборвилля не были попрошайками, им не позволяли работать. От этой мысли Каэлу было не по себе, его чуть не стошнило. Почему никто ничего не делал?

Аэрилин шла, опустив голову, безмолвно плача, но это точно не было связано с ужасом вокруг них. Горацио был зол, но прятал кулаки в карманах. Он не знал, о чем думала Килэй: она была в капюшоне, который скрывал ее лицо. Джонатан нервно теребил скрипку и смотрел на стражей.

Никто из них не знал, что такое голод, но не Каэл.

В его восьмую зиму запасов было мало, и все в Тиннарке выживали на похлебке из коры сосен. Он помнил, как они с Амосом пробирались через снег ради одного приема пищи в день. Когда они дошли, сильно устали. И когда ушли, он уже проголодался. Всю зиму он держался за живот и кричал от боли.

Он старался и учился ставить хорошие ловушки, чтобы голодать больше не пришлось. Он не знал людей Харборвилля, не знал, были они ворами или нет. Но он не собирался мириться с этим. Никто не заслуживал голода.

Мальчик смотрел на него издалека, перебегая от камня к камню. Его руки раскачивались, ноги дрожали, пока он двигался. Каэл чувствовал его взгляд, его мольбу.

Несколько стражей следили за ними, но, как только их ужин был готов, они отвернулись. Пока они отрывали белое мясо от кости и слизывали жир с пальцев, Каэл получил шанс. Он снял рюкзак и порылся в нем, взял последний апельсин.

Джонатан увидел это и побелел.

— Не надо. Seriously. Если стражи увидят...

— Вот, что я думаю о стражах, — он показал Джонатану жест, которому научился у Килэй. — А это о герцоге.

Его рот раскрылся от шока. Он рассмеялся.

— Тут я спорить не могу, — он вытащил из своей сумки хлеб. Он смотрел, как стражи склоняются к еде. — Сейчас, — сказал он, и они бросили еду детям.

Мальчик поймал апельсин Каэла, а девочка рядом с ним — хлеб. Они переглянулись, раскрыв рты, словно хотели кричать от радости. Но они спрятали еду под одежду, благодарно кивнули и пропали в тенях.

Они играли так. Дети окружили их, телами прикрывали друг друга от стражей, пока

Каэл и Джонатан бросали им еду. Килэй тоже присоединилась, а потом и Аэрилин. Вскоре весь караван делился едой. Горацио опустошал все сумки и бочки. Чэни резал сухое мясо кусками и давал Клоду, а тот бросал толпе.

Дети прятали еду под одежду и бежали к семьям, радуясь. Красные яблоки, оранжевая морковь и зеленая капуста выделялись в сером мире вокруг них.

Когда они пересекли невидимую линию улицы, дети перестали идти за ними. Они радостно помахали, Каэл ответил им, широко улыбаясь, и караван завернул за угол.

Они шли глубже в Харборвилль, дома улучшались. Гнилые лачуги стали гнилыми домиками, а потом простыми домами. Вскоре они попали в лучшую часть города, и она была отвратительной.

В центре Харборвилля по улицам ходили люди в одежде, расшитой золотом. Они стояли у витрин магазинчиков, порой открывали кошельки возле своих животов, чтобы что-нибудь купить. Магазинами управляли люди со знаком Высоких морей на туниках. Они продавали товары по ценам герцога Реджинальда, не было места торгу. Если цена была непосильной, товар получить не удавалось.

Неподалеку голодали дети, а эти люди в хорошей одежде переживали насчет модной одежды. Мужчина прошел мимо, помахивая тростью с золотым набалдашником. Каэл поставил ему подножку.

— О, вы в порядке? — сказал другой мужчина и помог ему подняться.

— Да, в порядке, — проворчал он. Он огляделся, отряхивая одежду, но Каэл уже спрятался за Горацио. — Наверное, споткнулся о камешек...

Караван остановился у большой гостиницы с названием «Веселый герцог». Под табличкой был нарисован герцог Реджинальд. Он сверкал белыми зубами и радовался видом на деревню.

Каэл пытался плюнуть в него, но табличка висела слишком высоко.

Несколько длинных столов заполняли главную комнату «Веселого герцога». Они сели, и Горацио заказал еду. Когда владелец назвал цену, он удивленно фыркнул, но заплатил. Несколько стражей были в дальнем углу комнаты, крутили оружием. Горацио понимал, что из-за цены лучше не спорить.

Ужин оказался водянистой едва теплой кашей. Куски рыбы и крупа плавали в бульоне. Каэл попробовал немного, но был слишком зол, чтобы есть. Напротив него сидела Аэрилин с красными печальными глазами. Она зачерпнула бульон, наклонила ложку и смотрела, как он стекает в миску.

— Слушайте, господа, — сказал Горацио, хотя никто не говорил. — Я смог обеспечить проход к Великому лесу. Мы уходим на рассвете.

Мужчины пробормотали, что поняли, и продолжили мрачно ужинать.

Килэй пропала, когда они вошли. Но вскоре после объявления вернулась.

— У нас будет судно, — сказала она, опустив миску рядом с Аэрилин. — Уходим в полночь.

Сердце Каэла сжалось. Он знал, что этот момент наступит, но не был готов.

Ложка Аэрилин стукнула по столу.

— Но вы не можете уйти. Как я без вас? Нет, вы должны остаться и перезимовать с нами в Великом лесу, — она вытерла глаза и села прямее. — Прощу. Ваше путешествие может подождать до весны.

Килэй покачала головой.

— Нет. У нас долгий путь впереди, чем дольше мы с караваном, тем больше от нас бед.

— Плевать на беды! — отчаянно сказала она. — Прошу, останьтесь с нами.

— Нет, — четко сказала Килэй, даже слишком четко.

Глаза Аэрилин стали мокрыми.

— Вот так? Мы провели вас по Поляне, а вы бросаете нас? Отбросите нас как мусор! Как можно! — она судорожно вдохнула и выбежала из комнаты в слезах.

Как только она ушла, Джонатан устроился на ее месте, придвинувшись к Килэй как можно ближе.

— Я чувствую запах приключений, — сказал он ей на ухо.

Она ткнула его локтем.

— Не заставляй меня убивать тебя ложкой.

— Хорошо, не буду, — он отодвинулся и посерьезнел. — Я хочу пойти с вами.

— Вот уж нет.

— Почему?

— Потому что там будет опасно, одну жизнь мы уже потеряли. Мне не нужно больше жертв.

Он уставился на нее.

— Я все равно пойду. Мне дома ничего не осталось. У меня нет меча, но я все же ценен.

— О? Чем? — сказала Килэй, раздражение смешалось с удивлением.

Он криво улыбнулся.

— Очарованием и хорошим видом. И я знаком с грязной стороной общества. Если придется иметь дело с крысами, нужно знать, как они пищат.

— И ты эксперт в этом?

— Я пишу на трех диалектах, — сказал он, кивнув. А потом слез со скамьи и опустился на колени. — Возьмите меня с собой, и я не буду трогать скрипку три часа.

— Двенадцать.

— Хорошо, — он пожал ее руку, широко улыбаясь, а Каэл не мог в это поверить.

— Тебе стоит знать, что велика вероятность нашей смерти или попадания в подземелье, — сказала она.

— Я готов. Может, я получу пару шрамов по пути. Леди любят мужчин с боевыми шрамами. Ну, — он потер руки, — куда отправимся?

Она ухмыльнулась.

— На юг. Отправляемся ночью.

— О, загадка? Это я люблю. Лучше тогда встряхнуться, — он ушел.

— Уверена, что это хорошая идея? — сказал Каэл.

Она пожала плечами.

— Время покажет. Но такие люди рядом бывают полезны. Он дружелюбен, в чем мы с тобой плохи.

В этом она была права. Он решил все-таки поесть, когда вернулась Аэрилин.

Она села за стол, вскинув голову. Ее нос был красным, но глаза опасно блестели.

— Я приняла решение, — заявила она. — Нет смысла идти домой сейчас, я не буду всю зиму рыдать. Раз вы не хотите идти со мной, я иду с вами. Когда уходим?

*

Перед полуночью Килэй вывела их из «Веселого герцога». Чэни и Клод часами молили взять и их, но Джонатан смог уговорить их остаться с караваном.

— Как ваш папа справится зимой без помощи в магазине? — сказал он, и братья с неохотой признали его правоту.

Каэл вышел на улицу и услышал, как открылось окно. Клод выглянул оттуда, а потом и Чэни.

— Мы будем скучать!

— Принесите что-нибудь из приключения!

Поклявшись, они помахали и пошли дальше.

Горацио спустился проводить их. Он был расстроен, когда Килэй сказала, что они уходят, но не отрицал факта, что их контракт завершен.

— Возьмите хоть плату, — сказал он, но Каэл вернул ему серебро.

— У меня уже нет места в сумке. Отдайте его жителям.

Горацио кивнул, а потом крепко обнял его.

— Тебя всегда ждут у нас, если горы не подойдут, — он кивнул Килэй. — И следите, чтобы девочка была вдали от проблем.

Он пообещал, что попытается.

Горацио был готов опустить их, пока не вышла Аэрилин с рюкзаком поверх бледно-голубого походного плаща. Он побагровел.

— Нет! — проревел он, схватив ее за рюкзак. — Ты идешь только домой.

— Я иду, куда хочу! — закричала она. — Я взрослая женщина, мне пора идти своим путем.

Горацио встал перед ней, оттолкнув ее животом.

— Мужчины идут своим путем, а не дамы. Королевство опасно для женщин, а я поклялся уберечь тебя! Я не пущу тебя кто знает куда, кто знает зачем. Это опасно!

Она толкнула Горацио в живот, пытаясь пробиться к двери.

— Но Килэй путешествует, а она — женщина!

— На которую охотится королевство!

Горацио вопил, пока не сорвал голос. Аэрилин надулась и топала ногой, пока он говорил. Вскоре злые слезы полились из ее глаз, она начала вопить, как это нечестно. Кто-то выглянул из окна над ними и сказал, что, если они не замолчат, он вызовет стражей. Горацио уже говорил мужчине, куда ему засунуть стражей, когда Килэй схватила его за руку и втащила внутрь.

Они долго шипели, потребовалось много спокойствия Килэй. Она заставила говорить его на нормальной громкости. А потом он скрестил руки и кивал. Через пару минут они договорились.

— Так решили?

Горацио посмотрел на ее руку, а потом пожал.

— Хорошо. Но ни волоска с ее головы, ясно?

Килэй была серьезной.

— Пока я дышу.

Когда Горацио развернулся и с неохотой сказал, что Аэрилин может идти, она завизжала от радости. Она обвила руками его плечи и сказала ему, какой он добрый и щедрый. Они бы проплакали всю ночь насчет того, как будут скучать, но Килэй кашлянула и напомнила, что их ждет корабль. Они попрощались с Горацио и пошли к причалу.

Каэл не мог поверить, что корабли такие чудовищные. Фонари висели по пути на расстоянии нескольких шагов. Они отмечали край для путников, а еще давали разглядеть

судна. Он вытащил «Атлас» из кармана и начал проверять, какие он знает.

Он узнал лодки с прусами, они были меньше остальных и быстрее. Герцог мог использовать их, чтобы распространять свои дурацкие законы. Он лишь по запаху узнал широкие рыбацкие лодки: пахло мертвой рыбой, запах висел как облако. Даже зажав нос, он ощущал вкус во рту. Джонатан поднял воротник до носа, Аэрилин тихо кашляла в платок. Килэй была в капюшоне, и он не видел ее лицо.

Она могла и не скривиться.

Крики и смех привлекли его внимание к самому высокому кораблю. Группа бородатых мужчин склонялись у поручней и били кружками о броню на груди, пытаясь привлечь внимание Аэрилин. Когда она подняла голову, они засвистели.

Джонатан заслонил ее собой и зажал ей рот раньше, чем она возмутилась.

— Простите, ребят, она занята! — подмигнул он.

Солдаты рассмеялись и подняли ему кружки, он отсалютовал в ответ.

— Я поцелую ее за вас! — крикнул он, а потом уголком рта сказал Аэрилин. — Они того не стоят, девочка. Они пьяные и свешиваются над океаном. До утра часть точно не доживет.

Они прошли три шага, когда услышали плеск и вопли.

— Видишь? Что я говорил? — улыбнулся он.

Килэй выбрала им торговое судно, судя по большому количеству бочек на поверхности. Они прошли по трапу, Каэл ощутил, как странно сжимается желудок. Его ноги подрагивали, он понял, что, если смотрит на воду, становится хуже.

Наверное, это было от волнения.

На борту было много солдат герцога, все они были в броне. Несколько матросов делали всю работу. Они грузили ящики, привязывали их, готовили корабль к отправлению, пока люди герцога прислонялись к поручням и следили.

Килэй довела их до солдата, пронзившего их взглядом.

— Вы платили за двоих, мисс, — сказал он Килэй. К счастью, капюшон не давал ему рассмотреть ее лицо. — Я не могу позволить четверых, у нас нет места.

— Вам и одного пассажира нельзя, — парировала она. — Я могу заплатить много, и место у вас найдется.

Он посмотрел на тяжелый мешочек на ее поясе и заерзал.

— Вы не понимаете, мисс. Если герцог узнает, я потеряю место. А сейчас это как смертный приговор. Простите, но вам придется поискать другое место.

Килэй потянулась к мечу, но Аэрилин вмешался раньше, чем она убила всех.

— Прошу, сэр. У нас важное дело и мало времени. Вы не можете нам помочь? Хотя бы до следующего порта?

Под чарами глаз Аэрилин солдат быстро смягчился.

— Хорошо, — проворчал он. Он взял мешочек у Килэй и быстро спрятал в карман. — Сюда.

Они прошли за ним в конец судна, где между двумя стопками ящиков была натянута ткань.

— Будете все время здесь. Если нужно облегчиться, зовите стражей. Они отведут вас к поручню. Не шумите, — он понизил голос. — Моря опасны, особенно, для таких кораблей, как наш, — он ушел, оставив их устраиваться на ночь.

Место было не похоже на комнату гостиницы. Даже когда они ночевали в пути, Каэл

мог растянуться. Но теперь к его боку прижималось плечо Аэрилин, он был придавлен к твердому дереву ящика. Джонатан уже уснул, судя по тяжелому дыханию, которое касалось макушки Каэла.

Он поворочался и смог лечь на бок, так места стало больше. Он повернулся к ящику и заметил на нем знак солнца Белокости. Он провел пальцами по выжженным линиям, а потом услышал шипение Аэрилин:

— Килэй, ты с ума сошла?

— Вроде, нет, — холодно ответила она.

— Но мы на корабле с товарами из пустыни. Ты знаешь, что делают в пустыне?

— Песок?

— Украшения! — восторженно сказала Аэрилин. — Золото, серебро, бриллианты, — эти ящики полны сокровищ. Ты понимаешь, что это делает нас маяком для, — она понизила голос, — пиратов?

Килэй фыркнула.

— Пираты — старая сказка.

— Нет! Ты не слышала, что страж сказал, что моря опасны? Дело не в герцоге. Это из-за пиратов. Нужно уходить. Уверена, можно найти другой корабль...

— Ты встречала пиратов?

Она выдохнула.

— Конечно, нет! Их не приглашают на чай. И торговцы — враги пиратов. Мы работаем ради денег. Пираты — пьяные воры, они убьют и повесят твоё тело на мачте своего корабля.

Килэй рассмеялась.

— Я тебя умоляю. Зачем им так делать? Подумай о грязи. Мы остаемся, — добавила она, — и вам лучше поспать. Обещаю, утром все будет выглядеть не так плохо.

Глава 19:

Грохочущий якорь

Чтобы не шуметь, Джонатану запретили играть на скрипке. Когда капитан пригрозил выбросить ее за борт, он спрятал инструмент в сумку и сел на нее. Вскоре он нашел стопку карт и решил, что его долг — обучить Каэла игре.

На каждой карте был нарисован человек или зверь. Самой большой картой был король. Он смотрел из-под короны, сжимая опасного вида кинжал в правой руке. Было четыре короля, каждый правил своим цветом: черный был самым сильным, потом шел красный, синий и зеленый.

Каэл не сразу понял все, но вскоре научился игре так, что Джонатан расстроился.

— А я-то думал, что ты — кошель, — ворчал он, когда Каэл забирал трофеи: два куса хлеба и помятую сливу.

— Это как? — спросила Аэрилин.

— Это чудак, который не умеет играть, деньги которого выигрывают все за столом, — объяснил Джонатан. Он бросил черного рыцаря на стол. — Отдавай сыр! Ты ничем не можешь ее отбить.

Каэл бросил черного дракона, и его рот потрясенно раскрылся.

— Злодей, — возмутился он. — Хладнокровный убийца! — он бросил карты и лег на спину, держась за сердце.

Аэрилин ударила его по животу.

Они проводили долгие дни в море, играя во все, что придумывал Джонатан: Раскроши безумца, Качка, Обмани ведьму, Жженный пекан и многие другие. Каэл подозревал, что Жженный пекан не был игрой, Аэрилин не слышала о такой, и Джонатан сам выдумал правила.

Пока им было чем заняться, было не так плохо. Но как только дела кончались, Каэл начинал замечать, как все плохо.

Он никогда еще не жил в таких условиях. У него всегда рядом была природа, лес, где можно было бегать и прятаться. Но на корабле бежать было некуда, и вскоре он начал чувствовать себя зайцем в клетке. Если Джонатан придумывал мелодию, он напевал ее весь день, пока она не прилипала к Каэлу. Если Аэрилин задавала глупый вопрос, он не мог притворяться, что не слышит ее, ведь она все время сидела рядом. Солдаты скалились, звали его горной крысой, а он ничего не мог поделать.

— Нельзя злить людей посреди моря, — предупредил Джонатан, когда Каэл ворчал из-за их насмешек. — Если они решат тебя бросить, до берега плыть далеко.

— Я не умею плавать, — признался Каэл.

Он пожал плечами.

— Тогда все закончится быстро.

Не раздражала его только Килэй. Судно было маленьким, а волны становились все больше. И корабль раскачивало, словно кружку с остатками эля. Желудок Килэй этого не выдерживал.

Ее лицо все время было зеленоватым. Ей было сложно удержать еду в себе. Она почти все время лежала на боку с капюшоном на голове и пыталась спать. Ему было жаль ее, он приносил воду, когда мог.

Дни тянулись и угасали, ночи были приятнее. Он смотрел на небо, и звезды очаровывали его. Они плясали по всему небу, подмигивали им. Он хотел бы хоть раз увидеть мир с их высоты. Его проблемы смотрелись оттуда смешными пустяками. А для него они были огромными.

Аэрилин храбрилась днем, но в темноте было сложнее. И по ночам она, видимо, думала о Гарроне. Ее смелость таяла и сменялась слезами. Каэл часто просыпался от ее всхлипов. Он понимал ее чувства. Когда небо темнело, он представлял Тиннарк. Он ворочался, переживая за Амоса, не зная, в порядке ли Роланд, жалея, что он не с ними. Порой он боялся, что никогда не увидит их снова. Порой он хотел прыгнуть за борт и поплыть обратно, оставить эту безумную затею.

И хотя Аэрилин будила его, он не ругался на ее слезы. Если с Амосом что-то случится, он знал, что будет плакать — мальчикам с гор позволялось плакать только из-за смерти.

*

На четвертый день Каэл проснулся и подумал, что ослеп. Он протер глаза, повернул голову в стороны, но все равно видел лишь белое облако. Воздух пах странно, словно грязными носками.

Он помахал рукой перед лицом. Белое двигалось, от этого чесалась ладонь. На миг он увидел свои ноги, а потом белизна скрыла их. И он понял, что это не он ослеп, а корабль попал в густой туман.

Он помнил, что Джонатан говорил о тумане в море: «Корабли заплывают туда, но выплыть не могут».

Он понимал по тревожным крикам, что солдаты тоже переживали. Гремела броня, ноги носились по палубе, словно они ожидали нападение. Над ним один из стражей вопил на матроса.

— Ты ослеп? Не говори, что не видел этого! Как можно пропустить такой туман?

— Клянусь, я огибал его, — с паникой говорил мужчина. — Я задал курс и двигался по нему. Но туман придвинулся, он двигался против ветра, — его голос дрожал. — Я за все время не видел, чтобы туман так двигался. Это неестественно.

Каэл решил, что пора разбудить Килэй. Он слепо потянулся в ее сторону. Когда он задел ее кольчугу, ее ладонь впиалась в его руку.

— Это я, — прошипел он раньше, чем она выкрутила ему руку.

— О, — она ослабила хватку, но не отпустила. Через миг она поняла, что происходит. — Что за...?

— Туман, — сказал он, она села. — Смотри, — он помахал рукой, хоть она чесалась, белый немного отступил, и им стало видно палубу.

— Погоди... сделай так еще раз, — сказала она.

Он послушался и очистил туман так, что увидел ее лицо. Она почему-то улыбалась.

— Помогите разбудить других, и не шумите.

Когда они разбудили всех, туман немного рассеялся. Теперь они видели силуэты людей, бегающих по палубе. Несколько раз они вздрагивали от громкого грохота, тело падало на палубу, другой извинялся.

Солдат, взявший их деньги, вопил на упавшего. Каэлу казалось, что его голос доносится от штурвала, но он прозвучал снова, в этот раз с кормы. Туман блокировал вид и искажал звук.

А потом воцарилась тишина. Словно кто-то накрыл их влажным одеялом. Крики утихли, мужчины у поручней застыли. Они даже не шептались.

Он потянулся за стрелой, но Килэй остановила его.

— Не стоит.

Но тело кричало ему готовиться к бою. Его сердце колотилось о ребра так, что волосы встали дыбом.

— Слушай, — тень ее капюшона делала ее глаза темнее, но они не становились менее серьезными. — Это не наш бой, но, если вытащишь лук, он станет нашим. Мы не победим. Оставайся с остальными. Ты должен защитить их. Клянешься?

Он уже не справился один раз и не повторил бы ошибку. И он подавил инстинкты и опустил стрелу в колчан.

— Клянусь.

Она улыбнулась.

— Молодец. Встань за мной.

Они ждали несколько долгих минут, а потом кто-то крикнул:

— Я слышу! Справа! — все побежали туда.

— Ничего не слышу, — сказал кто-то через миг.

— Клянусь, я слышал, — не сдавался мужчина. — Странное потрескивание.

— Помогите, море, — выдохнул другой. — Это призрак левиафана, точно! Кровожадный монстр проглотит нас!

Кто-то ударил его, и он вскрикнул.

А потом раздался стон, словно скрипело гниющее дерево, с левой стороны. Зашипели

мечи, вынутые из ножен, затопали ноги.

Они застыли, когда корабль затрясся. Оглушительно загрохотал гром. Мир повернулся набок, палуба задрожала. Тела падали за борт, крики обрывались, когда волны забирали людей.

Аэрилин с визгом упала на Каэла, придавив его к ящику. Он пытался выбраться, корабль застонал и был наклонен под опасным углом. Веревки, которыми матросы привязали груз, дрожали от веса золота и серебра. Одна веревка порвалась.

Огромный ящик полетел к ним, наклон лодки подгонял его. Паника дала ему сил, он отодвинул Аэрилин, но не успел спасти себя.

Он приготовился к удару, но Килэй скользнула к нему. Она отбросила его в сторону, уцепилась ногами за ящик, удерживая его в стороне. Корабль выровнялся, дрожа, и ящик откатился.

Она не обратила внимания на его потрясенный взгляд.

— Все в порядке?

Волосы Аэрилин сбились, юбка порвалась сбоку, но она была в порядке. Джонатан запутался в ткани. На него упал ящик с шелками, и он пытался выбраться из горы разноцветных шарфов.

Крики паники звучали над палубой, Каэл чуть не подпрыгнул, когда им ответил рев голосов. Тени скользили в тумане, сталкиваясь. Металл скрежетал о металл, отбрасывая их.

— Что происходит? — сказал Джонатан, подобравшись к ним, убрав последний шарф.

— Я говорила! — выла Аэрилин. — Я говорила, что нужно уйти с этого корабля. Но вы не слушали, и теперь на нас напали пираты!

Каэл застыл. Звуки боя становились все тише, одна сторон побеждала. Он надеялся, что солдаты держатся. Герцог говорил, что неизвестно, что делают с узниками пираты. Но в их планы могли входить акулы.

— Откуда нам знать, пираты это или нет? — сказал Каэл.

Джонатан фыркнул.

— Ты поймешь. У них золотые зубы, а в бороды вплетены кости!

— Какая разница, как они выглядят? Нас убьют!..

— Тихо, — Каэл зажал рукой рот Аэрилин. Они говорили слишком громко, а на корабле резко стало тихо. Если на борту кто-то оставался, они могли услышать.

Он был готов стрелять. Килэй сказала стрелять, если в тумане появится человек или зверь. Он следил за туманом, отчаянно искал признаки движения. Он долгое время слышал только дыхание товарищей и стук своего сердца. Потом что-то скрипнуло.

Звук был осторожным. Так шумел человек, привыкший скрывать свои шаги. Он явно выругался, наступив на ту доску, потому что это выдало его приближение Каэлу.

Тень двинулась за стеной белого, а потом десятки других присоединились к ней. Они начали обретать форму, приближаясь. Первый мужчина вышел из тумана и моргнул, словно не ожидал увидеть их так четко.

Он был в длинном черном плаще до колен, на белой тунике была красная V, выделяющаяся в тумане. В одной руке он держал тонкую саблю. Его лицо было чисто выбритым, челюсти сжаты. Его глаза могли принадлежать человеку, прожившему тысячу лет. А губы — тому, кто никогда не улыбался.

Он ждал, пока его товарищи встанут полукругом, а потом заговорил:

— Чертовгерцог, — сказал он, остальные вместе сплунули. — Теперь вы во власти

пиратов. И вы ответите на наши вопросы, — он указал на них мечом. — Кто из вас маг?

— Никто. Мы простые путники, — сказала Килэй.

Пират нахмурился.

— Ты не работаешь на герцога?

Она широко развела руки.

— Ты видишь на моей груди эмблему?

— Тунику легко переодеть, — возразил он, голос был тяжелым, как взгляд. — Ты можешь врать.

— Да. Или я могу помочь вашему капитану.

Его лицо ожесточилось, глаза сузились.

— Ты не знаешь ничего о моем капитане. Будешь неосторожна, я тебя порежу.

Килэй вышла из укрытия и смотрела на него из-под капюшона.

— Я знаю все о вашем капитане. Я знаю о его проблеме с Ведьмой, — тихо сказала она, и пираты застыли. — Я знаю, что он перебрал все книги в его глупой библиотеке и не нашел ответа. И я знаю, что ему нужно.

Пираты ерзали, смотрели на лидера, ждали его ответа. Он убрал саблю и скрестил руки.

— Сколько будет стоить информация?

Она пожала плечами.

— Наши жизни. Остальное я обсужу с капитаном Лисандром.

Пираты тревожно шептались. Серьезный шагнул вперед.

— Откуда ты знаешь имя? — прорычал он.

— У меня свои источники, — холодно ответила она.

Он явно хотел ударить ее, но вместо этого ухмыльнулся.

— Надеюсь, твои источники не ошиблись. Идем со мной, — он пошел в туман, и Килэй последовала.

Каэл не знал, можно ли им идти, но не собирался оставаться: пираты пытались зажарить его взглядами.

Он закинул сумку на плечо и поспешил мимо них. Аэрилин держалась за его рубашку, он слышал, что Джонатан идет за ней. Он снова размахивал руками, прогоняя туман, чтобы видеть, куда он идет, что помогало на корабле с ящиками и телами.

Первый мертвый солдат оказался тем, кто забрал их деньги. В его груди была дыра. Его лицо застыло от шока. Килэй опустилась рядом с ним и забрала мешочек с пояса.

— Это самый дешевый способ путешествовать по морям, — кивнул пират. Он оглянулся на Каэла. — Знаю, ты не маг, но раз ты машешь крыльями и разгоняешь чудом туман, пойдешь впереди?

В его голосе был сарказм, но лицо было серьезным. И Каэл пошел вперед. Теперь он чувствовал себя глупо, размахивая руками. Этого и хотел пират. Было опасно переживать из-за поведения.

Он несколько раз говорил Аэрилин не смотреть вниз, потому что вид был жутким. Несколько раз они перешагивали тела и темные лужи. Джонатана стошнило, и пират рассмеялся.

Они дошли до дальнего конца корабля, и он тут же увидел, почему они перевернулись. Тогда звучал не гром, а их корабль ударило другое судно. Бок был разбит.

Огромная доска вела на борт чудовищного корабля.

Он возвышался над океаном так, словно имел право быть здесь, и был втрое больше

судна торговцев. В нем было четыре этажа, для мачты явно использовали самое высокое дерево из Великого леса. Волны бились об него, но не двигали огромные доски красного дерева по бокам корабля.

— Добро пожаловать на борт «Грохочущего якоря», — сказал пират, когда они поднялись. — Это самый крепкий корабль в море. Никакая буря не потопит.

Каэл сомневался в этом. Он видел рисунки в «Атласе», волны высотой с башни замка и водовороты без дна. Такие встречи добром для кораблей не заканчивались.

Туман там был еще гуще. Приходилось махать руками еще сильнее, но они все равно врезались в людей.

— Простите, мисс, — сказал пират, чуть не сбив Аэрилин. — Ничего не видно.

Они шли за пиратом к задней части корабля, где возвышалась небольшая каюта. Пират постучал и выругался, когда дверь открылась.

— Пацан! — рявкнул он.

Мальчик с песочными волосами робко выглянул из-за двери.

— Прости, Тельред. Я как раз хотел идти за тобой.

— Зачем? Что-то не так с капитаном? — спросил Тельред с удивительной тревогой.

— Нет, но у нас кончается вино, ему не по себе.

— Отлично, — услышал Каэл ворчание Аэрилин. — Трезвому ведь нельзя решить нашу судьбу.

Гул грома заглушил ее слова, Тельред посмотрел на небо.

— Заходите. Ноги поднимайте, — он толкнул их в дверь. — Ты в конце, Ноа.

Мальчик кивнул и встал за Джонатаном.

Когда они прошли, то словно миновали портал и попали в коридор дома богача. Стены были из темного дерева, каждый дюйм был отполирован до блеска. В стенах были стеклянные ящики, в каждом были разные сокровища.

Там были старинные монеты, времен первого короля, позеленевшие от старости. Один ящик был полон книг с золотыми корешками, открытых на страницах со странными витиеватыми символами. Жемчужина размером с кулак Каэла лежала на этом ящике, и он мог увидеть свое отражение на ее поверхности. Табличка гласила: «Видящий глаз Аргуса Яра».

Каэл чуть не охнул. Никто не знал, что случилось с глазом Аргуса Яра, этот провидец был таким сильным, что в легендах мог путешествовать в будущее. Каэл думал, что верит легендам, пока не увидел глаз в руках пиратов.

Он подошел к следующему ящику, там был простой меч, потертый и ржавый. Табличка гласила, что это — рука Разбитого Виндикуса, он фыркнул. Тельред обернулся.

— Что смешного?

Он хотел объяснить, что смешным было лицо Тельреда, но тот мог вытащить саблю раньше, чем Каэл свой лук, так что он промолчал.

— Это не настоящая рука Виндикуса, — сказал Каэл. — Все знают, что настоящая у короля в сокровищнице.

Тельред ухмыльнулся, но глаз это не коснулось.

— Все так думают, потому никто ее не ищет. Если хочешь уберечь свои руки, никуда не лезь, — добавил он, глядя на Каэла.

Джонатан за ним тянулся к жемчужине. После слов Тельреда он спешно спрятал руки в карманы.

В конце коридора была прочная деревянная дверь. Два морских змея извивались на ней. Их пасти были открыты и полны тонких зубов. Один был у ручки и словно рычал на Тельреда, когда тот коснулся ручки.

Дверь открылась. Две стены огромной комнаты были покрыты полками книг, от пола до потолка. Каэл через миг понял, что они расставлены по алфавиту. Он разглядывал корешки и хотел прочитать их. Его внимание особенно привлекла «Походы с оборотнями».

Книга была тонкой, но привлекала. Он не знал, были ли вообще книги, посвященные только оборотням.

Маленькая кровать была у третьей стены, на ней была бежевая постель и белые мягкие подушки. Место было украшено странно, пара женских панталон висела как картины.

В центре комнаты стоял большой стол. Перо и пергамент лежали на его сияющей поверхности, на другой стороне — скрученная карта. За столом было три больших окна с видом на туманное море.

Только одно в комнате не вязалось — мужчина, сидящий за столом. Хотя правильнее было сказать, что он сутулился.

Тельред и Ноа выглядели не так, а этот мужчина выглядел как настоящий пират. Его плечи были опущены, его голова покачивалась, словно ему было плохо. Его рот открывался в спутанной бороде, что падала ниже ключиц. Его каштановые волосы торчали, как обтрепанные концы ковра.

Он моргал налитыми кровью глазами.

— О, мы проиг-али, Ред? — пробормотал он.

Тельред сцепил руки за спиной и нахмурился.

— Нет, капитан.

— Хо-о-шо, — сказал капитан. Пустой графин стоял у его локтя. Он дернул рукой и сбил его на пол, графин разбился. — И ста-а-на не на-о, да? — он издал смешок, а потом опустил волосатую голову. — Не мо-у больше, Ред. Слишком сложно.

Тихий стук привлек внимание Каэла к окнам. Дождь капал на них, чертил неровные линии, а капитан качал головой и стонал. Каэлу хотелось зажать уши.

Тельред нахмурился все сильнее.

— Знаю. Но я привел тех, кто может помочь, — он подвел Килэй за руку к столу. — Она знает ваше имя. И говорит, что у нее есть ответ.

Капитан громко отрыгнул и отмахнулся, не глядя.

— Они мне нужны...

— Как сломанный меч, — закончила Килэй.

Его рот раскрылся. Он откинул голову и прищурился.

— Ты зна-шь наш язык?

Она убрала капюшон и прижала ладони к столу.

— Здравствуй, Лисандр. Я слышала, что все плохо, но не ожидала найти тебя в таком состоянии.

И капитан начал все понимать.

— С-три, Ред! — он неровно указал пальцем на Килэй, глупо улыбаясь. — Это Драк-ша! Я спасен!

В этот раз Тельред его не понял.

— Что? — нахмурился он.

Лисандр ударил ладонями по столу.

— Драк-ша! Зна-шь, — он сжал пальцы, скрипя по столу. Звучало так, словно кот был под телегой.

Тельред покачал головой. Лисандр встал. Он опасно шатался.

— Впе-д! К нашим! — рывкнул он, повернулся, потерял равновесие и упал головой в полку с книгами.

Несколько огромных книг упало на него, философия стукнула по голове. Он сказал пару слов, от которых Аэрилин вскрикнула, а он пошел по комнате, отбрасывая книги.

— Сядьте, капитан, — сказал Тельред, поймав его за рубашку. — Старайтесь не двигаться...

— Драк-ша! — он схватил Тельреда за волосы и дернул его голову. — Драк-он-ша.

И тут Тельред понял. Он посмотрел на нее без капюшона, раскрыв рот. Он отпустил Лисандра, и тот упал на пол со стоном.

Тельред подошел к Килэй, опасаясь ее. Он окинул ее взглядом и поджал губы.

— Прошу прощения, Драконша. Я не узнал вас. Если бы я знал...

— Было бы не так интересно, — ухмыльнулась она. — Хватит титулов, Ред. Ты знаешь мое имя.

Тельред покачал головой, Ноа подбежал к ней.

Осознание ударило Каэла, как по ноге. Ее друзьями были пираты. Они попали к пьяным ворах с их волшебным туманом. Он готов был побить себя за доверие к ней.

— Так стражи все-таки были за ней, — проворчал Джонатан Каэлу. — Чем она так досадила Его величеству? Я спрошу. Простите, господа, а что за Драконша?

Ноа смотрел так, словно вот-вот начнет ругаться.

— Ты о таком не слышал? — он посмотрел на Тельреда. — Они даже не знали, с кем путешествовали.

Он оскалился.

— Нет. Потому что ее имя неизвестно среди малышей и белоручек.

— Может, просто расскажешь? — сказал Каэл. Ему надоел Тельред, и здесь было столько людей, что было сложно дышать.

— Так меня назвал король, когда я служила в Средине, — сказала Килэй раньше, чем Тельред возразил. — Мое рыцарское имя. Оно должно было скрывать меня, чтобы он отдавал приказы, засекреченные от врагов. А потом я оставила армию, пошумела и, — она пожала плечами, — имя разлетелось.

Ноа фыркнул.

— Пошумела — слабо сказано. Лорду Гилдерику пришлось дважды отстраивать замок.

Она улыбнулась, словно вспомнила что-то приятное.

— Ах, да. Один идиот-маньяк и два трагических пожара.

— А еще набег лосей в день рождения графини в прошлом году, — добавил Ноа.

Аэрилин зажала ладонью рот.

— Я помню это! Мы были там с дарами, когда огромное стадо зверей ворвалось во двор. Они размахивали рогами и поломали все милые украшения...

— И графиня подняла юбки и завопила, чтобы стражи сделали что-нибудь! —

улыбнулся Джонатан. — Я так смеялся, что слезы катились по щекам.

— Я неделями их готовила. И ничего толком за это не получила, — отметила Килэй.

— Потому что ты нас чуть не убила, — резко сказала Аэрилин.

Низкий рычащий шум привлек их внимание к полкам. Пока они говорили, Лисандр отключился. Теперь он храпел в ковер, лицо окружала лужа слюны.

— Нужно позаботиться о капитане, — сказал Тельред. — Уверен, он захочет вас хорошо поприветствовать. Почему бы не показать гостям их комнаты, Ноа?

*

Их комнаты были чуть меньше, чем капитана Лисандра. Коридоры под палубой были чистыми, но такими тесными, что Каэл местами едва протискивался. Он пригибал голову, чтобы не удариться о низкие балки, и смотрел на полу веревки, чтобы не упасть. Джонатан шел, согнувшись, впереди, с каждым пригибанием его колени почти касались груди.

Килэй и Аэрилин получили себе отдельную комнату, а Джонатан и Каэл оказались с десятком других мужчин. Каэл не знал, сколько раз упадет с гамака, который пираты называли кроватью.

— Это вам не прогулка по лесу, — сказал Ноа. — Когда звенит колокол, мы засыпаем, где влезли. А теперь, — он хлопнул в ладоши и улыбнулся, — умеете играть в Бандитскую удачу? Нет? Я вас научу.

Он отвел их на палубу и нашел пустую бочку, что стала им столом. Пока девушки болтали у поручня, Ноа учил парней играть в Бандитскую удачу.

Это была карточная игра, но у пиратов карты использовались не так, как привык Каэл. Вместо рыцарей были плуты, вместо лордов — бандиты, а вместо драконов — опасного вида чертенки.

Джонатан всплеснул руками и улыбнулся.

— Вот это карты злодея! Я бы себе такие хотел.

— Четыре медяка, и они твои, — ухмыльнулся Ноа, и Джонатан тут же полез за монетами.

Вместо карты короля у пиратов был мужчина в треуголке. Она была надвинута на его глаза, открывая только ухмылку, в руке он сжимал саблю.

— Это Сэм Взятка, — объяснил Ноа. — Он первый построил судно для грабежа. И мы пираты, считаем его отцом нашего вида.

Аэрилин фыркнула.

— Все в королевстве считают вас лишь бандой морских воришек, — она посмотрела на группу пиратов, забирающих ящик с сокровищами из обломков торгового судна. — Капитан Лисандр тратит все золото на выпивку или помогает кому-то?

Ноа нахмурился.

— Он не тратит золото на выпивку. Зачем платить за эль, если его можно украсть у пьяницы? Так он всегда говорит.

Аэрилин поджала губы.

— Не удивлена.

— Ага, не так я представлял пиратов, — разочарование звучало в голосе Джонатана. — В историях вы большие, с желтыми глазами и черными гнилыми зубами...

— И со странными шрамами? — рассмеялся Ноа. — Чепуха. Люди герцога сочиняют это. Они не могут смириться с тем, что красивые ребята с хорошими манерами воруют у них. И герцог убьет их всех, если узнает правду.

— Если кто-то наткнется на вашего капитана, сомнений в правоте историй не будет, — возразила Аэрилин. — Осмелюсь сказать, что его манеры отвратительны, а я полжизни провела в тавернах и видела многое.

— Капитан хороший, — сказал Ноа, помрачнев. — Он справедлив к своим и к людям морей. Не говорите о том, чего не понимаете.

Она вскинула брови.

— О? Так просвети меня: от него воняет алкоголем, он ругается, изливает... жидкости в присутствие дамы и выглядит так, словно вывалился из строк грязной пьяной песни, — она скрестила руки. — Что я упустила? Что хорошего в капитане Лисандре?

Ноа открыл рот, но не ответил, а вскочил на ноги и коснулся головы, салютуя.

Каэл развернулся и увидел, что к ним идет Тельред, а с ним человек, которого он не узнал. Он шел решительно, размахивал руками, ровно держал голову. Грозные глаза смотрели из-под волнистых волос, немного щетины было у его рта, губы были поджаты.

Он забрался по ступенькам. Аэрилин шепнула что-то Килэй, они захихикали. Каэл выпрямился и постарался выпятить грудь. Он не знал, кто этот человек, но уже решил, что он ему не нравится. И его нос был немного смещен.

Мужчина остановился перед ними и коснулся груди.

— Добро пожаловать на борт «Грохочущего якоря», — сказал он с улыбкой. — Я невероятно рад гостям. Я — капитан Лисандр.

Аэрилин громко охнула, и Каэл был согласен. Мужчина перед ними был без бороды и слюны. Пуговицы на его рубашке были застегнуты, штаны не были мятыми. Он очень отличался от первого капитана.

Лисандр немного порозовел.

— Да, мне сказали, что я был ужасен, — сказал он, теребя манжет рукава. — Я... был не в себе, видимо, и это заставило меня пить. А теперь, — он сцепил руки за спиной и улыбнулся, — вы все познакомились с моим кузеном, Редом. Но, боюсь, я никого из вас не знаю... кроме одной.

Он посмотрел на Килэй, его улыбка стала шире, показывая ровные белые зубы. Он взял ее за руку и дружелюбно обнял.

К недовольству Каэла, она не отпрянула.

— Милая, давно не виделась, — сказал Лисандр, отпустив ее. — Годы и годы, я думал, что уже не увижу тебя. Не думаю, что я прощу тебя.

Она улыбнулась ему и взяла его за руки.

— Я же говорила, что кое-что искала, глупый пират.

Он закатил глаза.

— О, что-то очень важное. Как я мог забыть? — он понизил голос, пряди волос упали ему на глаза. — Надеюсь, это значит, что ты это нашла?

Она кивнула.

— Просто на это ушло больше времени.

— Отлично, — он поцеловал ее ладони и помахал остальным. — Я хочу познакомиться с твоими друзьями, Драконша. У тебя всегда очень интересная компания.

Она называла их имена, Лисандр жал руки. Когда наступила очередь Каэла, он сжал сильнее, чем было нужно. Но Лисандр улыбнулся и не заметил.

Он подошел к Аэрилин, его улыбка замешкалась на миг.

— Рад видеть даму Высоких морей. Я долгое время считал, что эти женщины — самые

красивые в королевстве, — он прижал ее ладонь к губам, лицо Аэрилин стало цвета спелого помидора.

Свет и жар заполнили палубу. Каэл поднял голову и увидел, что облака рассеиваются, вместо них появляется солнце. Пираты на палубе заслонялись ладонями и недовольно ругались.

К счастью, это длилось недолго. Когда Лисандр отпустил руку Аэрилин, тучи вернулись.

— Ах, верно, — он кашлянул и повернулся к ступенькам. — Следуйте за мной. Нужно обсудить многое, а времени мало.

*

В каюте Лисандра карты и книги строго лежали на столе и ковре вокруг него. Кусочки мятого пергамента валялись на полу у дверей и окон. — Грязный стол — признак работы, — сообщил он, сметая их.

Каэл не был согласен. Он думал, что есть способ работы лучше, чем бросать книги на пол.

Когда Лисандр все убрал, он сцепил руки за спиной и принялся расхаживать перед ними. Так он делал пару минут. А потом остановился и пронзил их взглядом.

— Вы преступники! — рявкнул он так громко, что Каэл вздрогнул.

— Я — нет! — возмутилась Аэрилин.

— О, наоборот, — сказал Лисандр, его глаза сияли. — Вы связались с пиратами, заклятыми врагами герцога. Айе, с той минуты, как вы ступили на борт «Грохочущего якоря», вы отвернулись от занозы Реджинальда, тирана...

— Придумывающего законы и прочие глупости! — встрял Джонатан.

— Айе, особенно, налоги, — Лисандр ухмыльнулся. — Вы оставили свои жизни ради чего-то интересного. Вы услышали зов сирен и пошли за ним к Высоким морям. Здесь рождаются приключения и головорезы. Отсюда не вернуться. Я вам и не советую пытаться.

Аэрилин погрозила ему пальцем.

— Я вам не головорез! Я — честная торговка. И мы не просили пиратов забирать нас, вы нас похитили! Я не буду стоять здесь и терпеть оскорбления!

— Я не знал, что бывают честные торговцы, — сказал Тельред из угла комнаты. — Может, эту стоит отправить к ее отцу. Там ведь должны быть хорошо одетые дамы?

Комната притихла на секунду, зловещее затишье перед бурей. А потом Аэрилин разрыдалась. Она упала на Килэй, а та поймала ее и сказала:

— Она только потеряла отца, идиот! — глядя на Тельреда.

Улыбка Лисандра пропала.

— Мне очень жаль.

— Ваши извинения мне не нужны, как и оскорбления! — прорычала она в броню Килэй.

— Нет, ты не так меня поняла. Я сочувствовал, а не извинялся, — Лисандр осторожно шагнул вперед. — Я тоже потерял отца. Его звали Матео, его убили в сражении во время Войны шептунов, когда я был ребенком. Болезнь забрала мать раньше, чем я смог узнать ее, и мы с отцом были близки. Он вырастил меня, научил всему, что знал о жизни и борьбе... я все еще скучаю, — он положил ладонь на плечо Аэрилин. — Я понимаю, хоть немного, твои чувства.

Он не мог знать, что их истории похожи, так что не врал. Но Каэл ему все равно не

верил.

Его признание заглушило Аэрилин на миг. Она вытерла слезы и моргнула.

— Ваш отец сражался на войне?

— Да.

— Он не был пиратом?

— Ах, был, — признал Лисандр. — Но тогда королю Банагеру нужны были все корабли.

Он не мог перебирать. Как звали твоего отца? Может, мой отец грабил, кхм, знал его.

Она глубоко вдохнула.

— Гаррон, — тихо сказала она.

Он вскинул брови.

— Это же не Гаррон Хитрый? — она кивнула, и он рассмеялся. — Твоего отца старый

Маттео никогда не грабил.

Она отодвинулась от Килэй, заинтригованная.

— Правда? Почему?

Лисандр фыркнул.

— О, он придумывал оправдания, но я знал, что он боялся его. Я не знаю, слышала ты это или нет, но во время Шепчущей войны Гаррон управлял хорошим кораблем «Алчность», этот корабль был известен своей силой. Он забирал все, кроме пленников, он мог бы стать хорошим пиратом, если бы мы его уговорили, — он улыбнулся, качая головой. — Но Гаррон был торговцем до мозга костей. И он сражался так хорошо, что король подарил ему «Алчность» после войны.

Она нахмурилась.

— Он никогда не говорил о корабле. Что он с ним сделал?

— Отдал старому другу, — просто сказал Лисандр. — Раз ты — дочь Гаррона Хитрого, я пойду на уступки, — он скрестил руки и склонился. — Ты не должна быть пиратом, если не хочешь, да? Пока не передумаешь, ты будешь просто честной торговкой. Но если передумаешь, а так будет, ты поцелуешь меня, и я сделаю тебя пиратом.

Аэрилин недовольно смотрела на него, покраснела и покачала головой.

— Хорошо, но этого не произойдет, — рявкнула она, и он улыбнулся шире.

— Боюсь, остальным я такого предложить не могу. У вас только два варианта: быть среди моего экипажа или уходить. Можете прыгать за борт, никто вас не остановит, — никто не двигался, и Лисандр улыбнулся. — Ваша стоимость увеличилась в три раза. Ладно, теперь вы пираты! Вас ищут все шесть регионов, за ваши головы полагается гора золота.

Джонатан вскинул кулак и радостно завопил. Каэл не знал, как реагировать, но отказаться не мог. Они застряли на корабле, пока Лисандр не отпустит их на берег. Если размахивание саблей и эль вернут его на землю, он это сделает.

Они стояли, пока Лисандр выдавал им форму: белую рубашку, коричневые брюки и сапоги высотой до колен. На каждой рубашке была нарисована красная перевернутая V.

— Это символ нашего клана, — объяснил Лисандр. Он изобразил форму руками. — Скрещенные сабли, усиленные кровью врагов и поднятые в триумфе.

— Это все хорошо, — сказала Аэрилин. — Но я не думаю, что могу это носить, если вы пообещали не делать меня пиратом.

— Привяжите человека к якорю, и он вырвется. Привяжите человека в платье к якорю, и его разве что вынесет волной, — сказал Лисандр. — Я приговорю тебя к смерти, если увижу в платье. Все на моем корабле должны быть в этой форме. Это правило.

Она держала одежду на вытянутых руках.

— Но в этом я буду ужасно выглядеть! Они без формы.

— Килэй тоже будет в этом, — пробормотал Тельред. — Она не возражает.

— Килэй будет прекрасна и в лохмотьях! У вас нет ничего более... женственного?

Например, — она потянула за юбку Килэй из кольчуги, — такого — красивого и опасного?

Лисандр фыркнул.

— Красивое и опасное? Расскажу тебе с точки зрения мужчины: если я позволю женщинам так ходить по палубе, — он кивнул на Килэй, она закатила глаза, — мы вообще не сможем работать.

— А как же женская одежда для пиратов? — не сдавалась Аэрилин. — У вас должно быть что-то не такое мужское.

Лисандр уже не выдерживал. Он вскинул руки и сказал:

— Это может тебя удивить, но за все время, сколько я был капитаном, на борту «Грохочущего якоря» не было женщин. Так что мы не готовы.

Каэл не был уверен в том, что он не врет, а Аэрилин улыбнулась.

— Никогда?

— Никогда, — уверенно сказал Лисандр. — Так ты оденешь форму?

Она отбросила волосы за плечо.

— Наверное.

— Отлично, — Лисандр хлопнул в ладоши. — Это вам не паром, и все должны работать. Вы встаете после шести ударов колокола, тренируетесь, работаете, и я сделаю из каждого из вас сносного матроса, ясно?

Они хором пробормотали:

— Да.

Он вскинул брови.

— Когда я задаю вопрос, ответ должен быть: «Айе, капитан»! Ясно?

— Айе, капитан! — вопль Джонатана заглушил бормотание Каэла. Лисандр ударил кулаком по груди.

— Молодцы. Я теперь помогайте забирать сокровища, морские псы!

Аэрилин была оскорблена названием, но пошла за Джонатаном. Каэл хотел уйти, но Килэй схватила его за руку.

— Нужно поговорить, — тихо сказала она.

Он не хотел оставаться в каюте Лисандра. Он был голоден, устал, и голова начинала болеть.

— Это не может подождать до утра? — попросил он.

Она покачала головой.

— Чем раньше, тем лучше, — она повернулась к Лисандру, который стоял у стола, склонившись над картой. — Можно поговорить, капитан?

— Да, конечно, — он поманил ее к себе. — Я продумываю лучший маршрут для атаки. Если напасть с юга, здесь, утесы нам помогут? Или лучше двигаться с запада на восток?

— Не думаю, что об этом нужно говорить без Морриса, — сказала Килэй.

Тельред резко вдохнул, но Лисандр его не слышал.

— Да, ты, наверное, права. Рулевой должен знать... — он встал и направил на нее палец. — Ты меня обманула! Поверить не могу, после стольких лет, а я считал нас друзьями.

— О, хватит, — она закатила глаза. — Вы уже знаете мой секрет, так что честно, что я

знаю ваш.

Лисандр выхватил кинжал из сапога и помахал лезвием перед ее лицом.

— Я знаю лишь, что это не импульс, а это, — он кивнул на Каэла, — не маг.

И тут Каэл понял, что его кинжал был не за поясом, а в руке Лисандра.

— Эй!

— О, не удивляйся, — сказал Лисандр. — Когда носишь кинжал за поясом, жди, что его украдут.

И Килэй согласно склонила голову.

Каэл схватил кинжал за рукоять.

— Не понимаю, когда вы успели его украсть.

— Вору не нужно время, только шанс, — ответил Лисандр. — Я сделал это, когда ты пытался сдвинуть мне руку.

Так он все-таки заметил. Хорошо.

— Не трогайте мое оружие, вор, и я не буду сжимать руку, — сказал он, надеясь, что рычит убедительно.

— Злой горный крысеныш? — оскалился Тельред.

— Ты бы хорошо выглядел со стрелой между глаз. Я буду рад осуществить...

— В любом случае, — встала между ними Килэй, — боюсь, нам нужно увидеть Морриса. Это решено.

Лисандр фыркнул.

— Зачем тебе Моррис? Ты же Драконша! Веди нас в бой, и мы победим...

— Нам нужен Моррис, потому что в этот раз я вам не оружие.

Он издал разочарованный звук и сел на стол.

— Если не ты, то кто?

Она кивнула на Каэла и сказала невероятно уверенно:

— Он.

Глава 21:

Появление Райта

Килэй должна была знать, как отреагируют пираты. Должна была знать, когда сказала, что тощий рыжеволосый парень перед ними — решение всех их проблем. Они рассмеялись. Лисандр согнулся пополам, Тельред громко подвывал из угла.

Она не должна была так его смущать.

— О, Килэй, ты всегда умела шутить, — сказал Лисандр, вытирая слезы, посмеиваясь.

Она молчала и смотрела на него с улыбкой. Под весом ее взгляда его улыбка пропала, он нахмурился.

— Ты серьезно? — он посмотрел на Каэла. — Почему ты так думаешь?

— Потому что он — шептун.

И смех утих. Лисандр раскрыл рот, Тельред пробормотал:

— Невозможно.

— Да? — она прошла к нему. Ее голова едва доставала до плеча Тельреда, но он отпрянул в сторону, чтобы она не загнала его в угол. — Как, думаешь, он прогонял ваш волшебный трюк? Если он не маг, тогда он...

— Шептун, — выдохнул Лисандр. На его лице было спокойное понимание. — Ред?

Нужен Моррис.

Тельред поспешил к двери, держась как можно дальше от Килэй.

— Что за трюк? Как я его прогонял? — спросил сразу Килэй.

— Шептуны — враги магов, — объяснил Лисандр. — Магия не влияет на шептуна, он может рвать заклинания голыми руками. И это был не трюк, а скорее... побочный эффект, — он мрачно улыбнулся. — Боюсь, я проклят.

Лисандр был противным, и Каэл не сомневался, что кто-то его проклял.

— Да, об этом я слышала, — сказала Килэй. Она сбросила сапоги и села за стол, ее босые ноги легли на толстый том с названием «Морские аномалии». — И во что же вы ввязались?

— Вендельгримм, — вздохнул он.

Она широко улыбнулась.

— О, глупый пират. Нужно было знать лучше.

— Что за Вендельгримм? — заинтересовался Каэл.

Лисандр застонал.

— Ведьма из Вендельгримм. Старуха живет уже тысячу лет. Ее крепость на вершине скалы с видом на деревню Коппердок, — он вытащил мятую карту королевства из-под пятки Килэй и указал на маленький полуостров. Вокруг были крохотные причалы, над лесом был темный замок. Он постучал по замку и сказал. — Это Вендельгримм. В Коппердоке жила семья шептунов, они удерживали ее поколениями. Но после войны...

«Их отослали в Средины, — подумал Каэл, — и больше о них не слышали».

— Ведьма напала на деревню? — догадался он.

Лисандр кивнул.

— Она прокляла жителей и держит их в плену. Я вырос на истории о ведьме из Вендельгримм, она горела во мне. И как только я смог стать капитаном, я собрал экипаж и отправился освобождать людей Коппердока.

— Даже не думая о награде, — с сарказмом сказала Килэй.

Он пожал плечами и хитро улыбнулся.

— Ну... признаю, я был немного заинтригован наградой. По легендам в подземельях Вендельгримм богатства всех кораблей, которые ведьма потопила, — объяснил он Каэлу. — Говорят, там корона первого короля, рубин размером с голову козла и аквамаринный кубок бессмертия на горе золота.

— Но это вас не интересует, да? — сказала Килэй, разглядывая ногти. — Вы рисковали там только из-за одного.

Он прижал ладонь к груди.

— Девочка Сэма Взятки.

— Погодите... в подземелье заперта женщина? — встревожился Каэл.

Лисандр фыркнул.

— Это меч, шептун, клинок, дарующий хозяину бесконечную удачу. С Девочкой в руке будет сломлен каждый замок, откроется каждая дверь. Ты сможешь выстоять против самого страшного врага, и он не узнает тебя. В бою тебя не победить. Для этого я отправился в Вендельгримм, — он вздохнул. — Я думал, что с этим мечом у меня будет шанс. Что я смогу напасть на герцога, и количество людей не имело бы значения. Но ведьма сильна... — он смотрел вдаль, его голос превратился в рычание. — Мы с моими людьми пошли с мечами на Вендельгримм, готовые биться, но она одолела нас одним заклятием. Ее ужасный голос жег

наши уши, а потом наши ноги пошли сами по себе. Мы вернулись на корабль, где руки подняли паруса и увели нас. Мы были в море, когда ее заклятие отпустило нас... и началось мое проклятие.

Небо снаружи потемнело. Гром урчал, дождь бил по окнам. Корабль покачивался под ними. Лисандр схватился за волосы и упал на колени. Он с трудом вдохнул пару раз, а потом успокоился, как и корабль. И медленно тьма туч растаяла, дождь прекратился. Когда небо снова стало просто серым, он встал на ноги.

Его ноги дрожали, он схватился за стол.

— Я проклят. Все мои ощущения, каждый удар сердца отражаются там, — он указал на окна, — в погоде вокруг меня. Когда это случилось впервые, мы чуть не погибли. Потеряли троих хороших пиратов, а потом я понял, что буря была моим творением.

Килэй встала и закинула на плечи его руку. Он прислонился к ней, и она помогла ему обойти стол. Он опустился на стул и вытащил из выдвижного ящика зеленую бутылку.

Быстрым умелым движением он вытащил зубами пробку.

— Где-то между гневом и горем я нашел мрачную решимость, серое небо и быстрый ветер. Но порой я слабею. Порой туман спасает, — пробормотал он. А потом сделал глоток из бутылки. — Я пытался прогнать их. Приказал оставить меня на острове, где я никому не наврежу. Но упрямые псы не послушались.

— Конечно, вы же наш капитан!

Это заявил мужчина, вошедший в каюту. Он был низким, крупным, его голос напоминал кваканье лягушки. Лисандр поднял бутылку.

— Привет, Моррис.

— Привет, ничтожество, — ответил Моррис. Он прошел мимо Каэла, не взглянув на него, и ударил кулаком по столу, сбил несколько книг, опасно стоявших на краю. — Опустить бутылку, капитан. Юноша не должен топить себя в элэ.

— Почему? — удивился Лисандр.

— Потому что от этого раздуется печень и станет больше головы герцога Реджи, — фыркнул Моррис. Он заметил Килэй в стороне. — Драконша, — он кивнул, — я слышал, что ты на борту. Рад видеть, удача, похоже, всегда с тобой. Чем могу помочь?

— Мне нужно, чтобы вы кое-кого обучили, — сказала она.

Моррис молчал мгновение. Он прищурил глаза, его рот двигался под кустистой бородой.

— Обучить? Но я не... никого не осталось, Драконша. Ты не слышала?

— Да, я сам удивлен, — Лисандр отклонился на спинку стула. — Но мальчик здесь. И он уже доказал себя в том тумане.

Моррис обернулся и окинул Каэла взглядом. Он посмотрел на его волосы и широко улыбнулся. У него не было нескольких зубов.

— Борода, ты нашла его в Беспощадных горах! — сказал он. — Как тебя зовут, хлопец?

— Каэл.

— Рад встрече.

Каэл протянул руку, но ничего не схватил. Он опустил взгляд и понял, что рука Морриса кончалась запястьем. Обрубок был скрыт кожаной перчаткой.

— Вот так вышло, — сказал Моррис, поднимая другую руку. — Не все умерли в войне шептунов, некоторые получили напоминание. Так что я предупредил.

— О, не проблема, — он пожал запястье Морриса.

— Какая у тебя сила? погоди, не говори, — Моррис снова окинул его взглядом. — У тебя все в равновесии, большой охват действия и большие руки, как для твоего роста. У тебя есть дар для войны, да?

Ему казалось, что Моррис слепой.

— Нет, я целитель, — сказал он. И не обратил внимания на фырканье Килэй.

— Целитель? — Моррис визгливо рассмеялся. — Тут меня не обманешь. Я видел много шептунов, я-то могу увидеть талант.

— Может, вам нужны очки? Я всегда был целителем.

Моррис ухмыльнулся.

— Я не буду тратить время на споры. Почему бы не проверить? Не зажжете нам лампу, капитан? — Лисандр снял фонарь со стены, чиркнул спичкой и зажег его. Он повесил фонарь на руку Морриса. — Благодарю, капитан. А зеркало не найдется?

— О, у него есть, — сказала Килэй. — Так волосы не лежат сами по себе.

— А вот и лежат, — возмутился Лисандр. Он выдвинул ящик стола и вручил Каэлу серебряное зеркальце. — Зеркало у меня только для подачи сигнала.

Килэй дождалась, пока он отвернется, и закатила глаза.

— Нас научили старому трюку до того, как шептание стало преступлением, — сказал Моррис, поднося фонарь к лицу.

Свет попал в его глаз под определенным углом, и золотые круги пошли от его зрачка, как рябь по воде. Они мерцали и двигались сами по себе в свете фонаря.

— Видишь? — Каэл кивнул, и он улыбнулся. — У меня был дар к созиданию. Я делал оружие для короля Банагера. Но это было до... — он кашлянул и моргнул. Твоя очередь. Если ты мастер, то увидишь кольца. У целителя будет бриллиант, а у воина — порез посередине. Понял?

Он кивнул.

— Хорошо. Я устрою. Свет должен падать под правильным углом.

Каэл смотрел вперед, пока Моррис двигал фонарь. Свет коснулся его глаз, и он ощутил тепло свечи. А потом услышал громкий стук, фонарь упал на пол.

— Забери меня прилив!

Лисандр вскочил на ноги.

— Что... что такое?

Моррис отпрянул на пару шагов. Если бы его веки так не нависали, белки было бы видно, так он широко раскрыл глаза. Он указал на Каэла рукой и пролепетал:

— Смотрите сами!

Повезло, что фонарь упал не на бок. Пролилось немного воска, но свеча еще горела.

— Не двигайся, — сказал Лисандр и поднял фонарь.

— Если что-то не так, разве я не должен знать первым? — возмутился Каэл.

Лисандр схватил его за подбородок и взгляделся в его глаз. Через миг он улыбнулся.

— Подними зеркало. Ты захочешь это увидеть.

Каэл не смотрел на острые черты своего лица и слишком бледную кожу. Он поднес зеркальце ближе, пока не увидел свои карие глаза. В их середине тоже было золото. Но это был не бриллиант и не порез, и там точно не было колец.

Прямые линии скрещивались на радужке. Они проходили так близко к центру, что его зрачок казался треугольным.

— Что это? — он не отводил взгляда. Он боялся, что узор пропадет, если он моргнет.

— Вот, — Килэй достала с полки маленькую книжку с названием «Классификация шептунов». Она открыла ее и поднесла ближе к нему.

На первой странице был рисунок глаза с пересекающимися линиями. Он сравнивал рисунок и свой глаз, и узор явно был одинаковым.

Моррис коснулся концом руки первых треугольников, что были возле зрачка.

— Рожденный из всего, — он показал на треугольники ниже, — правитель всего, — и на черный треугольник в середине. — Смотрите, явится Райт.

Они бы услышали, как жует сырмышь, в образовавшейся тишине. Каэл не знал, что сказать. Он огляделся, но лица других не помогали. Лицо Килэй ясно выражало: «Я же тебе говорила». Она радовалась.

Моррис словно открыл сундук несметных сокровищ. Лисандр смотрел на окно с улыбкой.

Небо снаружи бушевало.

— Я не... — начал Каэл, но не смог закончить.

— Это ты, парень, — мягко сказал Моррис. — Уже замечал, как в тебе это проявляется?

Каэл тут же подумал о ловушках, как Килэй сказала, что странно, что он всегда что-то ловил. Он поджал губы, но Моррис прочитал ответ по его глазам.

— Так я и думал. Это был создатель в тебе. Ты ломал ударом шеи людей? Или делал невозможные выстрелы? — Каэл покраснел. Моррис улыбнулся. — Это воин. Глаза отражают душу, парень. А душа не врет, — он повернулся к Килэй. — Ты это искала?

— Я знала, что без него все будет безнадежно, — сказала она. Ее зеленые глаза впивались в него. Ее лицо ничего не выдавало, но Каэл чувствовал ее волнение... и облегчение.

Он не хотел этого. Ему было плевать на увиденное в зеркале, он не был их ответом.

— Простите, но вам придется поискать кого-то еще. Я просто пытаюсь спасти деда, — сказал он. Каэл бросил зеркало на стол и развернулся уходить, но Моррис преградил путь.

— Дар непрост, понимаю, — он растянул воротник рукой. Среди спутанных черных волос на груди была метка шептуна. — Ты знаешь, что это?

— Метка.

— Нет. След красный и приподнятый, он прямой, видишь? Ты видал такие метки? Конечно, нет! Потому что это шрам, парень.

— Я этого не просил.

Он рассмеялся.

— Дело не в этом. Ты был избран для этого задолго до рождения. Ты еще был в утробе матери, когда госпожа Судьба рассекла тебя. Она вложила в тебя дар и зашила, потому у каждого шептуна есть шрам.

Амос не говорил толком об истории их вида, и он невольно заинтересовался. Каэлу не хотелось только, чтобы Моррис упоминал судьбу.

— Я никому не дам указывать мне, что делать.

— Нет, ты не понял. Судьба дает нам дар, но позволяет нам решить, что с ним делать. Ведь нет причины страшному старику обладать умениями мастера, а рыжеволосому скелетику обладать даром Райта, — он улыбнулся и коснулся рукой головы. — Но мы такие. Так зачем прыгать за борт, если можно попробовать применить дар? Я могу обучить тебя немного, а потом решишь, что делать с даром.

Это звучало логично. И то, что мог показать ему Моррис, могло пригодиться ему потом.

— Хорошо...

— Минутку, — вмешался Лисандр. Он отошел от окна, сцепив руки за спиной, с хитрой улыбкой на лице. — Как капитан, я хочу компенсацию за время Морриса.

Каэл не был удивлен.

— Хорошо. У меня есть серебро...

Он поднял руку.

— Мне не нужны твои деньги. Это и у меня есть.

— Что тебе нужно, Сэнди? — сказала Килэй, стоя у полок.

Он нахмурился.

— Не называй меня так.

— Не веди себя как вредная торговка, и я не буду.

— Хорошо, — он повернулся к Каэлу. — Я просто хочу свободу. Помоги разрушить мое проклятие, и я посчитаю это платой за твоё обучение.

Каэл знал после каравана, что простых сделок не бывало.

— Как мне его разрушить?

Как он и подозревал, улыбка Лисандра дрогнула.

— А ты умный шептун, да? Хорошо, тебе можно сказать, — он посерьезнел. — Чтобы разрушить проклятие, тебе нужно убить ведьму из Вендельгримм.

Килэй фыркнула.

— Это не честно.

— Я его туда доставлю, — продолжил Лисандр. — Мы с Тельредом пойдем с ним в замок. Но я не могу просить своих людей снова рисковать жизнями из-за меня.

— И, конечно, я тоже пойду, — добавила Килэй.

— Вот именно, — Лисандр раскинул руки. — Я ничего не скрываю. Что скажешь?

Каэл знал, что выбора нет. И он обхватил ладонь Лисандра, глядя на вспышки молнии в его грозных глазах, и сказал:

— Хорошо, так и сделаем.

Глава 22:

Уборка

— Райт рождается в трудные времена, когда королевство почти убило себя, — сказал Моррис. — Никто не знает, почему так всегда.

Они стояли на покачивающейся палубе, Моррис смотрел на солнце и волны, а Каэл — на доски под ним. Он плотно скрестил руки и пытался игнорировать факт, что кругом не было видно суши. Не было понятно, куда плыть, где путь. Они словно оказались в другом мире, и он не знал, как они смогут вернуться.

— Пугает? — сказал Моррис, словно прочитал тревогу на лице Каэла. — Смотри.

Возле большого штурвала стоял маленький деревянный столик. Там был инструмент, о котором Каэл только читал. Компас в золоте и с аккуратными буквами на нем. В центре было нечто, похожее на стрелу и маленький лук.

— Он всегда показывает на север. Но мы не хотим туда, нам нужно на юг. Так что... — Моррис сунул руки между выступами на штурвале, корабль заскрипел, поворачиваясь, и Каэл смотрел на стрелку. Моррис остановился, когда они повернулись в направлении конца стрелки. Он улыбнулся и прищурился.

— Видишь? Не о чем переживать.

Было полезно знать направление, но Каэл не понимал, почему кораблем правил человек без рук. Но если он видел что-то странное, объяснить это мог только капитан корабля.

— Ну как, Моррис? — крикнул снизу Лисандр.

Белые облака проносились мимо, но небо почти весь день было ясным, солнце беспощадно жарило. Пираты обычно из-за этого снимали рубашки. А теперь они ходили по палубе, притворялись, что работали. Но на деле они играли мышцами, когда мимо проходили девушки.

Лисандр упирал руки в бока, пот блестел на мышцах его рук и груди.

— Не стоит ли склонить парус немного? Ветерок идет с востока.

— Нет, он из твоего рта, — проворчал Моррис, Каэл улыбнулся. — Подвинь главный парус, если тебе нужна скорость!

Лисандр повернулся к матросам у главного паруса, где была и Аэрилин.

— Вы его слышали. Двигайтесь, дворняжки!

— Айе, капитан!

Они потянули канаты, Аэрилин старалась не упасть. Ветер ударил в паруса, дернул веревки, и девушка с воплем упала.

Лисандр подбежал к ней и помог встать.

— Нужно упираться пятками, леди-торговка, — сказал он с ухмылкой. — Руки используй как якорь, а ноги как волну.

Каэл даже издалека видел, как Лисандр играет мышцами. Аэрилин тоже должна была это заметить, ее лицо покраснело, она быстро отвернулась.

— Мы были в море почти пять лет, за это время я забыл, какое шоу устраивает капитан перед дамами, — ворчал Моррис.

Каэлу казалось, что Лисандру стоило хотя бы надеть рубашку, если он не мог скрывать свои белые зубы.

— Ладно, — продолжил Моррис, — Райт всегда рождается в трудные времена. Подумай об известных — Чарльз Райт родился во время восстания магов, пытавшихся уничтожить королевство. Сезеран Райт родился перед Шепчущей войной, конечно. И многие люди думают, что сэр Гориган был Райтом, но при рассказах все перепуталось, так что нам и не узнать.

— Погодите... вы верите в сэра Горигана?

— Конечно! Это история, так ведь? То, что она не записана, не делает ее менее важной. Но вопрос в том, — он прищурился, — из-за чего родился Каэл Райт?

— Чтобы сокрушить графа Титуса, — мрачно сказал он.

— Нет! — Моррис ударил его по затылку обрубком руки. — Ты ни для чего не родился, пока тебя не обучили. Для этого тут я. Значит, ты выбрал себе лук?

— Я могу использовать только его, — признал он.

— Хмм, это мы исправим. Но пока, — Моррис указал на главную мачту, Каэлу пришлось отклониться, чтобы увидеть верхушку, — у верхушки есть узел в дереве. Видишь?

Он проследил от корзины на вершине мачты и нашел узел. Он был темнее и приподнятый, размером с его голову. Но с места, где он стоял, он напоминал точку.

— Я хочу, чтобы ты попал туда стрелой.

— Я не могу, — он знал, что точка была слишком далеко, он не хотел выставлять себя дураком.

Но Моррис не собирался отпускать его.

— Слушай сюда, — прорычал он, борода шевелилась. — Я учу тебя, и ты будешь слушаться, ясно? Мне не нужны твои мысли, просто выстрели.

Каэл был не против: чем раньше Моррис поймет, как он слаб, тем лучше. Он вытащил лук и прицелился, натянул тетиву, пока рука не задрожала. Он выпустил стрелу, она описала жалкую дугу над палубой, а потом вонзилась у сапога Джонатана.

— Осторожно! — крикнул он. — У меня только две ноги, они нужны мне для джиги.

— Прости, — отозвался Каэл. Он повернулся к Моррису. — Видите? Я же говорил.

— Перестань скалиться. Поражением гордиться нельзя, — он склонился и сказал. — Ноа, тащи топор!

Через минуту Ноа поднялся по ступенькам с маленьким двусторонним топором.

— Вот, — он вручил оружие Каэлу.

— Не думай о нем, не переживай, не беси меня! — рявкнул Моррис. — Брось топор. Брось!

Он никогда не бросал топор. Но вопли Морриса разозлили его, и Каэл отпрянул и размахнулся как можно сильнее.

Оружие полетело, крутясь. Пираты замерли на палубе и смотрели, раскрыв рты, как топор летел вверх, пропадая из виду. Он исчез в белых лучах солнца, и он, казалось, промазал. А потом топор упал с неба и со стуком вонзился в центр мишени на мачте.

Он услышал, как захрустела челюсть Ноа, так широко он раскрыл рот.

— Как ты это сделал?

— Понятия не имею, — сказал Каэл. Он представлял, что там голова Морриса, но он не хотел говорить этого вслух, ведь Моррис мог до него дотянуться.

— Соревнование! — заявил Лисандр, запрыгнув на бочку. — Дам добавку грога всем, кто бросит лучше него!

Пираты завопили и выстроились в очередь.

Все бросали, порой и не по одному разу. Великаны испытывали удачу, мужчины с огромными руками и волосатой грудью, трещащие шеями и рычащие во время бросков... и ворчащие, когда их топоры не долетали или не попадали вообще. Вскоре пираты чесали головы, расстроившись и ворча, что бросок был невозможным.

— Теперь видишь? — тихо сказал Моррис.

— Что вижу?

Каэл не слушал. Он смотрел, как Тельред изо всех сил метнул топор, а потом невольно улыбнулся, когда топор едва долетел до середины мачты. Тельред мрачно ворчал и выбросил пустое ведро в море, и Каэлу пришлось отвернуться, чтобы не рассмеяться.

Моррис нахмурился.

— Это смешно сейчас, но знай: если Райт не сомневается в себе, он может сделать все.

Каэл не верил ему сначала. А потом наступил ужин, и ни один пират так и не достиг его отметки. Когда он пошел за остальными на камбуз, Лисандр дал ему больше грога, и он огляделся и увидел большие глаза, полные уважения, на обветренных лицах пиратов.

И он поверил.

— За лучший бросок, — сказал Лисандр, высоко поднимая кружку. — Пусть топор остается там, как памятник пирату Каэлу!

— За бросок! — завопили остальные и щедро отхлебнули в его честь.

— Как тебе это удалось? — спросила Аэрилин, когда он сел. Она боролась с резиновым

щупальцем в супе, пыталась наколоть его на вилку.

— Я бы тоже хотел знать, — согласился Джонатан. Он выхватил из ее миски щупальце пальцами и сунул его себе в рот, заслужив взгляд, полный отвращения.

Каэл решил, что нет смысла и дальше держать дар в тайне. Он уже был врагом королевства, а все вокруг него были, в прямом смысле, в одной лодке. Они бы не стали его выдавать.

— Я — Райт, — сказал он, глядя, как поднимаются их брови. — Я всегда знал, что я — шептун, но я только узнал, что я... немного другой.

Джонатан присвистнул.

— Про шептуна мы догадывались, но Райт? — он улыбнулся. — Дамам это понравится. Я бы на твоём месте вышел бы это на тунике.

— Погоди, давно вы знали, что я — шептун? — сказал Каэл.

— Я догадалась после пары ловушек на охоте, — пожалала плечами Аэрилин. — Я жила с караваном всю жизнь, но ни разу не видела, чтобы приносили столько добычи. Только шептун бы смог это. Я рассказала Джонатану, он согласился. И мы, — она глубоко вдохнула, — прости, но мы пошли к папе. Мы просто не хотели подвергать караван опасности, — добавила она осторожно.

— Но старик Гаррон уже знал, — сказал Джонатан. — Он сказал нам молчать. Сказал, что ты — хороший, и он не бросит тебя, несмотря на опасность, — он ухмыльнулся. — А еще ты помогал ему разбогатеть.

— Ага, но золото на мою голову сделало бы его еще богаче, — Каэл упрямо боролся с внезапным чувством в груди.

Аэрилин расправила плечи, как делала всегда, когда говорила о Гарроне.

— Нет худшей сделки, чем у дурака, продавшего друзей за золото. Это было первое правило, которому меня научил папа.

— Айе, друзья должны быть вместе, — Джонатан шутливо стукнул его по руке. — Так что быть тебе с нами, друг.

Каэл смог только кивнуть. Он пробормотал, что у него болит живот, и побежал по ступенькам. Он вышел на палубу в ночь и схватился за грудь, борясь с волнами в сердце, которые грозили пролиться из его глаз.

*

По словам Морриса, каждого Райта нужно было учить, ведь в чем-то одном он все же был лучше, чем в двух других. И он странно верил, что Каэла нужно учить в направлении воина.

— Разум — как мышца, нужно использовать его, пока не устанешь, а потом проснуться и использовать снова. Только так можно стать сильнее.

— И как мне это делать? — спросил Каэл.

Моррис улыбнулся.

— Голова когда-нибудь болела?

— Да, и ужасно.

— Вот оно. Работая до головной боли, ты делаешь сильнее разум. Каждый раз ты будешь становиться сильнее. Будешь продвигаться дальше. Понял?

Каэл вздохнул.

— Наверное. Но как получить головную боль? Она же не приходит по приказу.

— Есть пару вещей, что могут это сделать с тобой: борьба с магией, а еще

использование навыков всегда оставляет след, — Моррис ухмыльнулся. — Не переживай, я придумал способ, как закалить тебе и тело, и разум.

Вскоре Каэл узнал план Морриса: на следующее утро в шесть ударов колокола Лисандр созвал их на палубе для тренировки. У поручней были ящики с разным деревянным оружием. Им приказали взять мечи и ждать, пока Тельред расставит пары.

Каэл ждал свою очередь, когда Моррис схватил его за плечи и оттащил.

— Не стоит. Никто из них тебе не соперник. У меня есть тот, кто подойдет.

И соперником ему стал самый опытный, беспощадный и опасный боец из них. Килэй.

— Нет! Ты отвлекаешься! — рявкнул Моррис, когда Каэл рухнул на спину. — Ты просто смотрел на ее атаку.

— Так я не дал разбить мне череп, — парировал он, поднимаясь на ноги. — Я же должен следить за головой, да? Особенно, когда мне пытаются ее сбить, — добавил он.

Она улыбнулась.

Моррис громко застонал.

— Нельзя тратить на это время, голову нужно использовать! При виде каждого ее движения у тебя должен возникать вопрос, зачем она его совершает. Видишь? — Килэй шагнула влево, деревянный меч свободно висел в ее руке. — Скажи, зачем она так сделала.

— Потому что это ее сильная сторона, а моя — слабая, — автоматически сказал он. После нескольких падений на пол Моррис рассказал ему с недовольством, что Килэй была левшой.

— Хорошо. И как ты помещаешь ей разрезать тебе спину?

Она была ленивой, меч висел низко, в такой позиции она не оборонялась. Ее грудь была открыта для атаки. Он бросился, но не понял, что произошло, и его меч оказался на земле, а Килэй была за ним.

— Это был финт, — сказал Моррис после цепочки ругательств. — Опытный мечник не бывает незащищенным, таков был ее план. Хватит пыхтеть, поднимай меч!

Он склонился за мечом, и Килэй стукнула его по крестцу плоской стороной меча.

Мир покраснел.

Он развернулся и замахнулся с ревом, направляя удар за ударом в ее сторону. Он целился в ее голову, грудь, колени, чтобы преподать ей урок. Но, хоть он и старался, она легко отбивала удары. Она изящно уходила от его атак, и Каэл задыхался, он знал, что сил хватит только на один удар. Он призвал все силы, поднял меч над головой и опустил.

И тогда его меч разбился на две половины, разлетевшиеся в стороны. Он понял, что ударил по руке Килэй.

Она сжимала его ведущую руку за запястье, больно выкручивая, а кончик ее меча вонзался в его ребра. Ее глаза пылали, грудь быстро вздымалась и опадала. Руку, что она держала, странно покалывало. Словно она закрывала кровотечение.

— Хорошо, хватит на сегодня, — разочарованно сказал Моррис. — Надеюсь, ты понял, что разозленный мужчина не уходит победителем, если он вообще уходит.

Всю неделю Моррис сталкивал его с Килэй. Она била его всем оружием, что было на корабле — ножами, мечами, копьями и всем остальным. Моррис не прекращал бой, пока Каэл не начал думать, что головную боль можно и сочинить. Только когда он оказывался на коленях, шатаясь, и не мог понять, где из трех кругов голова Морриса, бой заканчивался. Каждую ночь он спускался за ужином, а потом падал в гамак, не зная, наступит ли конец этих избиений.

Но однажды утром тренировка немного изменилась. Лисандр дал им выбрать оружие, которое им нравилось, и Каэл выбрал палку — так он мог далеко достать и нападать обоими концами. Лисандр сказал им расчистить место в центре палубы. Пираты взволнованно шептались, Каэл не понимал, почему.

А потом Лисандр сложил ладони у рта и крикнул:

— Соревнование!

Пираты подняли оружие над головами и оглушительно заревели. Они топали ногами, и Каэл пошатнулся, ведь они еще и толкались.

— Правила простые. Если теряешь оружие или сознание, бой закончен, — кричал поверх шума Лисандр. — Победитель остается. Кто продержится дольше, будет нашим чемпионом, получит вещи в награду!

Все снова завопили, Лисандру пришлось ждать минуту, чтобы продолжить.

— Каждый может и должен поучаствовать хоть раз, — он посмотрел на Аэрилин. — Исключение — Килэй, иначе она всех нас победит.

Некоторые пираты согласно шептались. Некоторые смотрели на девушку, стоявшую у поручня, но никто не хотел вызывать ее на бой.

— Я слежу за временем, — сказал Лисандр, опустив руку на большие песочные часы. — Пусть выйдет первый смельчак, пусть лучший пират победит!

Каэл ждал, пока выступит кто-то первый, но тут руки толкнули его в спину. Он оказался в середине круга, развернулся и увидел, как Джонатан кивает ему.

— Ты сможешь, друг! — помахал он.

Каэл хотел разбить его голову, но между ними встал огромный пират. Он поднял большую дубинку над головой, рыча сквозь спутанную бороду. И бросился в атаку.

Страх согнал все уроки Морриса в кучу. Он столько дней говорил, что Каэлу важна его скорость, и что крупный враг с оружием легко победит его. И когда пират замахнулся, Каэл отскочил. Он шагнул за спину пирата и ткнул палкой в его колено.

Это было в стиле Килэй, и это сработало.

Пират издал удивленный вопль, упал, когда нога согнулась под ним. Он ударился подбородком об пол, выпустив из руки дубинку.

— Вот. Обезоружен, пес, — крикнул Лисандр. — Следующий!

Ноа вышел из круга, улыбаясь, легко крутя меч одной рукой. Его первый удар пришелся на середину палки Каэла, чуть не выбил ее из его рук. Ноа бил с невероятной скоростью, его клинок свистел у шеи Каэла, а потом оказывался у его ног. Пока он мог лишь реагировать. Ноа придвинул его почти к краю круга, начал быстро бить в грудь, голову, колени, живот, а потом он сделал разворот.

Его рука летела, как камень из пращи. Когда она опустилась, удара хватило бы, чтобы палка Каэла улетела в океан. Но была одна проблема: Ноа при движении не защищал спину.

Моррис говорил Каэлу никогда не подставлять противнику спину, особенно, если враг был рядом. И что он должен был сделать? О, да.

Каэл ударил по лодыжкам Ноа, и он даже не увидел этого. Его ноги сбились, он упал на спину. Каэл прыгнул и выбил меч из его руки раньше, чем он вскочил на ноги.

— Обезоружен, — радостно сказал Лисандр. — Следующий!

Один за другим его противники падали. За одним тут же выходил другой.

Каэл двигался все утро, но не уставал. Пираты не выматывали его так, как Килэй, и пот прошиб его только к полудню. Он перестал узнавать лица, вместо этого видел движения рук

и ног, углы ударов, рост и вес.

Он знал, что бился с Джонатаном, он не забыл отвесить ему пару дополнительных ударов в живот. Когда он выбил дубинку из его рук, Джонатан схватил его за запястье и прошептал:

— А что я говорил? Все уроки Безрукого Морриса пошли на пользу, никто не может одолеть тебя.

Каэл не успел ответить: он услышал, как скрипнули доски, следующий противник был за его спиной.

Небо было красным и прохладным, когда Лисандр вечером остановил сражение.

— Света осталось только на один бой, а я сказал, что сражаться должны все, — рявкнул он.

Каэл в перерыве вышел из транса. Он понял, что все смотрели на Аэрилин, а она нервно сжимала палку. Ее взгляд метался с Каэла на Лисандра.

— Мы не можем просто посчитать, что он победил меня? — взмолилась она.

— Нет, — твердо сказал Лисандр. — И если хочешь бросить оружие, я тебя накажу на неделю мытьем камбуза.

Редкие варианты были хуже смерти, но мыть после ужасного кока входило в их число. Он использовал не меньше десяти огромных котлов для каждого приготовления пищи, и мыл он их раз в год. Многие верили, что внутри котлов слои подгоревших остатков еды.

Аэрилин испуганно запищала, и Лисандр продолжил:

— Сделаем интереснее? — сказал он. — Проигравший будет неделю мыть в камбузе, помимо своих дел!

Пираты радовались, и Лисандр с ними, а Аэрилин посмотрела на него так, что стало ясно, что он попал в список людей, которых она хотела убить.

— Я тебя не раню, — пообещал Каэл, когда она встала перед ним.

Она кивнула с благодарностью, и они начали.

Аэрилин хорошо обращалась с палкой, ее проблемой было отсутствие силы. Каэл первым ударом чуть не выбил ее из рук Аэрилин, хотя бил вполсилы. Он старался сражаться честно.

Они немного потанцевали, она отдала ему ведущую роль. Он замахивался, она блокировала. Он двигался размашисто, давая ей много времени отреагировать. Чем дольше они сражались, тем сильнее радовались пираты.

Может, тощий пацан все-таки устанет? Он же сражался весь день. А если маленькая Аэрилин одолеет его? Вот это было бы круто!

Стук палки по палубе резко остановил их дуэль. Каэл не сразу понял, что его руки пустые, он оказался безоружен. Он так заигрался, что даже не заметил, когда Аэрилин выбила оружие из его рук.

Она была удивлена не меньше него. Она убрала мокрые от пота волосы с лица и посмотрела на палку так, словно не понимала, откуда она там.

— Каэл, мне так жаль...

— Не надо, — его голос оказался единственным звуком на корабле, все смотрели на него и ожидали его действий. И он прижал кулак к сердцу, повторяя рисунок побежденного рыцаря из «Атласа», и сказал. — Меня одолели.

Палубу заполнил шум. Два больших пирата подняли Аэрилин на свои плечи, остальные вопили и прыгали вокруг нее. Лисандр выкатил на палубу бочку грога, такую большую, что

ее могли поднять только три пирата-великана, и он налил Аэрилин первую кружку.

— За леди-торговку, защитившую честь пиратов, — сказал он с улыбкой. — Мы навеки в долгу!

Празднования длились до ночи. Хотя они были удивлены, что он проиграл, пираты хлопали Каэла по спине и говорили, что никогда не видели такого парня. Некоторые просили его показать уловки.

Он смог сбежать от толпы, но Лисандр врезался в его плечо, расплескав на палубу его грог. Он за волосы заставил Каэла повернуть голову.

— Ты творил сегодня историю, морской пес! — сказал он, слова немного путались. — Двенадцать поворотов песочных часов. Такое удавалось только одному пирату.

Каэл хотел спросить, кому именно, но Лисандр повернул голову и спросил:

— Думаешь, она потанцует со мной?

В толпе покачивающихся тел Аэрилин начала танцевать. Она двигалась в такт скрипки Джонатана, обхватив руку Морриса. Когда мелодия меняла ритм, она меняла партнеров, кружилась и обхватывала руку следующего пирата.

Ее глаза блестели, лицо покраснелось, и Каэл знал, что дело не в гроге, потому что она вылила его за борт, стоило Лисандру отвернуться.

— Что думаешь, пес? — спросил он снова. — У меня есть шанс? — Каэл не успел ответить, а тот допил грог и вытер рот рукавом. — Ты прав, у меня есть шанс. Я капитан! — он отсалютовал и решительно пошел к Аэрилин, та кружилась в замысловатом танце с Килэй.

Их танцы вызывали такой громкий свист и топанье, что Каэл не услышал, как подошел Моррис, пока он не столкнулся с ним.

— Я так не танцевал с тех пор, как растолстел, — сказал он, хлопнув рукой по животу. — Это уже не для таких танцев, груз ниже груди. А вот ты бы сходил туда и показал им танцы.

Каэл хотел сказать, что считал танцы весельем для пришибленных, но промолчал.

— Думаю, ногам стоит отдохнуть.

Моррис улыбнулся и хлопнул его по спине.

— Точно, парень. Я не видел таких боев уже давно.

Каэл хотел поблагодарить его за обучение, за испытания каждый день, но не смог. Пока Моррис говорил, небо разверзлось, и потоки холодного ливня полились на них. Ледяная вода пропитывала одежду, тушила фонари, и пираты побежали к гамакам.

— Все под палубу! — сказал Тельред, побежав к каюте. — Тушите фонари и спать, псы!

Каэл бы хотел уйти спать, но поражение означало, что он должен мыть неделю камбуз, начинать нужно было сегодня.

Он спустился на кухню, выжимая по пути воду из рубашки, но чуть не упал, когда увидел ужасное задание перед ним.

Каждая поверхность камбуза была в стопках грязных горшков, некоторые, казалось, не мыли с момента создания. Они стояли башнями, склеенными остатками еды. Некоторые доставали до потолка.

Он бы бросил все в море, но Лисандр мог придумать ужасное наказание за это. И он закатал рукава и приступил к работе.

Он боролся с упрямым черным жирным пятном, когда ощутил, что не один. Она не шумела, но он знал, что она за ним.

— Привет, Килэй. Пришла отругать меня за то, что я забыл о защите?

Она была у стойки на расстоянии вытянутой руки от него. Ее волосы были мокрыми, капельки воды блестели на лице и шее. Запах дождя и лаванды был очень приятным после вони старой еды.

— Я пришла не ругать тебя, а помочь, — сказала она, ставя кружку у его локтя.

Он увидел бледно-зеленую пену, ощутил резкий запах грога.

— Спасибо, но я вряд ли смогу это выпить.

Она покачала головой и забрала из его руки грязную тряпку, ее пальцы задели его. Она макнула тряпку в кружку и потерла жир. Пена пузырилась, черные куски начали отставать, таяли от грога.

— Это... полезно, — сказал он, хотя был обеспокоен. — Что там?

Она улыбнулась.

— Ты хочешь знать?

Он не хотел. Но если грог мог отмыть слой жира, то было страшно представить, что он мог сделать с его желудком. Он поблагодарил ее за помощь, ругая при этом напиток.

Она рассмеялась и отвернулась.

— Это было мило с твоей стороны — дать Аэрилин победить.

Тон ее голоса заставил его поднять голову. Выражение ее лица смутило его, она не смеялась, не злилась. Он не понимал, почему ее губы были так сжаты, почему она хмурилась. Он заметил, как она прислонялась к двери, одна рука была за ее головой, и из-под рубашки было видно ее фигуру.

— Я не давал ей победить, — проворчал он, потому что думал, что такой тон скроет румянец на его лице. — Я отвлекся, и она победила. И все.

Выражение ее лица не менялось.

— Только ты знаешь, что там было. Хочешь знать, что я думаю?

Он смог лишь кивнуть.

— В благородном королевстве ты был бы потрясающим рыцарем.

Он долго не мог ответить. Он рассеянно тер, пытался понять внезапную доброту ее слов, пытался придумать, что сказать в ответ, но он не мог ничего придумать. Она была не такой, как Аэрилин, та любила комплименты, как птица крошки. Он знал, что Килэй сказала это, потому что так думала.

Но, когда он решил поднять голову, у двери никого не было. Килэй уже ушла.

Глава 23:

Опасные питомцы

В милях от «Грохочущего якоря» герцог Реджинальд заканчивал вечернее купание. Его руки с легкостью рассекали воду. Он вынырнул и вдохнул, соленая вода океана стекала с его коротких кудрявых волос. Наполнив легкие, он снова ушел под воду. Он слышал, как волны бьются о камни. Но мир под водой был тихим.

Ему нравилось это уединение. Он весь день работал с лепечущими подданными, а теперь заслужил тишину. Он сделал еще пару взмахов руками и вынырнул для вдоха. Он услышал, как его зовут.

— ...инальд! Здесь... он хочет...

О, что опять? Он замер и перевернулся на спину, море обняло его и покачивало. Слуга

махал с каменистого берега.

— Что такое? — крикнул Реджинальд.

— Вас хотят видеть, господин герцог!

Чосер всегда приходил и ломал ему веселье.

— Пусть знает, что я в пути, — сказал он недовольно.

— Хорошо, сэр. Мне прислать за вами лодку, сэр?

Реджинальд был немолодым, но ему не нужна была лодка, чтобы доплыть.

— Не нужно. Иди по своим делам.

С кивком слуга убежал.

Реджинальд легко плыл среди волн, он забрался по железной лестнице, приделанной к камню под его замком. Крепость была построена на каменистом острове, окруженном океаном. Хотя остров соединялся с королевством мостом. Но если бы можно было, он бы давно его сжег.

Солнце садилось, но воздух все еще был жарким. Вода на коже Реджинальда охлаждала его пару шагов, но, когда он добрался до стены, где он бросил рубашку, жар вернулся. Пот стекал по его лицу и шее. Он решил не добавлять рубашку, так что пошел к воротам в одних штанах, закатанных до колен.

Конечно, он ловил взгляды нескольких дам в коридорах. Они ненавидели его. Им не нравилось, как он правил, ... но они все равно поглядывали на него, пока он проходил мимо. Он вызывал восхищение, несмотря на ненависть, и это нравилось Реджинальду.

Одна смотрела слишком долго, и он улыбнулся ей. Румянец вспыхнул на ее щеках, и она поспешила прочь.

— Беги, мышка, — сказал он и увидел по ее напрягшимся плечам, что она его услышала.

Его кабинет был на третьем этаже. Многие правители делали кабинет на самом высоком этаже, но для Реджинальда дело было не во власти и престиже, а в виде.

Капитан стражи говорил, что это опасно, но Реджинальду было все равно. Когда он стал герцогом, он приказал вырезать на западе в стене огромное окно. И теперь, войдя, он сразу увидел море, сверкающее эмоциями. Сегодня оно было мирным. Оно приветствовало солнце, обнимало его, и вместе они разжигали волны огненной страсти своей любви.

Сцена была бы прекрасной, если он видел ее целиком. Но, к сожалению, широкие плечи мужчины, стоявшего у окна, закрывали обзор, оставляя лишь кусочек. Он закрыл дверь, и мужчина повернулся к нему с серьезным взглядом.

Реджинальд мысленно вздохнул. У Чосера всегда все было сложно. Он не мог расслабиться.

— Рад видеть. Путь прошел хорошо? — сказал Реджинальд, сев за стол. Он был из темного дуба, вырезанный целиком из одного дерева, подарок графини.

— Вполне, — ответил Чосер.

— Хорошо, — Реджинальд сделал вид, что поправляет бумаги на столе, пока Чосер ждал в тишине. Он поднял голову и удивленно увидел, что они не одни.

Как он не заметил его раньше? Мужчина стоял у полок, был низким и неприметным, но Реджинальд все равно не понимал, как смог пропустить целое тело в комнате.

— Кто это? — Реджинальд указал на мужчину, тот смотрел пустым взглядом на одну из побрякушек на полке.

— Мой слуга, — ответил Чосер. — Попросить его уйти?

Реджинальд не позволял обычно другим людям присутствовать на встрече. Но на лице

слуги была такая скука, что он сомневался, что он их слушает.

— Пусть остается. Только убедись, что он ничего не тронет.

— Хорошо, — сказал Чосер. Он терпеливо ждал, стоя со сдвинутыми ногами и сжатыми за спиной руками. Он бы сел, если бы в кабинете было кресло, но Реджинальд предпочитал, чтобы ситуация была не равной.

Он решил, что Чосер ждал достаточно долго, отклонился в кресле и положил ладони на обнаженный живот.

— Ситуация выглядит хорошо. Молодец.

Чосер склонил голову.

— Рад служить, господин герцог.

— Да... но есть тревожные вести о пиратах, — Реджинальд поднял письмо. — Барон Сахар, кажется, думает, что вы не стараетесь защитить его товары. Один из его кораблей пропал на прошлой неделе после того, как отплыл от Харборвилля. Он говорит, что потерял много золота и десятков матросов. Что скажешь?

Мышца дергалась на челюсти Чосера, но выражение лица не менялось.

— Ничего, господин герцог.

Реджинальд хотел бросить в его голову книгой, но смог сохранить голос ровным.

— Я отдал тебе пустыню, потому что остальные не справлялись. Годами пиратов видели редко, но теперь, — он разгладил письмо на столе, — океан кишит ворами. Знаешь причину?

Чосер напоминал каменную горгулью, он сказал лишь:

— Говорят, господин герцог, о нечестном поведении, — сказал он. — Пираты нападают так, что условия в море на их стороне. Так всегда.

Реджинальд слышал об этом. Он знал рассказы пьяных матросов у костра, когда они замерзали ночью. Он знал, какое имя они произносили приглушенными голосами с тревогой во взгляде. Он знал, что люди морей рождались с ложью на губах.

— Думаешь, ведьма из Вендельгримм помогает пиратами? — он говорил с презрением. — Один из моих лучших подданных боится сказки на ночь?

Чосер ухмыльнулся.

— Простите, но я думал, что вы знаете, что ведьма существует.

— Конечно. Но знаешь, почему ее зовут ведьмой из Вендельгримм? Потому что она не покидает то место. Ведьма получила свой приз, корабли с сокровищами ее не интересуют. Включи голову. Знаю, таким глупым быть сложно, так что работай головой.

Чосер промолчал. Реджинальд закончил и склонил голову.

— Я полагаюсь на ваши знания, господин герцог.

Реджинальд схватился за край стола, чтобы гнев не добрался до лица. Чосера запугать не удавалось. В него могли врезаться, а он даже не скривился бы. Он мог и умереть с таким серьезным видом.

— Я понимаю твои морские страхи, — ровно сказал Реджинальд. — Я добавил день, чтобы корабли плыли не так близко к Вендельгримму, да?

— Это было очень щедро, господин герцог.

— Да. А теперь... я хочу, чтобы проблема была решена. Чтобы таких посланий больше не было, — он помахал письмом перед лицом Чосера, — на моем столе. Пусть корабли плывут вместе, если нужно. Тогда остальные уплывут, если нападут на один из них. Так будет лучше, чем по одному. Черт, Чосер! Я нанял тебя думать за меня! Ты хоть понимаешь,

как неприятно быть окруженным глупыми?

— Я представляю.

— Невыносимо! — возмутился Реджинальд. — Ужасно! Не хочу слышать ни слова, пока пираты не будут под контролем. Присылай мне их сердца в ящиках, если нужно. Не заставляй убивать тебя. Я снес достаточно глупых голов. Моему кату приходится точить топор дважды в неделю, — он махнул Чосеру. — Иди. Оставь меня.

Поклонившись, Чосер покинул комнату.

Реджинальд забыл о слуге и вздрогнул, когда тот пошел за Чосером. Станный. Но он хотя бы закрыл за собой дверь.

Когда они ушли, Реджинальд обмяк в кресле. Если бы он не был хорош в своем деле, Чосер давно был бы избит. И тогда его серьезное лицо стало бы синим.

Его настроение мог исправить бокал вина. Он налил кубок до краев, когда в дверь постучали.

— Да? — прорычал он.

Воздух затрепал, в центре дальней стены появился яркий силуэт двери. Мужчина прошел через портал и поклонился. Он был в длинной красной мантии, тонкие губы были поджаты. У него были бакенбарды, седые волосы ниспадали ниже плеч, а макушка была лысой.

— Нормальная дверь не нравится, Бартимус? — фыркнул Реджинальд.

Бартимус вскинул брови.

— Чтобы нашего гостя увидели? Нет уж.

Кубок чуть не выпал из руки Реджинальда, когда он увидел существо, прошедшее за Бартимусом. Демон-волк был таким высоким, что кончики его ушей почти задевали потолок. Он знал из-за роста и черного меха, кому принадлежал этот демон. Хотя до этого только слышал сплетни.

— Что это... такое? Откуда? — он старался звучать удивленно. Он не должен был знать о них, никто не должен был. Но его шпионы были по всему королевству, особенно, в Средине. Удивительно, сколько информации можно было купить золотом.

— Он принес послание короля, — осторожно сказал Бартимус. — И оно... тревожащее.

Реджинальд взял пергамент из его руки и прочитал слова.

Реджинальд,

Драконша найдена. Этот шанс я упустить не могу. Шпион отслеживал ее движения, но он упустил ее в тумане в Великих морях.

Я полагаю, что она движется на юг, среди твоей территории. Она не одна. Я отправляю Кровоклыка в твой замок для защиты, пусть будет близко все время. Если она неподалеку, он ее учует.

Будь начеку, пользуйся шансом схватить ее. Живой, если возможно. Но можно и мертвой. Не подводи меня.

Его величество,

Король Крewan.

Реджинальд смял письмо. Это было плохо. Хуже Чосера.

— Я не хочу, чтобы он следовал за мной всюду, — проворчал он.

Бартимус раскинул руки.

— Что делать, господин герцог? Чары на демоне сильные, а вам приказал король. Вы не можете отослать его.

Реджинальд подумал об этом. Он развернул письмо и перечитал его

— Ах, видишь? Король отправил его в мой замок, а не ко мне. Мне не нужно всюду появляться с ним.

Бартимус кашлянул.

— Зверя нужно куда-то устроить, господин герцог. Чтобы мы за ним приглядывали.

Он немного подумал.

— Я оставляю его на твое попечение.

Решение было простым. Многие маги радовались быть слугами Пятерки. Веками шептуны лизали сапоги короля, и из-за них магам приходилось жить в изгнании. А теперь все изменилось.

Бартимус носил железный обруч на руке, как король носил корону. Для него это были не оковы, а символ власти. Он шагнул вперед и закатал длинный рукав. Реджинальд коснулся обруча кончиком пальца и отдал приказ.

— Как герцог Великих морей, я поручаю тебе управление демоном Кровоклыком. Выше твоей власти только мое слово.

Железо от его прикосновения раскалилось и сияло. Бартимус сжал пальцы, приказ Реджинальда сковывал его, Кровоклык низко заскулил, когда его ошейник тоже раскалился.

Это заклинание было умным: оковы работали на любом существе с магией в венах, приковывали его к господину. Разобравшись с шептунами, Креван пригласил магов учиться в Средины, где обманул их и заставил создать чары для управления демонами. Когда он понял, что оно работает на всех существах с магией, он обратил заклинание магов против них. Он привязал их к своей воле и разделил среди Пятерки как дары.

Реджинальд жалел, что не придумал это первым.

Когда приказ был завершен, он кивнул Бартимусу.

— Оставляю все твоим умелым рукам. Держи его вдали от глаз, не хочу, чтобы мои работники знали, что он здесь.

Бартимус поклонился и пошел к своей двери. Кровоклык следовал, его опасные когти стучали по полу, пока он шагал. Дверь за ними закрылась и исчезла с треском.

Реджинальд глотнул вина и принялся за гору писем, которую нужно было написать. Все его работники должны были узнать о Драконше... но если она решит напасть на них, это их все равно не спасет.

Закончив, он собирался написать графине. Он думал, что ей будет интересно знать, что ее подозрения подтвердились: не только у нее в королевстве были опасные питомцы.

И от этого ситуация становилась намного... сложнее.

Глава 24:

Прихоть

Большую часть обучения Каэла занимало чтение. Моррис заявил, что, чем больше шептун знал, тем сильнее было его воображение, тем сильнее становился он сам. Он доказал это, когда бросил меч к ногам Каэла и сказал:

— Я хочу, чтобы ты связал его в морской узел.

Сначала Каэл подумал, что это шутка. А потом увидел, как Моррис хмурит кустистые брови, и понял, что тот серьезен.

— Не могу.

— Пока что не можешь, — исправил его Моррис. — Почему?

— Потому что у меня нет рук размером со стволы деревьев, — он ожидал удар по затылку, стиснув зубы.

— Нет! Потому что ты не знаешь железо, не знаешь, из чего оно, и как с ним обращаться, — Моррис хлопнул рукой по большой книге рядом с собой. — Это «Лезвия и мехи», книга научила меня ковать железо. У тебя есть час на чтение. Потом покажешь, чем научился.

Каэл не понимал, как он прочитает книгу за час. Но он всегда хотел научиться ковке, так что он сел, скрестив ноги, на землю и открыл книгу.

Информация там была разной: рисунки мужчин с потными лицами у открытого огня, диаграммы, как нагревать и охлаждать железо, рисунки десятков типов мечей и раздел о том, как избежать опасных ран. Вскоре он погрузился в чтение. Настолько, что был разочарован, когда перевернул страницу, и следующая оказалась пустой.

— И что ты узнал? — спросил Моррис.

Он закрыл книгу с тяжким вздохом и поднял голову. Тут он заметил, что солнце почти не сдвинулось, все еще было высоко над их головами среди облаков, подбираясь к точке полудня.

— Сколько я читал? — сказал он.

Моррис рассмеялся.

— О, полчаса, — он заметил удивленный взгляд Каэла и объяснил. — Райт никогда не читает книги, он поглощает их. Он живет словами, ныряет в мир автора и становится его учеником. И все, что Райт учит, он запоминает. Теперь ты знаешь немного про ковку. Как ты свяжешь этот узел?

Каэл посмотрел на меч. Благодаря книге, он знал, что это был не просто меч, а палаш с двойным каналом для крови. Он был создан для взмахов и разрушительных выпадов. Такой клинок создали против самой прочной брони.

Он знал, что согнуть его невозможно.

Когда он рассказал это Моррису, то получил еще один удар по голове.

— Черт, ты повелся на сомнения! Я ожидал от тебя большего.

Каэл потер шишку на голове, подозревая, что она там останется.

— Вместо того чтобы бить меня, может, расскажете, как избежать ловушки сомнений? — проворчал он, передразнивая голос Морриса.

Его шутку мужчина уловил.

— Не балуйся, — прорычал он. — Слушай, каждый раз, когда ты учишь что-то новое, ты делаешь выбор: это может сдерживать тебя или питать твое воображение. Что бы ты ни выбрал, твои руки будут делать то, что ты им скажешь. Как ты свяжешь меч в узел? — Каэл молчал, и он фыркнул. — Подумай об этом, вспомни двадцатую главу.

Там было о нагревании железа. Слишком высокая температура топила металл. Низкая не позволила бы ему гнуться. Правильную температуру Каэл помнил, словно книга была открыта перед ним. Он думал об этом, затерялся среди страниц памяти, и его руки покалывало.

Эта сила была странной, словно он нашел мышцу, о которой не подозревал. Он напрягал ее, чувствовал, как сила из разума растекается к кончикам пальцев. Он думал о печи, об огне в ней. Он видел красные огоньки вокруг своих ладоней.

И у него возникла идея.

Он схватил меч и держал его за клинок.

«Мои руки — сердце огня, — говорил он себе. — Никакой металл не устоит: он согнется, как трава от ветра».

И его руки стали раскалено-белыми. Меч застонал, в центре лезвия расцвел красный жар. Он разогрелся, и Каэл легко согнул его в U.

Он был так потрясен, что почти потерял концентрацию, но удержался за нее и потянул, формируя простой узел. Он отпустил меч, и металл остыл почти мгновенно.

— Вот так, — улыбнулся Моррис. — Я знал, что ты сможешь.

Каэл схватился за поручень, все еще цепляясь за видение. Дерево задымилось под его ладонью.

— Смотри, что творишь! — рявкнул Моррис, выдернув его из транса. — Мы не в лесу. Если сожжешь это дерево, нам придется плыть к берегу.

Он быстро убрал руку, на дереве остался черный след его ладони. Каэл вернулся в реальность, огонь пропал из его рук, они снова стали бледными.

— Что еще я могу согнуть?

Моррис заметил восхищение на его лице, и он поспешил раздавить его.

— Думаю, сегодня только меч. Не перенапрягайся, а то заболит голова.

Он смутился.

— Но вы говорили, что головная боль — это хорошо.

— Да, — кивнул Моррис, — но если их использовать с умом. Разум непрост, нужно начинать с малого и идти к великому. Но в воображении легко потеряться. Много юных шептунов пыталось сделать то, что было им не по зубам, и они не выживали. Так что пока мы будем читать. Не делай ничего без спросу, хорошо?

Он неохотно согласился.

*

Вскоре после соревнования Аэрилин попросила его об услуге.

— Знаю, я не очень сильная, — сказала она за обедом из бесцветной рыбы. — Но, думаю, я начинаю соглашаться с Килэй — женщина должна в чем-то быть опасной. Раз у нас почти одинаковые руки, я хотела попробовать стрельбу из лука. Ты бы мог... научить меня?

Хотя ему неприятно было слышать сравнение их рук, Каэл не смог потушить надежду в ее глазах.

— Хорошо, — сказал он и сжался от ее радостного визга.

Моррис не был против, что Каэл теперь еще и занимался с Аэрилин.

— Делай, если хочешь, парень. Главное, читай, — сказал он.

И Каэл был рад этому, читать ему нравилось. В Тиннарке было всего четыре или пять пыльных книг. Но в библиотеке на корабле их были сотни. Плохо было лишь то, что брать их нужно было в каюте Лисандра, что влекло долгий разговор с ним.

Он начинал задумываться, стоит ли дело таких страданий.

— Я днем и ночью думаю об этом, не понимаю, что я сделал не так, — закончил Лисандр. Его плечи были опущены, голова висела у груди. — Что мне делать? Как доказать ей, что я не ужасный пьяный червь?

Когда Лисандр пригласил Аэрилин на танец, он не получил ответ, который ждал. Он получил холодный отказ, который включал пару изобретательных причин, по которым он был ей не интересен. В этом была проблем. Были и другие, более сентиментальные моменты при этом, но Каэл их игнорировал.

— Не знаю. Почему вы спрашиваете меня? — рассеянно сказал он. Он искал книгу про драконов, что-нибудь забавное, чтобы почитать в свободную минутку, его не интересовал бред Лисандра.

— Потому что ты ее друг.

— Почему тогда не спросить Килэй?

Решение казалось логичным, но Лисандр только фыркнул.

— Килэй — женщина. Дамы могут дать изощренный совет, от которого мужчина будет рад, но это не решит проблему, — он отклонился и уперся руками в стол сзади. — Нет, мне нужен совет мужчины, близкого к Аэрилин, который может говорить честно.

Каэл поднял голову и понял, что Лисандр намекает на него.

— Ох...

— Нет, не нужно, — перебил он. — Ложь долго сочинять, а мне нужна правда. Так что мне сделать, чтобы Аэрилин думала обо мне лучше?

— Можете вести себя лучше, — сказал Каэл, не подумав.

Но Лисандр не обиделся. Он склонился вперед.

— Ясно... и как это сделать?

Проблемой было уже то, что он не понимал, что не так. Но если бы Каэл так сказал, Лисандр не отстал бы от него. Он взял себя в руки и попытался сказать так, как капитан мог понять.

— Аэрилин — дама.

— Это точно.

— Нет, она истинная леди. Нежная, любящая носить красивые вещи. И не любящая грязь под ногтями.

— И?

— Она не такая, как Килэй, ее нельзя схватить и закружить, потому что ее это оскорбит.

— Ах... не уверен, что я понимаю.

Каэл не был удивлен. Он подумал об этом, попытался придумать, как объяснить еще проще.

— Она как сокровища у вас на стенах. На нее можно смотреть, но не трогать.

Его красивое лицо выражало смятение.

— Но я могу трогать свои сокровища.

— Потому что они ваши. Аэрилин не ваша, она ничья. Она как... лань. Она дикая, не прирученная, она не пойдет никуда, если не будет доверять.

— И я должен... кормить ее?

Каэл начал думать, как убить себя уголком книги.

— Нет, вы должны уважать ее, уважать ее территорию...

— А потом заманить и повалить!

— Нет! — Каэл не стерпел и уже не мог сдерживать слова. — Она — леди, а не еда. И вы с таким отношением ничего не добьетесь. Хотите знать, как заставить Аэрилин полюбить вас? Перестаньте вести себя как полный идиот. Хватит ругаться, обзывать ее, хватить пить, хватить флиртовать с Килэй, а еще — жальтесь — носите рубашку!

Его голос еще полминуты звенел в каюте. Он смутился из-за своего поведения, ведь на капитана кричать не стоило.

Лисандр застыл, его рот превратился в удивленное О.

— Ясно, — выдавил он. — Если я хочу понравиться леди, мне нужно быть

джентльменом.

— Да.

Лисандр задумчиво почесал подбородок.

— И мне нельзя больше заигрывать с Килэй, да?

— Да, — слово прозвучало резче, чем он хотел.

Лисандр улыбнулся.

— Ищешь книгу про драконов? Позволь предложить эту, — он пересек комнату в три шага и вытащил красную книгу с полки в середине. — «История чешуи: полный каталог драконов». Нет более подробной книги во всем королевстве. Я-то знаю, забрал ее у автора из-под пера.

Каэл схватил ее, пробормотал благодарности и ушел раньше, чем Лисандр заговорил снова. У него вдруг испортилось настроение.

*

К его удивлению, Аэрилин неплохо стреляла из лука. Очень даже неплохо. Она быстро набрала форму и вскоре смогла попадать в мишень почти каждый раз. Они начали с луком Каэла, но он был тяжелым для нее. Моррис предложил попробовать один из длинных луков.

— Но они больше, — сказал Каэл.

— Айе, но тетива легче тянется, — объяснил Моррис. — Она будет стрелять лучше, а усилий прилагать меньше. Попробуйте хотя бы.

Каэл не хотел бросать свой лук, хоть им было и сложнее стрелять. Он был Роланда... и только это у него осталось от Тиннарка.

Аэрилин сперва испугалась длинного лука, но вскоре все поняла.

— Этот намного лучше, — сказала она, когда ее стрела попала в центр крышки от бочки, который служил им мишенью. — Нет никаких воплей и размахивания дубинками, просто прицел и навык, — еще одна ее стрела попала в цель. — Ну как?

— Хорошо, — сказал Каэл. — Только не разойдись. Не хочу потом вытаскивать стрелы из всех вокруг.

Они бросили якорь у гряды зеленых островов, многие пираты пошли собирать еду. Они плавали в кристально-голубой воде, искали на дне несчастных существ, которые можно было засолить и приготовить. Порой пираты ныряли и показывались на поверхности с рыбой, трепещущей на конце гарпуна.

Каэл хотел покинуть корабль, но не мог заставить себя шагнуть в океан. Он смотрел, как Килэй забирается на поручень и стоит с гарпуном в руке. Она была в рубашке, обрезанной до локтей, и штанах, обрезанных до колен. Она была босой. Слыша вопли пиратов внизу, она раскинула руки и упала вниз по красивой дуге.

Он склонился и сжался, когда она ударилась об воду. Когда она вынырнула, Каэл смог дышать снова.

— Да, кстати об окружающих, — сказала Аэрилин, вытаскивая стрелы. — Что с капитаном Лисандром? Он... ведет себя неплохо в последнее время.

Он притворился, что следит, как Ноа и Джонатан бились в воде. Он думал, что, если не будет смотреть на нее, сможет скрыть вину на лице.

— Я не заметил разницы.

Она вскинула брови.

— Правда? Ты не заметил, что он не пьет уже неделю? Что он вчера весь день был в рубашке? И он, — она дернула воротник рубашки, — сидит со мной за каждым приемом

пищи. Будто...

— Будто что?

Она покачала головой.

— Не важно. Я веду себя глупо.

Они пару минут стреляли в тишине, он надеялся, что с этой темой закончено. Но она повернулась и вдруг сказала:

— Он обо мне ничего не говорил?

Каэл пожал плечами.

— Не знаю. Откуда мне знать?

Она издала разочарованный звук.

— Разве парни не говорят о девушках? Мы с Килэй говорим о парнях.

— Да? И какие парни нравятся Килэй?

Ее щеки покраснели.

— Не важно, — быстро сказала она.

— Но ей кто-то нравится?

— Нет... потому и не важно.

Слабость Аэрилин закончилась. Она скрестила руки и вскинула голову. Он знал, что не откроет ее рот руками, не получит от нее ни слова. Жаль, ведь ему было интересно, какие парни интересовали Килэй. Наверное, какой-нибудь красивый рыцарь с каменным лицом, которого она встретила в армии короля. Того, кто был с мечом так же опасен, как она.

Почему-то от этой мысли ему стало больно.

— Лисандр вчера спрашивал о твоём любимом цвете, — признался он.

Аэрилин склонилась, сцепив перед собой руки.

— И?

— Что?

Она игриво шлепнула его по руке.

— Что ты ему сказал?

— Сказал ему, что не уверен, но вроде голубой.

Она обвила руками его шею и сдавила так, что он чуть не упал.

— О, ты так хорошо меня знаешь! Интересно, почему... думаешь, он?..

Каэл не знал, ждала ли она, чтобы он закончил за нее предложения.

— Что?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она сморщила носик и попыталась выглядеть строго, но ее улыбка пробилась.

— Хорошо, не говори. Я знаю, что джентльмены молчат о таком. Но я скажу тебе кое-что, а ты не расскажешь Лисандру. Клянешься?

— Конечно.

Она ударила его снова, улыбаясь.

— Серьезно. Обещай, что не расскажешь Лисандру.

Он вздохнул.

— Хорошо, обещаю.

— Хорошо, — она склонилась, глаза хитро блестели. — Думаю, хоть это идет против всего во мне, что Лисандр вполне... красив, — она захихикала, порозовев. — Разве не ужасно торговке видеть таким пирата? Ты слышал о таком когда-нибудь?

Каэл пытался улыбнуться, но понимал, что в королевстве были вещи страшнее, чем пара

из торговки и пирата.

*

Каждый день дел становилось все больше. И только доев опасный ужин, пираты могли задрать ноги и отдохнуть. Так они и делали на палубе в прохладе ночи под сверкающими звездами.

Джонатан был неугомонным, и Лисандр дал ему больше всех заданий. Пока все говорили или играли в карты, он играл на скрипке и развлекал их песней. Лисандр приказал, чтобы мелодии были историческими, а в куплетах описывались их дни на борту «Грохочущего якоря».

Но Джонатан умудрялся сделать грубой любую песню. И людям нравилось, так что Лисандр делал вид, что не замечал грубости. Этим вечером Джонатан был вдохновлен ужином:

Миски супа с ножками,
Пираты машут ложками.
Бочки чешуи и рыбьих глаз,
С пирогами мамы не сравнить мне вас.

Есть с закрытыми глазами,
Что в тарелке перед нами.
Кок сказал, там был тритон,
Так добавьте мне бульон!

О, ура! Живот дрожит,
Словно рыба в нем кишит.
Живот крутит, вот беда —
Изо рта летит еда!

Пираты вопили и стучались кружками, Джонатан низко, преувеличенно поклонился. И только один человек недовольно топал: кок.

Слухи быстро разлетались по кораблю, и вскоре все узнали о секрете Килэй. Как только Джонатан закончил, пираты начали просить ее исполнить любимую песню.

— Ладно! — сказала она, ведь они не собирались отставать. Она вскочил на ноги и крикнула. — Эй, пройдохи!

Они заревели и подняли в приветствии грог.

— Вынимайте водоросли их ушей и слушайте. Я расскажу вам самую печальную историю, — Джонатан заиграл несчастную мелодию, присоединившись. — Она о мужчине. По имени Сэм Взятка...

Все радостно шумели.

— О том, как он потерял истинную любовь в море...

Мелодия Джонатана стала такой, чтобы пираты могли топтать ногами в такт, и Килэй запела:

О смелости ведает этот рассказ,
О том, кто сильнее был многих из нас.
Его звали Сэм, эта песня о нем,
О том, как любовь на волнах он нашел.

Он плыл по морям с любовью своей,
И ветер паруса наполнял ей.
Они миновали пустыни с песками,
Такой любви вы не видали веками!

Она ему пела,
И он был ей верен,
В нем не было тени сомненья.
Под ее парусами
Мир они покоряли,
Его сердце всегда будет с нею.

Однажды из моря волн выбрался враг,
Беспощадно на судно его змей напал.
Сэм через силу корабль развернул,
В сердце змеи он бросил гарпун.
Змей заревел, и хвост он поднял,
В последний раз он его опускал,
И корабль его, любовь, гордость его,
На сушу унес своей силой поток.

Корабль его
Стал в песках заточен,
А Сэм клялся, что не мог он разбиться,
Любимое судно
Домой не придет,
Ведь сердце его теперь в море.

Да, сердце его теперь в море.

История была ужасно печальной, но Каэл наслаждался пением Килэй. Она так красива и без усилий доносила ноты, что ему тоже хотелось петь. Но они лишь думал о пении, его уши грозились спрыгнуть с головы и улететь в океан.

Он ушел, когда начались танцы. Не было смысла сидеть и смотреть, как все танцуют. Его ждала книга про драконов под гамаком, он еще толком не читал ее. Он всегда хотел прочитать ее, но падал в гамак, его веки становились тяжелыми, и предложения уплывали от него:

«Давно люди воевали с драконом, давно завидовали ему. Хотя король носит его изображение на груди, он не знает силу дракона. Он — первое дитя Судьбы, самый древний из всех зверей. Его жизнь тянется на тысячи лет, ни меч, ни стрела не могут пронзить его кожу... огонь в его животе опасен... пылает в его сердце, зажигая каждую каплю крови. Дракон любит яростно... защищает... лишь раз...».

*

Он резко проснулся.

Ему снова снился Амос, но в этот раз он держал его за руку, пытался вытащить из бездонной ямы.

«Пусти меня, — сказал Амос, его голос был необычно низким. — Пусти, дитя. Пора».

Он не хотел. Он пытался сказать это, но губы не двигались. Медленно у него иссякли силы, Амос выскользнул из его хватки. Он полетел, тысячи лет падая вниз, пока тьма не поглотила его. Каэл собирался прыгнуть за ним, но сильная рука схватила его за плечо.

Мужчина удержал его. Он был в белой тунике и штанах, Каэлу показалось знакомым его лицо. Он хотел спросить у мужчины, кто он, низкое рычание разбудило его.

Холодный пот был вокруг его шеи, Джонатан храпел слишком громко и мешал спать.

Давным-давно Роланд научил его разгадывать значение сна. И здесь все было ясно: Амос все еще был жив, и яма могла означать, что тревога ничему не поможет, это его страх утянет его на дно, если он позволит.

Второй сон тревожил сильнее. Роланд предупреждал, что мужчиной в белом часто притворяется Смерть, и когда он появляется, это значит, что опасность близко.

Каэл в тревоге обулся и выбрался на палубу, чтобы убедиться, что корабль в порядке.

Ночной воздух был жарким. Он не думал, что привыкнет к такой погоде, его словно все время окружало покрывало из пара. Он хотел быстро пройтись и вернуться в гамак, но увидел кого-то в плаще у мачты с фонарем в руке.

Он подумал, что это Моррис и пошел туда. А потом человек обернулся, и Каэл понял, что это Лисандр. Он попытался сбежать.

— Каэл, рад видеть, — Лисандр поманил его ближе.

Он понимал, что Лисандр не был один, на волнах покачивались три лодки пиратов, они ловили сумки, что бросали им еще два пирата. Огоньки мелькали на горизонте, виднелись очертания крыш среди холмов. Он понял, что они остановились в миле от деревни.

— Вы отправите их грабить? — понял он.

Но Лисандр покачал головой.

— Не совсем. Умеешь хранить секреты.

Он кивнул, и Лисандр махнул одному из пиратов. Тот бросил мешок, и Лисандр передал его Каэлу.

Он открыл мешок и не смог скрыть удивление. Там был хлеб, шесть яблок и горсть медаков, он не это ожидал увидеть.

— На корабле есть настоящая еда?

Лисандр рассмеялся.

— Да, но не для нас, — он завязал мешок и бросил в лодку. Когда они заполнились, пираты поплыли в темную тишину моря.

— Вы отдаете это людям, — сказал Каэл, потрясенный еще больше.

— Да. Конечно, ты уже заметил, как герцог лишает подданных хлеба? Это неправильно, как если бы он прогонял нас из моря, — голос Лисандра был мрачным, Каэл не слышал его таким. — Морская вода течет в наших венах, сердца бьются в такт с волнами. Мы живем с приливами, и разлучить нас — как разлучить двух возлюбленных.

Каэл знал, как себя чувствовали люди Высоких морей. Эти несколько недель без леса были для него пыткой. При мысли о деревьях и прогулке между них сердце хотелось пронзить кинжалом. Он думал, что смерть была бы добрее.

— Мы делаем, что можем, — продолжил Лисандр. — Мы даем немного еды и денег, чтобы стражи не заметили. Я хотел бы помогать сильнее, — он глубоко вдохнул, обернулся, и вернулась его улыбка. — Смотри... я хотел тебе это показать.

Он поднял фонарь у мачты. Свет прогнал тени, и стало видно свежие слова, вырезанные

на дереве.

«Каэл Райт — двенадцать раундов».

— Заставил Ноа вырезать это. Твое имя ниже предыдущего чемпиона, — сказал Лисандр.

Он поднял фонарь выше, чтобы увидеть другое имя.

«Килэй — двенадцать раундов».

Каэл был немного потрясен. Он думал, что рядом с ее именем будет написана бесконечность.

— Кто-то смог ее победить?

Лисандр улыбнулся.

— Да.

— Кто же?

Свет поднялся выше, озарил надпись еще выше. Слова были едва заметными, пришлось прищуриться, чтобы прочитать. Но, когда он прочитал, его сердце перестало биться.

— А кто еще?

Глава 25:

Буря

Сезеран Райт.

Рядом с именем не было количества, не было объяснений. И не нужно было. Все историки соглашались с тем, что Сезеран Райт был величайшим воином во все века. И, конечно, он смог одолеть Килэй...

Погодите.

— Это невозможно, — Каэл быстро посчитал. — Сезеран умер семнадцать лет назад, Килэй тогда была еще ребенком.

Он думал, что это шутка, что пираты просто так говорили, что против нее пойти может только Сезеран.

Но Лисандр лишь ухмыльнулся.

— Килэй — не обычная женщина. Она хорошо скрывает свои силы, лишь некоторые знают ее истинную, никто не знает ее истории. Но, поверь, она не такая, какой кажется, — он шагнул назад и взмахнул рукой. — Мне было всего восемь лет, когда Килэй и Сезеран сражались на этой палубе. Меня там не было, но отец все рассказал. Он сказал, что это был величайший бой.

Каэл не был уверен, что верит ему. Он не мог представить, что Килэй вдвое старше его. Она не выглядела старше и не вела себя так.

— Это не возможно, — сказал он. Он искал на лице Лисандра признаки шутки, лжи. Но там была спокойная уверенность.

— Она сильная, — тихо сказал он. — Может, однажды она позволит тебе увидеть свою другую сторону.

— Почему вы не можете мне рассказать?

— И предать доверие дорогого друга? Нет уж.

— Дорогого друга? — Каэл не знал, зачем спросил это. Он хотел ударить себя за это.

Это удивило Лисандра.

— Да. Ты удивлен?

Он сделал серьезное лицо. Каэл должен был знать. Ради Аэрилин.

— Да. Вы кажетесь очень... близкими.

Лисандр рассмеялся, свет покачивался от движения.

— Ты меня смутил, но нет. Килэй не была мне больше, чем другом. Приручить ее я не способен, — он улыбнулся, и Каэлу хотелось ударить его. — Преследовать ее можно только во всеоружии. И пара ее должна быть такой же сильной, хитрой и опасной.

— И красивой, — пробормотал Каэл.

Лисандр с любопытством посмотрел на него.

— Ты так думаешь? Она никогда не интересовалась сокровищами, потому я часто говорил, что из нее выйдет ужасный пират, — он коснулся пальцами лба. — Боюсь, я должен уйти. Нужно убедиться, что погода будет не очень ясной. Если кто-то заметит мои хорошие дела, это повредит моей репутации. Ах, не переживай, это будет дождь, а не туман, — он похлопал Каэла по плечу. — Спи, утро будет тяжелым.

Он отвернулся, фонарь успел озарить изгиб его улыбки. А потом он пошел в сторону каюты, оставив Каэла одного и потрясенного в темноте.

*

Пару часов спустя он спустился по ступенькам и рухнул в гамак. Он знал по звуку колокола, что было три часа ночи, когда он уснул.

Два часа спустя его разбудил Моррис.

— Нет, слишком рано, — простонал он. Он попытался перевернуться и забыл, что он в гамаке. В результате он упал на пол, нос был в дюймах от сапог Джонатана. Он не знал, падение или запах прогнали из его глаз сон.

— Вставай. У нас много дел, — прошептал Моррис, его голос стал более хриплым от этого.

— Что мы такое делаем, что я не могу встать на час позже? — проворчал Каэл, обуваясь.

— Не мы, — ткнул его Моррис. — Ты. Ты поведешь нас сквозь бурю. Я бы хотел, но, — он протянул руки, — не могу превратить их в другое.

Лед сковал его изнутри.

— Какая буря? Шторм?

— Пока нет. Хватит ворчать, идем!

Час спустя, с сухой лепешкой и чашкой теплой воды в животе, Каэл стоял за штурвалом. Он пару минут разбирался, как крутить его, пару минут приводил паруса в порядок. Он многое узнал, следя до этого за Моррисом.

— Вот ты и понял, — одобрительно сказал Моррис. — Держись. Я ненадолго отойду.

— Куда? — сказал Каэл.

Он обернулся и улыбнулся.

— Поспать, конечно.

Ему повезло, что руки Каэла были заняты штурвалом.

Море было спокойным, погода — приятной: солнце было не так высоко, чтобы пришел жар. Он наслаждался спокойствием, когда Лисандр все испортил.

— Готов? — сказал он.

Каэл смотрел на Тельреда, тот скалился за плечом Лисандра.

— К чему?

— Отплатить должок, конечно. Мы довольно близко к Вендельгриму. Думаю, пора

вонзить Ведьме нож в ребра. Или два.

В событиях последних недель Каэл забыл о долге. Но теперь ему напомнили, и он хотел разобраться с этим.

— Хорошо, я готов.

Лисандр кивнул.

— Хорошо, — он собрался разворачиваться и замер. — Ах, я мог забыть упомянуть раньше, но сначала придется преодолеть кое-какую проблему.

— Какую? — насторожился Каэл.

Лисандр провел рукой по волосам, они замерли на миг и упали волнами.

— О, пустяки. Просто дождь и ветер, Райт с таким справится.

— Это буря, — сказал Тельред, скалясь. — Ведьма так мешает пробраться в ее королевство. Такую бурю не все моряки видели... редкие пережили такое.

Лисандр недовольно посмотрел на него.

— Все не так. Не разводи океан из капля дождя.

— Не понимаю. Если вы управляете погодой, почему не сделать ее солнечной? — сказал Каэл.

Улыбка Лисандра увяла.

— Потому что, мальчик мой, у проклятия Ведьмы нет силы в ее королевстве. Только тут я, что иронично, могу идти, не причиняя никому вред. А теперь, — он хлопнул Каэла по плечу, — столкнемся с этим? Никаких колебаний, не как в прошлый раз, когда вел Моррис. Мы все чуть не погибли. Но я уверен, что с твоим талантом и руками проблем не будет.

Он ушел раньше, чем Каэл успел задать вопросы, притворившись, что учит Джонатана правильно мыть палубу. Тельред ухмыльнулся и пошел следом.

Правда была где-то между, но только один человек знал точно, и он решил, что пора поспать. Может, Килэй что-то знала, но нужно было сначала ее привлечь. Он несколько раз махал ей, когда она проходила, но она не смотрела. Словно избегала его.

Он винил Лисандра. Тот мог проговориться, что раскрыл, что она намного старше него, и теперь она подозревала, что Каэл будет спрашивать у нее об этом.

Черт.

День прошел без событий. Пираты занимались обычными делами, тучи оставались скучными и серыми. Солнце начало садиться, и он заметил, что небо стало не красным или оранжевым, как при нормальном закате. Оно становилось... зеленым.

Они плыли дальше, и он понимал, что это не небо. Это была стена зеленых туч.

Они лежали на океане, поднимались от волн к небу. Корабль плыл к ним, и облака тянулись щупальцами, окутывали их холодными объятиями. Вскоре их окружило со всех сторон. Впереди их грозился проглотить туман.

— Это буря, — громко сказал Моррис, испугав Каэла. Он не слышал, как тот пришел.

— Это? — он пока видел только много тумана.

Не было грозовых туч, зловещего гула грома. Стояла опасная тишина. Пираты стояли вдоль поручней бортов, тревожно шептались, а зеленые облака не отпускали их.

— Каждый на свое место, держитесь за канаты! — рявкнул Лисандр, они обвили веревками талии. — Если упадете так за борт, мы сможем вас достать. Упадете без веревки, можете... Аэрилин!

Она обвязывала талию, Лисандр выдернул веревку из ее рук.

— И что вы делаете? — зло сказала она.

— Под палубу, живо! Буря — не место для леди!

— Вы говорили, что это всего капля, — отметил Каэл и был награжден суровым взглядом.

— Думаю, я заслужила право остаться, — возмутилась Аэрилин. — Я работала как все, да? Я — часть команды.

Лисандр не привык к спорам, ее упрямство ему не нравилось.

— Дело не в правах, а в выживании. Быстро под...

— Или что?

— Или я сам тебя оттащу.

Она вскрикнула.

— Не посмеете.

— О, посмею, — он опустил лицо к ее. — Так и сделаю.

Она не отпрянула. Она придвинула нос к его носу и ткнула пальцем в середину его груди.

— Если вы только подумаете бросить меня через плечо и нести, как мешок картошки, я устрою вам хромоту до конца жизни.

Это была работа Килэй. Она учила Аэрилин всему, что знала. Под ее руководством Аэрилин стала из торговки опасной силой. Она могла довести любого мужчину до слез, и Лисандр знал это.

Чтобы не рисковать, он выместил гнев на Джонатане.

— Проверь, чтобы она была привязана! — проревел он, бросив ему веревку. — Если мне придется нырять за ней и спасать, я тебе потом устрою. Понял? Мой призрак будет портить тебе все ноты!

Джонатан в спешке споткнулся.

Вскоре туман сомкнулся. Он закрыл все зеленым облаком. Палуба пропала, голоса доносились отовсюду. Приказы Лисандра долетали до ушей Каэла. Три слова спереди, три сзади. Он ужасно чесался там, где туман касался его кожи, ему приходилось убирать руки со штурвала.

— Спокойно. Да, от магии все зудит, но в этом и уловка, — сказал Моррис, Каэл смог увидеть его руку. — Держись курса, слушай волны.

Он сосредоточился изо всех сил на звуках океана. Он закрыл глаза, чтобы туман не отвлекал его, заблокировал паникующие голоса, доносящиеся из-под палубы. Ритмичный плеск волн был биением его сердца, его дыханием. И тут что-то пошло не так.

Он повернул штурвал влево, корабль застонал. Пираты выругались, шатаясь, держась за все, что попадалось под руку. Каэл слышал, как что-то пронеслось мимо, он успел обернуться и увидеть, что они чуть не задели половину разбитого корабля. Его нос торчал из воды, окруженный камнями. Он моргнул, и туман проглотил его без звука.

Моррис дышал с шипением.

— Хорошо. Я чуть штаны не потерял, но поворот был хорошим.

— Правее.

Голос Килэй испугал его. Он не знал, как она умудрилась отыскать штурвал, когда он сам его едва видел, но он ощутил, как она давит на штурвал.

Слева из воды торчала мачта. Паруса на ней были изорванными и грязными. Они трепетали из-за ветра, напоминая раненого солдата, молящего о пощаде.

Воздух загудел.

Все началось с низкого рычания, с какого начиналось рычание волка. Звук становился все громче, пока не заполнил их уши ужасным ревом. Каэлу казалось, что приходит конец миру, он думал, что море провалится, и облака вместе с ним. Моррис склонился у поручня и орал на пиратов, те кричали в ответ.

Каэл не слышал их. Холод в его животе вернулся. Он поднимался, и хотя Каэл боролся с ним, руки дрожали. Он повернул корабль, чтобы избежать столкновения, и гудение утихло, что обеспокоило его еще сильнее. Он не знал теперь, позади или впереди опасность.

— Килэй?

— Да? — она была у его уха.

Он кашлянул.

— Уверена, что мы выберемся живыми? Думаешь, мы не собираемся... врезаться?

Он почти слышал ухмылку в ее голосе.

— Если бы ты видел столько, сколько видела я, ты бы перестал переживать из-за смерти, — через миг она добавила. — Мой друг использовал слова перед боем, чтобы успокоиться, я так понимаю. Научить тебя?

— Да, — он думал, что это хотя бы отвлечет его.

— Хорошо, — она глубоко вдохнула. — «Порой смерть кажется неизбежной, а надежда слаба. Но в такие времена я забываю о своих страхах. Я не вижу бушующую бурю или грядущий бой. Я закрываю глаза от опасностей и в тишине тьмы вижу то, что нужно сделать».

Ее слова проникали в его вены, наполняли его чем-то, схожим с растопленным железом, что горело так, что прогоняло ледяного монстра его страха. Его ладони перестали дрожать, он схватил штурвал крепче, готовый к тому, что ждало их.

Через пару мгновений он успокоился достаточно, чтобы задать ей другой вопрос:

— Кстати, сколько тебе?

Но Килэй не ответила. Или ушла, или игнорировала, что было вероятнее.

Крики прозвучали с кормы. Он слышал, что передают послание, одинаковые звуки издавали разные голоса. Волна паники накрыла команду, их сапоги в спешке стучали. Моррис чуть не сбил его, спеша к штурвалу.

— Держись крепко! — крикнул он.

Каэл едва успел вдохнуть, туман рассеялся. Он коснулся его лица и забрал с собой зуд, впереди оказалось то, что было куда страшнее.

Перед ними нависала гора черных грозовых туч. Они шевелились, расширялись, в них бушевал яростный зверь: буря изрыгала гром и неровные молнии в море. Но это было не худшей частью.

Он почти услышал, как падает челюсть Морриса.

— Это что-то новое.

В нескольких ярдах впереди океан падал. Он падал со всех сторон в чашу размером с деревню. Сине-зеленые пенистые водопады обрушивались прямыми линиями, рев воды заглушал все остальное. Они уже плыли в потоке туда, Каэл не мог это остановить. Он мог лишь не дать им разбиться в щепки на дне.

Корма добралась до края, он потянул с силой штурвал, разворачивая так, чтобы корабль оказался параллельно краю чаши. Дерево скрипело, и они полетели вперед.

Он держался за штурвал и удерживал ноги на полу, пока они падали. Он знал, что падение по прямой разобьет их на куски, так что повернул корабль, чтобы они падали под

углом: такому его учил Роланд, когда они лазали по опасным склонам.

Сработало. Корабль добрался до дна чаши с плеском, но без обломков. Но буря не прекращалась.

На дне волны поднимались в три, а то и четыре раза выше их самой большой мачты. Они были монстрами глубин, левиафанами с челюстями размером с Тиннарк. Волны преследовали их, ветер и дождь объединились: один хлестал, другой жалил. Холод проникал под кожу. Молния игралась с ними, била в сантиметрах от их парусов и озаряла их ужас на лицах.

Океан подхватил корабль и бросал с волны на волну, он опасно раскачивался, ветер бил в паруса. Руки Каэла дрожали от силы, которую он прилагал, удерживая штурвал. Он чувствовал, как слабеет. Разум терял остроту.

— Держитесь! Изо всех сил!

Кричал Лисандр. Он и десяток других боролись с парусами, пытались привязать их. Но ветер бил отовсюду. Он ударял, словно взмахивал кистью, терзал паруса, и канаты кричали в агонии.

Каэл понимал, что привязать у них не получится. Должен быть другой способ. В библиотеке было много книг о бурях, он был благодарен, что Моррис давал ему их. Он копался в памяти, искал безумно среди слов и картинок, вспыхивающих перед глазами. А потом понял.

— Освободите паруса, отследите ветер! — крикнул он, Моррис повторил его слова.

Лисандр передал приказ, и вскоре все приступили к работе среди ледяных брызг. Они тянули за веревки, пока паруса не наполнились.

Корабль бросился вперед, избежав огромной волны, обрушившейся за ними. Сила ветра и волны толкнула их дальше. Он видел впереди другой край чаши, он был такой же резкий, как и первый.

— Прости! — сказал Моррис, в его глазах был ужас при виде стены. — Я обрек нас, нет...

— Есть! — сказал Каэл. Волна ударила в них. Она обжигала ему глаза, он отплевывался от воды, что была такой холодной, что зубы болели. — Пусть держат. Нам нужен весь ветер.

— Айе, айе!

Моррис передал приказ, а Каэл крутил штурвал. Они заберутся, как и упали: под углом.

Корма ударилась о стену, падающая вода пыталась утешить их вниз, но ветер был сильнее. Корабль начал подниматься, подгоняемый полными парусами. Пираты суетились, кричали, а ветер менял направления, они ловили его. Корабль поднимался быстро, вскоре преодолел половину стены. А потом ударила буря.

Тени упали на ладони Каэла, он ощутил, что что-то огромное закрывает небо над ним. Он обернулся и увидел такую огромную волну, что она была достойна легенд. Пена собралась на ее вершине. Она склонилась со стоном, Каэл закричал предупреждение. И она упала.

Его никогда не придавливало камнем, но он думал, что нет ничего хуже, чем быть раздавленным волной. Огромная рука ударила его в спину и сбила с ног. Вода забрала его дыхание и ноги. Она пыталась оторвать его руки от штурвала, но он упрямо держался. Он не давал буре победить.

Волна упала в океан, его колени ударились о пол, лицо — о штурвал. Он так онемел от холода, что ничего не ощущал, а когда убрал волосы с лица, увидел на рукаве оставшееся

пятно крови.

— Паруса, паруса! — вопил Моррис.

Каэл поднял голову и увидел, что пиратов смыло с их мест. Они лежали грудой тел и веревок в задней части корабля, они боролись, а паруса свободно хлопали.

Без полных парусов корабль начал скользить вниз с водой. Его медленно уносило, словно добычу паука. Он знал, что если паруса и дальше будут пустыми, они разобьются.

Каэл не мог этого допустить.

— Держите штурвал! — сказал он, и Моррис сунул руки между выступами.

— погоди... куда ты? Нет, назад! Ты утонешь!

Но Каэл не слушал его. Он оборвал веревку и побежал по ступенькам.

Килэй вырвалась из груды и держала одну сторону сама, используя свою невероятную силу, чтобы вернуть парус на место. Каэл схватил другую сторону. Он не думал о том, что делает то, что едва смогли делать десяток мужчин. Он знал, что это нужно было сделать.

— Слева! — сказал он, Килэй кивнула. Они двигались, ловя ветер, поднимая корабль. Один за другим пираты освобождались и присоединялись к ним. Каэл ощущал, как к нему подбирается головная боль, но он продолжал тянуть.

Они почти выбрались, он видел край. Они почти миновали его. Оставался один рывок.

— Тяните вниз, вниз! — сказал он и услышал, как пыхтят пираты, слушаясь.

Паруса трепетали, ловя ветер, и порыва хватило, чтобы они вырвались из чаши в океан. Корма склонилась и потащила за собой остальную корабль. Он ударился о воду с плеском, и этого Каэл не учел.

Он ощущал, как каждая капля радости утекает от него, пока смотрел, как ужасающая волна движется к нему. Она ударила Каэла в живот и сбила с ног. Море хлынуло ему в рот, нос, глаза, его тело бросало в стороны. А потом вода пропала, а он... падал.

Он рухнул с края стены, смотрел, как корабль отплывает в безопасность. Он зажмурился, рев ветра, проносающегося мимо ушей, оглушал его. Он знал, что падал долго, ведь долго мог сожалеть.

Почему он не послушал Морриса? Почему не держался крепче? Почему не учел чертову волну?

Он не был удивлен, когда ударился о дно чаши и лишился воздуха. Ледяной монстр растекался из живота, волны уносили его все глубже. Он сковал его сердце, его конечности. Каэл боролся с хваткой океана, отбивался и извивался.

Постепенно он перестал понимать, где поверхность. Легкие просили воздуха, но вода хлынула и заглушила их. Он стал частью океана, плывущим без цели созданием с телом и чем-то еще.

Он не слышал гнева бури, не слышал пузырьков, что вылетали из его рта, хотя представлял, как они добираются до поверхности и лопаются, а его крики слышит все королевство.

Но здесь мир был тихим. Бесконечным и приятно тихим...

Глава 26:

Секреты

Каэл знал, что он спит. Знал, потому что люди не поднимались из океана и не летели к облакам. Раз он летел, то точно смог миновать ледяные оковы бури, а это могло быть только

во сне. Или он умер.

Облака все еще лили дождем. Он миновал их, пролетел через темный проем, полный льда, но ничего не чувствовал. Холод не обжигал его нос, ветер не хлестал щеки.

А потом он оказался не в небе. Он знал это, потому что небо было над ним, а твердая земля — под ним. Дождь бил по его лицу отдаленным звуком, словно бил по крыше над ним.

Его легкие напряглись под внезапным давлением на его грудь. Он ощутил странное и незнакомое прикосновение к губам. Это произошло снова, резче и настойчивее. Он почти мог слышать отчаяние в давлении, далекие крики кого-то, молящего его вернуться. Он боролся с онемением. Он тянулся к крикам...

Воздух хлынул в его легкие. Он разбил печать, и его грудь сдавило, вода полилась изо рта.

Все тут же вернулось: холод, жалящий дождь, грубая земля под ним, ужасная головная боль. Кто-то ударял его по спине, от этого все сильнее гудела голова. Он узнал ее голос:

— Дыши, Каэл! Дыши!

Он послушался. Он набрал полную грудь ледяного воздуха, не было ничего приятнее этого. Он обжигал легкие, но Каэлу было все равно. Он перекатился и попытался встать, но его руки обмякли под ним. Он ударился подбородком о землю, ощутил, как боль из головы растекается еще и по спине. Он застонал, тело оказалось на спине, его перевернули сильные руки.

Молния мелькнула на небе, озаряя тревогу на ее лице, когда она склонилась над ним.

— Каэл? Ты в порядке? Пожалуйста, поговори со мной!

— В порядке, Килэй, в порядке, — сказал он, но делать это было ужасно трудно. — Ох... голова вот-вот взорвется.

Он закрыл глаза от вспышек молнии и ощутил ее ладони по бокам своего лица. Она осторожно подняла его, и он резко выдохнул, когда огонь задел его лоб.

Такого жара он еще не ощущал. Он вспыхнул в его щеках, животе, растекся и согрел замерзшие пальцы ног. Боль в голове отступила, огонь сжег ее. Каэл открыл глаза.

Килэй пропала, но тепло задержалось в его теле. Он перекатился на бок и накрыл рукой голову, пытаясь защититься от дождя. Вскоре жар вернулся, но теперь он был знакомым. Оранжевый свет плясал за его веками, пахло горелым деревом. Килэй как-то развела костер.

Он ощутил, как она легла рядом с ним, ее рука оказалась на его груди. Он слишком устал, чтобы отталкивать ее, слишком замерз, чтобы возражать из-за ее близости. Сон быстро сковывал его.

— Как ты это сделала? — пробормотал он. — Как спасла? — он не понимал, как такое было возможно. Он подумывал, что они оба умерли.

Ее рука вжалась в его грудь, и она прошептала:

— Рыцарь никогда не выдает свои секреты.

Ее дыхание щекотало его шею сзади, посылая волну жара, что подхватила его и унесла в царство снов.

*

Наступило утро, и Каэлу пришлось разлеплять глаза. Соль и песок хрустели по всему его телу. Его горло пересохло так, что он едва мог сглотнуть. Он открыл глаза и попытался пару раз моргнуть, после чего мир стал четким.

Сперва он увидел маленький костер. На нем готовились три зайца, пахло жареным мясом. Небо было серым, но дождь не шел. Вокруг него были сосны, такие высокие, что на

один безумный миг он подумал, что оказался на Беспощадных горах.

А потом он вспомнил, где был, все события ночи пришли к нему обрывками. Его лицо пылало от мысли, что он чуть не утонул. Моррис ему это еще припомнит, если он еще увидит Морриса.

На земле перед ним лежала изогнутая полоска коры. Он потянулся за ней, кривясь из-за боли в мышцах, кривясь, когда обожженная кожа натянулась над левой бровью. В коре было немного воды, и он тут же сделал глоток. Вода была прохладной и сладкой.

Он посмотрел на свое отражение в воде. Даже левиафан потерял бы аппетит от его мятого вида. Над левой бровью оказался порез, он покалывал, когда Каэл моргал.

Он пытался понять, есть ли у него энергия на исцеление, когда заметил, что в отражении что-то двинулось позади него. Он почти забыл о Килэй.

— Ты тоже вся в соли...?

Все: дыхание, вопрос, сердце замерли в нем. Ведь он был рядом с огромным зверем, а не Килэй.

Страх дал ему крылья. Он вскочил и побежал прочь, но разум двигался быстрее ног. Он споткнулся и упал на локоть, ругаясь, перекатился и встал на ноги. Он собирался убежать в лес, уйти подальше от чудовища, но шум заставил его остановиться.

Низкий и тихий. Рычание, но без злости. Почему-то этот звук смутил его.

Он медленно повернулся к зверю, лежащему у огня. Голова была чуть больше головы коня, ее украшали изогнутые рога. Тело было размером с двух лошадей. Длинные изогнутые когти торчали из каждой лапы. Передние две были скрещены, когти вонзались лениво в землю. Шипастый хвост лежал вокруг тела зверя, и шипы эти могли бы пробить любую броню. Огромные крылья были сложены на спине. Одно было чуть приоткрыто над местом, где спал Каэл.

Страх покинул его, его быстро сменило чувство, что он мог описать только как шок. Это был дракон. Настоящий.

От кончика носа до последнего шипа дракон был покрыт белоснежной чешуей. Белым было все, кроме глаз: они были зелеными...

Нет, не может быть. Но тут дракон повернул голову и посмотрел на кинжал, торчащий из земли рядом с его передней лапой. Каэл проверил пояс и понял, что нож в земле был его.

— Килэй?

Дракон — она, Килэй — склонил рогатую голову, ее нос дернулся, словно она ухмылялась.

— Но... как? — он быстро приблизился. Он не мог сдержаться, он хотел осмотреть поближе. — Ведьма прокляла тебя? — решил он, но она покачала головой.

Он хотел задать еще вопрос, но она коснулась носом его ладони. Картинка вспыхнула перед его глазами, такая быстрая и внезапная, что он отпрянул.

— Что это такое? — выдохнул он.

Она выглядела немного недовольной.

«Подожди и сам поймешь», — говорило ее лицо.

И любопытство одолело ее тревогу. Он прижал ладони к ее чешуйчатой голове и приготовился к тому, что увидит.

Картинка появилась из тьмы. Он узнал каменистый каньон Прохода Бартоломью. Волк прыгнул перед ним, черные глаза впивались в него. Вспышка белого, горячая кровь брызнула на его лицо, и монстр упал замертво. Сцена изменилась: он увидел себя, склонившимся над

наполовину погребенным волком, помогал складывать камни.

Он был так взволнован, что убрал руки, разрывая связь.

— Ты как они. Ты оборотень, да?

Она склонила голову, глаза тепло сияли. Она была рада, что он быстро догадался.

— Я все же не полный идиот, — но он был слишком взволнован, чтобы злиться.

Это был секрет Килэй, источник ее силы. И стало понятно, как она быстро путешествовала, откуда была ее невероятная сила... и возраст. Роланд говорил ему, что у оборотней две жизни: человеческие годы и того животного, в которое они превращались. Если жизнь Килэй была сплетена с жизнью дракона, она могла жить тысячи лет...

Она должна быть древней.

— Я никогда не слышал об оборотне-драконе. Есть другие такие?

Она пожала плечами. А потом увидела улыбку на его лице и склонила голову.

— О, ничего, — сказал он, еще улыбаясь. — Думаю, я понял, почему мы не сталкивались с бандитами в Поляне. Ты не, кхм, ела их?

Она покачала головой. Ее низкое рычание гудело в груди, это пугало бы, если бы он не знал, что она смеется.

А потом он подумал о другом. Казалось, ужасно давно Роланд ворвался в госпиталь, тревожась, что монстр Тиннарка не забрал жертву. И теперь Каэл понимал, почему.

— Так это была ты... ты была тем чудищем, что издевалось над нами! — возмутился он.

Она показала острые зубы, смех гудел в ее груди.

— Я спал с одеялом на голове из-за тебя. Амос говорил, что, если я буду плохо себя вести, ты унесешь меня посреди ночи. Это не смешно! — рявкнул он, ее плечи двигались от силы смеха. — Я думал, что это кровожадный монстр с вершины. Нужно было сказать нам, что ты была просто большой глупой девочкой.

Она не ощущала вину. Он представил, как она хихикала каждый раз, когда Роланд оставлял подношение для нее, и съедала веселья ради.

— Лисандр говорил, что ты сражалась с Сезераном Райтом. Это правда?

Это остановило ее смех. Она кивнула, и он почти заверещал, как Аэрилин.

— Покажешь мне воспоминания о нем? Я же воспоминания смотрел?

Она кивнула, ее лицо выражало смесь удивления и недовольства, но она склонила голову, чтобы он дотянулся.

В этот раз они оказались на борту «Грохочущего якоря». Волны тепло блестели в угасающем свете, он слышал крик чаек вдали. Мужчина стоял у поручня перед ним. Его худое лицо было в тени из-за его волос, пылающих красным, как солнце на закате.

— Что там, Сез? — голос Килэй зазвенел в его голове, словно он говорил ее словами.

Улыбка появилась на его лице, морщины окружили глаза. Он держал кусочек дерева, из которого вырезал, и Каэл увидел оленя. Существо было почти живым, так искусно вырезанным, что были заметны и шерсть, и кончики высоких рогов. Казалось, что олень спрыгнет с руки Сезерана и побежит по палубе.

— Думаешь, ему понравится? — спросил Сезеран. У него был низкий гудящий голос, не подходящий его худому виду.

— Не знаю, какому ребенку это не понравится, — ответила Килэй.

Он снова улыбнулся.

— Надеюсь, ты права, — он протянул ей оленя. — Подержишь? Нужно убрать занозы, пока Маттео не увидел.

— Да, занозы нам не нужны. Он так порвет себе штаны...

Тьма. Вспышка света. Дождь лил ему на лицо, ветер терзал крылья. Он врезался в поверхность океана, было больно, но ему было все равно. Он увидел собственное тело, холодное и безжизненное среди грязи. Ужасный страх сжал его горло, давил непролитыми слезами. Его губы были синими и приоткрытыми, грудь не двигалась.

А потом дыхание вернулось. Каэл смотрел, как он же согнулся и выплевывал воду с кашлем, облегчение накрыло его волной. Оно пролилось из его глаз, когда еще одно чувство вспыхнуло в центре груди.

Оно охватило его, поглотило его. Оно бушевало, как огонь, горело глубже и опаснее моря. Оно грозило утащить его в глубины, но ему было все равно. Пусть приходят волны! Пусть льется дождь! Он потеряет себя в этом шторме, очистит душу в огне. Пусть...

Каэл убрал руки и упал на спину. Он ударился о землю и выдохнул, слезы лились по его лицу. Откуда они? Он вытер их рукавом.

— Что это было?

Она молчала. И даже не смотрела на него.

То, что было в ее голове, оставило его выжатым, как тряпку. Его ноги дрожали, когда он поднялся.

— Это были твои... чувства?

— Каэл! Килэй!

Три голоса прозвенели из-за деревьев, появились три человека. Тельред вышел первым, развернулся и крикнул:

— Нашел! Они здесь, — он не был удивлен тому, что Килэй была большим белым драконом.

Лисандр появился следующим. Его правый глаз опух и почти не открывался, его окружал багровый синяк. Он шел напряженно, спина была выгнута там, где в нее упирался меч Аэрилин.

— Мы их нашли, — проворчал он. — Теперь отпустишь меня?

Но Аэрилин не обращала на него внимания. Она нашла взглядом Каэла и с радостью вскрикнула. Она бросила меч и побежала в его объятия. Она стукнула его мешком по голове при этом.

— О, Каэл! Я так рада, что ты жив. Очень-очень рада! — говорила она, ее слезы текли по его шее. — Я думала, ты погиб. А потом Килэй прыгнула за тобой, и я думала, что потеряла вас обоих... Где она, кстати? У меня ее броня.

Каэл развернул ее за плечи, и она застыла, глядя на белого дракона, ухмыляющегося ей. Она сжала запястье Каэла, посмотрела на дракона еще раз и пропищала:

— Килэй?

Та едва успела кивнуть, и Аэрилин обвила ее длинную шею руками.

— Почему ты мне не сказала, что ты, эм...?

— Оборотень, если в общем. Полудракон, если точнее, — сказал Лисандр. Он пытался ухмыльнуться, но вместо этого скривился.

Руки Аэрилин опустились.

— Оборотень? — она кашлянула. — Не важно. Важно то, что ты — мой друг. И как ты смела, — она погрозила Килэй, что смотрелось менее угрожающе, ведь ей приходилось указывать пальцем наверх. — Как ты могла просто спрыгнуть с корабля? Ты могла хоть сказать мне, что можешь расправить крылья и лететь! Но нет, ты пропала без слова и

оставила нас с грудой вещей, разорванной на ленты...

— Твоя одежда? — пролепетал Каэл. Его лицо пылало, он понял, что это значит. Килэй снова засмеялась.

— Это не смешно, — возмутилась Аэрилин. — Дамы не лежат голыми в лесу.

— Может, перестанешь вопить и оденешь ее? — проворчал Тельред. — Времени мало.

Аэрилин пронзила его ледяным взглядом.

— Идем, Килэй, — сказала она едко. Они пропали за деревьями.

Тельред принес лук и колчан Каэла. Он снял их со спины, нетерпеливо сунул в руки Каэла и пошел за мясом на костре.

Пока Тельред доделывал завтрак, Лисандр ворчал из-за глаза. Он осторожно касался его, кривясь. А потом ругался, пока поднимал брошенный меч.

— Женщины, — сказал он, пряча оружие в ножны на поясе. — Нельзя брать мужчину в заложники его же мечом. Это против правил.

Каэл был уверен, что он это заслужил.

— Что вы делали?

Хотя он до этого ворчал, Лисандр неохотно улыбнулся.

— Когда мы причалили в Коппердоке, я пообещал, что поищу тебя. Но твои лесные друзья были намерены идти на сушу. Почему-то они мне не поверили, — отметил он. — Я сказал им, что они не могут уйти. Джонатан пытался возразить, и мне пришлось бросить его в подвал.

— Что? — он зарычал, и Лисандр спешно отпрянул.

— Не переживай, там много еды. И я сказал Моррису приглядывать за ним, — быстро сказал он. — Джонатан устроил сцену, но Аэрилин была умнее. Я шел по палубе, и она резко напала, ударила меня в глаз, обезоружила и угрожала моим же мечом, — Лисандр широко улыбнулся. Она провела меня перед моими людьми и спустила с корабля. Представляю, как они будут смеяться, когда я вернусь... но, — он коснулся опухшего глаза, — думаю, я ею нравлюсь.

Каэл хотел опровергнуть его слова, но вернулась Килэй. Она вышла на поляну в черной броне, Аэрилин шла следом.

— Посмотрим, — она схватила Лисандра за подбородок и повернула его голову. — Молодец, — одобрительно сказала она. — Но в будущем целься в нос. Это куда больнее.

— Не учи ее плохому, — сказал Лисандр, отбивая ее руку. Девушки ушли завтракать, а он склонился к Каэлу и прошептал. — Что я говорил? Если бы я ей не нравился, она бы ударила по носу!

Глава 27:

Боевой маг Джейк

Вскоре после завтрака Лисандр сообщил, что он дал команде разрешение уплывать на закате.

— Если мы не вернемся, то они будут считать нас мертвыми. Так что времени мало.

Лисандр явно не понимал географию. Потому что они пришли в Коппердок к полудню. Они видели узловатые башни Вендельгримм на скале над городом, они нависали над домами из грубого камня, как падальщик над трупами. Каэл подозревал, что они будут забираться туда не меньше часа, а еще нужно было сразиться с Ведьмой.

И он не знал, как долго это будет длиться.

Коппердок сильно напоминал Вороний крест, такие же извилистые улицы и прижатые друг к другу дома. Вот только тут не было людей. Маленькие сады были запущены и заброшены. Телеги стояли посреди улиц. Изорванная одежда висела, забытая на веревках, где сохла.

Он представил, как люди в спешке убегали отсюда. Когда они потеряли защитников, никто не мог остановить Ведьму от нападения на них.

Он пытался заглянуть в пыльные окна старого магазина, когда споткнулся обо что-то на дороге. Стекло миска выкатилась из-под его ног, выплескивая воду и маленькую рыбку на камни. Бедняжка беспомощно билась, пока Каэл не подхватил ее и не опустил в остатки воды в миске.

— Смотри под ноги, — сказал Тельред.

Каэл пронзил его взглядом.

— Откуда я мог знать, что миска с рыбой будет стоять посреди дороги?

— У них не было выбора, — сказал Лисандр. — Жители такие после проклятия Ведьмы.

Аэрилин была в ужасе. Она посмотрела на две миски в телеге.

— Эта рыба... люди?

Лисандр мрачно кивнул.

— Знаю, это ужасно. Но потому и нужно остановить Ведьму. Ее смерть освободит не только меня, но и жителей Коппердока.

Каэл не верил, что рыбы были людьми. Он опустил у миски и прижался носом к стеклу. Рыбка подплыла и посмотрела на него. Она повернулась боком, и он заметил странные метки. Чешуйки были такими, будто рыбка была в штанах на подтяжках, а по бокам ее лица были нарисованы бакенбарды. Может, там все-таки был мужчина.

— Не переживайте. Я убью Ведьму, — тихо сказал Каэл.

Рыба моргнула в ответ.

— И простите, что... так вас сбил, — добавил он и выпрямился, надеясь, что рыба его поняла.

Остальные прошли дальше, но Килэй задержалась. Она слышала его разговор с рыбой, потому что улыбнулась и сказала:

— Это было мило.

Он не понимал, шутит она или нет, но на всякий случай проворчал:

— Идем, — и пронесся мимо нее.

*

Подъем был сложнее, чем они ожидали. Извилистая тропа давно заросла. За годы тут появились шипы, они скрывались между камней и цеплялись за их штаны. Некоторые части дороги были обрушены, оставлялся узкий край и обрыв в бушующий океан книзу.

Каэл привык лазать по горам. Его раздражало лишь то, что дорога так извивалась. Каждый поворот забирал у них пару минут. Он пытался не думать о времени, а слушал тяжелое дыхание спутников.

Ему было приятно видеть, что Лисандру и Тельреду сложно взбираться. Он думал, что им не мешало бы немного попотеть. Аэрилин дышала, как собака, но упрямо держала голову высоко. А еще была Килэй.

Если склонить правильно голову, Каэлу казалось, что он видит каплю пота на ее лбу. Но

ее лицо было спокойным. Даже довольным. Глядя на нее, он мог подумать, что они идут на прогулку по лесу, а не на сражение, где могли погибнуть.

Они прошли чуть больше половины пути, когда Лисандр резко остановился. Он вытащил саблю и поднял руку, прося их замереть.

— Что такое? — спросила Аэрилин. Она выхватила стрелу и была готова нападать. Каэл гордился тем, как уверенно она действовала.

Он выглянул из-за Тельреда и увидел кого-то посреди дороги. Он был в простой одежде, посох сжимал в руке. С такого расстояния было не ясно, спиной к ним стоит человек или лицом.

— Шпион, — сказал Лисандр уголком рта. — Ведьма поставила стража. Лучше убить его быстро.

Килэй подошла к нему и посмотрела поверх его плеча.

— Это статуя, Сэнди.

— Что?

Она подняла камень и бросила в фигуру. Он отскочил от головы со стуком и отлетел в океан.

Лисандр кашлянул.

— Как бы я это понял? Не у всех драконьи глаза, — проворчал он. — Ладно, идем.

Они были близко к статуе, когда с океана налетел ветер. Он дул мимо статуи в лицо Каэла, с ним прилетела вонь, обжигающая нос... и вернулся зуд.

— Магия! — сказал он, но поздно.

Статуя треснула и разлетелась на куски. Каэл закрыл рукой голову, пытаясь заслонить глаза от осколков камня, что жалили его тело. Камни отлетели, и оттуда вышел человек.

У него было узкое лицо и длинный нос, он не выглядел как убийца. Но глаза за круглыми очками были холодными, без чувств. Он поднял посох над головой и прокричал что-то неразборчивое, а потом с ревом опустил его.

Он ударился о землю, дорога перед ними треснула. Она отделилась от скалы и полетела в волны внизу. Тельред смог прыгнуть на другой край, а остальные отскочили назад. Каэл слышал крик Аэрилин, он развернулся и увидел, как она поскользнулась. Она падала, размахивая руками, пытаясь восстановить равновесие. Он не успевал спасти ее.

Но Лисандр спас.

Он нырнул и упал на живот, схватил Аэрилин за руки до того, как ее унесло вниз. Они застыли на миг, он дрожащими руками держал ее над пропастью. А потом вес ее тела начал тащить его вниз.

Он впивался сапогами в землю, беспомощно скользил к смерти, пытался за что-то уцепиться.

— Не переживай, я не отпущу! — говорил он.

— Лучше пусти! — вопила Аэрилин. — Иначе мы оба умрем!

— Ни за что!

Он почти сорвался, когда Каэл схватил его за ноги. План был не лучшим, ведь камни были скользкими, и он потерял концентрацию, пока ставил ноги. В этот миг он потерял силу разума, и вес двух тел тащил его к краю.

Он готовился к падению, но руки Килэй обвили его пояс железной хваткой. Она шагнула назад и вытащила их на безопасное место.

Тельред напротив них стоял перед магом с саблей, готовый к атаке. Магия попала ему в

грудь, и он упал с воплем. Каэл подумал, что он умер, но Тельред пошевелился. Он встал на ноги, но не мог поднять меч с земли. Он дергался, пытаясь забрать саблю.

— Оставь! — рявкнул Лисандр, его голос был напряжен, ведь он был зажат между Каэлом и Аэрилин.

— Не могу, — крикнул он. — Рука приклеена к рукояти!

Крик Лисандра привлек внимание мага. Он посмотрел на них и увидел, в какой они беде. Он оскалился.

— Каэл, нужно застрелить его, — сказала Килэй ему на ухо. — Сейчас!

— Не могу! Если я отпущу, остальные упадут.

— Я о них позабочусь, — быстро сказала она, маг поднял посох. — Стреляй! Давай!

Посох был направлен на них, на Килэй. Странные приглушенные слова уже срывались с губ мага. Скоро в них полетит заклинание. Оно ударит Килэй в грудь, и они погибнут.

Каэл быстро решил. Он отпустил ноги Лисандра, прыгнул в сторону, выхватил стрелу и натянул тетиву. Синий свет собирался на конце посоха мага, когда стрела Каэла попала ему в плечо. Удар сбил его руку в сторону, и заклинание попало в скалу рядом с ним. Камни и земля разлетелись, обломки полетели в океан, вызывая плеск и пену.

Темно-красная кровь лилась из раны мага. Он рухнул на землю и схватился за стрелу дрожащей рукой. Его кровь ужасно пахла. Она жгла нос Каэла, гнев пульсировал за его глазами. Гнев поднимался от его ног, поднимался все выше, пока не поглотил его.

Он забыл о друзьях, забыл о Ведьме и об опасности, в которой они были. Он должен был остановить кровь. Он должен был вырвать сердце мага из груди и бросить в глубины моря!

— Стой! — голос Килэй был в его голове, боролся с гневом. Он едва ощутил, что она прижала его к земле. — Хватит бить его! Ты не видишь, что он просит пощады?

В ее словах было потрясение, заставившее его вернуться. Он перестал бороться, и весь тела Килэй чуть не раздавил его. Она откатилась, чтобы не раздавить ему кости.

— Ты пыталась убить меня? — завопил он, когда смог дышать. — Зачем?

— Прости, но только так я могла тебя остановить.

— Остановить что?

Она указала ему за спину, он заметил, что ее рука подрагивает.

— Это.

Он повернулся и увидел, что маг лежит на земле и не двигается. Его лицо было в крови. Он кашлял, красные капли разлетались в стороны.

— Никак... не остановить, — простонал он, вертя головой.

Каэл поднял голову и увидел Тельреда, прикованного к мечу, смотревшего на него в шоке. Лисандр и Аэрилин сидели посреди тропы. Их глаза смотрели на него, рты были раскрыты.

Он посмотрел вниз и увидел кровь на своих костяшках. Он понял, что сделал.

— Говорят, шептуны охотятся на магов, как акулы на кровь, — сказал Тельред, глаз его все еще были огромными. — Но я не верил в это... до этого момента.

— Это твоя природа, — сказала Килэй Каэлу, положив ладонь на его плечо. — Шептуны ненавидят магию, кровь мага — магия в сыром облике, — ее хватка на его плече стала сильнее. — Ты хорошо управлял гневом.

Каэл слышал, как издал звук, полный отращения и недоверия.

— Я избил мужчину без причины.

Она мягко улыбнулась.

— Я видела взрослых шептунов, тех, кто были старше и должны были знать лучше, они в гневе рвали магов на куски. Ты юн и силен, поверь, ты управлял гневом хорошо.

Он все еще не думал, что она права. Но маг застонал снова, и он забыл о споре с ней. Он пополз, стараясь не дышать, оценивая ущерб. Стрелу нужно было вытащить, это точно. Но остальные раны были в основном на лице: разбитая губа, сломанный нос и рассеченная бровь посередине.

Он схватился за стрелу и хотел сломать ее, когда ладонь мага легла на его.

— Прошу, — прохрипел он. Он поднял руку к лицу Каэла, и тот увидел ржавый железный наручник на его запястье. — Знаю, наши люди — враги, шептун. Но молю, освободи меня.

Каэл хотел спросить, о чем он, но увидел нечто странное: тонкая молочно-белая пленка покрывала поверхность наручника. Он коснулся ее, она была липкой.

— Заклинание? — спросил он, маг кивнул. — Если я тебя отпущу, откуда мне знать, что ты не нападешь снова?

Маг повернул наручник в ответ, чтобы Каэл увидел символ на металле. Морской змей, чей хвост пронзал гарпун. Символ Высоких морей.

— Я никогда не обладал собой. Герцог поймал меня, когда я был ребенком. Его придворный волшебник сковал меня этим заклинанием. Я рос в плену, можно сказать, — он попытался вдохнуть и закашлялся от крови. — Ах... Я невольно служил как боевой маг на торговом корабле герцога, пока мы не приплыли сюда. Ведьм держала меня в каменной темнице три года, — он нетерпеливо провел рукавом по рту и схватил руку Каэла. — Прошу, боль очистила голову на миг, но я уже чувствую, как безумие возвращается. Голоса пытаются забрать меня. Сломай чары, шептун, и я буду навеки в долгу перед тобой.

Каэл не хотел этого. За ним уже ходил полудракон из-за того, что он спас ей жизнь. Но он посмотрел в глаза магу и увидел, что холод пропал из них. Они были голубыми, умными, даже добрыми. От него ужасно пахло, но маг явно не хотел вредить им.

Каэл повернул голову, вдохнул свежий воздух и приступил к работе. Он вонзил палец в белую пленку, и она сломалась. Было просто сорвать заклинание как обычный слой пленки. После этого он сунул пальцы между наручником и кожей мага и подумал:

«Это не железо — это бумага», — и железо превратилось в пергамент в его руках. Он разорвал его и отбросил.

Маг с облегчением выдохнул.

— Благодарю...

— Да, — быстро сказал Каэл. — Не шевелись, я тебя подлатаю.

Маг поднял чуть погнутые очки и осторожно опустил их на кончик длинного носа.

— Можно посмотреть? Никогда не видел шептуна за работой, но слышал от старших магов, что зрелище впечатляющее.

— Конечно, — сказал Каэл. — Только не шевелись.

Он быстро закрыл раны мага, выпрямил нос. После обучения у Морриса исцелять стало проще. Худшим было то, как покалывала кровь, Каэлу приходилось тереть зудящие ладони землей. Маг начал хвалить невероятную работу шептуна, пока Тельред не заворчал:

— Да, мы все в восторге. Но если я так дальше буду стоять, я оторву руку, и тебе придется создавать мне другую, маг.

— Ах, да. Простите, — сказал он, быстро вскакивая на ноги. Он поднял посох и

кашлянул. — Знаю, что вы думаете: стыдно взрослому магу носить детский импульс. Но мне собственный иметь не позволяли.

Каэл не все понимал. Но Килэй объяснила:

— Импульс — предмет, которым маг направляет магию. Я не эксперт, но, чем меньше импульс, тем сильнее маг.

— Да, потому что нужно большое умение, чтобы соединить сильные чары в чем-то маленьком, как, скажем, кольцо, — сказал маг. Он коснулся посохом Тельреда, тот отлетел, когда чары отпустили его. — Давно маг совершил ошибку, играя с Судьбой. Так сильно она разозлилась, что отделила наши души от нашей магии. Теперь приходится направлять магию в вещи и так применять.

Каэл о таком не слышал, но не дал магу понять, что ему интересно. Он встал за Килэй, на всякий случай. Если его снова охватит гнев, только она сможет его остановить.

Лисандр и Аэрилин шли к ним по узкому выступу, оставшемуся от магии. Лисандр пытался держать ее за руку, а она отбивалась.

— Я могу идти и сама, — рявкнула она.

— Я просто пытаюсь помочь, дорогая. Позволь быть тебе опорой.

— Я вам не дорогая. И опору свою можете держать подальше от моего зада, — сказала она, отбиваясь.

— Все не так, — обиделся Лисандр. Но он поднял голову, и Каэл увидел, что он пытается скрыть улыбку.

Маг протянул посох Аэрилин и притянул ее. А потом помог Лисандру.

— Спасибо, — сказала ему Аэрилин. Она прошла мимо Лисандра, отбросила назад волосы при этом.

Он проигнорировал ее и протянул руку магу.

— Спасибо... эм?..

— Джейкоб, — сказал маг.

— Тогда спасибо, боевой маг Джейк, — сказал Лисандр с улыбкой и пожал его руку так сильно, что очки бедняги чуть не съехали с носа. — Мы бы остались и поговорили, но нам нужно убить Ведьму, — он отступил и хлопнул в ладоши. — Идемте, дамы и господа. Нельзя тратить время...

— Погодите, — сказал Джейк.

Лисандр остановился. Он развернулся, вскинув брови.

— Да?

Джейк поправил очки и нервно сжал посох.

— Я просто... подумал, что мог бы пойти с вами, ведь Ведьма держала меня в плену долго. Я хочу помочь.

— Хочешь отомстить?

— Да, — твердо сказал Джейк. Костяшки поверх посоха побелели.

Лисандр подошел к нему, постукивая по подбородку.

— Интересно... но, боюсь, корабль тесно заполнен. Я не могу брать кого попало.

— Но я маг, — сказал Джейк. — У вас таких в команде точно нет.

Лисандр был удивлен, словно не подумал о таком раньше.

— Верно. Думаю, ты можешь оказаться полезным. Но тебе нужно знать, что все мы — пираты.

— Не все, — вмешалась Аэрилин.

— Точно. Некоторые — упрямые торговки, — сказал Лисандр и улыбнулся, когда она возмущенно фыркнула. — Мы в плохих отношениях с королевством. Пойдешь с нами, можешь больше не увидеть нормальное общество.

Джейк не расстроился. Он встал прямее.

— Хорошо, капитан. Я и не люблю королевство.

Лисандр протянул руку, и в этот раз Джейк пожал ее. Капитан сказал:

— Добро пожаловать в команду, пес.

Глава 28:

Ведьма из Вендельгримм

Они добрались до вершины скалы. Вблизи замок Вендельгримм выглядел как груда камней. Три башни склонились, как от сильного ветра. Четвертая стояла ровно. Но была дырой в крыше, туда поместился бы дракон. Остальное покрывали лозы.

Кроваво-красные цветы покрывали почти все стены снаружи. Резкий запах магии исходил от их лепестков, и Каэл отпрянул.

— Не дайте лозам вас тронуть, — предупредил Джейк. — Если будете слишком близко, они дотянутся и задушат вас.

— Как мило, — проворчала Аэрилин.

Не покрыт лозами был только вход. Деревянные двери в арке в стене замка. Они не выглядели прочными, большие участки прогнили.

— Это не должно быть сложно, — сказал Лисандр. Он взглянул на Аэрилин и пошел к дверям. — Нет в этом мире доски, что выдержит удар моего сапога.

Он собирался ударить, когда Джейк сказал:

— Я бы не...

Сапог Лисандра попал по стене, нога отлетела. Его колено ударило его в подбородок, он упал на землю. Эта рана была самой смешной из всех, что Каэл видел.

— Можно было сказать раньше, маг, — рявкнул Тельред, склонившись над кузеном.

— Зуб не выпал? — Лисандр в панике отодвинул губу.

— Нет, все на месте, — убедил его Тельред.

— Ничего опасного, простое защитное заклинание, отгоняющее нарушителей, — сказал Джейк. Он подошел к дверям и минуту разглядывал их. — Хорошо, может, не простое.

— Как нам пройти? — сказала Аэрилин. Она оглянулась на садящееся солнце. — Килэй, ты не можешь слетать и сказать остальным, что нужно еще подождать?

Она фыркнула.

— И оставить вас одних? Нет уж. И большая часть команды не знает о моей, кхм, не самой привлекательной половине. Я бы не хотела поднять панику, прилетев при свете дня.

Джейк с любопытством смотрел на них, но не спешил задавать вопросы. Он повернулся к дверям.

— Я могу придумать контрзаклятие. Уверен, это будет просто... знать бы язык, на котором оно было написано.

— Отлично. Я нашел неграмотного мага, — проворчал Лисандр, вставая на ноги. — Ты не умеешь читать на своем языке?

Джейк криво улыбнулся.

— Все сложнее. Есть несколько диалектов, зависит от материала импульса. Дерево, —

он поднял посох, — основной материал. Серебро лучше, но золото дает больше всего сил. К сожалению, редкие поняли, как соединить золото и чары, они охраняют свой секрет, — он нахмурился, его губы дрогнули. — Только самые хитрые маги используют кожу... но это обычные маги, как по мне. Железо и сталь — выбор некромантов и грубых практиков, как Ведьма из Вендельгримм.

— Ясно... ты хочешь сказать, что не можешь пройти, — сказал Лисандр.

Аэрилин издала разочарованный звук.

— Он не это сказал. Он может понять, как пройти, но это будет сложно, потому что Ведьма использует железо вместо дерева. Вы не слушали?

— Ах... погоди, — глаза Лисандра расширились. — Какую сталь она использует? Ты видел?

Джейк пожал плечами.

— Да, но для меня это выглядело как ржавая сабля.

Лисандр опустил голову.

— Все. Все пропало. Можно идти обратно...

— Почему? — сказал Каэл. Он не собирался идти обратно с пустыми руками после долгого пути.

— Потому что, мальчик мой, — сказал он с натянутым терпением, — у Ведьмы Девочка Взятки, ее нельзя победить. Она просто перережет нам глотки...

— Нет, ее можно победить, — настаивал Каэл, Лисандр остановился.

— О? И почему ты так решил?

Он быстро подумал.

— Потому что Сэм Взятка был отцом всех пиратов?

Лисандр прижал ладонь к сердцу.

— Айе, был.

— Вы бы не хотели, чтобы не пираты управляли вашим кораблем?

— Конечно. Лучше пусть им правит хороший пират.

— Не думаю, что Девочка будет работать для не пирата.

Лисандр медленно понимал, куда он клонил. Это отразилось на его лице.

— Продолжай.

Каэл вздохнул и попытался прогнать нетерпение из голоса.

— Сэм Взятка не хотел бы, чтобы его Девочка попала в руки любого, он бы хотел, чтобы ее забрал пират, хороший пират. И он был достаточно сильным, чтобы так и было.

Это была ложь, но необходимая. Он не верил, что существовал меч, дарующий владельцу способность побеждать в каждом бою, и он не собирался позволять мифу пугать Лисандра. Люди Коппердока заслужили спасение... даже если бой будет сложным.

— Ты прав, конечно. Абсолютно прав, — сказал Лисандр, поверив. — Ведьма не заслужила меч Взятки, Девочка будет на нашей стороне! Мы не можем проиграть. Нужно только войти в замок.

— Есть идея, — сказал Каэл. Он подошел к дверям, в этот раз он знал, что ищет. Да, если приглядеться, он видел молочно-белое заклинание на дверях. Он впился в него ногтями рук и оторвал большой склизкий кусок, которого хватало, чтобы они прошли.

— Молодец, — сказала Килэй. Она мощным ударом разбила доски.

Они прошли во дворе, что выглядел так, словно был полем для многих боев. Земля была неровной, в ямах, трава была коричневой и сухой. Булыжники торчали в странных местах.

Каэл понимал, что они прилетели из катапульта. Некоторые камни совпадали с дырами в стенах.

— Не только мы пытались одолеть Ведьму, — пробормотал Тельред. — Армии приходили сюда... и больше их никто не видел.

Конечно, его история не успокоила Каэла. Но убедила его вытащить стрелу и быть готовым.

Они были посреди двора, когда двери замка открылись. Они врезались в стену, между ними появилась морщинистая старуха.

— Как это понимать? — завизжала она. — В моем дворе не должно быть грязных путников... ты! — она направила костлявый палец на Джейка. — Почему не на месте?

— Потому что его освободили, Ведьма, — сказал Лисандр.

Каэл застонал вслух. Это страшная Ведьма из Вендельгримм? У карги было больше морщин, чем у его штанов сзади. Он хотел ударить Лисандра за то, что они тащились через бурю бороться с этой старушкой. Только пустая трата хорошей стрелы.

Темные глаза Ведьмы посмотрели на Лисандра. Ее рот раскрылся, она оскалилась тремя желтыми зубами.

— Здравствуйте, капитан. Пришли составить старой ведьме компанию?

Он скривился.

— Нет уж. Мы с друзьями пришли убить тебя, освободить добрый народ Коппердока и вернуть украденное имущество!

— Украденное имущество? — ее оскал стал шире. — Ты не об этом? — она вытащила саблю из складок потрепанной мантии. Лезвие было стальным с зубцами по краю. Рукоять словно делал ребенок, а присоединял слепой.

Но Лисандр выдохнул при виде сабли.

— Это имущество пирата! Верни...

— А то что? — прошипела она. Она повернула саблю за рукоять, впечатляющее движение для такой древней старухи. — Прости, капитан, но Девочка принадлежит мне. Как и ты.

Она провела лезвием по груди, черные цепи вылетели из земли перед ними. Они обвились вокруг их конечностей, приковывая их к месту. Каэл смотрел, как его товарищи борются, но даже Килэй не могла освободиться. Джейк попытался пробормотать заклинание, цепь ударила его по лицу и сбила очки.

— А теперь, — лениво сказала Ведьма, — боевой маг продолжит сторожить путь, а я оставлю себе красивого капитана.

— Ни... хмф! — цепь прервала возмущения Лисандра, заткнув ему рот.

— А остальные — рыбы! — она зло захихикала, откинув голову и взмахнув изорванной мантией.

Каэл решил, что пора снять цепи. Он разорвал их, кривясь, когда склизкие частички прилипли к ладоням. Ведьма перестала смеяться, а он уже направлял стрелу ей в сердце.

— Нет! — завизжала она в страхе. — Невозможно, твой вид вымер!

Лисандр рассмеялся в цепь во рту и сказал что-то, похожее на «Вот и твоя гибель!».

Но Ведьма не собиралась легко сдаваться. Каэл уже хотел выпустить стрелу, а она ткнула мечом в Килэй, та зарычала, когда ее шея невольно выгнулась.

— Отпустишь стрелу, и я перережу ей глотку, — прошипела Ведьма. — Я сделаю это, даже если это будет мое последнее заклинание.

— Не... — цепи обвили рот Килэй, заглушая звуки. Она удвоила усилия, борясь и шатаясь от этого.

— Стреляй. Я увижу, как кровь покинет ее милое личико, а потом умру, — дразнила Ведьма. Она разглядывала его, бездонные глаза впивались в его черты, пытались отыскать слабость.

И она многое нашла.

Он не мог скрывать дрожь, что возникла от холода. Он отвел взгляд от метки и сосредоточился на шее Килэй. Он видел, как вена пульсирует под ее подбородком. Он слабел, думая, что вена перестанет пульсировать, что ее сердце перестанет биться. Это пугало его.

Но Ведьма не собиралась убивать ее, это была уловка. Как только Каэл потерял концентрацию, она отправила в него заклинание. Оно попало по его луку, оружие задрожало, а потом взорвалось тысячей кусочков. Он держал лишь неровный кусок, ветер унес остальное в мое, забрал все, что у него оставалось от Тиннарка.

— Каэл, ты должен освободить нас! — вопила Аэрилин.

Он поднял голову и увидел, что Ведьма вонзила саблю в землю. Зеленый огонь вырвался из земли и окружил ее защитным шаром. Он растекался по двору, по стенам, и они оказались в круге огня. А потом земля задрожала. Она содрогалась так сильно, что ему пришлось нырнуть, чтобы долететь до Джейка. Он сунул обломок лука Роланда в карман и сорвал цепи с Джейка. Вместе они освободили остальных.

— Чем ты думал? — сказала Килэй, когда он убрал цепи от ее рта. — Почему не выстрелил? Ты мог убить ее раньше, чем она начала колдовать!

Он пронзил ее взглядом, срывая остальные цепи

— Не знаю... я отвлекся, наверное! Это было страшно...

Она зажала рукой его рот.

— Ты слышишь?

Нет, он ничего не слышал. Вокруг бушевал огонь, но земля перестала дрожать. Стояла зловещая тишина.

— Круг! Встаньте кругом! — крикнул Лисандр, они вскочили послушно.

Они долго стояли в тишине, оружие было готово, они судорожно дышали. Волоски на шее Каэла стояли дыбом. Он сжимал кинжал и успокаивал себя, готовил к трюкам Ведьмы. А потом в центре их круга раздался шум, и они развернулись.

Пыль и земля полетели вверх, рука скелета вырвалась из земли. Она впиалась пальцами, пробивая выход, и Аэрилин закричала, когда появилась ужасная улыбающаяся голова.

Килэй ударила по черепу ногой, сбив его. Он отлетел в другую часть двора, но тело двигалось.

— Посмотрим, как тебе холодая сталь, шептун! — смеялась Ведьма.

Двор взорвался. Костлявые конечности вырывались из земли, к свежему воздуху, они вытаскивали тела. Скелеты выбирались из обломков. Они были с ржавыми мечами и в древней броне, что скрипела, пока они двигались. Каэл подозревал, что это потерянный армии.

Килэй разбила скелет в центре их круга и вручила Каэлу Предвестника.

— Обращайся с ним хорошо! — сказала она.

Он смотрел, как она бросается на первую волну скелетов, задержав дыхание. Она прыгнула, оттолкнувшись от камня, оказалась над толпой. Крылья вырвались из ее спины,

руки стали длиннее, когти выросли из ладоней. Когда она приземлилась, раздавив неплохое количество скелетов собой, она снова была белым драконом.

Она открыла пасть, и вырвалось желтое пламя. Огонь ударил по солдатам, превращая их в груди обгоревших костей и растаявшей стали. Даже со своего места Каэл ощущал жар, поднимающийся от опаленной земли.

— Нет! — закричала Ведьма. Килэй взлетела, увильнув от заклинания. Оно попало по группе скелетов, и они превратились в пепел.

— Мои стрелы ничем не помогают! — выла Аэрилин. Она выстрелила, но стрела пролетела между ребер скелета и упала на землю.

— Вот! — он постучал по ее колчану посохом, ее стрелы стали опасного красного цвета. — Это должно помочь.

Она выстрелила в солдат, и стрела взорвалась. В ушах Каэла звенело от шума, его товарищи упали. Лисандр зажал руками уши и смотрел, как куски обгоревших костей пролетали над головой.

— Можешь целиться дальше? — крикнул он Аэрилин. — Если я умру сегодня, то не от пылающего уголька!

Стрелы Аэрилин и заклинания Джейка отгоняли скелетов. У Аэрилин кончились стрелы, Каэл дал ей свои. Они коснулись дна ее колчана, их перья стали красными.

Одинокие скелеты пробирались к их кругу, приходилось отбиваться мечами. Лисандр и Тельред помогали друг другу, разбивали скелеты. Каэл взмахнул Предвестником в первый раз и подумал, что промазал. Лезвие было таким острым, что легко рассекло кость и броню. Меч радостно завопил, Каэл ощутил волну энергии. Казалось, что он сможет всю ночь рубить скелетов, не уставая.

Килэй спустилась ниже, пару секунд извергала огонь, а потом улетела в облака. Ведьма стреляла в нее, но заклинания не попадали по цели.

Они держались несколько минут, но бой не прекращался.

— Стрел нет! — сказала Аэрилин. Без ее взрывов скелеты быстро приближались.

Пот блестел на лбу Джейка. Его зубы были сжатыми, он все чаще двигал очки на носу. Каэл не знал, сколько он продержится.

Он знал, что должен что-то делать, иначе армия Ведьмы сокрушит их. Иначе их порежут на куски ржавые мечи, и скелеты унесут их с собой в могилы. Что-то нужно было делать, и быстро.

— Вот! — он отдал Предвестника Аэрилин и нашел нужного вида камень. Он был в нескольких ярдах и был достаточно высоким, чтобы выиграть ему время. — Джейк, расчисть мне путь к тому камню!

Он не спрашивал, зачем, а повернулся и послал шар из ветра в солдат. Каэл бежал следом, забрался на вершину камня. Он поднял кулак над головой и закричал:

— Килэй!

Ведьма услышала его. Он видел, как ее морщинистое лицо побелело за ее шаром огня.

— Остановите его! Остановите шептуна!

Двор стал тихим, а потом тысячи черепов повернулись на костях и посмотрели на него темными пустыми глазницами. Каэл стоял с поднятой рукой, даже когда первый скелет полез на камень. Его друзья пытались пробиться к нему, безумно били стену костей, но он знал, что они не доберутся вовремя.

Надежда была только одна.

— Килэй! — снова сказал он, первый солдат добрался до него. Он стоял на шатающихся ногах, пластины грязной брони скрипели, когда он поднял меч. Каэл представил смерть от тупого лезвия, что причинило бы больше боли, чем от острого. Потребуется несколько ударов, чтобы отрубить ему голову. Он закрыл глаза, рука скелета опустилась, и он готовился к боли.

Когти обхватили его руку, он напрягся, Килэй дернула его вверх. Они оставили двор позади, оставили скелетов биться, а Ведьму — проклинать их. Он смотрел, как облака смыкаются под его сапогами, скрывая мир из виду.

— Вовремя! — крикнул он Килэй, она проревела ответ.

От ее голоса его легкие трепетали в грудной клетке. Она крепко сжимала его руку, картинка Ведьмы появилась в его голове. Он понимал, что она пытается сказать.

— Да, у меня есть план, — он послал ей подробную картинку того, что хотел от нее, показывая так, как он это представлял. Она послала ответ, показывая в подробностях, что будет, если она не попадет. — Не хочу думать об этом, — быстро сказал он. — Нам нужно спасти остальных, времени нет. Лети!

Она резко развернулась, и они устремились вниз.

Его желудок остался позади, где-то в безопасности над облаками. Он пождал пальцы ног, схватил кинжал так крепко, что могла сломаться его рука. Они нырнули во двор, она дернулась в сторону, когда Ведьма метнула заклинание. Красные, синие, черные вспышки света проносились мимо, Килэй уклонялась от них, опасно накренившись для шага огня. Он слышал, как Ведьма визжит в панике. Они были близко, он почти мог видеть ужас на ее морщинистом лице.

В последний миг Килэй выстрелила. Его рука выскользнула из ее когтей, он упал в огонь, горячая кровь пульсировала в каждой вене. Огонь ласкал его, но не обжигал. Он размахивал ногами, держал кинжал высоко над головой, ждал момента, когда прорвется сквозь огонь и ударит. Этот момент наступил, и, увидев выражение лица Ведьмы, он понял, что победил.

Страх был в ее глазах, такой резкий и белый, что его нельзя было ни с чем спутать. Ее рот был открыт, складки кожи на шее дрожали от крика, который он не слышал. Она была в ловушке, она не думала, что этот день настанет. Но он настал, и она издавала крик, который держала в себе веками.

Последний.

Кинжал Каэла пронзил ее сердце, впился в плоть и остановился из-за рукояти. Все силы ушли на то, чтобы упасть правильно. Он ударился о камень и откатился, пока не попал по стене. Резкая боль беспощадно стучала в ушах, он знал, что зашел слишком далеко. Он смотрел, как Ведьма сжимается, корчится, а потом замирает. Прогремел резкий треск, порыв ветра отбросил его тело.

Он пережил бурю, убил Ведьму, а теперь он закончил. Он знал, хоть и слышал, что товарищи бегут к нему, что слишком поздно. Он не мог побороть боль, она слепила его, он едва ощущал ее.

Он умирал.

*

Свет был таким сильным, что пробился через боль и тьму, отогнал ее. Мир покачивался перед глазами, он снова мог дышать. Он ощущал запах травы, слышал шаги, которые остановились. Он ощущал руку Килэй на его ладони.

Ее темные брови были сдвинуты от концентрации, щеки пылали красным.

— Это ужасно, — она застонала со смешком. — Как вы, шептуны, это терпите?

— Ты меня исцеляешь? — услышал он свой вопрос.

Она скривилась.

— Нет, это... драконий навык. Мы порой можем разделять боль.

Он услышал вскрик Джейка.

— Но я думал, такое бывает только если...

— Шшшш! — зашипели Аэрилин и Лисандр.

Каэл не слышал, из-за чего они спорили. Он вдруг понял, почему его боль угасает, почему задрожала рука Килэй.

— Нет, не забирай, — он едва мог передвигать губы. Новая тьма собиралась, унося его в сон. — Не... я смогу...

Она фыркнула и скривилась.

— Не борись, упрямый ребенок гор.

Она положила ладонь на его грудь, он заметил, что она все еще была в броне. Он хватил ее за запястье другой руки и пробормотал:

— Как...?

— Эта одежда выдерживает обе мои формы, — тихо сказала она. — Но не могу сказать, как, это секрет.

Он знал. Почему-то он думал, что знал причину. Но потом тьма заставила его забыть.

Глава 29:

Убийца ведьмы

Каэл проснулся точно не там, где засыпал. Он смог открыть глаза, увидел лицо Джонатана и вздрогнул.

— Аха! — сказал скрипач слишком громко. — Видишь? Я же говорил, что он проснулся.

— Твое дыхание его и разбудило, — фыркнул Ноа. Он оттолкнул Джонатана и хмуро посмотрел на Каэла. — Ты точно проснулся?

— Да, — выдохнул Каэл. Он все еще был слабым от головной боли. Конечности напоминали по ощущениям жижу на дне котла. Но он хотя бы выжил. Джонатан и Ноа помогли ему сесть, он моргал, и окружение медленно становилось четким.

Было темно: он видел, как звезды мерцают над ним. Огоньки плясали вдоль улицы, озаряя каменные стены и темные окна домов. Смех доносился до его ушей. Тени людей сидели у костров, пили из кружек и общались, пока жарились куски мяса. Грубый камень дороги был под его спальным мешком, это объясняло ужасную боль в спине.

— Мы в Коппердоке, — сказал он, они кивнули. — Рад видеть, что ты тоже здесь, Джонатан.

Он широко улыбнулся.

— Это не все. Смотри! — он повернулся боком, и Каэл увидел саблю на его боку. — Когда капитан Лисандр вернулся на корабль, он дал мне мою сабельку.

Каэл был потрясен.

— Вот это неожиданно.

— Ага, он рассказывал, что часто ошибается, но решил, что я смелый, раз хотел идти

тебя искать, — сказал Джонатан, глаза его мерцали. — Меч хорош, не пойми меня превратно. Но немного монет было бы приятнее. А там, где меня держали, есть крысы, друг! Заразы, которым хотелось сгрызть пальцы моих ног.

Ноа закатил глаза.

— Не так все плохо, я часто там бываю. Худшее то, что Моррис нагоняет скуку своими историями. Порой я думал, что предпочел бы казнь.

— Моррис здесь? — спросил Каэл.

Джонатан покачал головой.

— Неа. Он остался с остальными на корабле. Завтра его увидишь. Кстати, о романтике, — он хитро улыбнулся. — Как тебе поцелуй жизни?

Ноа склонился к нему, но Каэл не понимал о чем они.

— Что?

— Ладно тебе, — Джонатан придвинулся и прижал ладонь к уголку рта. — Ты чуть не утонул, да?

— Да...

— Килэй сказала, что ей пришлось возвращать тебя.

— И?

— И мы знаем, что жизнь в утопленника вдохнуть можно только одним способом, — сказал Джонатан, подмигнув.

И теперь он вспомнил. Картинки в «Путеводителе выживания для моряка» были не такими романтичными, но от мысли, что Килэй прижималась губами к его губам, чтобы он откашлял воду, все в нем сжалось.

Джонатан указал на его пылающие щеки и рассмеялся.

— Ха! Помнит. И как это было?

Каэл оттолкнул его руку.

— Не знаю. Я был почти без сознания, — рявкнул он. Но это не помешало Джонатану громко присвистнуть и издать звук поцелуя.

Ноа стукнул его по руке.

— Хватит. Он чуть не умер, это не шутки.

— Даже Килэй посчитала это смешным, — сказал Джонатан. — Они с Аэрилин хихикали до заката.

«Не удивлен», — мрачно подумал Каэл. Такие девушки, как Килэй, скорее смеялись бы из-за поцелуя с таким парнем, как он, чем томно вздыхали. Он понимал, почему она смеялась, и знал, что не должен был обижаться из-за этого. Но было больно.

— Ладно, — Ноа пронзил Джонатана взглядом, — капитан хочет тебя видеть, Каэл. Он отправил нас проверить, проснулся ли ты.

Разговор с Лисандром его не радовал, но выбора не было. И он поднялся на ноги.

Они шли по узким улицам, стараясь ни на кого не наступить. Жители освободились от стеклянных клеток и всюду были скоплениями. Мужья обнимали жен, дети спали на коленях родителей. Семьи спали рядом друг с другом на спальных мешках, и было сложно пройти между ними. Хотя Каэл был рад за них, при виде семей он ощущал тоску.

— Убийца ведьмы! — сказал кто-то, Каэл обернулся и увидел крупного мужчину у телеги. Он поднял кружку, явно благодаря Каэла взглядом. И он был первым.

У каждого костра мужчины и женщины поднимались. Они шатались. Если бы он не видел уверенность в их глазах, решил бы, что они пьяны. Но они все равно старались встать.

Они поднимали в его честь кружки и кулаки.

— Убийца ведьмы! — говорили они.

— Это они о тебе, — шепнул Ноа уголком рта.

Каэл не привык к такому количеству взглядов, не привык к благодарности в них. И он опускал голову и только кивал им в ответ.

Они нашли Лисандра, сидящего у стены дома. Он тихо говорил с человеком слева от него, а потом увидел их и прижал палец к губам.

Волнения дня утомили Тельреда и Аэрилин. Он сжался у костра, скрестив руки на груди, закрыв лицо капюшоном. Голова Аэрилин лежала на руке Лисандра. Она выглядела мирно, но, когда они подошли, Каэл услышал, как она похрапывает.

— Разве не милашка? — сказал Лисандр. Он сидел как статуя, следя, чтобы ее голова оставалась на его плече.

— Как простуженный медвежонок, — пропел Джонатан.

Лисандр пронзил его взглядом.

— Ты не должен писать песню, скрипач? Сегодня исторический день! Поверить не могу, что ты не спешишь стать первым бардом, воспевающим его.

Джонатан почесал щетину на щеке.

— Не, спешка — не ко мне.

— А если наподдать? — прорычал Лисандр.

Это подействовало. Джонатан быстро отсалютовал.

— Я понял, капитан! Я все сделаю, — и он поспешил прочь.

Лисандр кивнул Ноа.

— Сходишь с ним? Проследи, чтобы он не отвлекался от задания, — они ушли, и он указал на мужчину рядом с собой. — Каэл, это Шамус, мастер строения кораблей в Коппердоке.

Мужчина был примерно одного возраста с Моррисом. Он поднял кружку, улыбка расплылась до его бакенбардов. И так Каэл узнал его.

— Славься, Убийца ведьмы, — сказал Шамус. — Я бы встал в приветствии, но не использовал ноги двадцать лет, они меня плохо держат пока что. Почему бы тебе не сесть и не поесть вдоволь?

Каэла заставлять не требовалось. После недель на рыбе он был готов съесть много мяса. Шамус положил ему огромный кусок мяса, и он сунул в рот немного, чуть не проглотив, не жуя.

— Вот так. Ты ешь, я буду говорить. Хорошо в проклятии то, что я не старел, мои руки все еще сильные, — Шамус налил ему, и Каэл был рад, что это просто вода. — Знаю, ты думаешь, что странно, что мы едим не рыбу. Мы — гордые дети морей, да. Но мы столько были рыбами, что неправильно теперь есть их.

— Точно, — согласился Лисандр.

Каэл чуть не подавился, Шамус похлопал его по спине.

— Но мы уже не рыбы, благодаря тебе, — сказал он с улыбкой. — Ты сдержал слово. Ты сказал, что убьешь Ведьму, и она мертва. Люди Коппердока в долгу перед тобой.

Он был прав, Шамус был рыбой, которую он нечаянно сбил по пути. Он не знал, откуда жители все узнали, но захотел прояснить ситуацию.

— Я сражался не один. Я бы не справился без друзей.

— И они сказали, что не справились бы без тебя. Я знаю, что великие люди

скромничают, — сказал Шамус и положил ладонь на его плечо, — но жители уже считают тебя своим героем. Так что остается только принимать благодарность, сэра Райт.

Он отклонился, словно все уладил, и Каэл пронзил Лисандра взглядом, а тот вдруг увлекся затачиванием кинжала о бок сапога.

— Кто сказал? — недовольно спросил он.

Лисандр изобразил невинность.

— Мальчик мой, вся деревня видела, как ты летел по воздуху с драконом. Что я мог им сказать?

— Это был не ваш секрет, — рявкнул Каэл. Он был зол. Кусок мяса прилип к языку, как песок.

— Не переживайте, мы — друзья шептунов, — быстро сказал Шамус. — Мисс Килэй поймала нам ужин, и мы стали друзьями полудраконов.

Каэл ударил кружкой по земле.

— Вы рассказали про Килэй? Вы же были ей другом...

— Ах, это мы увидели сами, — Шамус указал на темный угол улицы, где спала Килэй в облике дракона.

Ее хвост был свернут у носа, голова лежала на передних лапах. Каэл был удивлен, что группа детей устроилась у ее лап, используя ее хвост как большую подушку. Их лица были розовыми и спокойными во сне.

— Малыши не знают страха, — тихо сказал Шамус. — У них нет предрассудков. Они никогда не видели дракона, и что? Они подружились с ней. Если бы у всех была смелость детей, королевство было бы лучшим местом.

— Кстати, — вмешался Лисандр, — что будешь делать теперь, получив ноги?

Шамус улыбнулся, раскинул руки.

— Как и должен, строить. Думаю, флот герцога истрепался за эти годы, так что мы с радостью потребуем с него золото.

— Не бойтесь, что он нападет? — спросил Каэл.

Он покачал головой.

— Дело в привычке. Мы работаем, нам платят. Кстати о деньгах, — он склонился, — у Ведьмы в подземельях были сокровища. Можешь взять все, что хочешь.

Каэл покачал головой.

— Мне ничего не надо, спасибо. Потом это таскать с собой я не хочу.

Шамус вскинул брови. А потом рассмеялся.

Лисандр был в ужасе.

— Это не поведение пирата. Все что-то выбрали.

Шамус сжал губы.

— Да, но я все еще не понимаю, зачем вам тот старый сломанный меч.

— Сломанный? — сказал Каэл.

Лисандр кивнул.

— Джейк все объяснил. Ведьма использовала Д... ах, меч как импульс, он был привязан к ее душе. Он разбился, когда она умерла. Но ничего. Я знаю отличного кузнеца.

Шамус вскинул брови.

— Я не знал, что это был ее импульс. Да, такой приз сохранить будет сложно.

— Точно, — осторожно сказал Лисандр.

Каэл не знал, почему он сохранил название меча в секрете, но Каэл сам не знал, можно

ли рассказывать все Шамусу.

Лисандр увидел бурю на его лице, потому что быстро сменил тему.

— А что будешь делать ты, господин Каэл, оплатив за обучение?

Он не ожидал такого вопроса. Он не знал, что делать дальше.

— Наверное, просто продолжу, — пожал он плечами.

Лисандр чуть склонился, стараясь не мешать Аэрилин, хотя ему пришлось повисить голос, чтобы его было слышно поверх ее храпа.

— Да? Просто Моррис говорил что-то о мести. О, кхм, восстании против графа Титуса.

— Да? — пираты ужасно хранили тайны. Но Каэл долго знал Лисандра и понимал, что его голова так склонена, потому что он намекал на сделку. В этот раз он был готов. — Возможно. Но я не понимаю, какое вам дело.

Маска Лисандра пропала, он улыбнулся. Он был рад тому, что Каэл подыграл ему.

— Пока не важно. Я знаю, что тебя не интересует золото, но тебе все-таки нужна армия.

Каэл сломал ветку и бросил в огонь.

— О? И вы можете найти мне такую?

— Возможно. Но, даже если я помогу тебе собрать силы, мы никак не можем переправить их. Мы не можем двигать людей и лошадей по королевству, если море кишит шпионами герцога.

Он пытался играть. Но Амос был прав, у него не хватало терпения.

— Хорошо, что вам нужно? Только прямо.

Его резкие слова разбудили Аэрилин, на миг прервав ее храп. Лисандр ждал, словно перед змеей, пока она не продолжила храпеть.

— Решение простое, — продолжил он шепотом. — Я знаю пару людей, которые могут помочь нам. С их знаниями и твоим умением мы могли бы сделать океан чуточку... свободнее.

Шамус присвистнул.

— Ты же не хочешь свергнуть герцога?

Лисандр скривился.

— Нет, я хочу бросить его в мешок и скинуть на камни с кормы своего корабля, — он повернулся к Каэлу. — Это опасно, врать не буду. Даже если у нас выйдет, мы получим очень опасных врагов. Но я уже сплю с кинжалом под подушкой, так что мне разницы никакой. Я хочу знать, готов ли ты расстаться с безопасностью?

Каэл подумал об этом, точнее, притворился. Ему хватило мысли о детях Харборвилля, и боль в груди сказала, что нужно сделать.

— Если я помогу свергнуть герцога, получу ли я вашу помощь, когда настанет время?

Он не хитрил.

— Я пойду за тобой, друг, — сказал Лисандр и протянул руку.

Каэл обхватил его ладонь.

— Тогда герцогу пора прятаться, потому что ему крышка.

— Отлично, — улыбнулся Лисандр.

Но о плане должен был узнать еще один человек. Каэл оставил Лисандра и Шамуса общаться и пошел к спящей Килэй. Хотя его сапоги точно не шумели, она приоткрыла зеленый глаз раньше, чем он дошел до нее.

— Ты не спала, да? — он понял по ее ухмылке, что угадал. — Значит, и план слышала?

Она слабо кивнула. Она старалась не разбудить детей, спящих рядом с ней.

Он опустил к ее голове и сказал:

— Тебе не обязательно идти. Ты вытащила меня из океана. Спасла от смерти, и долг между нами оплачен. Но если ты пойдешь, я не буду жаловаться. Я еще не боролся с герцогом. Мне потребуется твоя помощь.

Он не знал, почему говорил это. Он знал, что она слышала и понимала его прекрасно. Но почему-то с драконом быть честным было проще, чем с девушкой.

Ее ответ ясно сиял в ее глазах: она пошла бы за ним куда угодно, ему не нужно было спрашивать.

*

Они встали с первым просветом солнца и направились к причалу. Джейк молил взять его, и Лисандр согласился, заставив его поклясться, что тот не будет колдовать.

— Ты полезный, мы тебе рады, — сказал он. — Только не сожги мне корабль!

Шамус и несколько жителей пришли проводить их. Он опирался на трость, а, когда они остановились, он держался за столбик для баланса. Или Каэл так думал. Хотя, судя по виду Шамуса, он чуть не потерял сознание. Так было от того, что он увидел «Грохочущий якорь».

— Забери меня волна, это то, о чем я думаю?

Лисандр ухмыльнулся.

— Единственная и неповторимая гроза Высоких морей.

Шамус пошатнулся и задрал голову.

— Это он. Это корабль «Алчность»!

Аэрилин вскрикнула так громко, что все повернулись к ней. Она посмотрела на Лисандра, в глазах появились слезы. А потом она убежала на корабль, рыдая.

— А я говорила, что нужно было сообщить ей, — прорычала Килэй, направившись за ней.

— Откуда я знал, что это доведет ее до слез? — крикнул ей вслед Лисандр. Она издала недовольный звук и отмахнулась. — Она — дочь Гаррона Хитрого, — объяснил он Шамусу, тот кивнул.

— То-то мне показался знакомым ее упрямый вид. Бедняжка. Гаррон был отличным торговцем и еще лучшим моряком. Мое сердце разбилось, когда ты сказал мне, что он умер, — Шамус кашлянул и повернулся к кораблю. — Ты переименовал его.

— «Грохочущий якорь» пирату подходит больше, да? — криво улыбнулся Лисандр. — Я берег корабль. Хочешь осмотреться на борту?

Шамус отпрянул.

— Нет. Лучше не ходить на корабль, который строил. А я только выбрался из проклятия. Удачи, капитан, — он пожал Лисандру руку, а потом Каэлу. — Тебе будут рады в любое время, — сказал он с улыбкой. — Коппердок всегда тебя примет.

Каэл не знал, что сказать, слова застряли в груди. Он кивнул и быстро пошел на корабль. Он отправился к штурвалу, где его ждал Моррис.

— Ты это сделал! Сделал! — радовался он, улыбаясь. Он вытащил руки из штурвала и похлопал ими Каэла по плечам. — Солнце почти село, но мы увидели, что облака рассеиваются, что буря уходит в море, и мы поняли, что у тебя получилось. Веди нас домой!

Каэл был рад встать за штурвал. Он мог притвориться, что занят, и не махать на прощание жителям.

— Куда мы направляемся?

Моррис улыбнулся.

— На юг.

Они отплывали. Шамус становился все меньше. Он махал и кричал благодарности, пока они не перестали его слышать. Каэл не хотел покидать Коппердок, сушу. Он не понимал, как ему было хорошо там, пока его снова не окружил океан.

— Веселее, — сказал Моррис. — Завтра днем мы будем в бухте Легкой наживы.

— Это ваш дом?

Моррис кивнул.

— Мой дом и дом каждого хулигана Высоких морей. Пираты всегда жили там. Но это место — секрет, понял? Даже герцог не знает, где оно.

Каэлу плохо верилось. Должен был хоть кто-нибудь продать координаты. Но, когда он сказал это, Моррис посерьезнел.

— Были некоторые, пытавшиеся выдать нас, — тихо сказал он. — Но, стоит подумать о таком, проклятие тут же убивает.

Каэл верил в проклятие еще меньше, чем в тайное место. Но он слишком устал, чтобы спорить с Моррисом об этом. И он думал о другом.

— Значит... Килэй — дракон.

— Полудракон, — исправил его Моррис, и Каэл мысленно ударил себя. Все, кроме него, знали об этом? — Ты бы видел, как она ринулась за тобой. Она предпочитает хранить это в секрете, но порой выбора нет. Так Лисандр и Тельред узнали об этом.

Теперь ему стало интересно.

— Она тоже спасала их?

Моррис кивнул.

— Когда они были младше, они плавали на своем маленьком судне. Маттео приказал им оставаться в бухте, но, конечно, Лисандр не слушал. И однажды их унесло в море. Мы искали часами, стемнело...

— Это очень опасно?

— Айе. Была вероятность погибнуть, а не спасти их, — он прищурился от яркого солнца. — Килэй оставалась в то время в бухте. Когда мы вернулись, она пропала. Но на рассвете они втроем сидели за столом, мальчики были уставшими и обгорели, они сверлили Килэй взглядами, — Моррис улыбнулся и рассмеялся. — Старик Маттео так злился! Он полчаса вопил, а потом решил спросить у Килэй, как она это сделала. Сезеран, конечно, заставил ее сказать. Другим она бы не...

— Сезеран был там? — перебил Каэл, Моррис кивнул. — Вы знали Сезерана Райта?

— Конечно, — сказал Моррис, удивляясь его реакции. — Сезеран и Килэй вместе сражались в войне шептунов. Не знаю, где он ее нашел. Этого не могу рассказать. Но, — он оглянулся через плечо и понизил голос, — они были причиной, по которой мы победили. Они уходили на миссии, а потом мы слышали, что таинственным образом пропадали армии. Не могу доказать, конечно. Но, — он постучал обрубком по щеке, — я знал, что это они.

Каэл понимал без сомнений, что имел в виду Лисандр, когда говорил, что мужчина рядом с Килэй должен был сравниться с ней во всем. Он должен был обладать силой, хитростью, быть опасным.

Он должен быть Сезераном Райтом.

Глава 30:

Бухта Легкой наживы

— Хватит избегать вопроса, парень! Просто скажи.

Каэл не слышал вопроса. Во рту пересохло, язык прилип к нёбу. От жжения в животе руки онемели. Он не знал, злится он или ему плохо. Он был уверен, что Килэй и Сезеран любили друг друга, это было логично и ужасно.

— Что вы спросили? — сказал он, едва выдавливая слова через опухшее горло.

Моррис издал недовольный звук.

— Я спрашивал, говорили ли вы с Килэй. Ты мог говорить с ней, пока она дракон?

Каэл кивнул.

— И как это было?

Он постарался описать картинку, увиденное. Он не упомянул то, что было о Сезеране. Но он думал, что знал, что терзало ее сердце и вызывало слезы. Ее сердце было разбито из-за Сезерана.

Он закончил, Моррис кивнул, словно ожидал это услышать.

— Ага, так Сезеран с ней говорил. Но он был опытным. Хождение в разум опасное, если не знаешь, что делаешь.

Каэл был рад, что может увести разговор от Сезерана.

— Хождение в разум?

— Ветвь исцеления, — объяснил Моррис. — Ты можешь прикосновением входить в разум человека и делиться воспоминаниями или воображением. Полезно для лечения проблем с головой. Через глаза тоже можно, но не стоит. Это очень опасно.

— Почему?

— Сам я не делал, но слышал рассказы... и я видел, что будет, если что-то пойдет не так. Разум — дом с множеством комнат, — он расставил руки, словно объяснял, как строить. — Кто-то сильный в исцелении — Райт, например, — может входить в разум, ходить по нему, как по дому.

— Погодите, — перебил Каэл. — Если я войду в чей-то разум...

— Нет, это слишком опасно.

— Знаю, — он чувствовал раздражение. — Скажем, я вошел. Мое тело влетит в чужой разум?

Моррис рассмеялся.

— Нет, дело в видениях. Твоя душа уйдет туда, тело останется уязвимым. Если его не оставить в безопасности, можно лишиться тела.

Каэл задумался на миг.

— Но это хождение может быть полезным, особенно, если нужно что-то узнать.

Моррис прищурился.

— Да, это может быть полезным. Но этим можно и злоупотреблять. Если знаешь, что делать, можно превратить человека в безвольного раба. То, что ты делал с Килэй, больше напоминало окно: ты видел то, что она тебе позволяла, — он стукнул по груди Каэла. — Дальше не заходи, хорошо? Ты можешь говорить с Килэй, потому что она знает, что делает, но я не хочу слышать, что ты так творил с кем-то еще.

— Хорошо.

Но мысли не успокаивались. Он задумался, каково было бы попасть в разум Аэрилин, Лисандра или Джейка... хотя он боялся того, что увидит в разуме Джонатана. Но идея восхищала его. Он решил, что, если кто-то предложит ему научиться этому, он обучится.

*

Солнце близилось к полудню на следующий день, когда на корабле стало шумно. Каэл настолько затерялся в мыслях, что от шума подпрыгнул.

— Все руки на поручень, — сказал Лисандр, подбегая к корме. — Подумайте, псы, сегодня мы будем обедать с теми, кого любим!

Раздались оглушительные вопли, пираты толпились на палубе. Их вещи висели за плечами, все громко говорили.

— После пяти долгих лет я жду сон в своей постели, — сказал Моррис, поворачивая корабль. Он настоял забрать управление. Вход в бухту требовал навыка. Но Каэл пока не видел ничего, похожего на поселение.

С одной стороны был открытый океан, с другой — огромный остров из камня. Он был похож на гору, поднимающуюся из моря. Камень был белым от солнца, и Каэл видел деревья на вершине, склонив голову.

— Готов? — сказал Моррис. — Будет резкий поворот.

Каэл огляделся.

— Куда? — Моррис кивнул в сторону острова, и он побелел. — Шутите.

— Конечно, нет! В стене трещина. Ты увидишь ее, когда мы повернем. Она небольшая, но я разбил только один корабль, пробираясь туда.

Каэл не знал, шутит он или нет. Но Каэл схватился за поручень на всякий случай.

— Погнали! — Моррис развернул штурвал, корабль застонал. Он двигался быстро, поворачиваясь, избегая камней.

Тень разделяла высокие скалы посередине, чуть шире трещины. Каэл понял, что они мчались туда, что Моррис собирался втиснуть корабль туда. Он схватился за поручень и прикусил губу, поток подхватил их и понес к трещине. Корма скользнула в брешь, он, задержав дыхание, ждал треска дерева... но этого не произошло.

Поток нес их дальше, Аэрилин не успела закричать, и они оказались с другой стороны, в бухте Легкой наживы.

Там был маленький мир, окруженный скалами. Между входом и полоской пляжа было озеро морской воды. За пляжем сгрудились дома, а потом лес тянулся к серой горе вдаль.

Каэл ощутил пустоту при виде деревьев. Он старался не переживать из-за того, что лук разбился, но при виде леса все всколыхнулось. Может, ему стоит попробовать длинный лук. В лесу точно была добыча, она слишком долго мирно жила.

Скругленный край бухты был покрыт камнями, на которых стояло множество домов. Некоторые были низкими и широкими, другие — высокими и узкими. Они были странно построены, словно пираты делали дома из всего, что попало под руку. Он насчитал четыре вида камня, ни один не был того же оттенка, что и скалы, и десяток видов дерева. У одного дома стена была из лилового сверкающего камня.

Разные безделушки усеивали дворы в деревне. В странных местах торчали статуи. В одном дворе была горгулья, что когда-то сидела на замке, а теперь притаилась в саду. В ее открытой пасти была золотая голова короля Кревана, судя по неровным линиям его шеи, он был оторван от большой статуи у двери.

Его высочество был там с другой головой, кто-то поставил на его плечи смеющуюся голову осла.

— Думаешь, это что-то? — сказал Моррис, когда он указал туда. — Посмотри на тот холм, увидишь поместье Взятки!

Поместье было самым большим домом из всех, что он видел. Оно стояло высоко на скале над деревней, разные его части были со своим характером. Одна часть сразу понравилась Каэлу внешне: стены были из темно-красного кирпича, а изгибы окон были закованы в сталь. Он представил, как приятно было там сидеть в тишине.

Они плыли к пристани, и раздался звон колокола, маня жителей из домов своей песней. Они стояли на пляже, прикрывали глаза от солнца и пытались увидеть, какой корабль движется к причалу.

Когда они узнали «Грохочущий якорь», Каэл обрадовался, что они были пока еще не у берега. Иначе он оглох бы от воплей, раздавшихся там. И тут пираты ответили своим ревом. Они прыгали, как дети, стучали кулаками по поручням. Даже Джонатан вопил, радость была заразной.

Они едва успели опустить трап, и пираты побежали вниз. Они мчались к людям, а толпа бежала по песку, и две группы столкнулись где-то посередине.

Жены рыдали и не переставали целовать своих пиратов. Дети прыгали с песка в руки отцов. Сыновья жали руки и пытались сохранять спокойствие, а дочери обнимались и рыдали.

Одна девочка выглядела неуверенно. Она была юной, такой юной, что Каэл сомневался, что она видела своего отца. Она смотрела большими голубыми глазами из-за юбок матери на пирата, который опустился на колени и говорил с ней. Мама подтолкнула ее, и она осторожно шагнула, а потом подняла ручки к мужчине с такими же глазами, как у нее.

Она радостно завопила, папа поднял ее с земли высоко в воздух. Он покружился и прижал ее к груди.

— Идем, Каэл! Я есть хочу! — крикнул Джонатан.

Он оторвал взгляд от толпы и увидел, что все товарищи стоят на пристани и с любопытством смотрят на него.

— Иду, — сказал он и повернулся к Моррису. — А вы идете домой?

— Да. Но я буду недалеко, если что-то понадобится, — сказал он, стукнув его рукой. — Мой дом с бронзовым осьминогом на двери.

Он попрощался с Моррисом и поспешил вниз. Каэл пошел за товарищами по дороге и оглянулся на счастливую сцену позади. Он мог лишь представить себе чувства пиратов, потерявших любимых и вернувших их. Но он надеялся, что однажды и сам познает это чувство.

*

Конечно, большой дом на скале принадлежал Лисандру, но, когда они остановились у большой двери, это их потрясло.

Толпа слуг ждала за ней, потому что, стоило им открыть дверь, как они выбежали оттуда. Они суетились, отвлекали поклонами и реверансами, а потом ушли с их вещами.

— Где они? Здесь? — голос старика донесся из-за двери, а за ним появился и сам старик. Он был одет аккуратно в выглаженные штаны и рубашку. Над широкой улыбкой были ухоженные усы. — Ну, ну, ты все-таки вернулся? — сказал он, идя к ним, опираясь на дубовым отполированный посох. — Что ты сделал с моим любимым кораблем?

— Стоит в гавани, дядя Мартин, — сказал Лисандр.

— Хорошо... потому что теперь я все выскажу! — его лицо стало опасно строгим. — Видишь, что бывает, когда воруеть новью? Когда спешишь за дикими историями и прихотями?

— Это была не прихоть, дядя. Ведьма...

— Я знаю, что она реальна, не о том речь, — дядя Мартин стукнул посохом. — Ты ушел с моим кораблем, отбросил осторожность и убедил множество пиратов отправиться в сердце кошмара. Ради чего? Пары сверкающих побрякушек?

— Девочка не побря... ай! — Лисандр получил удар по груди. Он потер синяк, а дядя Мартин продолжал:

— У тебя есть и всегда была харизма. У твоего отца она тоже была, так он много раз избегал казни. Но, — он поднял трость, и Лисандр в защите скрестил руки на груди, — это нужно использовать на врагах, а не братьях. И не на моем любимом сыне!

— Единственном сыне, — напомнил ему Тельред.

Дядя Мартин склонил голову.

— Да, но все равно любимом, — он повернулся к Лисандру. — Я хотел выжечь у тебя на задку что-то смешное за каждый год отсутствия, но не стану, если поклянешься, что больше не станешь преследовать глупости.

— Хорошо, клянусь, — сказал Лисандр. Он стоял смирно, пока они жали руки, пытаюсь выглядеть достойно. Но он дал дяде Мартину шанс для последнего удара по животу.

Пока Лисандр согнулся и стонал от боли, он склонился и прошептал:

— Кстати, нашел?

Лисандр кивнул, и дядя Мартин взлохматил ему волосы.

— Молодец, — сказал он с широкой улыбкой. Он выпрямился и посмотрел на остальных. — Ого, интересный груз подобрал по пути? Я... Взятка, спаси! Драконша!

Он протиснулся между Джонатаном и Джейком и схватил Килэй за руки.

— Как приятно снова тебя видеть, дорогая, — сказал он, целуя ее ладони. — Хотя я думал, ты вернешься раньше. Семнадцать лет назад я был моложе... и мои глаза видели лучше.

Каэл отметил, что у дяди Мартина тоже была харизма. Редкие в королевстве могли подмигнуть Килэй и выжить, тем более, вызвать ее смех. Но он это сделал.

— Была работа, Мартин, — сказала она, когда он отпустил ее. — Не все могут днями курить трубку и ворчать на повара.

— И не говори. Эта женщина хочет моей смерти. Но, — он поиграл бровями, — я могу сказать, что твой вид вернул ветер в мои паруса.

Джонатан превратил смех в кашель, когда Тельред посмотрел на него. Каэл стукнул его по спине, чтобы выглядело убедительнее.

— Мне представить тебя остальной команде? — сказал Лисандр, прерывая бред который Мартин шептал Килэй на ухо.

Дядя Мартин тут же выражал свое мнение о них. Он говорил Аэрилин все то, за что другой получил бы пощечину. Но от слов дяди Мартина было сложно не смеяться.

— От моей покойной жены наверху остался целый шкаф платьев, можно подобрать подходящее, — сказал он, поворчав перед этим, что ее одежда — помеха для прекрасного вида.

Лицо Аэрилин тут же просияло.

— О, спасибо, дядя Мартин! Не представляете, как я устала носить мужскую одежду. Это просто пытка, — она пронзила Лисандра взглядом.

— Нет проблем. Моя жена всегда говорила, что нет смысла быть женщиной, если нельзя показать фигуру. Конечно, я с ней не спорил. И я всегда говорил, что правило Лисандра не

носить платья на борту — седьмой кошмар королевства! — заявил он, глядя на племянника, тот закатил глаза.

Когда дядя Мартин жал руку Каэла, он тут же посмотрел на его волосы.

— Бедняга, придется найти тебе бритву поострее.

Каэл попытался пригладить вихры, но они упрямо торчали.

— Тут ничего не поделать.

— Можно попробовать эссенцию морского ежа. Я слышал, что некий капитан так укладывает себе волосы, — громко сказал дядя Мартин.

— Нет, — заявил Лисандр. — Я не укладываю волосы, они сами так лежат.

— Конечно, — фыркнул дядя Мартин. — Когда я просыпаюсь, мои усы тоже так выглядят, — он покрутил один край идеального завитка.

Когда пришла очередь Джейка, дядя Мартин вывел его вперед, он пытался скрыться за группой.

— Маг? — сказал Мартин с загадочным видом. — У нас в доме есть комната, непроницаемая для чар. Можешь призвать там дождь, и он не намочит шторы.

Очки Джейка съехали, а брови поползли вверх.

— Да? Где?

— Ха! — рявкнул дядя Мартин. — Не так быстро. Я знаю ваших, уходите в кабинет и сидите там, пока не понадобится выйти за едой. Я не хочу упустить шанс послушать тебя. Посидишь за едой, а потом я скажу, где это. Справедливо?

Джейк кивнул, хоть и с неохотой.

Дальше был Джонатан. Они пожали руки, и Каэл ощутил, как все задержали дыхание. Они думали об одном: если кто и оскорбит хозяина, то только Джонатан.

— Что ты умеешь? — спросил дядя Мартин, скрестив руки.

Джонатан повторил его позу.

— Я плут. Порой играю на скрипке. В последнее время стал исполнять приказы. Но это ужасно.

— Ясно. А какую музыку ты играешь, когда капитан не просит?

Джонатан склонился, словно это была страшная тайна.

— Ту, от которой хочется плясать до упаду!

Дядя Мартин рассмеялся.

— Грубую, да? Я знал, что ты мне понравишься! Сыграй после ужина, я люблю слушать грубую музыку, когда курю трубку.

Джонатан был в восторге, но все остальные стонали вслух. Каэл был потрясен, что кому-то такое нравилось.

Дядя Мартин отпрянул на шаг и помахал им тростью.

— Хватит болтать, пора набивать животы!

И они пошли за ним через дверь.

Глава 31:

Темные дела

Внутри поместье было таким же впечатляющим, как и снаружи. Дядя Мартин оживленно болтал, пока вел их по главному залу: комната была идеально круглой. Она была такой большой, что Каэлу показалось, что тут спокойно жил бы весь Тиннарк.

— Здесь все пираты, что жили в поместье Взятки, — сказал дядя Мартин, указывая на белые статуи, что стояли вокруг. — Они все здесь, от Взятки до Маттео.

— А Лисандр? — спросил Джейк.

— Ах, я сюда не спешу. Статую делают после смерти капитана. Заметил их предметы? С каждым причина его смерти.

Он был прав. Многие капитаны, включая Сэма Взятку, держали сабли. Но были и те чьи смерти наступили по другой причине. Мужчина дальше от Взятки держал в поднятой руке морского змея, впившегося в него клыками. Другой держал кубок в одной руке и бутылку яда в другой. У некоторых не хватало конечностей, в их сердцах были стрелы, или топоры торчали в шеях. Но лицо каждого капитана было благородным. Исключением был Маттео.

Каэла тут же привлекли детали его статуи. Его руки были скованы за спиной, веревка обвивала шею. Его голова была склонена, волны волос выглядели так, словно их трепал ветер. Но живым он казался из-за выражения лица.

Его взгляд впивался в Каэла, глаза говорили все, хоть и казались пустыми из-за белого камня. Может, дело было в изгибе бровей, в морщинах на лбу, рассказывающих его историю. Нет, дело точно было в его ухмылке, его губы изгибались так, что ощущалась его хитрость.

Но, когда Каэл посмотрел на все сразу, лицо Маттео выражало ясно только одно: «Я победил».

— Впечатляет, да? — сказал Лисандр за его плечом так внезапно, что Каэл вздрогнул. — Моррис был на его казни. Он видел лицо моего отца за миг до того, как из-под него выбили бочку. Так он выглядел в конце.

Каэл едва осознавал это.

— Моррис вырезал это?

Лисандр ухмыльнулся и стал напоминать отца.

— Это было последним, что он сделал перед... ты понял.

Нет, Каэл не знал, что случилось с Моррисом, он не решился задать вопрос. Но теперь он знал, на что был способен Моррис, и это злило его. Он злился на Судьбу. Он думал, как было больно видеть, какую красоту можно вырезать из каменной плиты, но не мочь оживить ее.

Он представлял это ужасное ощущение, это было хуже тысячи сломанных луков.

— Я думал, твой отец умер в Шепчущей войне, — сказал Джонатан, нарушая долгое молчание после слов Лисандра.

— Да, — ответил дядя Мартин. Он улыбнулся из-за смятения Джонатана. — Не этого ожидал, сэр скрипач? Может, думал, что он умер с мечом в руке? Война не закончилась с последним сражением. Из-за червя-короля... — ярость проступила на миг на его лице, опалив его щеки, а потом он скрыл это улыбкой. — Но ничего. Важно то, что Маттео умер, сражаясь за то, во что верил. Он был не на поле боя, но это все еще смерть воина.

Тяжелая тишина последовала за его словами. Она висела в воздухе, как туча, пока Аэрилин не сказала:

— А были капитаны-женщины?

Дядя Мартин обрадовался, что тема стала веселее.

— Боюсь, что нет. По крайней мере, официально. Хотя у меня были сомнения насчет Слейна Безликого.

Он кивнул на статую, что была тоньше остальных. Капюшон накрывал его голову, кусок

ткани был повязан на его лице, и было видно только глаза. Языки огня лизали его ноги, касались ладоней смело раскинутых рук.

— Многое в Слейне заставляет меня думать, что это была скрытая женщина, — отметил дядя Мартин.

— Например? — Аэрилин шагнула ближе, чтобы рассмотреть.

— Говорят, что после убийства капитана Загадки его дочь ушла горевать в лес... и не вернулась. Три дня спустя появился Слейн и сказал, что хочет дуэль за капитанство.

— И он победил?

— Айе, но он всегда использовал лук, больше подходящий для женщины.

Килэй подавила смех, Каэл ткнул ее локтем.

— Что случилось со Слейном? — сказала Аэрилин громче них.

Дядя Мартин рассмеялся.

— Он заявил, что будет ходить с шарфом на лице из-за заклятия ведьмы. Знаете, как он погиб? От огненного удара Ведьмы из Вендельгримм! Превратился в пепел, — он коснулся пальцем носа. — Говорят, Судьба не терпит обмана, и в этом случае Слейн — если это была дочь Загадки — обманула и отказывалась выдавать сущность. Как по мне, так над ней посмеялась Судьба.

Джонатан подошел, закатывая рукава по пути.

— Думаю, есть только один путь разгадать тайну! — он отогнал с дороги Аэрилин и вытянул руки, его пальцы шевелились, он сосредоточенно хмурился. А потом он бросился... и схватил Слейна за мраморную грудь.

Дядя Мартин и Лисандр расхохотались. Джейк покраснел. Килэй зажала рот рукой, скрывая улыбку, Тельред вскинул бровь.

— Убери от нее руки! — завизжала Аэрилин, ударяя его по голове.

Джонатану пришлось убрать руки, чтобы защититься от ее ударов.

— Хорошо, хорошо! Мы даже не знаем, женщина ли это, — он отвернулся от нее, нашел дядю Мартина и губами произнес: «Женщина».

— Ах, оставим это, — сказал Лисандр, Аэрилин не успела разойтись.

— Хорошо, — согласился дядя Мартин, посмеиваясь. Он указал тростью на потолок, где изящная витая лестница спускалась из большой дыры в центр комнаты. — Ваши комнаты наверху. Определенного времени нет, можете приходить и уходить, когда пожелаете. А теперь идемте, нам нужно многое посмотреть!

Он не шутил. К счастью для урчащего желудка Каэла, дядя Мартин не устроил им полную экскурсию, но быстро провел их по множеству коридоров. Он кратко комментировал по пути.

— В этом коридоре семь дверей, — сказал он, пока они шли по проходу, стены которого были выкрашены в красный. — Не спрашивайте, почему так. Наш друг боевой маг будет рад узнать, что за одной из этих дверей — комната для чар. Но я не скажу, в какой!

Джейк посмотрел на дверь, что обгорела так, что от ее открываний на полу остался след черной сажи.

— Даже сложно догадаться, — сухо сказал он.

В конце концов они добрались до дверей в конце коридора, дядя Мартин остановился.

— Это моя вторая любимая комната в доме — столовая! — он открыл двери.

Стол был длинным, как небольшое судно, и полным еды. Пахло мясом так вкусно, что Каэл сглотнул. А потом он увидел и горы фруктов, свежих овощей, золотистого хлеба, сыра и

десяток других блюд, которые ждали, чтобы их съели.

— Как красиво, — сказала Аэрилин, Каэл хотел согласиться, но понял, что она говорит не о пире.

Если бы он не был ослеплен голодом, то заметил бы, что дальняя стена комнаты была сделана из стекла, тянущегося от пола до потолка. Снаружи под белыми утесами блестел океан. Маленькие рыбацкие лодки плыли на волнах, выгаскивали сети, полные морской живности.

— Я тоже всегда так думал, — сказал дядя Мартин, встав рядом с ней. — Это стекло должно было попасть в зал короля Банагера, но корабли не доставили его.

— Потому что вы их грабили, — сказала Аэрилин, стараясь выглядеть строго.

Дядя Мартин фыркнул.

— Я бы отпирался, но это так. Я его украл. И, хоть брат был не рад, выбил тут стену и вставил стекло.

— Почему Маттео был против? — спросила она.

— О, говорил, что это небезопасно, — сказал он, отмахнувшись.

— Не совсем, — лицо Джейка покраснело, когда все посмотрели на него. — Просто его легко разбить. Даже камень сможет. И тогда можно выпасть оттуда, — он посмотрел на острые камни внизу, — и умереть.

Дядя Мартин скрестил руки.

— О? Почему тогда это не исправить?

Джейк опешил.

— Сэр?

— Да, маги умные. Сделай его неразрушимым, если оно такое опасное.

— Но я боевой маг. Защитные чары для дома — не мой профиль.

— Так придумай их. Нет, я решение принял, — дядя Мартин не дал Джейку возразить. — Я хочу, чтобы ты зачаровал это окно, можешь начать немедленно.

Джейк запретил себе возражать, схватил немного еды со стола и выбежал за дверь.

— Мне сказать, где комната для чар? — крикнул вслед дядя Мартин.

— Нет, думаю, я понял. Спасибо.

— Странные эти маги, — сказал дядя Мартин, когда он ушел. — Клянусь, они счастливее всех, когда их окружает гора книг. А теперь, — он хлопнул в ладоши, — приступим к еде!

Дядя Мартин рассадил их и, конечно, оказался между Аэрилин и Килэй. Как только они сели, двери кухни открылись, выбежала стайка служанок. Они наполнили стаканы водой и кубки вином, разложили белые салфетки и налили соус, где это требовалось.

Каэл уже ел добавку свинины, когда Килэй закрыла квадратом ткани его рубашку спереди. Она хотела смеяться и стонать из-за количества жира на его растерянном лице.

— Это салфетка, — объяснила она.

— И что это значит?

— Это щит для твоей одежды, если еда начнет отбиваться.

Он думал, что салфетки — это смешно. Но она могла завязать ему глаза шарфом, и он не возражал бы, пока не трогали его рот.

— Почему ты не ешь? — спросил он, заметив ее пустую тарелку.

— Повар готовит ее любимое блюдо, — дядя Мартин смахивал крошки с усов. — Оно должно... ах, вот и оно!

Служанка вышла, и ее руки дрожали от веса тарелки, что она несла. Килэй забрала блюдо на половине пути и принесла себе. Пять кусков мяса лежали на ней. Когда она разрезала их, оттуда поднялся пар, внутри было мраморное розовое мясо.

— Что это? — спросил Каэл. Запах такого мяса он не знал.

— Говядина, — сказала она. — Странно для меня есть домашний скот, но я не могу удержаться. Вот, — она отрезала кусок и положила на его тарелку.

Аэрилин встревожилась.

— Ты же не будешь это есть?

Он собирался. И говядина уже летела в его рот.

— А что не так?

Она с отвращением сморщила носик.

— Оно же сырое! Только варвары едят сырое мясо.

Вилка Лисандра звякнула о тарелку, и вдруг этот звук оказался единственным в зале.

— Как ты посмела, — рявкнул он.

— Я не так хотела сказать, — возразила Аэрилин. — Я только имела в виду...

— В королевстве хватает невежества и без твоей помощи, — продолжил он, поднимаясь. — Я думал, ты поняла...

— Я понимаю! — закричала Аэрилин, тоже вставая. — Она знает, что я не так хотела сказать. Я не имела в виду ее...!

— Просто ее вид? Остальных?

— Хватит. Сядьте, — рявкнула Килэй.

Они напряженно сели, пронзая друг друга взглядами.

Килэй направила нож на Аэрилин.

— Хватит спорить. Ты знаешь, что сказала. А ты, — она повернула нож к Лисандру. — Не нужно все пустяки доводить до драки. У меня толстая кожа. Я не побегу рыдать в комнату из-за каждого обзывательства, в отличие от некоторых.

Аэрилин была на грани, но склонила голову.

— Это я заслужила.

— Точно, грязная торговка, — улыбнулась Килэй. Она ткнула Каэла локтем. — Попробуй.

Он так и сделал. И ему понравилось, хоть говядина и была сырой.

— Не знаю, что нынче не так с женщинами, — проворчал дядя Мартин. — Наверное, дело в войне и беспорядках, но это сделало их слишком... покладистыми. Когда мы с Маттео были парнями, можно было пробраться на благородный бал и заставить девушек драться, — рассмеялся он и вытер салфеткой уголок рта. — Это идеально отвлекало. Две величавые дамы катаются по полу и царапают друг другу лица... Это останавливало любой бал. А пока их пытались разнять, мы с Маттео забирали серебро...

Остаток вечера они делились историями. Дядя Мартин воспевал дни своей молодости, пока Лисандр не описал ему драматизированную версию их боя с Ведьмой.

— И Каэл рвал цепи, словно это были просто водоросли...

— погоди, — дядя Мартин серьезно посмотрел на него, склонившись. — Рвал чары? Ты мне чего-то не рассказал?

— Не притворяйся, Мартин, — сказала Килэй, делая глоток из стакана. — Ты прекрасно знаешь, кто он.

Он не сводил сияющих глаз с Каэла.

— Так это правда? Я подумывал об этом, — он невольно посмотрел на волосы Каэла. — Я годами не садил шептуна за стол, — он поднял кубок в воздух. — Твое здоровье!

Каждые пару минут им приходилось откладывать вилки, чтобы дядя Мартин произнес тост. Он отмечал так хороших друзей, интересный разговор, героизм и теплых хлеб. Солнце начало садиться, и он поприветствовал тостом вечер.

— Где вы все это нашли? — спросил Джонатан. Он умудрялся есть уже четвертую порцию картофеля.

— За глупость лорда Гилдерика, — заявил дядя Мартин, подняв бокал. — Если бы он не совершил серьезную ошибку, перевозя вещи по морю, мы бы так не пировали!

Даже Каэл выпил за это.

Солнце было уже низко, забирая свет, и служанки прошли в комнату и расставили на столе множество свечей. Лисандр ждал, пока они уйдут, а потом сказал:

— Почему я не узнаю ни одну служанку? Они так сильно изменились?

Дядя Мартин сморщил нос и аккуратно сложил салфетку в центре пустой тарелки.

— Многие, кого ты знал, уже замужем. У них есть дома и дети, за которыми нужен уход. А почти всех парней мы делаем пиратами.

— Но он прав. Я никого не узнаю, — сказал Тельред. — Когда мы уходили, слуг было несколько. А теперь у тебя словно по слуге на каждую комнату.

Дядя Мартин посерьезнел, тревога проступила на его лице.

— Темные вещи творятся в королевстве. Очень темные.

— Какие? — не отступал Тельред.

— Темные, — в бледном свете свечей лицо дядя Мартина вдруг стало выглядеть на сто лет старше. — Год назад мы ограбили одно из личных суден герцога. Бой был тяжелым, мы бросили тела за борт и пошли проверять груз под палубу. И мы увидели груз, помеченный как скот, его везли в Бесконечные долины... только мы нашли не коров или овец. Там были люди, закованные в железо и с метками для продажи. Мы находили еще три таких корабля, — он кивнул на кухню. — Большая часть новеньких оттуда. Их разделили с семьями, но я не смог выбросить их. Я мог хотя бы дать им работу и крышу над головами, пока ситуация не наладится.

Долгая и тяжелая тишина последовала за его словами. А потом из тени раздался голос Тельреда, он шипел, словно не дышал.

— Рабы?

Дядя Мартин кивнул.

— Темные дела, я же говорю.

Лисандр молчал. Его лицо так исказилось, что Каэл подозревал, что ураган ударил бы по окну, если бы он все еще был проклят.

— Но у нас есть план, — напомнил ему Каэл. — Мы положим этому конец.

— Ты прав, — сказал Лисандр через миг. Он глубоко вдохнул и схватил кубок. — За свободу! — он выпил до дна.

— Точно, — дядя Мартин поддержал его. — Думаю, нужно закончить все кусочком пирога. Бимпли!

Он сказал это так, что Каэл подумал, что это ругательство. Но потом пухлая женщина вышла из кухни и поспешила к их столу.

— Вызывали? — сказала она.

Лисандр вскочил на ноги и чуть не раздавил ее в объятиях.

— Дорогая миссис Бимпли, как же я скучал по вашей еде! Хотел бы я вас к пиратам. Хороший кок делает путешествие короче.

Она покраснела и оттолкнула его.

— Я тысячу раз говорила, капитан, что корабль — не место для такой старой женщины, как я.

— Точно, точно, — вмешался дядя Мартин. — Но после этого темного разговора мы бы хотели пирог. Может, шоколадный и послаще?

Миссис Бимпли нахмурилась и уперла руки в бока.

— Вы же знаете, что вам нельзя пироги, мистер Мартин. Это плохо для вашего сердца.

— Для моего...? Лисандр, я живу в подземелье. Каждый день она находит новую пытку, — он пронзил миссис Бимпли взглядом, она пораженно выдохнула.

— Я никогда...

— Не дает пирог, — громко говорил дядя Мартин, постукивая тростью по столу. — Забирает мои запасы печенья — все двенадцать! И, — он прищурился, — убирает жир из мяса. Как тогда мужчине набираться сил? Кошмар!

— Простите, что я забочусь о вашем здоровье, — сказала миссис Бимпли сквозь поджатые губы. — Едой вы загоните себя в могилу, как ваш отец.

Дядя Мартин погрозил ей тростью.

— Не вмешивайте сюда папу. Я выиграю в нашей войне, Бимпли. Пирог!

Она хотела возразить, но Лисандр остановил ее.

— Это не стоит кровавой бани, — тихо сказал он. — Он получит приступ, вопя из-за десерта.

Мисси Бимпли вскинула руки и ушла на кухню. Через пару мгновений она вернулась с подносом, что чуть не прогибался от веса шоколадного пирога.

Дядя Мартин, торжествуя, рассмеялся и сунул салфетку под подбородок.

— Ах, мой любимый. Помню, Килэй нравятся крайние кусочки. Я возьму серединку. Хочу как можно больше сахара сверху!

Каэл не знал, сможет ли сунуть в себя еще больше еды, желудок мог начать отпираться. Мясо приятно утяжеляло его, от тепла слипались глаза. Пока остальные спорили из-за пирога, он направился в свою комнату.

Он взбирался по витой лестнице и чуть не упал, когда из тени вышла служанка и сказала:

— Ваша комната здесь, господин Каэл.

— Спасибо, — пробормотал он, следуя за ней.

Большая кровать у окна занимала большую часть комнаты. Камин захватил почти целую стену. Маленький шкаф стоял в стороне, в другом углу притаилась кадка. Пар лениво поднимался над водой, и Каэл вдруг понял, каким он был грязным.

— В шкафу запасная одежда, если понадобится, — сказала служанка, взглянув на его ужасно запачканную рубашку. — Сообщите мне, если потребуется что-то еще.

— Хорошо, — он повернулся к воде, но ощущал на себе ее взгляд. — Что?

Он была юной, примерно его возраста, и когда он заговорил, ее щеки порозовели.

— Прошу прощения, сэр. Но служанки с кухни не врут? Вы убили ведьму из Вендельгримм?

Что-то в ее взгляде вызывало у него волнение. Он провел рукой по волосам.

— Видимо, да. Мой кинжал попал в ее сердце, но мне многие помогали, — добавил он,

когда она вскрикнула.

— Вы — настоящий герой, — она сжала ладони перед собой и улыбнулась так, что Каэл отпрянул на шаг. — Я никогда не встречала героев.

— Я не герой, — рявкнул он, надеясь, что это ее испугает. Не испугало.

Она захихикала и посмотрела на него.

— Ну... дайте знать, если вам что-нибудь понадобится, господин Каэл. Что угодно.

— Хорошо.

Она ушла, и он выдохнул с облегчением. Он снял рубашку и сапоги, когда в дверь постучали.

— Да? — сказал он, надеясь, что это не странная служанка.

— Это я. Зачем ты запер дверь? Ожидаешь нападение?

— Можно и так сказать, — пробормотал он и впустил Килэй. Ее руки были за спиной, она вскинула брови при виде него. — Что такое?

— Ты ворчливее обычного, — хмуро сказала она. — Я только пришла сказать, что у меня есть кое-что для тебя, — она показала ему, что скрывала.

Там был лук, но такой он никогда не видел. Дерево было грубым и серым от возраста. Там, где прикреплялась тетива, торчало три коротких прутика, словно создателю было лень их убрать. Кожаное место для захвата потрескалось от лет грубого использования. Странные завитки покрывали всю поверхность. Он представил, как предыдущий владелец вырезал их: может, солдат успокаивал руки перед боем, или рыцарь считал победы.

Он взял его и поразился легкости. Каэл натянул тетиву и удивился тому, как она без сопротивления дотянулась до его подбородка. Лук не выглядел как королевский, но тот, кто его сделал, знал свое дело.

— Где ты это нашла? — сказал он, снова натягивая тетиву.

Она пожала плечами.

— В Вендельгримм, конечно. Я знала, что ты ничего себе не возьмешь, так что порылась в сокровищнице и нашла то, что могло тебе понравиться.

Она дала ему то, за что он не мог отплатить. Он только разобрался с долгом Лисандру и не хотел влезать в новый.

— Я не могу его принять, — сказал он, протягивая ей лук. Она не забрала.

— Не смей, я не умею его использовать. И Предвестник будет ревновать, если при мне будет другое оружие, — улыбнулась она. — Просто возьми. А я пойду и посмотрю, не съели ли Мартин мой пирог...

— погоди, — Каэл прищурился. — Ты не ешь овощи, потому что это еда добычи. Но ты ешь десерты?

— А что не так?

— Ничего. Просто не знаю, кого придется хоронить первым — тебя или дядю Мартина.

— Умно, — ее взгляд был скорее насмешливым, чем раздраженным. — Думаю, я на пару лет его обгону. Мойся уже, шептун.

— Откуда ты знаешь, что я собирался мыться?

Она вскинула брови, взгляд задержался на его груди. И Каэл вспомнил, как обнажен он был.

— Не прикрывайся, — сказала Килэй со смехом, убирая его руки. — Ты меня не смутил.

— Конечно! У меня бледная кожа, ребра торчат отовсюду, что еще? О, да, — он боролся. — Дурацкая кровавая метка, из-за которой я в списке на казнь, — прошипел он, и

она рассмеялась еще сильнее. — Пусти!

Килэй послушалась, и он чуть не упал.

— Ладно, господин Каэл, — сказала она с реверансом. — И знай, ты мне ничего не должен. Мы квиты.

— Что? Почему?

Она замерла на пороге и с озорной улыбкой посмотрела на его грудь. Он бросил в Килэй рубашкой, но она пригнулась и пропала в коридоре. Через пару мгновений он подумал, что она ушла. Каэл пошел закрыть дверь и услышал, как она громко свистит в тенях.

— Уходи! Я и не знал, что драконы могут быть назойливыми! — он захлопнул дверь, пока она смеялась, запер на засов и полез в воду.

Порой она вела себя глупо, и Каэл этого не понимал. Почему ей так нравилось смущать его? Почему она постоянно шутила и мучила его? Почему... почему?

Он оттирал грязь и сгонял все чувства в гнев, потому что с ним было проще справиться.

Глава 32:

Раскрытый план

Неделю Каэл мог просыпаться, когда хотел, и решать, каким будет его день. Почти все время он исследовал поместье, заглядывал во все комнаты и коридоры.

Он нашел тренировочный зал в первое утро, там было несколько мишеней в форме тел, он часами набивал их стрелами. Новый лук ему нравился, он легко выполнял все его команды. Наверное, дерево размял предыдущий владелец, и теперь оно так легко гнулось. Он мог выбрать точку — глаз, руку, определенный кусочек мишени — оставалось представить выстрел, и стрела оказывалась там.

Когда мишени были так сильно натыканы стрелами, что из них вылезал наполнитель, он перешел в другую комнату.

Огромная библиотека стала ему любимым укрытием. Она была в два этажа с большой лестницей, что спускалась к узорчатому ковру. Он проводил часы в одном из многих широкий мягких кресел, читая стопки книг, которые выбирал сам. Хотя его интересовали древние цивилизации, шахты и истории великанов, он ничего не находил по самой интересной теме: о драконах.

До того, как они прибыли в бухту, он собирал вещи и заметил, что «История чешуи» пропала. Сначала он подумал, что Джонатан в шутку спрятал книгу. Но тот отрицал, и Каэлу пришлось продумать другие варианты. Лисандр клялся, что не трогал книгу, даже позволил обыскать его каюту. Ноа не интересовали книги. Он читал только надписи на картах.

— Спроси Килэй, — говорил Лисандр, глядя, как Каэл в третий раз роется на полках. — Уверен, она все тебе расскажет.

Он уже думал об этом и уже пытался. Но Килэй ничего не рассказывала.

— Почитай, раз тебе так интересно, — рявкнула она за ужином.

— Я потерял книгу, — процедил он. — Если ты могла бы просто ответить...

— Нет, потому что один вопрос приведет к другому, и мне весь вечер придется говорить об этом, — возразила она. — Думаешь, ты первый спрашиваешь мою историю? Великие небеса, людей было несметное множество!

— Почему бы не рассказать им?

Она расправила плечи.

— Потому что мне не нравится их взгляд.

— Взгляд?

— Да. На меня смотрят, как на существо под стеклом. А я не хочу быть... экспонатом, — она встала и ушла, забрав с собой тарелку.

И Каэла терзало это все время.

А потом он нашел библиотеку поместья, надежда вернулась. Среди тысяч книг точно была хоть одна о драконах.

Он проверял каждую полку, забирался на лестницы, чтобы добраться до вершин, лазал на четвереньках у низких полок. Это выводило из себя, но он не сдавался.

Порой он добирался до секции, и его сердце колотилось. Он водил пальцами по корешкам, читал в спешке их названия.

Догма, доски... друиды.

Там, где должны были находиться драконы, было пустое место и след пыли — кто-то забрал книгу с полки. Он знал, кто это был. Килэй.

Но, пытаясь помешать ему узнать, она только разжигала огонь. Теперь он был уверен, что она что-то скрывает. Он хотел узнать, что именно. Она не могла забрать все книги. Она могла одну упустить, и он искал эту книгу.

Каэл был на лестнице, пытался прочитать корешки вдали, когда пришел Лисандр.

— Я так и думал, что ты здесь.

Каэл вздрогнул, лестница поехала на своем механизме, он чуть не свалился.

— Нельзя просто врваться и орать на людей! — бушевал он, спускаясь.

— Мне ужасно жаль, — сказал Лисандр, хотя выражение лица говорило об обратном. — В следующий раз я вытру ноги о коврик. Есть минутка?

— Да, — хмуро сказал Каэл.

— Отлично, — Лисандр встретил его у лестницы и понизил голос. — Прибыли мои информанты, помнишь я говорил о них?

— Из круга герцога? Да.

— Что ж, — он понизил голос еще сильнее, — мы не друзья, я не могу сказать, что доверяю им настолько, чтобы поведать о твоих... умениях. Так что я представляю тебя как стратега. Что думаешь?

Каэл не успел подумать, Лисандр стукнул кулаком по его груди и заявил:

— В комнату переговоров!

*

В комнате переговоров не было окон, почти не было украшений. Свет исходил от ламп на стене. Они висели криво, огонь поедал свечи под углами, воск стекал на дно. Пахло жжеными фитильками и старым пергаментом. Несколько кресел с высокими спинками окружало древний стол, они выглядели строго, словно здесь наказывали.

Каэл не сразу привык к тусклому свету, но моргнул пару раз и заметил мужчину у камина. Он был высоким, с широкими плечами и аккуратной бородкой. Его лицо выглядело идеальной парой для этих строгих кресел.

— Это Чосер, один из самых выдающихся работников герцога, — сказал Лисандр. Каэл пожал его руку, но не понимал, рад ли Чосер встрече. — А это Гейст.

Он повернулся в сторону кивка Лисандра и чуть не врезался в мужчину по имени Гейст. Он был низким и... Каэл не знал, что в нем необычного, чтобы он запомнился.

— Очаровательно, — сказал Гейст. Но он выглядел не радостно, а скучающе.

— У Гейста много, кхм, талантов, — сказал Лисандр, словно не знал, как лучше его описать. А потом он представил Каэла как стратега, не дождался реакции мужчин и пригласил их сесть.

— Признаюсь, я удивлен, что вы все-таки ответили на мое письмо, — сказал Чосер, сев. Для такого крупного мужчины он двигался очень легко. Его кресло даже не скрипнуло, когда он сел.

— Я был занят, — кратко сказал Лисандр.

Чосер ухмыльнулся.

— Я слышал интересные новости. Коппердок снова в строю. Похоже, Ведьма из Вендельгримм побеждена, да еще и бандой грязных пиратов.

Лисандр фыркнул.

— Вряд ли они были грязными, да и вообще пиратами. Где вы это слышали?

— У меня свои источники, — сказал Чосер. Он смотрел на Лисандра, как ястреб на добычу.

Они могли играть в гляделки часами, но Каэл не хотел тратить весь день в комнате без окон с этими людьми. Он пытался ускорить разговор.

— Хочу узнать, зачем это вам? Я знаю, что хотим получить мы с Лисандром, но зачем работнику герцога и... не знаю, идти против Реджинальда?

— У меня нет никакого интереса, — сухо сказал Гейст, и Каэл ему поверил.

— Зачем? — Чосер произнес это так, словно вопрос был невероятно глупым. — Я скажу, здесь нет хитростей. Я — торговец, таким был мой род, но мне не дают торговать. Сначала было заманчиво купить все корабли в Высоких морях и поднять цены до небес. Но теперь у нас все золото и хлеб. Что нам делать? — он упер локоть в стол и сжал кулак у головы. — Герцог использует нас, чтобы мы гнали его корабли по морям, доставляя груз, как он скажет. Мы больше не торговцы, мы его курьеры. Без герцога мы вернем себе достоинство. Вот причина.

Чосер ни разу не упомянул, что герцог поработал людей Великих морей. У него было все золото в регионе, теперь ему было скучно. Каэл хотел потянуться через стол и выбить все зубы из его напыщенной головы.

— Все равно мы благодарны за поддержку, — сказал Лисандр, с предупреждением глядя на Каэла. — Остальные помогут?

Чосер едва заметно кивнул.

— Многие того же мнения, что и я. Некоторые — нет, но... я о них позабочусь.

— Хорошо, — Лисандр повернулся к Гейсту. — У вас есть карта?

Он вытащил большой свиток бумаги из складок плаща и отдал его.

— Он работал над этим месяцами, — сказал Лисандр, разворачивая пергамент на столе.

Каэлу было сложно поверить, что мужчина, со скукой смотрящий на стену, мог так долго уделять внимание карте. Но там были планы: каждая комната была нарисована подробно, вся мебель в них была изображена. Окна шли с отметками про высоту и ширину, на входах были пометки с количеством замков. Сбоку он даже добавил, когда меняются стражи.

— Отлично, — Лисандр хлопнул в ладоши так громко, что Чосер вздрогнул. — Теперь осталось продумать путь внутрь...

Часы спустя свечи догорели до половины, а они все еще не придумали, как пробраться в крепость герцога. Она была на каменистом острове, вокруг был океан. Они хотели напасть с моря, но быстро поняли, что, если их заметят, боевые маги герцога взорвут их корабль. Чосер отметил:

— Волны не такие высокие, чтобы за ними скрыться.

Они подумывали прийти по суше с помощью моста длиной в милю. Но Чосер сказал, что мост вот-вот сожгут, и они отбросили эту идею.

— Он дождетсЯ, когда вы будете на середине, и подожжет его. Не думаю, что пираты бегают быстрее огня.

Лисандр потирал лоб и смотрел на него.

— Это как понимать?

Чосер пожал плечами.

— Может, врываться — не лучшая идея. Разве воры не предпочитают резать глотки и бить в спину ножами?

— Это не вам говорить, — парировал Лисандр и повернулся к карте. — Должен быть способ... какой-то вариант мы упустили.

— Можно отрастить крылья и полететь, — пробормотал Чосер, ставя сапоги на стол.

— Отлично, я найму катапульту, — с сарказмом сказал Лисандр. — Не уберете ноги со стола, полетите из нее первым.

Чосер ухмыльнулся, закинул руки за голову, но ноги не убрал.

— Только быстрее, ладно? Через две недели у герцога бал, не хочу опоздать.

— Погодите... бал? — Каэл помешал Лисандру возмутиться. — В честь чего?

— Власть, — протянул Чосер. — Ему нравится заставлять всех работников выходить из укрытия ради бала. Чтобы бы плясали, как идиоты, пока он сидит на троне и помыкает нами.

Каэл ощутил, как что-то лопнуло в голове. Спутанная информация начала выстраиваться, и вопрос, как попасть в замок, начал решаться.

— На что похож этот бал?

— Похож? — Чосер фыркнул. — Тебе когда-нибудь ударили раскаленной кочергой по...

— Серьезнее, — сказал Гейст, и это были его первые слова.

Чосер вскинул брови, но, что странно, не спорил.

— Хорошо. Это ночное развлечение с кучей еды и напитков...

— И танцами?

— Да...

— Приглашают еще кого-то, или только работников?

Чосер нахмурился.

— Много вопросов, щенок.

— Отвечай, — сказал Гейст, Чосер нетерпеливо помахал рукой.

— Отвечу! Если будут танцы, должны быть и дамы. И герцог требует, чтобы мы приводили жен и детей. У меня никого нет. Знаешь, что это значит? Я буду танцевать с самыми страшными...

— А стража?

— Конечно, там есть стража! Ты тупой? — Чосер опустил сапоги со стола и опасно склонился. — Стража всюду, на каждом этаже. Они вдоль всех стен, они в коридорах. Если тебя поймают там, где нельзя было лазать, то остаток бала ты проведешь в подземельях, где тебя будут пытать. Забавно звучит, щенок? Хочешь приглашение?

— Вообще-то, да.

Для него все было очевидно. Каэл не понимал, как не додумался раньше. Он снова все обдумал, чтобы убедиться, что правильно воспринял. Он смотрел, как разворачивается его план, но ничего не слышал, ни звука. Ни рева Чосера, ни воплей Лисандра. Ничего.

Сценарии поглотили его, возможности затмили уши. Когда он стал уверен, он вернулся в хаос реальности.

— У меня есть идея.

После потрясенной паузы первым заговорил Гейст. Он сцепил пальцы и сказал:

— Я знал. И мне очень интересно тебя послушать.

Глава 33:

Безумие

Когда Каэл закончил объяснять план, Лисандр потрясенно выдохнул.

— Чистое безумие, — бормотал он. Но задумчиво тянул за бородку, улыбка становилась шире. — Безумие.

— Забавно, — фыркнул Чосер и повернулся к Каэлу — А если герцог покинет зал? Если пойдет наверх и поймают вас в коридорах?

У Каэла был ответ на любой его вопрос. Он уже все обдумал, с каждым его спокойным ответом Чосер все сильнее раздражался.

— А если все провалится? — выпалил он, лицо от ярости покраснело. — Если сама Судьба решит, что этому не быть?

— Масло и дым, — Лисандр отмахнулся. — Судьба на нашей стороне. Если нет, значит, этому и не быть. В общем, — он не дал Чосеру вмешаться, — ваша роль не раскроется до конца. Герцог не узнает, что вы его выдали, пока мы не схватим его. Не переживай, торговец, ты в безопасности.

Лицо Чосера медленно возвращало нормальный цвет.

— Хорошо, — сказал он через миг. Он встал и накинул плащ на плечи. — Я готов играть роль. Быстрее, мне нужно написать гору писем.

Лисандр постучал по двери, вошли двое пиратов. Один из них нес грубого вида мешок. Оба опасно улыбались.

Чосер закатил глаза.

— Капитан, сколько мне еще терпеть это унижение? Вы не собираетесь доверять мне?

Лисандр криво улыбнулся.

— Собираюсь. Когда моя борода станет лиловой, я скажу тебе, где ты. Но пока... — он махнул пиратам, они затрясли мешком

— Не понимаю, зачем меня ослеплять, — скулил Чосер. — Почему не тебя?

Он указал на Чосера, но от низкого незаметного мужчины осталось только пустое кресло. Во время их разговора Гейст просто... исчез.

— Вот почему, — торжествуя, сказал Лисандр. — Надевайте мешок.

Пират шагнул и накинул мешок на голову Лисандра, пока тот ругался. Они довели его до двери, и он развернулся и указал пальцем в сторону Каэла.

— Я хочу, чтобы ты знал, щенок...

— Он слева, — сказал Лисандр, и Чосер повернулся к пустой комнате.

— Если этот план провалится, я плакать на твоей казни не буду, — продолжил он,

угрожающе потрясая пальцем на стол и стулья. — Я сам принесу топор, — он повернулся... и врезался в дверной косяк.

— Ах, да, осторожно. Уведите его, псы. И не бросайте в лодку! — добавил строго Лисандр.

Они ушли, Каэл собрал карту и вышел в коридор, голова кружилась от того, что он должен был сделать.

Лисандр побежал за ним.

— Что теперь? Стратегии? Ловушки? Тренировка лучников?

— Нужно поговорить с Аэрилин, — пробормотал он, надеясь, что это на миг остановит его. Так и вышло.

— Аэрилин? — сказал он, и Каэл слышал тревогу в его голосе. — С нашей Аэрилин? Зачем?

— Идемте, я все объясню на месте.

*

Они не сразу нашли ее. Аэрилин оказалась в одной из самых высоких частей поместья, она издевалась над большим холстом кистью с ужасным цветом краски.

— Что думаете? — сказала она, восторг было видно за пятнами синей краски на лице. — Дядя Мартин сказал, что у меня есть талант.

Талант превращать красивый вид в кошмар. Под мазками Аэрилин белые скалы бухты растаяли в море, обрушились в волны, что ждали их, и у волн были слишком острые вершины. Вершины деревьев у нее были зелеными пятнами, а облака словно съели то, что не переварилось.

— Мило, — сказал Лисандр, шагнув ближе. — Прекрасно. Нужно выбить окно и повесить картину там.

Аэрилин порозовела и сунула кисть в ближайшую чашку.

— Не смейся. Холст не удержит дождь.

— Может, в солнечные дни...

— Нам нужна твоя помощь, — быстро сказал Каэл, пока разговор не ушел слишком далеко. — Мы придумали, как свергнуть герцога.

Аэрилин выдохнула, и Каэл вспомнил, что ей никто об этом не рассказал.

— Вы с ума сошли? — прошипела она.

— Тебе не нужно ничего делать. Но мы могли бы использовать...

— Нас всех казнят или запрут навеки! — взвыла она, впиваясь в фартук. — Я не выдержу пребывание вдали от солнца.

— Тебе не нужно помогать, — тихо напомнил ей Лисандр.

Она смотрела на него так, словно он наступил ей на ногу.

— Нет, я собираюсь помочь. Реджинальд полностью уничтожил мой регион. Из-за него голодали мои люди, уважаемые семьи стали бедными. Я не буду терпеть его правление и дальше!

— Хорошо, — прервал их Каэл. — Ты хочешь помочь, и нам нужно...

Когда он закончил, страхи Аэрилин пропали. Она хлопнула в ладоши и заявила:

— Отлично! Реджинальд сам будет виноват в падении. Это чудесно.

— Ты это сделаешь?

— С гордостью.

Но Лисандр явно был против, он смотрел в окно и странно притих. Когда Аэрилин

согласилась, он вдруг заговорил:

— Почему она? — осведомился он. — Почему не Килэй или кто-то еще?

Аэрилин рассмеялась.

— Килэй? О, прошу. Если мужчина коснется Килэй, она сломает ему руку. Нет, это должна быть я. Не переживайте, капитан, — добавила она с ухмылкой, — это не первый раз.

— Не первый...? Как это понимать? Ты уже заманивала мужчин...?

— Может, не так, но я не только выманивала нужную цену. Как думаете, как выживают леди-торговки? Нам приходится полагаться на свои таланты.

— Таланты? — завопил Лисандр. — Таланты?

Она нахмурилась и скрестила руки.

— Да, таланты. У мужчин есть для этого мышцы, что не так? Почему женщине нельзя использовать ее взгляд?

— О, я скажу, почему! Потому что мужчины — монстры!

А Каэла не было сил или времени разделять их. Ему нельзя было медлить и отвлекаться. Он оставил их спорить и пошел искать Джейка.

*

— Уверен, что все правильно сделал? Если это разобьет окно, я буду ворчливым старым пиратом! — дядя Мартин указал Каэлу воплями путь в столовую. Он открыл дверь и обнаружил его у огромного окна.

Каэлу хватило вдоха, чтобы понять, что комната провонялась магией.

— Волшебное стекло — полезная шутка, — говорил дядя Мартин. — Можно видеть чары, но я понять не могу, что значат эти маленькие точки. Уверен, что все в порядке?

— Думаю, да, — сказал Джейк. Он взмахнул посохом, и окно засияло на миг. — Да, все закрыто.

— Тогда... — дядя Мартин выпрямился и развернулся с тростью. Он улыбнулся, увидев Каэла, моргая за моноклем, от чего его глаз казался в три раза больше. — Ты успел на представление! Джонатан собирается проверить чары. Готов?

Джонатан поднял металлическую солонку.

— Только это пустяки. Давайте бросим стул.

— Начнем с мелкого, — сказал дядя Мартин, встав рядом с ними. — Если не будет катастрофы, то будем бросать вещи больше. Готовься! Пли!

Каэл смотрел на летящую солонку и думал о том, как ужасно глупа эта идея.

Она врезалась в окно, и ему показалось, что солонка пролетела сквозь стекло. Но солнце озарило стекло, и он понял, что трещин нет, стекло как-то выгнулось, растянулось от силы броска. Оно удерживало солонку.

— Вниз! — крикнул дядя Мартин, они упали на землю, а окно стало ровным.

Солонка пролетела над их головами быстрее стрелы и врезалась в стену за ними. Она пробила портрет русалки, забрав ее зубы. Дыра в ее рту придала ей потрясенный вид, какой был и у дяди Мартина.

— Что это было? — сказал он, Джонатан помогал ему встать.

Джейк, причитая, побежал к окну. Его плечи опустились, он повернулся к ним.

— Я случайно соединил чары неразрушимости с одним для баллистики, когда вводил его в посох.

— Что? Мне просто нужно знать, безопасно ли тут завтракать.

— Должно быть. Но все, что ударит окно, отлетит обратно.

— Все? — спросил Джонатан.

— Да... не надо!

Но было слишком поздно. Джонатан побежал к окну, выставил ногу и врезался в стекло. Оно изогнулось, выдерживая со скрипом его вес, пока не отбросило его. Он рухнул на стол, забирая с собой салфетки, тарелки и пару больших подсвечников, и свалился на пол.

— Что вы делаете в моей столовой? — завизжала миссис Бимпли. Она выглянула из кухни, увидела бардак, и ее пухлые щеки стали алыми. — Мои тарелки, мистер Мартин!

— Это были тарелки барона. Мальчишки украдут вам еще. Вернись в логово, гарпия!

Миссис Бимпли фыркнула и захлопнула дверь.

Дядя Мартин pokrutil ус, словно злодей.

— Проблема решена, так что давайте принесем сюда матрасы и все попробуем по разу!

Джонатан был согласен. Они ушли в спешке, дав Каэлу поговорить с Джейком.

— Но я не буду просить тебя рисковать свободой, которую ты только получил, — сказал Каэл в конце объяснения. — Однако, без тебя мы не справимся.

Джейк ничего не сказал, он смотрел на окно и лишь двигал очки. Каэл не знал, о чем он думает, а потом он сказал:

— Ты... учел меня в своем плане?

Каэлу его слова показались странными.

— Конечно. Маг полезен, когда он — союзник. Особенно, если ты сможешь нам оставаться скрытыми.

Джейк медленно кивнул.

— Уверен, я смогу... это не должно быть сложно, — он едва заметно улыбнулся. — Шептуны звали меня по-разному, но уж точно не полезным.

Каэл понимал это. Ему нравился Джейк, но как же он вонял! Приходилось отворачивать голову, чтобы дышать свежим воздухом.

— Кстати о магах, — он сменил тему. — Думаешь, в замке будут те, кого стоит спасти? Кто может встать на нашу сторону?

Джейк помрачнел.

— Герцог, к сожалению, не глуп. В крепости только самые верные маги. Остальных, как меня, расставили на кораблях. Но вам нужно опасаться Бартимуса.

— Кто это?

— Придворный маг, — хмуро сказал Джейк. — У него золотой импульс: кольцо на среднем пальце. Он привязал меня заклинанием к герцогу, — он отклонился на стуле и сложил руки там, где у обычных людей был живот. — Напасть в ночь бала — умно. Герцогу не нравятся маги на балах, так что они будут заперты в башне. Это упростит ситуацию.

Да. Если маги будут без защиты, будет намного проще. Каэл задумался на миг.

— Тогда, если я сделаю снотворное, ты сможешь сделать его чуть... сильнее?

— Да, — сказал Джейк с улыбкой. — Боевые маги и смерть связаны, как ни крути.

*

Когда всем все сообщили, Каэлу оставалось поговорить только с одним человеком. Но он нигде не мог ее найти. Дважды обойдя поместье, на что у него ушло несколько дней, он так и не понял, где прячется Килэй. Он не знал, где она спала. И все знали не больше него.

— Нет, я не видела ее со вчера...

— Вчера? Где она была? — перебил Каэл.

Аэрилин нахмурилась.

— В комнате чар с Джейком. Они были над книгами, бормотали о чем-то скучном.

Он уже дважды туда заглядывал. И не хотел возвращаться. Он едва открывал дверь, как уже ощущал резкий запах магии, и горечь подступала к горлу. Он шел среди кривых полок и стопок желтой бумаги, пока мог задерживать дыхание, а потом захлопнул дверь.

— А потом ты ее не видела?

Аэрилин покачала головой.

— Нет, а хотела. Все так... — она покрутила прядь волос. — Может, ты мне поможешь.

Каэл отпрянул.

— Я немного...

— Это насчет Лисандра. Я знаю, что он переживает за меня, я видела, как он переживал из-за моей роли в плане. Я вижу, как он смотрит на меня, как хвалит мои ужасные рисунки. Папа точно доверял Маттео... Иначе почему он отдал бы пиратам свой корабль? — она улыбнулась на миг и нахмурилась. — Но Лисандр — пират! Ужасный пират, пьющий грог! Не знаю, что делать. Как мне поступить?

Она склонилась, словно у него были ответы, и она была готова слушать. Он понял, что был лишь один способ сбежать. Обещания Лисандру не могли сравниться со слезами Аэрилин.

— Я расскажу кое-что, но ты никому это не расскажешь, хорошо?

Она кивнула, и он рассказал ей о секрете Лисандра. Рассказал, что тот делал для людей Высоких морей под покровом тьмы. Рассказал все, и ее глаза при этом становились все шире.

— Он только внешне бандит, — сказала она, когда он закончил. — Он притворяется плохим, чтобы скрыть правду, — она схватила Каэла за рубашку так сильно, что он встал на носочки. — Он совсем не пират, он хороший, да? Я знала! — она обвила руками его шею, чуть не задушила его. — Спасибо, Каэл! Спасибо, что рассказал.

— Не за что, — прохрипел он.

Освободившись, он пошел в библиотеку. Если она читала с Джейком, то могла ходить в библиотеку за книгами. Ему нужно было только обосноваться там и ждать.

Но, открыв двери, он обнаружил не Килэй, а Лисандра.

— Вот мы и встретились, — сказал он с улыбкой. — Какая удача!

Каэл сомневался, что в этом была замешана удача, ведь Лисандр читал перевернутую книгу. Он явно ждал.

— Думаю, я забыл...

— Я надеялся, что ты будешь здесь. Есть минутка? — он опустил книгу на стол сзади и начал расхаживать, сцепив руки за спиной. — Есть вопрос. Насчет Аэрилин.

— Какой? — сказал Каэл, оставшись у двери.

— Не могу перестать думать о ней, — ответил Лисандр после паузы. Он ускорил шаги, его слова лились из него. — Нет, не так, мне больно без нее. Я не могу спать, не могу есть, и все на вкус как песок. Это сводит с ума! — он скрестил руки и смотрел из-под волн волос. — Мне нужно знать, есть ли у меня шанс. Он есть?

— Ох...

— Даже если бы и был, не могу, — он вскинул руки. — Я не могу любить ее, она торговка. Мы — море и небо! Море может любить небо, но ему не дотянуться, да? Можно ли коснуться ее? Может, они обречены жить порознь? — Лисандр рухнул в кресло и уткнулся лицом в руку.

Он перестал говорить, и Каэл понял его чувства. Видел их в опущенных плечах, в тяжелом дыхании. И поверил, что капитан Лисандр страдал от любви.

Он не хотел отвлекаться, он хотел бы уйти, но не мог бросить Лисандра страдать.

— А если небо станет морем? Если Аэрилин станет пиратом, вы сможете ее любить?

— Конечно, — сказал он. — Но как ее убедить? Она такая хорошая, а я... стараюсь не быть хорошим.

— Но вы хороший, — сказал Каэл, играя со словами, которые слышал от Аэрилин. — Кто-то всегда должен быть хорошим. Если герцог плохой, и если торговцы, как Чосер, служат ему...

— То они тоже плохие? — понял Лисандр. Он задумался, его глаза сверкали, словно вырабатывали решение. — Если те, кто пишет закон, плохие, то кто-то должен быть хорошим. И это изгой, пираты! Ха! — он шлепнул по колену и вскочил на ноги. — Аэрилин хорошая, и это лишь вопрос времени: она станет пиратом, и мы будем вместе!

Каэл был рад, что не он это сказал. Он не хотел обнадеживать Лисандра.

— погоди, — крикнул Лисандр, когда Каэл поспешил к двери. — Раз уходишь, сможешь занести это в подвал за меня? — он вытащил флакон с темной жидкостью из кармана штанов. Он поднес жидкость к свету, она стала красной.

— Я не знал, что есть подвал, — сказал Каэл, взяв флакон. Он был странно теплым.

Лисандр кашлянул.

— Да, он скрыт. Под главной лестницей — люк, он приведет тебя туда. Я бы пошел сам, но уже не успеваю. Я должен был встретиться с Джейком час назад, мы отрабатываем атаку, — добавил он с улыбкой.

Он вышел из комнаты раньше, чем Каэл успел возразить, оставив его с ненужным заданием. Он подозревал, что так им потребуется год на подготовку к столкновению с герцогом.

Глава 34:

Глупость

Под витой лестницей был потертый люк, как и сказал Лисандр. Подвал не выглядел мрачным и сырым, как его представлял Каэл: тусклый свет сиял из глубин, озарял узкую лестницу, ведущую в комнату внизу.

Он сунул флакон в карман и старался спуститься осторожно. Лестница скрипела даже под его весом. Она могла обвалиться в любой миг и оставить его в подвале. Но она чудом выдержала.

Сапоги коснулись твердой земли, и он понял, что вспотел. Сначала он думал, что от нервов, а потом вдохнул, и легкие ощутили жар. Его воротник прилипал к шее, он пошел на свет.

Бам! Бам! Бам!

Шум отражался от стен, разрывал горячий воздух, его сердце билось в горле. Звук был резким, беспощадно терзал его уши. Ему пришлось зажать их и идти дальше.

Он поспешил за угол и чуть не упал, увидев на другой стороне желоб, полный низких языков желтого огня.

Он подумал, что в подвале не найти чего-то страннее. Желоб был в стене, он источал достаточно света, чтобы озарить широкую комнату, и достаточно жара, чтобы растопить

снег десятка зим. Справа стояла наковальня и небольшая полка. Над наковальней по раскаленному куску металла била Килэй.

Ее глаза сияли в огне работы. Искры летели, когда опускался молот. Огонь поднялся и зашипел, и она вбила его в железо. А потом развернулась и сунула его в желоб, где огонь голодно прыгнул на него. Она провела рукой по лбу, ее глаза расширились, когда она увидела Каэла на пороге.

— Погоди, — сказала она. А потом с резким рывком закрыла огонь металлической крышкой, оставив брешь для света.

Его глаза привыкли, а она уже стояла рядом с ним. Килэй была в свободной тунике и штанах, поверх был фартук из плотной кожи. Ее перчатки потрескались и были в следах от огня. Ее ноги были босыми, и Каэл не считал это хорошей идеей, учитывая состояние ее перчаток.

— Мне было интересно, как долго ты будешь меня искать, — сказала она с ухмылкой. — Признаю, я ожидала тебя раньше.

— Ты кузнец?

Она пожала плечами.

— Не совсем. Это скорее хобби. Но интригующее.

— Кузня?

— Огонь, — она улыбнулась, свет плясал в ее глазах. — Может, это из-за дракона, но мне всегда нравилось наблюдать за работой огня, — она протянула руку. — Ты мне что-то принес, да? От Лисандра? Я так думаю. Я чувствую запах.

— О чем ты? — он отдал флакон.

Она вытащила пробку зубами и отплюнула ее.

— Ничто так не пахнет, как свежая кровь, — сказала она, помахав ему флаконом.

Его желудок сжался от мысли, что он носил в кармане крови.

— Чья?

— Лисандра, конечно. Я добавлю ее Девочке, — сказала она, отвечая на вопрос на его губах. — Идем, я покажу.

Он стоял в стороне, она вытащила Девочку из огня.

— Что осталось сделать?

— Я исправила клинок, но теперь ее нужно разбудить, — сказала Килэй. — Обычные мечи — это одно, но в Девочке есть магия. Чтобы вернуть ее на пик, мне нужна кровь пирата и огонь дракона. Повезло, для печи я уже использую огонь дракона.

Вот, что она делала в комнате чар с Джейком.

— Как это работает?

— Я покажу.

Она держала саблю над печью, быстрым взмахом она брызнула кровью на клинок с обеих сторон. Она с шипением встретилась со сталью и пошла пузырями, пока Килэй поворачивала саблю, чтобы кровь стекла к кончику. А потом она сунула клинок в угли.

Порыв горячего воздуха вырвался из желоба, Каэл отпрянул. Огонь поднялся и упал на Девочку злыми волнами. Они плясали и издавали странный визг. У него поджались пальцы ног от этого звука.

Когда Килэй вытащила Девочку, она тут же развернулась и опустила саблю в бочку с водой. Клинок выдохнул, пар поднялся большим облаком.

— Что это было?

— Я же говорила, мне нужно было разбудить ее, — она сняла перчатки и поманила его к полке. — У меня есть кое-что для тебя, пока она остывает.

Только не снова. Сколько еще он будет ей должен. Амос был бы в ужасе, если бы знал.

— Я не могу это принять. Мне нужно поговорить о...

— Свержения герцога? Лисандр рассказал утром. Я сыграю роль.

Он был уязвлен. Она показывалась всем, кроме него?

— Где ты была?

— В библиотеке, конечно.

— О, опять забирала книги. Прятать их — умно, кстати.

— Не знаю, о чем ты, — бодро сказала она. — Я ненавижу чтение.

Его потрясение сбило все слова, что он хотел сказать.

— Как можно ненавидеть чтение? Как?

— Не знаю. Я лучше буду убивать, чем читать про это, — сказала она, нетерпеливо отмахнувшись. А потом схватила что-то с полки и вручила ему. — Вот. Это тебе.

Там были перчатки, странные, и он не мог не смотреть на них. Они были черными, как ночь, сделанными словно из железа. Он тихо стоял, пока Килэй надевала их ему на ладони, отмечая их странную легкость. Они тянулись почти до локтя, верх их скруглялся и был немного острым. Каэл представлял, что может навредить, просто ударив кого-то.

Перчатки были необычными: заканчивались на середине пальцев, внизу был вырезан круг, оставляя ладонь открытой.

— Так их носил Сезеран, — объяснила Килэй, закрепляя застёжки. — Он говорил, что не мог шептать, если не ощущал, чего касается.

— Ты их ему сделала, да?

Килэй уловила его тон. Она замерла и отпрянула, уголки ее открытого рта приподнялись в улыбке.

— Ах, вот в чем проблема.

— Что за проблема?

— Ты думаешь, что я любила Сезерана, да?

— Что? Нет...

— Да! — она рассмеялась. — Ты думал, что мы любили друг друга! Потому ты ворчал, да? Думал, что мое сердце было разбито, не знал, что со мной делать.

— Нет, — сказал он, хотя это было не так. Он оттолкнул ее руку и сам принялся за застёжки перчаток. Он отказывался стоять в невыносимо жарком подвале и слушать насмешки. — Забирай свои перчатки.

Она накрыла его ладонь, не давая расстегнуть перчатки.

— Это боевые перчатки. Я тебе не портниха, — она опасно нахмурилась, — так что они мне не нужны. Он был женат, Каэл, — сказала она, отпустив его. — Он безумно любил свою жену, они ждали первого ребенка. Так что убери пальцы от застёжки...

— Не уберу, — нетерпеливо сказал он. — У Сезерана был ребенок? Почему я не читал об этом?

На ее лице возникло странное выражение. Она поправила застёжки, которые он пытался расстегнуть.

— Этого не упомянули, потому что это не было важно. Сезеран лишь раз подержал его, а потом Судьба забрала мать и ребенка.

Каэл знал, что его рот раскрыт, но ему было все равно. Теперь он знал, почему Сезеран

Райт пожертвовал собой в последней битве против шептунов-мятежников. Он должен был выглядеть так, как его описывали в песнях:

Что делать нужно, знал давно.

С мечом в руке туда пошел.

Обрушил с криком горы он,
И тем врагов с собой погрёб.

Он обрушил на себя горы, потому что ему не оставалось, ради чего жить. То, что королевство считало жертвой, было для Сезерана облегчением...

— Хорошо сидят?

Голос Килэй вернул его с поля боя, где он смотрел на гибель Сезерана в новом свете.

— Идеально, — сказал он без преувеличений. Перчатки подходили ему. Он ощущал, что они были на своем месте. Он провел пальцами по материалу: он был гладким и невероятно твердым. Не железо, но... нечто знакомое. Он понял.

— Это чешуя дракона, да? Потому твоя броня не рвется, когда ты меняешь облик...

Она зажала ладонью его рот. Движение было невольным, глаза выдали ее потрясение.

— Чертова память шептунов, — пробормотала она. — Да, они из чешуи дракона, моей чешуи. И нет, я не скажу тебе, как они сделаны.

— Почему они черные? — сказал он из-под ее руки.

Она поджала губы.

— Я сделала их черными, чтобы скрыть очевидное. Теперь ты знаешь и должен поклясться, что никому не расскажешь. Понимаешь? Это должно остаться между нами.

Он не знал, зачем она так это защищала. Но если бы он не согласился, она могла бы убить его и закопать в подвале, так что он кивнул.

Она долго смотрела на него тяжелым взглядом, а потом отпустила.

— Можешь отнести Девочку Лисандру, а меня оставить. У меня еще много работы.

Сабля снова была целой, но он четко видел, где она добавила кусочки. Линии пересекали клинок, как заплатки на плаще путника.

— Ей это идет, — сказала Килэй, отдав ему саблю. — Это напоминает ей о ворах, которых она любит защищать.

— Ты... говоришь с ней?

Он хотел скрыть скептицизм, но не справился. Килэй развернула его за плечи и толкнула к двери.

— Иди отсюда, — рявкнула она.

Он ушел, но подумал по пути, что молот она теперь опускала не так ожесточенно, как раньше.

*

Гейст вернулся ровно через неделю и не сообщил о себе. Каэл просто вышел из комнаты и чуть не споткнулся о плохо поставленное кресло. А потом он опустил взгляд и понял, что это не мебель, а Гейст с сундуком.

— Я думал, что нам нужно попробовать скрыть вашу внешность, если есть время, — сказал он.

— Хорошо, — немного растерянно сказал Каэл. — О, погодите, — он нырнул в комнату и вернулся с зельем, которое Джейк закончил делать вчера.

— Ах, спасибо, — сказал Гейст, спрятав его в карман плаща. — Приступим?

Каэл не стал спрашивать, думал ли Гейст, что он пройдет мимо башни магов

незамеченным. Он просто кивнул и пошел за ним в комнату переговоров.

Гейст опустил сундук на середину стола, сметая слой древней пыли.

— Сначала нужно вас правильно одеть, — сказал он без эмоций

Он открыл сундук: сначала крышку, а потом бока, показывая множество ящичков. Там были краски разных цветов и оттенков. Баночки пудры стояли рядом, парики висели на крючках под ними. Но лучше всего была коллекция поддельных усов.

Каэл выбрал самые густые и сунул себе под нос. Он рассмеялся, увидев себя в зеркальце сундука.

Гейст отцепил их и вернул на место. А потом выбрал другие — с сединой и в форме перевернутого гребня. Он открыл зеленую стеклянную бутылочку и выбрал крохотную из множества кистей. Ее он макнул в бутылочку. Он намазал вязкую прозрачную жидкость на усы без объяснений.

— Зачем вам все это? — сказал Каэл, чтобы нарушить оглушительную тишину. Он не был даже уверен, что Гейст дышал.

— А зачем барду лютня? Это мои инструменты, шептун.

Пока он удивлялся, Гейст прикрепил усы ему под нос. Жидкость была холодной и быстро высохла над его верхней губой.

— Откуда вы узнали, что я...?

— Знать — мое дело, — ответил Гейст, словно это было самым скучным делом в королевстве. — Оставим вопросы и сосредоточим ограниченное внимание на работе, ладно? Отлично. Я правильно понимаю, что придуманного характера у тебя нет?

— Что?

— Хмм, так я и думал, — Гейст сел прямее, и это движение выглядело опасно. — Ты будешь работником по имени Колдерой. Он очень толстый, раздражает многих людей.

Каэл не знал, что говорить, а Гейст оставил ему для этого долгую паузу.

— Хорошо... и как это сделать?

— У каждого характера есть своя черта в поведении, которая привлекает все внимание. У Колдероя, — он провел по верхней губе большим и указательным пальцем, — это усы. Девяносто процентов его личности растет под его носом.

Каэл вдруг потерял уверенность.

— А нет кого-нибудь проще? Не такого?

Гейст покачал головой.

— Я могу скрыть твое лицо и тело, но не могу скрыть глаза. Хотя он женат на женщине моря, Колдерой из леса. Только у него из всех работников карие глаза.

Каэл почесал нос, волоски усов щекотали его.

— А Аэрилин?

— А что она? Дочь Колдероя подросла, это будет ее первый официальный бал. Никто не поймет, настоящая это Маргарет или нет, ее не видели. А еще Колдерой необычно говорит. Он бросает слова в свои усы. Смотри, — Гейст закрыл глаза и кашлянул. — Добрый фечер.

Он звучал как другой человек. Его слова стали протяжными, он вдыхал ртом и часть выдыхал носом.

Каэл целый час пытался совладать с голосом. Гейст задавал вопросы, какие мог задать герцог, и ему нужно было отвечать как Колдерой. Он пытался запомнить все, что Гейст рассказывал ему о налогах — занятии Колдероя — изображая при этом жесты, что показывал ему Гейст.

— Живот должен подпрыгивать при ходьбе, — сказал Гейст. Он встал и шагнул, выпятив живот. — Видишь, как мои плечи опущены, а шея склонена? Так ходит Колдерой. Попробуй.

Попытка Каэла его не впечатлила.

— С животом должно выглядеть лучше. То, что нужно запомнить, изображая Колдероя, — Гейст загибал пальцы, перечисляя, — жевать с открытым ртом, собрать в усы как можно больше крошек. Крошки, кстати, полезны — если начнут задавать вопросы, стряхнешь на них крошки, это их отпугнет. Если не танцуешь, то нужно есть...

— Танцы? — встревожился Каэл.

Гейст нахмурился.

— Да, придется танцевать. По традиции отец танцует с дочерью на ее первом балу. Так что придется станцевать с Аэрилин, — он увидел, как Каэл побледнел, и вздохнул. — Еще одна кочка на пути? Но у нас еще есть время научить тебя.

*

По пути на ужин Гейст пропал. Каэл не знал, как долго он разговаривал с гобеленами, пока не понял, что мужчина исчез. А потом случилось кое-что необычное после ужина. Появился Тельред.

— Мне нужна торговка и шептун, — заявил он поверх разговоров.

Дядя Мартин оторвал взгляд от новой ужасной картины Аэрилин, которую нахваливал. Пушистые лица котят с белыми лапками слились в одно. Он нахмурился.

— Зачем?

— Гейст сказал научить их танцевать. Лисандр уже ждет. Чем быстрее мы с этим закончим, тем скорее я вернусь к работе.

— О, твоя старушка подождет, — сказал со смешком дядя Мартин. — Хорошо любить то, что весит почти тысячу пудов. Она никуда не уйдет!

Тельред пронзил его взглядом.

— У меня есть только час. Если хотите учиться, поднимайтесь и идите за мной.

— В бальный зал! — заявил дядя Мартин.

— Танцы? Хорошо, что я захватил скрипку, — подмигнул Джонатан. Он вытащил инструмент из-под стола.

Тельред громко выругался.

*

Бальный зал был таким же большим, как библиотека, но пустым. Дядя Мартин принес стул из другой части дома, чтобы сидеть и критиковать их.

— Поцекочешь ее за меня? — крикнул он, когда Тельред занял свое место.

Девушка оказалась огромным пианино. Каэл только читал о таких, он знал, что такое себе позволяли только богачи.

— Откуда это? — спросил он.

— Вендельгримм, — сказал Тельред, оглянувшись.

— Большое, но толку от него мало, как по мне, — пробормотала Аэрилин Каэлу. — Самая непрактичная безделушка в замке.

— А что ты выбрала?

— Это, — она взмахнула платьем. Оно было бледно-голубым и выглядело королевским.

Она покружилась, показывая белое изящное кружево под юбками. Каэл подумал, что ее вещь была не менее непрактичной.

Вдруг шум привлек его внимание к другой части комнаты. Тельред топал и ругался до этого, но, когда он коснулся пианино, комната наполнилась музыкой. Он сыграл пару быстрых нот, но они звенели так сладко, что Каэл замер и слушал.

Аэрилин врезалась в него.

— Надеюсь, танцуешь ты лучше, — сказала она.

Но это было не так.

Лисандр покружил с ней по комнате несколько раз, показывая Каэлу шаги. Они танцевали вальс, как рыбы в воде, смеясь и двигаясь легко. Аэрилин постоянно возвращала руку Лисандра себе на талию, его ладонь все грозила съехать ниже.

Танец закончился, когда она ударила его по лицу и ушла.

— Вот так это делается! — сказал Лисандр. Он поклонился, Джонатан и дядя Мартин хлопали.

— Ужасный наглец, — ворчала Аэрилин, Каэл занял его место. Хоть она и бормотала, недовольной не выглядела. — Я рассчитываю, что ты хотя бы будешь джентльменом.

Таким он и был, но танцевал ужасно. Его забавляла сама мысль носиться так по залу. Он не понимал, как кому-то нравится выглядеть так глупо. Он старался делать шаги быстрыми и легкими, но это обернулось не так, как он хотел.

— Ай! — Аэрилин отскочила от него, музыка остановилась. — Каэл, это двенадцатый раз!

— Прости...

— Не знаю, выдержат ли дальше мои ноги. Я так начну хромать!

— Ты можешь шагать в такт? — ворчал Тельред, водя ладонями по лицу. — Или дети гор рождаются идиотами?

— Не надо так, — сказал дядя Мартин, не дав Каэлу возразить. — Я, например, хочу, чтобы он вел в танце. Не стоит женщине быть тут главной.

— Согласен, — сказал Лисандр. — И крепче ее прижми, Каэл. Вас должны разделять дюймы, а не метры.

Он не собирался так делать.

— Не понимаю, зачем мне стараться? Танцы все равно выглядят глупо.

— Но некоторые выглядят глупее, — пробормотал Тельред.

У Каэла был готов изобретательный ответ, но тут пришел Гейст.

— Я бы хотел одолжить Аэрилин, — сказал он, его голос тут же закончил их спор.

— Да. Мы продолжим завтра, — сказала Аэрилин и пошла за Гейстом к двери. Каэл хотел пойти за ними, но Лисандр преградил им путь.

— И куда ты собрался?

— У меня маленький перерыв, я хочу им воспользоваться.

Лисандр развернул его в комнату.

— Нет, ты не уйдешь, пока не научишься танцевать.

— Но мой партнер убежал, если вы не заметили.

— Тогда найдем нового.

— Я не хочу...

— Или найдем тебе девушку, или будешь танцевать с Джонатаном. Выбирать тебе.

Каэл посмотрел на скрипача, тот сложил губы для поцелуя. Он решил выбрать меньшее зло.

— Хорошо. Девушку.

Лисандр выглянул в коридор в поисках подходящей жертвы.

— Эй, Килэй. Поможешь мне немного?

Джонатан и дядя Мартин протянули «О-о-о-о» в унисон, когда она согласилась. Каэл был так унижен, что боялся, что румянец прожжет его одежду.

Когда Килэй увидела его, она вскинула бровь.

— Почему ты выглядишь так, словно тебе в зад попала стрела?

От этого все рассмеялись, а Каэл покраснел сильнее.

— Я надеялся, что ты научишь его танцевать, — сказал Лисандр, переведя дыхание.

Каэлу надоели их насмешки. Он понимал, что, если останется, решит пробить в голове Джонатана дыру.

— Это смешно. Я пас, — сказал он, чтобы не слушать отказ Килэй.

Он попытался уйти, но она схватила его за руку и удержала.

— Я буду рада помочь. Какой танец?

— О, не знаю... — Лисандр хитро улыбнулся. — Может, «Лунных возлюбленных»?

Каэл бы показал ему очень грубый жест, если бы его рука была свободна: Лисандр хорошо знал, как он ненавидел этот танец. Но даже его ругательства не могли остановить музыку. Хотя он боролся изо всех сил, Килэй потащила его в танец.

— Я не хочу, — сказал он, но она не слушала. Она переплела пальцы с его, другую его руку положила себе на талию. Огонь вспыхнул в его животе, он боролся, но она начала шаги.

Он смотрел на ее ноги, чтобы не смотреть в глаза.

— Тебе бы обуться. Аэрилин ушла, потому что я оттоптал ей ноги.

— От меня так не избавиться, — он слышал улыбку в ее голосе, огонь разгорался. — Почему ты выглядишь так, будто тебе больно?

«Потому что мне больно», — подумал он.

— Ничего. Просто пройдем это.

— Хорошо.

Она шагнула так, как он не ожидал, поворачивалась так, как он не ожидал. Он спешил, чтобы не отставать от нее.

— Это не те шаги.

Она рассмеялась.

— О? Кто сказал?

— Все! Не так задумано.

— Мы не смешиваем зелья, а танцуем. Мы не взорвемся, скорее всего, если добавим пару шагов.

— Но я только учусь, а учиться нужно правильно.

— Ты просто боишься.

Он посмотрел мне в глаза.

— А вот и нет.

— Не отставай, — сказала она с улыбкой.

Он принял ее вызов. Он отказывался позволить ей победить его в таком пустяке. Она шагала, и он не уступал. Он угадывал ее повороты. Она кружилась, и он ловил ее. Они двигались с музыкой, шагали, касались, отходили. Ноты сплетались, и переплетались пальцы. А потом разделялись, страдали и возвращались.

Он чувствовал пот на лбу, легкие пылали. Скрипка звенела в сердце, пианино говорило ему, куда шагать. Он отчаянно боролся с партнершей. Он смотрел на ее руки, изгиб ее шеи,

ожидая ее движения. А потом был готов действовать.

Музыка остановилась.

Их тела были соединены в последнем движении. Он ощутил свое тело. Он понял, что сжимает ее ладонь, их руки соприкасались плотно, как и пальцы. Он понял, что его другая рука уверенно лежит на ее талии. Она прижималась к его руке. В пылу танца он знал, что она не пытается оттолкнуть его, отчаяние пришло к нему. Она молила его остаться кончиками пальцев.

Он вдохнул, это сделала и она. Они дышали вместе, их тела были так близко. Его дыхание двигало волосы на ее шее, выбившиеся, пока они кружились.

А потом он ощутил огонь.

Он отпрянул и отшатнулся. Лисандр окликнул его, но Каэл не остановился. Он не мог объяснить боль в груди. Он не понимал эту боль. Рана не заживала, он не мог это исцелить.

Он ворвался в комнату и захлопнул дверь. Он повернул ключ так, что тот сломался в замке. Он выронил кусок ключа на пол и попытался подавить боль, но не мог. Она была слишком сильной. Все его тело содрогалось от этой боли. Он знал, что умрет, если не сделает что-нибудь. Он развернулся и ударил кулаками по шкафу изо всех сил.

Дерево разбилось, щепки полетели в стороны. Он рухнул на край кровати, руки все еще дрожали от усилий. Он так старался закопать это, скрыть глубоко в темной части души. Но этот глупый танец...

Он медленно успокаивался. Грудь болела, но худшая боль прошла.

— Не глупи, — сказал он себе, судорожно дыша. Он посмотрел на обломки шкафа, ногти впились в ладони, так он сжимал кулаки. — Не глупи.

Глава 35:

Жидкая смелость

Утром перед балом герцога Каэл нервничал. Он так сильно переживал из-за плана, так терялся в возможных сценариях, что едва оставался в реальности.

— Я сказал поднять стакан, парень!

Вопль дяди Мартина вернул его в столовую. Каэл пробормотал извинение и схватил хрустальный стаканчик, стоящий перед ним. В нем до краев была налита опасного вида зеленая жидкость. Каэл не был уверен в напитке.

— Грог Взятки — жидкая смелость пирата, — сказал дядя Мартин, улыбаясь. — Глоток утром перед приключением, и вы не пожалеете, что зашли слишком далеко.

Джейк с опаской понюхал стакан и скривился.

— Из чего он?

Дядя Мартин нахмурился.

— Не могу сказать.

— Это секрет?

— Нет... мой прадед потерял рецепт! Каждая бочка разная: мы смешиваем все, когда находим. А теперь, — он поднял стакан, — пусть ветер будет с нами, как и служанки. Удачу Взятки нам!

Они глубоко вдохнули и выпили грог.

Он был в тысячу раз сильнее эля. Каэл не дал ему коснуться языка, но горло загорелось, когда напиток скользнул туда. Жидкость взорвалась внутри. Он упал на пол, кашляя. Он отчаянно пытался остановить пожар в легких. Он смаргивал слезы с глаз и увидел, что не

один такой: под стол упали все, кроме Килэй.

— Умираю! — хрипел Джонатан, держась за горло.

Из носа и глаз Джейка обильно текло, его лицо покрылось потом. Аэрилин обхватила руками живот и стонала на боку. Тельред и Лисандр кашляли и ругались.

— Похоже, это была бочка со змеиным ядом, который мы с Маттео добавили в шутку, — хрипел дядя Мартин, распластавшись в кресле. — Думаю, он был бы рад знать, что выстояла лишь та, что и без напитка умеет выдыхать пламя!

*

Грог сработал. Когда пожар угас, день прошел быстро, был немного смазанным. И когда они были далеко в море, Каэл понял, что сделал.

Туман пропал с его глаз, он начал четче видеть лица вокруг. Он узнал многих пиратов «Грохочущего якоря», которые годами были вдали от любимых. Они вернулись в море, поправляли паруса, карабкались по канатам и точили лезвия, готовясь к бою.

Каэл вел их в бой. Если что-то пойдет не так, они могли больше не увидеть семьи. Вина пронзала его ножом.

— Что я наделал?

— Пока ничего, — ответил Моррис. Он управлял кораблем. До замка герцога оставалось плыть лишь день, им нужно было оставаться близко к суше, чтобы их не заметил его флот. От этого вода была опаснее.

Нервы Каэла снова разыгрались.

— Я не могу просить их делать это. Не могу просить снова рисковать жизнями.

Моррис фыркнул.

— Да, от просьб толку мало. Они вызвались сами. Их было так много, что капитану пришлось выбирать, кого взять.

Каэл не мог поверить.

— Почему?

— Они хотят свободу своему региону! Они записались, потому что поверили в твой план, — он ткнул обрубком в центр груди. — Потому что они поверили в тебя.

Каэл вдруг ощутил смесь эмоций, в которой винил грог.

— Не стоило. Я их не просил.

Моррис широко улыбнулся, показывая дыры в зубах.

— Вера — это груз. Ее возлагают на тебя, ее не снять. Кстати, — он отодвинул край плаща. — У меня есть кое-что для тебя. Во внутреннем кармане. Полдня доставал из ящика и полдня запикивал в плащ. Если хочешь получить сегодня, возьми сам.

Каэл вытащил из кармана нечто, похожее на маленький кожаный кошелек. Но, открыв его, он нашел не монеты, а ряды ножей в каждой складке.

Они были маленькими, длиной с его ладонь, сделанные из цельных кусочков стали. Он видел по тонким царапинам, что ими пользовались. Но лезвия были острыми на вид.

— Это моего друга, — сказал Моррис. Он повернул осторожно штурвал, уводя их от острых камней. — Это было после войны. Он дал мне это, потому что прорицатель сказал ему, что однажды дни сражений закончатся. Ха! — он покачал головой с печалью в улыбке.

— Моррис, я не могу...

— Конечно, можешь, — нетерпеливо отмахнулся он. — Он бы гордился, что Райт их использует. Они идеальные, их просто бросить по прямой. И кошелек можно прикрепить к руке так, что никто не поймет, что он при тебе.

Каэл прикрепил его к левой руке у плеча и показал Моррису.

— Вот так, — сказал он с улыбкой. — Теперь ты готов.

*

Удивительно, но Гейсту новое оружие понравилось. Когда Каэл пришел менять облик, он взглянул на его руку и пробормотал:

— Это эффективнее охотничьего кинжала. А теперь прикрепим тебе живот.

Он час наносил пасту, набивал, красил, прикреплял фальшивые волосы к телу Каэла. Когда Гейст закончил, он протянул зеркальце.

Старый толстый торговец смотрел оттуда. Каэл не мог в это поверить.

— Гейст... это невероятно.

— Одобряешь?

Он кивнул и скривился, глядя, как подбородки покачиваются от движения.

— Я отвратителен.

— Идеально. Никто не захочет с тобой говорить.

Его работа потрясала. Но у Каэла оставался вопрос.

— А настоящий Колдерой? Как вы его удержите от бала?

— Он любит ужинать в определенной гостинице перед балом, — сказал Гейст, неспешно собирая сундук. — Он любит мясные пироги там. Но сегодня после ужина у него и Маргарет будет сильное несварение. Колдерой напишет герцогу, что их не будет. Но, к сожалению, его письмо не дойдет.

— Вы его потеряете?

Гейст покачал головой.

— Не я, мальчик. А глупого з-заикающегося курьера об-бвинят.

*

На закате корабль остановился у изгиба берега, где из воды торчал камень, похожий на голову орла. Лисандр сказал готовить лодку и пошел за ними на берег.

Облик Аэрилин был чудесным, а Каэла — ужасным. Гейст уложил ее волосы локонами, закрутил их в идеальные золотисто-каштановые кольца. Он покрасил ей губы и веки, и ее улыбка стала манящей, хотя в этом не было необходимости. Ее красное платье привлекало внимание.

Лисандр не мог отвести глаз. Они направились к пляжу, и он чуть не упал, спеша помочь ей выбраться из лодки.

Пока он был занят, Каэл свистнул, сообщая Чосеру и его людям, что можно выходить из-за деревьев.

Три кареты встретили их, запряженные лошадьми, так похожими на строгих и аккуратных возниц.

— Пора, — рявкнул Чосер, вылезая из первой кареты. — Вы заставили меня ждать лишние полчаса. Я уже хотел ходить кругами, чтобы размяться... — он поджал губы при виде Каэла. — Отличная работа, Гейст. Мне тяжело на него смотреть, — он взглянул на Аэрилин. — Мило. Очень мило.

— Хватит оценивать ее взглядом, — прорычал Лисандр, Чосер ухмыльнулся.

— Убедитесь, что ваш кораблик готов к бою, капитан, — он расправил уже прямой камзол и прошел к карете. — Двигайтесь! — рявкнул он из окна. — У нас нет времени на слабости.

Лисандр бросил мокрым песком вслед его уезжающей карете. Песок прилип к заднему

окну.

— Можно подумать, он будет сильно стараться, — проворчал он.

Каэл хотел попроситься с Гейстом, но третья карета уже удалялась. Его сундук был прикреплен сзади.

— Обещай, что будешь в безопасности, — попросил Лисандр, помогая Аэрилин забраться следом за Каэлом. — Не ходи никуда с ним одна...

— Я не дура. Я знаю о репутации Реджинальда, — фыркнула она.

— Просто пообещай, ладно?

— Зачем?

Он посмотрел на нее из-под волн волос.

— Потому что так моему сердцу будет спокойнее.

Что-то мелькнуло между ними, Каэлу стало неловко.

— Хорошо, — сказала Аэрилин через миг. — Обещаю не покидать бальный зал.

— Спасибо. Взятка оградит ваш путь, друзья. По воле Судьбы, может, встретимся вновь, — он захлопнул дверцу с силой и пошел к лодке, не оглядываясь.

Карета ехала, прыгая, было ужасно жарко. Гейст добавил ему столько слоев, что Каэл боялся, что сварится заживо. Они на всякий случай не убрали занавески с окон. Не хотелось, чтобы жители, что уже видели сегодня Колдероя, заметили его.

Сначала земля дороги приглушала движения колес. А потом они поехали по камням, лошади стучали по ним копытами. Дорога была шумной, но стала ровнее. Аэрилин начала нервно заламывать руки

— Мы на мосту, — прошептала она.

Оставалось меньше мили.

— Не кусай губу, — сказал он, и она тут же остановилась.

— Точно. Никто не будет танцевать с девушкой со следами зубов на губах, — сказала она с нервным смешком. А потом вдруг схватила его за руки. — Скажи, что все будет хорошо, Каэл. Скажи, что все работает.

Он не был провидцем, он не знал точно. Их тела могли украсить замок к утру. Но это была его проблема, не ее. И он сжал ее ладони.

— Все будет хорошо, Аэрилин. Обещаю.

От облегчения на ее лице ему стало не по себе. Его план должен был сработать. От этого зависели жизни многих людей. Карета остановилась, дверцы открылись, и он приготовился к тому, что нужно было сделать.

*

— Очаровательно, Джефферис, — сказал с улыбкой Реджинальд, хотя все знали, что он не очарован, он был раздражен. И это было ясно видно.

— Так, ах, приятно вас видеть, — выдохнул Джефферис, Реджинальд сжимал его пальцы. — Всегда приятно.

— Да? — Реджинальд не отпускал. Он сжал сильнее. — Думаю, было бы приятнее, если бы мои стулья были не такого ужасного вида. Если бы прибыл тот корабль графини, все вы могли бы сидеть на приятных стульях.

Пот выступил на лбу Джеффериса, его улыбка была больше похожа на гримасу.

— Да, чертовы пираты. Я прослежу, чтобы новые стулья отправили через три, ах, две недели!

— Посмотрим, — сказал Реджинальд. Он улыбнулся женщине, стоявшей за

Джефферисом, и протянул руку. — Что-то случается каждый день, я в курсе, — он поцеловал ее шелковую перчатку и отпустил.

Джефферис не был дураком. Он уловил угрозу Реджинальда, его лицо побелело.

— Все будет сделано, сэр герцог. Я удвою стражу, больше кораблей в этом месяце я не потеряю, — он поспешил прочь, уводя жену.

Чосер подошел следующим. Он поклонился и похвалил украшения, прошел внутрь. Реджинальд проигнорировал его грубость. Он был даже рад пиратам, лишь бы повеселиться от гнева Чосера.

При виде следующего гостя улыбка Реджинальда пропала, он оскалился. Колдерой.

Толстяк не должен был приходиться. От его пухлых ног до грязных усов он ужасно не подходил золотому изяществу бала. Если бы не его гениальный ум, касательно чисел, Реджинальд давно прогнал бы его.

Хотя он не мог бы даже найти такую веревку, чтобы подвесить жирного Колдероя.

— Рад видеть, — сказал скованно Реджинальд, Колдерой прошел к нему. — Я начал думать...

— Добрый фечер, сэр герцог, — перебил Колдерой. Он был в ярко-желтой тунике, от которой напоминал булку с маслом, а не человека. — Милая ночь, да?

Реджинальд посмотрел на звезды, лишь бы не глядеть на ужас перед собой.

— Полагаю...

— Фы еще не фидели мою дочь, да?

— Видимо, да...

— Могу я представить мисс Маргарет Колдерой?

Реджинальд еще не видел такого поворота судьбы, Колдерой был отцом прекрасного создания. Он поцеловал ладонь Маргарет, не отводя взгляда от ее лица.

— Милая, я очарован. Солнце меркнет рядом с вами.

Она покраснела, это ему понравилось.

— Прошу, сэр герцог, я не достойна таких комплиментов.

— Наоборот, сложно описать красоту словами. Надеюсь, вы со мной станцуете, — он улыбнулся, и ее румянец стал ярче.

— Конечно, — заявил Колдерой. — Идем, Маргарет. Герцог занят.

Реджинальд ничего не сказал следующему работнику, даже не взглянул. Он восхищался фигуркой Маргарет, пока она шла по ступенькам в замок. О, этот бал будет прекрасен.

Он поспешил приветствовать последних, а потом приказал стражам закрыть ворота, заперев работников и их кареты внутри. Никто не уйдет до конца бала, а это произойдет, когда он заскучает

— Туман близится с запада, — крикнул один из стражей.

Реджинальд не видел океан со своего места, он не собирался подниматься наверх, только чтобы посмотреть.

— Опустите якорь, пока он не рассеется. Нет смысла им плавать сегодня. Вероятнее для них столкнуться друг с другом, чем поймать нарушителей.

Страж забрал пару факелов со стены и передал ими послание. Когда он закончил, с моря донесся звон колоколов. Патруль понял.

Реджинальд закрыл ворота сам, запер надежно своим ключом. Он решительно пошел к замку, к музыке, что доносилась из зала.

Он быстро нашел Маргарет, даже в океане красоты она бы выделялась. Он смотрел на ее

первый вальс и поражался ее красоте. Ее платье тянулось за ней, Колдерой вел ее в танце. Он не знал, что потрясало сильнее: Маргарет или факт, что ее отец мог танцевать.

— Я готов, сэр герцог, — Бартимус встал перед ним и закрыл обзор.

— Ах... хорошо. Займи место и жди меня, — сказал Реджинальд, заглядывая за плечо Бартимуса.

— Но, сэр герцог, ваша безопасность...

— Угроз почти нет. Стражи у стен, в коридорах, а еще и туман... вряд ли кто-то рискнет напасть на нас. Дополнительная, кхм, охрана на месте?

— Там, где вы и хотели.

— Отлично, — Реджинальд увидел конец первого танца и оскалился, когда Чосер забрал Маргарет на следующий. — Наслаждайся балом, Бартимус. Я так и сделаю.

Он уверенно пошел по залу.

*

Пот лился по лицу Каэла от жара, нервов и огромного количества выпечки, что он запихал в себя, а еще он страдал от разговорчивых работников. Колдерой был ужасным, но с ним многие хотели поговорить.

В нескольких случаях приходилось использовать крайний способ. Он посыпал двух сплетниц и нескольких джентльменов кусочками пирога из усов, пока они не оставили его в покое. Один отскочил с вытянутой рукой, когда Каэл изобразил, как чихает. Он так метко напал, что слуга увел мужчину переодеться в чистую одежду.

Кроме нежелательных разговоров, все шло по плану. Чосер забирал Аэрилин из-под носа герцога пару раз, пока тот не разошелся. Он оттолкнул партера средних лет, не спросил разрешения Чосера. И теперь Аэрилин держала Реджинальда привязанным к своему мизинцу, хихикала и краснела, пока они танцевали. Это был уже третий танец, они не останавливались.

Каэл уловил поперх пирожного вспышку движения, старик в мантии занял место у трона герцога. Это мог быть Бартимус — маг, который, по словам Джейка, путешествовал по воздуху. Бартимус почесал лысую голову, Каэл заметил золотой блеск на его пальце.

К сожалению, Чосер был прав: герцог не был глупым. Он в танце оставался близко к трону.

Зал был в два этажа высоток, стражи следили с балконов. Их ладони лежали на рукоятках мечей, пока они наблюдали за танцами. Каэл мог поклясться, что они не моргали.

— Вина, мистер Колдерой?

— Да, шпасибо, — сказал он с полным ртом. Он взял кубок с подноса, не посмотрев на того, кто его подал.

— Конечно. Буду рад обслужить вас, мистер Колдерой.

Каэл опустил взгляд и чуть не подавился. Этот слуга выглядел как остальные — выкрашенное в белый лицо, красные губы, смешной напудренный парик и серебряный поднос на белой перчатке. Но он выглядел скучающим, и Каэл сразу узнал его.

— Да. Мне бы отойти, — сказал он громко, чтобы люди рядом слышали. Он пошел за Гейстом по лестнице, зная, что вернется злодеем.

Глава 36:

Дар война

— У тебя есть пятнадцать минут, потом придет стража, — сказал Гейст, помогая Каэлу освободиться от облика. Его другая одежда сразу была под накладной. Она помялась и немного промокла от пота, но Гейст сказал, что так даже лучше. — Никто не заметил обувь?

Каэл покачал головой. Удивительно, но никто не заметил, что Колдерой пришел в потрепанных ботинках охотника. Но Гейст был прав: люди редко смотрели ниже колен.

Он избавился от Колдероя, и они сунули все в сундук в углу комнаты. Они были в одной из гостевых комнат, шкаф был пустым, и Гейст решил, что она не занят. Он пошел к залу, Каэл побежал в другую сторону. На стенах висели гобелены, он считал их на бегу. После третьего он нырнул в нишу и нашел деревянную дверцу. Одну руку он прижал к ручке, другую — к петлям. Он быстро представил, что они хорошо смазаны, и дверь тихо открылась.

Он шагнул на узкую площадку, глубоко вдохнул и закрыл за собой дверь. Эта часть казалась ему самой страшной.

Лестница была открыта ночному небу. Он был на западной стене замка, выходящей на открытое море. Он осторожно выглянул, чтобы понять, где именно оказался, и чуть не выругался.

Стражи решили, что густой туман океана сделает за них работу, и решили устроить перерыв. Трое солдат перед ним пили вино и играли в карты, а должен был сидеть один.

Черт. Как же ему это сделать? Если он ударит первого, другие два поднимут тревогу. Весть дойдет до зала, это услышит герцог. Они с Бартимусом пропадут, оставив против гостей опасную армию.

Каэл почти слышал, как сыплется песок в часах, унося с собой минуты. Не было времени думать, нужно было действовать. Он вытащил два ножа и приподнял из кармашка третий. Он держал их за лезвия и целился.

Средний солдат опустил руку, тот, что был левее, склонился. Нож Каэла вонзился в его горло. Он попал как раз в миг, когда правый солдат откинул голову, чтобы рассмеяться. Он упал, хрипя от шока, второй нож убил его. Тело товарища еще не упало на пол, а средний солдат поднял голову, его челюсть опустилась от потрясения. Удивленная О его рта стала хорошей мишенью.

Крикнуть он не успел. Он отшатнулся с ножом между зубов и упал со стены со стоном.

Каэл долго не двигался. Он не хотел приближаться к телам. Пока тени скрывали их лица, ему не было видно жизни, которые он оборвал. Он знал, что на руках всех, кто служил Пятерке, была кровь его родни и друзей, но убийство его не радовало.

Щелчок привлек его внимание к выступу. Если бы он не искал, он бы не заметил крюк в камне или дрожь веревки, по которой забиралась Килэй. Она появилась из-за края стены, ее броня идеально скрывала ее в тени, которой не касались факелы по углам. Она быстрыми умелыми движениями выхватила ножи из солдат. Он пригнулся и пошел в ее сторону.

— Третий меня чуть не раздавил, — тихо сказала она, чистя ножи о тунику одного из стражей. — Если бы его шлем не свистел на ветру, то в королевстве стало бы на одного полудракона меньше.

Она отдала ему ножи. Каэл забрал их, они прилипли к его рукам. Он отлепил их, тонкая нить вязкой жидкости тянулась за ними.

— Что это такое?

— Туман Джейка пошел немного не так. Он случайно поставил слово испарения слишком близко к оковам, и теперь мы как на вершине торта, — она хлопнула в ладони и

развела их, между ними были нити. — Моряки застряли. Им приходится веслами гнать «Грохочущий якорь» сюда.

«Жуть», — подумал Каэл. Он даже не думал, что пиратам придется плыть в слизи.

— Скоро они придут?

— Скоро. Они в нескольких минутах позади. Гребут, стараются.

— Хорошо.

Тяжелая тишина повисла между ними. Каэл старался отвести от нее взгляд, она тоже.

— Я беру стены, а ты — верхние этажи, — сказала она, снимая с плеч сумку. Внутри были его лук, колчан и перчатки.

Он быстро вооружился и забрал у нее крюк с веревкой.

— Скоро увидимся. И, Килэй? — она остановилась и повернулась к нему. — Проверь магов, если успеешь. Хочу убедиться, что зелье Джейка сработало.

На ее лице на миг отразилось разочарование, но так быстро, что Каэл сомневался, что ему не показалось.

— Хорошо. Будь осторожен.

Она пропала в тенях, оставив его.

*

Бараки стражей стояли на вершине лестницы, ведущей на третий этаж. Каэл понимал, что столкнется с ними, но возникать среди комнаты было бы глупо. К счастью, был другой способ попасть на верхние этажи.

Лунный свет мерцал в большом окне над ним, оно, судя по карте, открывалось в кабинет герцога. Каэл раскрутил крюк над головой, представляя, как он вцепляется в узкий выступ. И он бросил.

Крюк упал идеально. Каэл потянул пару раз, проверив, убедился, что крюк выдержит его вес, и полез. На вершине ему пришлось стоять на носочках на краю. Он старался не думать, что будет, если он потеряет равновесие. Он быстро пробил стекло и открыл окно.

Внутри была зловещая тьма. Одна лампа сияла у окна, но луна светила ярче нее. Каэл старался не думать об этом. Гейст изобразил все подробно, он знал, сколько шагов до двери. Ему нужно было лишь двигаться. Он забрал веревку и спрятал у стены. Он начал шагать. Раз, два, три, ч...

Что-то было не так.

Он ощущал зловещее предчувствие. Зверь в нем проснулся из-за того, что он не видел. Но он знал, что это здесь. Он вытянул руку и коснулся чего-то шершавого. Напоминало ковер... нет, нити были слишком хорошими для ковра. Может, спинка кресла из шкуры животного. Да, наверное. Странно, но он не ожидал, что...

Кресло издало низкое рычание, и Каэл не успел выругаться, что-то ударило его в живот, и он отлетел в стену.

Спина ударилась о камень, кости хрустели. Он пытался замедлить падение и схватился за гобелен, сорвал его с крючков. Падая, они сбили лампу. Она разбилась, огонь вырвался, впиваясь в потертый ковер внизу.

Из тьмы появился огромный монстр. Каэл тут же узнал его: короля полуволков из Прохода Бартоломью. Он смог сбежать. Он мог выследить его по запаху и теперь прийти за мезьтью.

Предвестник оставил на его груди порез, что теперь был тонким шрамом. Густой черный мех блестел в свете огня. Он оскалился, сверкали мокрые клыки. Глаза под

мохнатым лбом смотрели на Каэла. Ноздри раздувались, лоя его запах, когти коснулись обрывка уха, словно напоминая ему.

И он завыл.

Каэл пригнулся, когти пролетели мимо, чуть не задев его горло. И удар пришелся на его колено. Волк потащил его по полу за ногу. Он попытался укусить его, но в зубах остался сапог.

С ревом волк схватил его за рубашку и поднял с земли. Каэл дико отбивался, но волк держал его вдали от себя. Он вскинул голову, Каэл вслепую замахнулся.

Выступы на его перчатках врезались в челюсть волка. Волк выпустил его, завопив. Каэл упал на лодыжку, но заставил себя откатиться. Он встал на ноги и выхватил стрелу, волк прыгнул.

Или его стрела найдет цель, или его сломают, как прутик. Каэл выдохнул и выпустил.

Волк вскрикнул и отпрянул, ударился головой о стену. Он обхватил когтями стрелу, торчащую из груди, и вырвал ее. Он зажал лапой рану, но кровь быстро лилась оттуда. Волк тяжело дышал, смотрел на Каэла, но не пытался встать.

Он знал, что бой завершен.

Волк тоже это знал. Хотя тело было монстра, глаза были человеческими. Они напомнили ему слова Килэй, как Креван поработил оборотней и превратил их в слуг. Он не знал, остался ли в монстре человек, но решил позволить ему умереть самому.

— Горное... дитя...

Грубый голос остановил его. Каэл обернулся.

— Время, — сказал волк. Его голос был мужским, но острые зубы мешали четко произносить слова. — Прощу, — он надавил на рану. — Время.

Он был потрясен речью волка, к нему подобралось подозрение. А потом он вспомнил, что говорил Джейк: боль могла прочистить голову от заклятия на время. Он посмотрел в глаза волка и увидел, что монстр ушел из них. Он смотрел в глаза мужчины, а не зверя.

Он не мог позволить человеку умереть, не выслушав его. Это он мог сделать.

Он прижал ладонь к его сердцу и попросил его биться.

— Я не могу исцелить тебя, — признался он. Амос мог бы, он мог исцелить любой орган в теле. Но Каэл был слишком мятежным, чтобы учиться чему-то дальше кожи, кости и нескольких слоев мышц. Теперь он жалел об этом.

— Я хочу... смерти, — сказал волк. Он коснулся груди. — Кровоклык.

Каэл не сразу понял, что это его имя.

— Каэл, — сказал он в ответ.

— Каэл... гор, — глаза Кровоклыка закатились, он закрыл их. Он долго не говорил. — Моя стая погибла, вся. Осталось... лишь двое, — он попытался с болью улыбнуться. — Скоро... один. Я прошу о даре воина.

Каэл не понимал, но кивнул.

— Ты... победил, и я прошу тебя охранять... охранять родню. Мою сестру.

Каэл понимал, что времени мало. У него оставалось пару минут, чтобы очистить верхние этажи, а потом стража поменяется, кто-то увидит мертвых солдат.

— Хорошо, где мне ее найти?

Смех Кровоклыка перешел в бульканье, он боролся за жизнь.

— На тебе ее запах... ее кожа. Ты не... знаешь?

Каэл упустил концентрацию от потрясения. Кровь потекла из-под его пальцев, он

пытался отчаянно остановить кровотечение.

— Килэй? Ты про Килэй?

Но Кровоклык не ответил. Свет в его глазах быстро угасал, они закатились.

— До последнего... восхода... солнца, — прошептал он и застыл.

Каэл сел на пятки, руки обвисли. Огонь поглотил ковер и двигался к гобелену. Он затушил огонь, пока комната не сгорела. Он сидел в темноте, ужасное чувство терзало его сердце.

Вдруг голос донесся из-за двери.

— Я туда не пойду, я видел, на что способно существо. Он просто возмущался, потому что заперт.

— А если нет? — сказал другой. — А если там нарушитель?

Первый фыркнул.

— Тогда о нем уже позаботились.

— Ага, а если нет — нас повесят.

Первый задумался, а потом закричал. Они приоткрыли дверь, чтобы заглянуть, и этого хватило Каэлу. Две стрелы закончили с их спорами.

Он двигался по коридорам, убивая всех стражей по пути, не думая. Он думал лишь о том, какой кошмар произошел, как Килэй никогда не простит его. Он понимал, почему она не убила Кровоклыка, когда у нее был шанс. Она пыталась спасти его.

Стражи были потрясены, когда он выбил двери барака. Первые бросившиеся к нему получили по ножу в грудь. Остальные перебирались через тела товарищей, и он успел направить лук. Все быстро закончилось.

Некоторые побежали от него к стене. Каэл вытащил ножи и пошел за ними. Он услышал леденящий душу вопль Предвестника и несколько испуганных вскриков. Только один сбежал от Килэй. Он побежал по лестнице, пригибаясь под весом брони, остановился, когда на него упала тень Каэла. Он поднял голову, в его глазах был страх.

Каэл вонзил стрелу в его левый глаз.

— Это все? — Килэй выглянула из дверного проема у подножия лестницы. Она свободно держала Предвестник. Кровь капала с клинка.

— Да, — он не смотрел на нее. — Маги?

— Мертвы. Никто не пережил ужин.

— Хорошо, — его шаги были тяжелыми, он шел к ней. Их разделяла всего ступенька, когда он остановился.

Он не смотрел на нее, но ощущал ее взгляд, движущийся от его макушки вниз. Если она ощутила кровь Лисандра в бутылочке, то точно ощущала запах его поступка, запятнавшего его руки.

Через миг она отпрянула. Ее сапог царапнул пол, и он понимал, что она все осознала. Когда Килэй заговорила, ее голос был невероятно слабым:

— Так он...?

— Да, — услышал Каэл свой голос. — Я убил твоего брата.

Глава 37:

Огонь

Она отвернулась. Ее тело содрогалось, она прижала ладонь к лицу. Каэл хотел, чтобы

она сломала ему челюсть, перерезала горло, избивала. Отомстила, чтобы он не стоял здесь, пока она плакала, пока он терзал себя за ее слезы.

Она схватила его за плечи, и он приготовился к моменту, когда она бросит его в море.

— Спасибо.

Он потрясенно посмотрел на нее. Он ожидал слезы на ее лице, но не благодарность. Это было не логично.

— Не благодари, а убей! Я заслужил...

Она нежно зажала его рот ладонью.

— Нет. Ты сделал то, что должен был, что я не смогла. Он молил меня убить его в Проходе. Я... — он опустила голову, а подняла ее уже хмуро. — Я отказалась. Я думала, что есть способ спасти его, но слишком поздно поняла, что он не хочет спасения.

— Он сказал, что был тебе братом.

Она кивнула.

— Не по крови, конечно. Прапрапрадедушка Кровоклык нашел меня бродящей по лесу четыреста лет назад. Не помню, кем я была тогда... стая стала мне семьей.

Каэл молчал. Он боялся дышать. Все, что она говорила, впитывалось в него, он пытался понять это. Он боялся, что из-за вопросов она перестанет говорить, и тогда он не узнает ее историю. Он молчал.

— Редкие это знают, — продолжила она, голос стал сильнее, — но король Банагер поймал многих оборотней в начале Шепчущей войны. Он думал, что сможет использовать их как оружие против мятежников. Но он не смог управлять нами. Он запер нас в подземельях для своей безопасности. Мою стаю тоже поймали... я думала, что смогу освободить нас, но Кровоклык заставил меня поклясться, что я не покажу свой другой облик тем, кто нас поймал. Я не могла послушаться альфу. Потому что я отличалась от остальных, Банагер не знал о моих силах. Он отпустил меня для своего верного советника Сезерана, тот научил меня обращаться с мечом. Я смогла стать рыцарем в конце войны. Я думала, что получила достаточно власти, чтобы освободить стаю, — она мрачно улыбнулась. — Я была рыцарем всего день, и Креван захватил трон. Он сковал моих братьев магией... и я поняла, что не смогу освободить их, пока не убью Кревана. Я пыталась, почти получилось, но я провалилась. С тех пор я была в бегах. Теперь я понимаю, что Кровоклык спас меня, сказав скрывать свой облик... хотя он всегда винил себя в случившемся с нами, — она глубоко вдохнула и вытерла слезы. — Но это история для другого раза. Спасибо, что дал ему покой, которого он хотел. Теперь он в вечном лесу, охотится со стаей, которая долго ждала его возвращения. Ты успокоил мое сердце.

Каэл понял, что не дышит. Он не мог поверить, как эгоистичен он был. Если бы он перестал хоть на миг думать о своем задании, он бы понял, что не только он потерял нечто дорогое, и не только его случай был достоин борьбы.

Она могла верить, что Кровоклык упокоен, но Каэла это не устраивало. Он знал ее историю, знал, скольким она пожертвовала ради свободы семьи, и он считал, что Килэй заслуживала не только облегчение. А он убил человека, который не заслуживал смерти.

Долг между ними был огромным... был лишь один способ это уладить.

Он прошел мимо Килэй и схватил факел. Над волнами был густой белый туман. Воздух был тихим. Он помахал факелом, и из тумана появились лодки, их привлек его сигнал. Они остановились у каменистого берега, темные пальцы схватились за железную лестницу, что появилась из волн. Лунный свет блестел на саблях на их поясах.

— Идем, — сказал он Килэй. — Покончим с этим... ради Кровоклыка.

Она улыбнулась сквозь слезы, блестящие на ее щеках.

— Да. Иначе я бы тебе важничать не позволила.

*

Решимость Маргарет рушилась, он был уверен в этом.

— Становится душно. Почему бы нам не пройтись? Я могу показать замок, — сказал Реджинальд ей на ухо. Он чувствовал жар ее румянца.

— Но, сэр герцог, что о нас подумают другие?

Он крепче обхватил ее талию, притягивая ее ближе.

— Милая, что они могут подумать? Я их правитель, их жизни зависят от меня. Те, кто будут плохо говорить, лишатся языков... а те, кто заслужит мою доброту, получат невероятную власть, — его голос стал ниже. — Идем со мной, Маргарет.

Она была на грани, он видел в ясных голубых глазах борьбу. Но он уже знал ее ответ. Через пару минут она станет его...

БАМ!

Двери зала распахнулись, музыка остановилась. Реджинальд развернулся. Если страж пришел жаловаться на туман, он повесит его. Но толпа расступилась, шепчась, и он увидел то, чего не ожидал.

Юноша шел по залу так, словно это место принадлежало ему. Он был в грубой простой одежде, лук был за его спиной. Свечи на золотых ветвях люстры озаряли его волосы, пылающие красным внутри. Его лицо было гладким, узким, не очень красивым. Он грубо потянул за цепи, сжатые в руке, узник вышел из толпы.

Реджинальд не узнал юношу, но точно узнал узника. Он видел ее глаза, его кровь стала ледяной. Он оттолкнул Маргарет, она отлетела в толпу с воплем.

— Бартимус!

— Погодите, сэр герцог! — крикнул юноша. — Она не навредит, она в зачарованных оковах.

— Не обманитесь, — парировал Бартимус. Он стоял у трона, одна нога уже была в волшебной двери. Он вытянул руку и смотрел на юношу поверх плеча Реджинальда. — Мальчишка может быть ее агентом, тогда это ловушка, чтобы убить вас.

Юноша фыркнул.

— Агент? Она дикая, маг. Ее интересует только сырое мясо.

— А ты кто? — сказал Реджинальд, оглянувшись.

— Охотник, сэр герцог, — юноша поклонился, — из Беспощадных гор.

Комнату заполнили голоса. Мужчины и женщины шептались, склоняясь друг к другу. Дикая? Нет. Беспощадные горы? Невозможно!

Реджинальд не слушал их. Он смотрел на оковы на запястьях Драконши. Он прищурился и увидел символ Средин на железе.

— Откуда у тебя эти оковы, мальчишка?

Воцарилась тишина.

— Подобрал среди обломков корабля, — ответил юноша, пожав плечами, узкое лицо было спокойным. — Утерянные вещи подбирать ведь можно?

Сотни голов повернулись к Реджинальду в ожидании ответа.

— Конечно, можно, — процедил он.

Бартимус за ним ворчал:

— Быстрее, сэра. У меня быстро угасает сила. Не уверен, что долго продержу дверь открытой.

— Закрой ее, — сказал Реджинальда.

— Но, сэра герцог...

— Слушайся.

Бартимус пронзил его взглядом, но неохотно вышел из портала, Реджинальд шагнул к юноше.

— Есть доказательства, что она скована?

Он криво улыбнулся.

— Думаю, иначе я был бы уже мертв.

Послышался нервный смех, но Реджинальд рукой заставил всех замолчать. Чем дальше Драконша рычала на него, тем увереннее он становился. Если бы она была свободна, шторы уже пылали бы. Он решил повеселиться.

— Леди и работники, эта женщина — не такая, какой кажется, — сказал он, указывая на нее. — Она — монстр из леса, дикий оборотень!

Прозвенели вскрики. Люди стояли на цыпочках, смотрели поверх париков других.

— А еще вы можете знать ее как Драконшу.

Он получил нужную реакцию. Гудение, все глаза в комнате стали огромными. Несколько человек отпрянуло к двери, но большая часть приблизилась, чтобы разглядеть.

Да, они были там, где он хотел. Новости о его победе дойдут до Средин завтра утром, и Крвану придется возвысить его. Он сможет даже забрать горы у этого пса, Титуса, и подарить их кому-нибудь.

Но Реджинальд не закончил. Новости хороши, но представление — лучше. Небольшая интрига будет держать историю на слуху месяцами.

— Охотник, — он повернулся к юноше. — Если ты не врешь, и Драконша подчиняется тебе, то ты сможешь доказать это.

Под новой волной шепота юноша вскинул брови.

— Как доказать, сэра герцог?

— Ударь ее.

Женщины вскрикнули, мужчины ворчали, но юноша не тревожился.

— Учитывая беды, возникшие из-за нее, не думаете, что ее лучше бить королю?

Толпа рассмеялась. Мальчишка был прав.

Реджинальд выдавил улыбку и придумал.

— Ясно... Бить ее ты не будешь, но есть другой способ. Думаю, добрый народ морей хочет доказательства, — они завопили, Реджинальд вернул тишину, подняв кулак. — Если ударять не будешь... тогда придется целовать ее.

*

Слово звенело в ушах Каэла. Жар опалил его лицо, леди хихикали в толпе. Он ощущал их взгляды, они склонялись, чтобы лучше увидеть. Он слышал лязг брони стражей на балконах. Он ощущал, как их взгляды сверлят его череп.

— Целуй ее! — крикнул кто-то очень пьяный. Его крик вызвал согласие в толпе. Они хотели доказательство.

Но Каэл застыл от давления. Он ощущал кончики пальцев, невольно тянущиеся к ножам. Он мог, он знал, что мог это сделать. Герцог расхаживал перед ним, улыбаясь. Если бы он хотел, он мог бросить нож и закончить все.

Они даже могли бы сбежать живыми.

Краем глаза он уловил движение. Низкий бледный слуга прошел в первые ряды толпы. Люди были недовольны, что он толкал их, но быстро забывали о нем. Гейст был с подносом в руке, другая рука была за спиной. Он посмотрел в глаза Каэла, его лицо вдохновляло, как камень.

Но он напомнил о людях, зависевших от него. Если он убьет герцога, начнется война. Будет борьба за трон, прольются океаны невинной крови. И ничто не помешает армии Средин двигаться по морям, сжигая и убивая во имя короля.

Он знал, что это разрушит его. Каэл не мог обменять чувства на жизни. Он собирался сделать то, что требовалось.

— Хорошо, — заявил он, все завопили. Он повернулся к Килэй и не смотрел ей в глаза. — Иди-ка сюда, — он потянул за цепи, она подошла. Он обвил рукой ее талию и быстро прижался губами к ее губам.

Все его тело вспыхнуло. Огонь бежал по венам и шумел в ушах. Он боролся, пытался прогнать огонь... но пламя поглотило его.

Он был беспомощен, как ребенок в бурном потоке реки. Жар хлынул на него и тащил туда, где он не мог дышать. Не было воздуха, сердце не билось, он ощущал лишь ее губы на своих. Она удерживала его от гибели. Он был в ее руках. Он мог утонуть.

Она отпустила его. Он был рад, но, стоило ей отстраниться, боль пронзила его грудь. Осталась кровавая дыра, брешь изорванных мышц и разбитых костей. Он ощущал агонию, сжимал зубы. Ему хотелось кричать. Он схватился за грудь, ожидая, что рука провалится в дыру, но... этого не случилось. Он ощутил грубую ткань рубашки и радостно впился в нее.

Он был целым.

— Bravo!

Герцог Реджинальд хлопал, и аплодисменты потушили угли в его крови. Он с трудом поклонился, вытер холодный пот с лица рукавом, пока голова была склонена.

— Отлично, охотник. Я убежден, — Реджинальд хлопнул в ладоши, слуга вышел из толпы. Он дал Реджинальду большой мешок, который тот бросил к ногам Каэла. — Вот твоя награда. Уходи.

Каэл поклонился и шагнул в сторону, Реджинальд забрал у него цепи.

— Леди и работники, вот Драконша, — сказал он, дернув Килэй вперед. — Великая победа Высоких морей! Все регионы не справились, а мы торжествуем.

Люди вопили, поднимали кубки герцогу, словно он сам поймал врага короля. Так, скорее всего, и будут рассказывать. Но план Каэла выглядел немного иначе.

Он посмотрел на Килэй, она едва заметно кивнула. Ее лицо было спокойным, в глазах не было реакции на поцелуй. Да и откуда? Для нее это было игрой.

Визг металла заставил Реджинальда застыть. Килэй разорвала оковы, и он прочитал на лицах гостей потрясение, герцог попытался бежать. Но Килэй прижала его к земле, уперла колено в спину, он не успел даже закончить вопль:

— Бартимус!

Вспышка красной молнии сорвалась с вытянутой руки Бартимуса в Килэй. Она бы попала в нее и убила, если бы Каэл не встал на пути. Все забыли в триумфе о мальчишке с гор. Пока они были заняты, он встал между герцогом и его магом.

Молния попала в его грудь. Магия окутала его, ужасно щекоча, но не ранила. На лице Бартимуса отразилось понимание, нож уже покинул его ладонь.

— Шеп... ах! — он согнулся, мантия развеялась вокруг него. Он раскачивался, пытаясь вытащить нож из груди. А потом рухнул.

— Стража! — завопил Реджинальд.

Килэй прижала локоть к его горлу.

Крики звенели в зале, несколько дам потеряло сознание при виде бандитов на балконе вместо стражи герцога. Пираты постарались: ни один солдат не остался в живых. Они лежали в лужах крови. Все сабли были красными.

— Люди Высоких морей, не бойтесь! — Чосер вышел из толпы, а за ним группа работников с каменными лицами, он держал свиток с печатью. — В моей руке — контракт. Этой ночью я попрошу герцога подписать его, и эта земля вернется людям. Мы жили слишком долго под властью этого тирана, пора зарабатывать золото для себя. Утром мы уже не будем работниками, мы снова станем свободными торговцами!

Медленно и нервно начались аплодисменты, но вскоре они превратились в рев. Работники срывали парики и топтали их.

Слуги прятали лица в ладонях, бросая серебряные подносы. Некоторые совали в карманы золотые вилки и ножи и уходили. Всюду летали кружева и камзолы, бились об пол кубки. Люди жали руки и широко улыбались.

Каэлу было не по себе. Минуту назад эти люди поздравляли герцога с победой. Теперь они резко передумали.

Знакомый скрежет заставил Каэла посмотреть на сцену музыкантов. Джонатан как-то пробрался туда. Со скрипкой он забыл об окровавленной сабле.

— Я назову песню «Грязные штанишки герцога»! — заявил он.

Другие музыканты подстроились, гремя позолоченными инструментами в такт скрипке Джонатана. Гости хлопали и затанцевали. Некоторые пинали Реджинальда, проходя мимо.

Лисандр спустился за Джонатаном, его волосы были спутаны и в вязкой слизи. Он пробился через толпу, видя только Аэрилин.

— Ты в порядке? — сказал он, добравшись до нее. — Он тебе не навредил? Потому что если да, клянусь, я...

— Что? — она уперла руки в бока. — Зажаришь его заживо? Повесишь на мачте?

— Я подумывал подставить его, но я открыт для предложений.

— О? Тогда я предлагаю поцеловать меня.

Ярость пропала на его лице, сменившись шоком.

— Погоди... ты хочешь стать пиратом?

Она закатила глаза и улыбнулась.

— Такой была сделка, да?

— Да. Но я не хочу тебя заставлять. Я все равно люблю тебя. Уверен, дядя Мартин смирится...

Она ударила его по лицу. А потом схватила кулаками его тунику и притянула к себе.

— Заткнись и целуй меня, невозможный пират.

Он так и сделал. Вскоре поцелуй стал таким сильным, что люди завопили, Каэл отвернулся. Он вытащил нож и трупа Бартимуса, заметил лужу золота под его рукой. Его импульс растаял, когда он умер. Каэл подобрал его, золото затвердело, став диском. Он сунул его в карман.

— Хорошее решение. Убийство прекрасно разжигает войну.

Говорил Гейст, появившийся рядом с ним. Из всех слуг только у него остался парик.

— Спасибо, — Каэл пожал протянутую руку.

— Что теперь будешь делать?

Ему надоедало слышать этот вопрос.

— Лисандр и его люди обещали помочь. У меня есть... незаконченные дела в горах.

Лицо Гейста было непонятным.

— Интересно. Мой друг направляется в горы.

— Да? Кто он?

— Не важно. Но он намерен забраться на вершину, где надеется встретить врага, укравшего у него нечто дорогое. Я говорил ему, что это безумие.

Каэлу казалось, что он знает, кто этот друг. Он не понимал, как он это узнал.

— О? Почему безумие? У него за спиной армия.

Гейст склонил голову.

— Да, но не такая большая. Когда я сказал ему так, он попросил моего совета. Знаешь, что я сказал?

— Нет. Что?

— Я сказал, что найти это можно в Бесконечных долинах, — закончил Гейст с ухмылкой.

Каэл хотел спросить о деталях, Чосер перебил его.

— Идем, мальчишка! — рявкнул он с лестницы. Он шел за Килэй, она толкала Реджинальда, до боли заломив руку ему за спину.

Каэл не прощался с Гейстом. Он знал, не оглядываясь, что мужчина уже ушел.

Глава 38:

Новые паруса

— Дурак ты, Чосер. Свинья и дурак! — рявкнул Реджинальд. Его привязали к стулу в гостевой комнате, придвинули к столику. Он мог двигать только правой рукой.

Чосер развернул на столе контракт и опустил перо в свежие чернила.

— Уверен, любой вошедший подумает, что дурак привязан к стулу. Но мне откуда знать?

— Вот ты и не знаешь, — процедил Реджинальд, его борода дрожала. — Король всех вас уничтожит! Его армия бросит вас на съедение его собакам...

— Как? — перебил Чосер. Он словно подавлял улыбку. — Каждый видел, как вас свергли. Это не запечатлено кровью, — он поднял перо, — это будут чернила. Наши дела продолжатся, как они были до Пятерки, как это было веками. Король может посылать армии, но пока он не высушит океан, без корабля он нас не схватит.

Реджинальд побелел, облизнул губы, нервно озираясь. Он смотрел на Чосера и его товарищей-торговцев, на Килэй и Каэла.

— Что будет со мной, если я подпишу? — сказал он, глядя на них. — Откуда мне знать, что вы не скормите меня шептуну и его питомцу, как только я поставлю подпись? Да, я знаю, что ты такое.

Каэл невольно вздрогнул, когда Реджинальд сказал это. Он знал, что все видели, как чары ударили по нему и не навредили. Все слышали, что сказал Бартимус, умирая. Он ощущал, как ерзали торговцы, переминались с ноги на ногу, ведь он не отрицал его слова.

Его секрет был раскрыт.

— Тебе позволят прожить остаток дней в мире, — сказал Чосер. Он указал на мелкие буквы над местом подписи. — Все тут описано. Никого не съедят. Мы дельцы, а не варвары.

Каэл посмотрел на Чосера так, что его лицо растаяло бы, но он лишь ухмыльнулся.

— Хорошо, — Реджинальд выхватил перо и расписался. — Вот. Что теперь?

— Кулон.

Реджинальд снял золотой медальон и бросил в руку Чосера.

— Вы переплавите это в монеты, как только выпадет шанс.

Чосер ухмыльнулся, но промолчал. Он передал медальон товарищу, он пропал в кармане.

— Я подписал контракт, отпускайте меня! — рявкнул Реджинальд.

— Минутку, — Лисандр прошел в комнату Его волосы спутались еще сильнее, помада Аэрилин виднелась на его шее. — У меня есть вопросы к бывшему герцогу. Насчет рабов.

Чосер издал звук отвращения.

— Рабов? Не смейся.

— Да, — взгляд Реджинальда был тяжелым. — Рабов не было уже три века. Все это знают.

— Молодые люди, укрывающиеся у меня, говорят о другом, — возразил Лисандр.

Реджинальд оскалился.

— Прости, но я не знаю, о чем ты.

Килэй вышла из тени. Она схватилась за спинку стула Реджинальда и протащила его по комнате, остановившись у шкафа.

— Что ты делаешь? — сказал он, когда она отошла. Он извивался в путах, но не мог высвободиться. — Ты поклялся, что я буду жить, Чосер! Поклялся!

— Я не буду тебя убивать, — сказала она. Килэй стояла рядом с Каэлом, их плечи соприкасались. — Мой друг хорошо ощущает фальшь. Я хочу задать вопрос. Если он решит, что ты лжешь, он... бросит нож.

Реджинальд раскрыл рот. Его глаза были огромными.

— Расскажи о работоторговле.

— Я ничего не знаю о рабах!

Каэл бросил нож. Он просвистел по воздуху и вонзился в шкаф на волосок от макушки Реджинальда. Он застонал, лицо блестело от пота.

— Зачем вы продавали людей Высоких морей лорду Гилдерику?

Реджинальд облизнул губы. Его глаза были дикими, но упрямыми.

— Не я, — он сжался, другой нож врезался возле его горла. — Вы меня не убьете! — процедил он. — Этот щенок — шептун, он не может промазать!

Килэй склонила голову.

— Верно, — она ткнула Каэла локтем. — Зачем мужчине без титула два уха?

— Я даже не знаю...

— Стойте! — закричал Реджинальд, Каэл уже готовился бросить. Пот капал с подбородка мужчины, пятнал его золотую рубашку. — Да, я... продавал рабов Гилдерику.

Чосер зарычал, торговцы зашептались. Они дырявили Реджинальда взглядами, а он лепетал:

— Не знаю, зачем они ему. Наверное, для полей. Я знаю, что он хорошо платил. Книга в моем кабинете, в верхнем ящике стола. Там записано, сколько мужчин и женщин я продал, даты прошедших и будущих продаж. Все там! — закончил он и посмотрел на Чосера. — Я

рассказал все. Я требую исполнять контракт и освободить меня!

После ледяной долгой тишины Чосер кивнул торговцам по бокам. Они развязали Реджинальда, но удерживали его между собой.

— Отпустите меня! — потребовал он.

Лицо Чосера было нечитаемым.

— В контракте говорится, что ты будешь доживать свои дни в мире, ничто не говорится о свободе. Ведите его в подземелье.

Они слышали, как сапоги Реджинальда царапали пол весь путь по коридору. Он кричал, угрожал им жестокими смертями, пока тяжелая дверь не захлопнулась.

— Найдем эту книгу, — тихо сказал Лисандр, торговцы были заняты. Они пошли за ним в коридор.

*

Они пришли в кабинет, один из торговцев уже рылся в столе. Он вытащил книгу в обложке из грубой кожи и спешно сунул в карман плаща.

— Слушай, — сказал Лисандр, подходя к нему. — Если мы хотим остановить торговлю, нужно прочитать...

— Это вещь торговцев, — сказал Чосер из-за их спин. Он прошел мимо Лисандра забрал книгу себе.

Пока они спорили, кому можно ее читать, Каэл следил за Килэй. Она обнаружила тело Кровоклыка у окна. Она опустилась перед ним, закрыла его глаза кончиками пальцев. Ее голова была склонена, пряди темных волос скрывали лицо.

— Нет, я ее уничтожу, — рявкнул Чосер. Он упирался грудью в грудь Лисандра. Они напоминали пару петухов, борющихся за власть. — В этом месяце будет совет и голосование, я не могу позволить слухам о рабстве навредить мне!

— Плевать на это! — рявкнул Лисандр. — Там невинные люди, наш народ!

Чосер фыркнул.

— Твой народ — убийцы и воры. Мой — основа общества, я не буду рисковать их жизнями в атаке на Бесконечные долины. Ты знаешь, что будет, да? Война с Гилдериком и его армией великанов. Нет, — он вскинул руку, — я не буду рисковать. Моря только вернулись, у нас нет армии для этого, мы сами едва выжили, — он держал руку поднятой. — Ваши услуги больше не требуются, капитан. Забирай своих крыс в гнездо.

Лисандр, казалось, хотел разбить ему нос. Но он сдержался. С тяжким вздохом он обхватил ладонь Чосера.

— Значит, все?

— Да. Если увижу вас снова, не пожалею кинжала.

— Позвольте два дня перемирия?

Чосер ухмыльнулся.

— Один. Это уже слишком щедро.

Он жестом выгнал своих людей из комнаты, а за ними и Лисандра. Каэл шел последним. Чосер замер на пороге и посмотрел на Килэй, сидящую перед Кровоклыком.

— Что она делает? — он прищурил глаза.

Каэлу надоел Чосер, он уже не сдерживался. Он с силой толкнул его в спину, тот вылетел в коридор. Каэл захлопнул дверь, загородил ее собой и скрестил руки.

— Что ты себе позволяешь...?

— Идите, — рявкнул Каэл.

Чосер моргнул, нахмурился. Но он решил не связываться с шептуном. Он пошел по коридору, топая и ругаясь на каждом шагу.

Каэл ждал, пока он уйдет, а потом открыл дверь. Окно было разбитым, Килэй и Кровоклык пропали. Он тихо закрыл дверь и пошел к пиратам.

*

— Получилось! — Моррис ждал его у штурвала. Как только Каэл подошел, он хлопнул его по спине. Его рука была так покрыта слизью, что прилипла к его рубашке. — Прости, — он отцепился. — Дурацкий маг устроил нам приключение.

— Зато я все исправил, — пробормотал Джейк. Он кивнул на запад, туман медленно уплывал к морю.

— Что будет, если он дойдет до суши? — спросил Каэл.

Моррис пожал плечами.

— На западе только монстры и голая земля. Туда король ссылал худших злодеев королевства. Их садили на корабль с обреченным капитаном и командой.

Каэл дождался, пока Моррис займется делами, и отдал остатки импульса Бартимуса Джейку.

— Что... он, — он покрутил золотой диск и прищурился. — Ты убил его?

— Да.

— Хорошо. Я надеялся, что он не сбежит, — он спрятал диск в карман и протянул руку. — Спасибо. Не знаю, как отплатить за твою доброту.

— Это был подарок, — сказал Каэл, Джейк улыбнулся.

Не удивительно, что Джонатан смог утащить несколько бутылок вина из зала. Он пил из одной, как из фляги.

— Убийца ведьмы, освободитель тронов, — сказал он, увидев Каэла. — Глотни лучшего вина бывшего герцога! — он налил ему вина за шиворот.

Каждый пират поздравлял его. Они жали руки, трепали ему волосы, предлагали грог и тарелки угощений, украденных из зала. Когда он вышел из толпы, в ушах гремело от всех похлопываний по спине.

Лисандр и Аэрилин стояли на корме корабля и танцевали без музыки. Ее волосы были распущены, краска с ее лица запачкала обоих в равной степени.

Она увидела Каэла и обвила руками его шею.

— Ты был шикарен! — сказала она в его волосы. — Не знаю, что бы я делала, если бы вы прибыли позже. Реджинальд начинал давить на меня, — добавила она, морща носик.

— Да, что с нашим любимым полудраконом? — сказал Лисандр, склонив к ним голову. — Она убежала? — он увидел кивок Каэла, его лицо смягчилось. — Не переживай из-за этого. Такова ее природа. Но она всегда возвращается.

Он не хотел говорить о Килэй. Рана в его груди все еще была свежей. Он хотел отбросить тревогу в сторону и заняться чем-то другим.

— Что будем делать теперь?

Лисандр забрал Аэрилин в свои объятия и улыбнулся.

— Тебе решать, Райт. Ты оказал мне и всем людям морей огромную услугу. Мой корабль готов тебя слушаться.

Каэл хотел вернуться к своему заданию. Он хотел спасти Амоса и отомстить за деревню. Но то, что сказал Гейст, не отпускало его. Он переживал из-за этого.

А если его армии не хватит для боя с Титусом? А если он пойдет сейчас и приведет

пиратов к верной гибели? Его сердце болело из-за дома, но он не мог рисковать их жизнями, ведь шанс на успех был невелик.

Он быстро принял решение.

— Если мы пойдем в горы, нам нужно больше мечей.

Лисандр вскинул брови.

— Ясно. Где ты собираешься найти их?

— Я слышал, что великаны быстро вступают в бой.

Лисандр улыбнулся, отбросил голову и рассмеялся.

— Айе, я тоже такое слышал. Значит, Бесконечные долины. У тебя уже есть план атаки?

Эта часть смутила.

— Жаль, у нас нет той книги. Тогда было бы проще.

Лисандр хитро улыбнулся и полез внутрь жилетки.

— Этой?

Каэл поймал брошенную книгу и плохо смог скрыть потрясение.

— Когда...?

— Ах, не когда, а как, — прервал его Лисандр. — Вору не нужно время, помнишь? Только возможность. Чосер сейчас жалеет, что не застегнул все пуговицы. Каков наглец, — мрачно сказал он. — Канцлер Чосер, представляете? Я должен убедиться, что его не выберут.

— Но он не захочет ее отобрать?

Лисандр фыркнул.

— Он не поймает нас без парусов.

Каэл поднял голову и заметил, что на «Грохочущем якоре» новые паруса с символом Высоких морей. Аэрилин вскрикнула и ударила Лисандра по руке.

— Что? Мои паруса были в слизи, — сказал он.

Она скрестила руки и пыталась выглядеть строго.

— Ты знаешь, что ты плохой? Настоящий злодей.

Он заткнул ее обвинения поцелуем.

Глава 39:

До последнего восхода солнца

Вечернее солнце опускалось, заливая бухту оранжевым светом. Оно опустилось за скалы и скрылось за морем. «Грохочущий якорь» был игрушкой вдали, тенью, качающейся на волнах. Каэл смотрел на корабль, на чаек, с надеждой кружащих над парусами, и на миг ощутил умиротворение.

А потом вид ему закрыла голова с тонкими волосами.

— Это закат? — сказал мужчина. Доски скрипели, он встал на цыпочки, чтобы видеть из-за женщины перед ним.

Каэл сжал кулаки, все больше тел двигалось, чтобы посмотреть на солнце. Он старался не думать, что от океана его отделяет лишь пара досок, и они могут сломаться от такого количества людей на пристани.

Но он слышал, как дерево скрипит под их весом.

Он развернулся, и его чуть не сбил Лисандр, расхаживающий между Каэлом и Тельредом.

Он был в чистой белой рубашке и привычных коричневых штанах. Его руки были сцеплены за спиной, Тельред следил за ним, словно он мог броситься с любой миг в океан.

— Сколько еще? — рывкнул Лисандр, в этот раз терпеливо ответил Тельред:

— Еще минутку.

— Хорошо. Дольше я ждать не смогу, — он потянулся к воротнику, но Тельред схватил его за руку и строго посмотрел. — Точно. Не должно помяться.

Прозвенел над гаванью колокол, и словно стрела нашла мишень: Лисандр так резко вскочил на место, что чуть не упал в воду. Тельред схватил его за край рубашки, сминая ее при этом.

— Леди идет! — крикнул мужчина в конце толпы, доски застонали, все встали на цыпочки.

Люди окружали дорогу, чтобы первыми встретить Аэрилин. Она шла среди них в красивом голубом платье, которое дядя Мартин заказал для такого случая. На ее лице не было краски, но оно сияло так, как Каэл еще не видел. Она заметила взлохмаченного Лисандра в конце причала, и ее улыбка согрела всех.

Каэл был рад, что Лисандр не ошибся: Килэй вернулась и не опоздала.

Она шла рядом с Аэрилин, их руки переплелись. Она улыбалась толпе и кивала в ответ на добрые пожелания, но не прекращала говорить с Аэрилин, а та была все ближе к обмороку.

Они добрались до пристани, и Каэл понял в этот миг, что Аэрилин не зря умоляла. Килэй была в платье.

В том самом, из-за которого она как-то раз забралась на дерево, прячась. Каэл отметил, что на ней оно смотрелось не глупо. Изумрудные юбки ниспадали и задевали ее туфли с каждым изящным шагом, позолоченный корсет обхватывал ее фигуру, как рамка картину, привлекая, маня, но не затмевая ее саму. Солнце блестело на ее волосах, вспыхивало в глазах, и... Каэл едва дышал.

Он мог веками смотреть на нее.

Аэрилин отпустила Килэй и обхватила руку Лисандра. Они посмотрели друг на друга, нервно перешептываясь, пока дядя Мартин не крикнул:

— О, давайте уже!

Все громко рассмеялись, соглашаясь с ним.

— Хорошо, — сказал Лисандр, махнув на них. Он повернулся к Аэрилин и начал произносить клятву пиратской свадьбы. — Будешь ли ты плыть со мной в бури, держать меня за руку? Будешь ли на моей стороне в бою? Примешь ли мою любовь?

Она глубоко вдохнула и сказала с улыбкой слова, которые учила днями:

— Я буду плыть с тобой в бури, держа тебя за руку. В бою ты будешь моим криком. Погода может меняться, но не решение моего сердца. Да, я приму твою любовь.

Последнее слово только сорвалось с ее губ, и Лисандр схватил ее и поцеловал, к радости пиратов.

— Хватит, — вопил дядя Мартин, он разделил их тростью. — Глупости оставьте на остаток жизни. Закончим с церемонией и начнем праздновать!

Он толкнул Тельреда к ближайшей лодке. Пока тот отвязывал канат, Аэрилин попрощалась с ними. Она крепко обняла Джейка, стукнула Джонатана по руке, он шептал ей на ухо грубости, а потом обняла Каэла.

— Странно оставлять вас здесь, — сказала она, уткнувшись подбородком в его плечо. —

После всех наших приключений...

— Это ненадолго, — напомнил он, пока она не заплакала. — Мы будем на берегу.

— Ты меня не оставишь?

— Конечно, нет. Ты же знаешь, что я не умею плавать.

Она рассмеялась.

Дядя Мартин крепко обнял Аэрилин. Он не кричал, но резко выдохнул и заморгал.

Потом Килэй поцеловала ее в щеку и помогла забраться в лодку.

— Гребите быстро, — рявкнул Лисандр.

— Айе, капитан, — пробормотал Тельред, они поплыли. Корабль ждал вдали, посреди бухты. Они приставили ладони к глазам и смотрели, как Тельред помогает ей забраться на борт. Когда она оказалась на палубе, он отошел от края.

— Спокойно, — сказал дядя Мартин, Лисандр снова расхаживал.

— Он опаздывает.

— Он гребет изо всех сил. Я ощущаю его пот отсюда. Просто глубоко вдохни и...

Но Лисандр устал ждать. Он бросился мимо дяди Мартина в море. Он всплыл через пару мгновений, оказавшись вне досягаемости трости дяди Мартина.

Пристань застонала снова, сотни тел склонились, глядя, как он уплывает. Он миновал Тельреда, тот попытался, но не смог забрать его в лодку веслом. Он забрался на корабль по канатам. Он развернулся и поднял кулак, фигурка вдали. Пираты завопили, он пропал из виду.

— Девчушка заставит его жариться на палубе, пока он не высохнет, — пробормотал дядя Мартин и обхватил руку Килэй.

— Вряд ли, — сказала она с улыбкой.

*

Праздновала вся деревня. Фонари висели на домах и магазинах, наполняя улицы веселым светом. Столы ломились от еды, и любой мог брать столько, сколько хотел. Конечно, грог лился рекой.

Дядя Мартин заставил Джейка зачаровать фонтан в центре поселения. Теперь изогнутые змеи лили красное вино в чашу вместо воды. Вино пахло хорошо, но любой выпивший получал кожу багрового цвета, и Джейк не знал, надолго ли этот эффект.

Но это не помешало Джонатану наполнить несколько кубков до краев и передать гостям. Вскоре армия злых багровых пиратов пронесла Джонатана по улице и бросила в фонтан.

На площади собралась группа музыкантов. Они играли на позолоченных инструментах, что подозрительно напоминали инструменты с бала герцога.

Каэл нашел укромный уголок в стороне и прислонился спиной к стене. Он пытался улыбаться и кивать всем, кто поздравлял его, тарелка с едой на его коленях была нетронутой, как и кубок. Он смотрел, как танцуют жители, но не видел их. Музыка не касалась его ушей.

— Потанцуем?

Дело было не в вопросе, а в голосе, задавшем его. Только она могла оживить мир вокруг него. Он поднял голову, желудок сжался, когда он увидел, что она все еще в изумрудном платье. Он думал, она уже сорвала его. Почему она все еще была в нем?

— Плохо себя чувствую, — пробормотал он, а потом вспомнил, что она задавала вопрос. — Что ты делаешь? Юбки испачкаются.

— Их можно отстирать, — сказала она и села рядом с ним.

Они в тишине смотрели на танцы. Расстояние между ними казалось пропастью для Каэла, и эту пропасть окружали кинжалы. Ему казалось, что любое его слово сейчас будет неправильным, и он полетит из-за этого в пропасть по кинжалам. Он хотел говорить, но не мог.

Порой тишину нарушали мужчины, нервно приглашающие Килэй на танец. Ее ответ всегда был одним: она была польщена, но устала от путешествия. Он понимал.

— Ты должна с кем-то станцевать, — сказал Каэл, когда очередной мужчина ушел ни с чем.

— Знаю, но не могу. Ты так впечатлил меня, что остальные только разочаруют, — она убрала волосы с глаз. Без обычного хвостика они ниспадали волнами на ее плечи. Она провела по волосам пальцами, и Каэлу показалось, что он уловил аромат роз.

А потом он понял ее слова.

— Всех нас что-то разочаровывает. Такова жизнь.

Она ответила не сразу.

— Ты так думаешь?

— Конечно. Мы не все можем изменить, — его гнев поднимался, безнадежность сдавила сердце. Темные мысли, которые он старался отгонять, пробрались в слова. — Слабак должен привыкнуть к тому, что он слаб, потому что ему не стать сильным. Как и урод должен привыкнуть к своей внешности, а бедняк — к бедности.

— Все не так...

— Так, Килэй! Мы многое хотим изменить, но не можем. Судьба бросила жребий, дала нам что-то, и теперь это наш груз. Это как океан и небо, — пробормотал он, вспомнив слова Лисандра. — Дурак может думать, что они близки, но мудрец знает, что их разделяют миры.

Она смотрела на мощеную дорогу.

— Мудрость — твой груз, не мой.

— Нет, вот мой груз, — он указал на всех, кто танцевал, ел и пил много грога. Он понимала вес на его плечах, ответственность, что душила его. Он думал, что она не догадается, что на самом деле гнетет его.

Но он ошибался.

— Ты не один. У тебя всегда буду я, — их взгляды на миг пересеклись, он отвернулся.

— Нет. Я не могу просить тебя рисковать жизнью...

— Тебе не нужно просить...

— Нет! — рывкнул он так громко, что она вздрогнула. — Ты не понимаешь? Я хочу быть один, — он увидел боль на ее лице, на миг он хотел смелости, чтобы сказать то, о чем его молило сердце. Но слова добрались до его губ, и он знал, что надежда обречена. Он молчал.

Он встал, потому что думал, что, если останется рядом с ней, рассыплется на крошки. Он пошел в поместье, не слушая крики товарищей, зовущих его праздновать. Его ноги дрожали от веса сердца, в них не было сил для танцев.

*

Утром он сожалел. Он жалел, что выпустил гнев. Ночью его слова казались верными. Но на рассвете он знал, что это не так. Он не мог идти без Килэй, она была светом, отгоняющим тьму. Без нее у него не хватит сил двигаться дальше. Он лучше позволит боли в сердце сжечь его заживо, чем потеряется в мире без света.

Он хотел извиниться за завтраком.

Он прибыл в столовую, Джонатан и дядя Мартин уже был там. У них были темные

круги под глазами, каждое действие причиняло боль. Каэл был рад, что Джонатан уже не багровый.

— Не стоило верить тебе и кататься на том козле, — стонал дядя Мартин. Кто-то уронил горшок на кухне, от шума он скривился. — Ох, тот зверь вылез из глубин пекла.

— Говорите за себя, — Джонатан переложил сырой кусок мяса от одного глаза к другому. — Я не знал, что такие ребята могут пинать двумя ногами.

Дядя Мартин сел прямее.

— Я целовал русалку прошлой ночью?

— Нет, это был статуя осьминога во дворе Морриса.

— Ах, точно... но у него были занятные щупальца.

Их смех быстро перешел в стоны. Джонатан ушел, дядя Мартин заметил Каэла.

— Привет! Я не ожидал увидеть тебя этим утром. Я думал, она забрала тебя с собой.

— Кто? — Каэл сел.

— Драконша, конечно! Кто еще?

Его сердце замерло.

— О чем вы? Куда она ушла?

— Успокойся. Она так делает время от времени. Она не в опасности...

— Где она?

Опасный тон его голос стер улыбку с лица дяди Мартина.

— Прости. Я думал, ты знаешь, что она ушла. Я не знаю, куда, но она оставила Лисандру записку...

Каэл выхватил пергамент из его руки и чуть не порвал, пока разворачивал. Аккуратные буквы покрывали четверть листка.

Капитан Лисандр,

Я пишу, чтобы ты знал, что я понесла наше дело на новые земли. Если мы хотим бороться с Титусом, нам нужна вся возможная помощь. Я хочу проверить пару слухов. Надеюсь, мы получим нужное количество.

Передай мою любовь нашим товарищам,

Килэй.

— И я украла боевого мага. Прости.

Он трижды прочитал ее послание, скомкал его и бросил. Она написала Лисандру, взяла с собой Джейка, но даже не попрощалась с ним?

— Мне жаль...

— Не надо, — Каэл прервал дядю Мартина, потому что не хотел слушать это. Ему было все равно, что он вел себя грубо. — Я не обижен. У нее свое задание, у меня — свое, — он схватил со стола тарелку с едой и пошел к двери.

— Куда ты?

— Работать, — смело сказал Каэл. — Если мы хотим свергнуть Гилдерика, нужен план.

Дядя Мартин покачивал стаканом.

— Точно. Наша судьба в твоих руках, сэр Райт!

Каэл знал это. Но он, пока шел по коридору, мог думать только о том, что лорду Гилдерiku лучше готовиться к этой битве. Лучше возводить стены и точить мечи, потому что он будет беспощаден, когда придет весной.

Потому что для милосердия в его сердце не осталось места.

*

Шамус думал, что все неплохо восстанавливалось. Внешнюю стену Вендельгримм уже отстроили, починили главный зал. Еще нужно было сделать много работы, пока что в замке жить нельзя было. Но он уже видел, что результат близко.

Уже месяц как корабли приплывали в Коппердок для починки со всех концов Высоких морей. Они прибывали, приносили с собой товары и, конечно, разные слухи. Шамус слышал десяток версий того, как герцог лишился трона, никто не был близок к правде. Но это было и к лучшему.

С сокровищами им осталось и много золота, Шамус начал обменивать починку на стройматериалы. Торговец из пустыни предлагал стекло для окон, но Шамус пока думал над его предложением.

— Я знаю, что у них есть образцы для маленьких окон, но я хочу знать, есть ли у них такое?

Он указал на самую высокую башню замка, она была склонена так сильно, что его людям пришлось окружить ее опорами, чтобы она не рухнула. Под крышей было огромное восьмиугольное окно. Там торчали обломки стекла.

Капитан прищурился, глядя туда.

— Это точно нужно заменить.

— Знаю, капитан. У вас есть такое стекло?

— Я про башню, — Шамус не рассмеялся, и он кашлянул. — Сложно получить особые товары, не заплатив мастерам барона заоблачную цену за это. Но, думаю, я смогу найти что-нибудь за скидку в двадцать пять процентов на починку.

— Десять, — заявил Шамус. — Еще пять, если привезете.

— Хорошо.

Капитан ушел, и Шамус повернулся к людям у ворот. Они смогли выторговать кусок дуба из Великого леса. Если повезет, они получат новые двери к концу недели.

— Плотнее. Мы не хотим, чтобы туда протекал дождь, — сказал он, мужчины подняли молоты, показывая, что слышали его.

Он помогал разгружать поставку камней, но обернулся, услышав спешные шаги. Юноша бежал к замку, из-под ног вылетала земля. Его стало слышно, и он крикнул:

— Д-Драконша!

Шамус улыбнулся. Он убедился, что парню дадут чашку холодной воды, а потом побежал по тропе. На восстановление ног ушло пару дней, но он все еще не привык к ним. Он не знал, привыкнет ли когда-либо, но одно знал точно: он никогда не будет воспринимать боль тяжелого рабочего дня как должное.

Он встретил Килэй на половине пути. На ее бедре был белый меч, она выглядела неплохо. Он был удивлен видеть за ней Джейка.

— Я ожидал, что вы вернетесь, — сказал Шамус, взяв ее за руку. — Чем обязаны?

Она улыбнулась, и он увидел тяжесть в ее странных глазах, печаль, скрытую за улыбкой. Он знал этот угнетенный вид.

— Я подумывала остаться у вас на зиму. Хотя тут слишком жарко для зимы, да? — она уперла руки в бока и посмотрела, щурясь, на солнце. — Мне нужно задумать шалость, а Джейк решил, что он может быть полезным.

Шамус хлопнул его по плечу и подумал, что у него будут синяки от острых костей Джейка.

— Конечно. У нас много работы наверху. Ребятам понадобится магия, чтобы стройка

шла проще.

— Хорошо, это я могу, — сказал Джейк и пошел впереди.

Шамус шел за Килэй медленными шагами. Она все еще изящно двигалась, но передвигала ноги так, словно лишилась солнечного света на своем небе. Он знал эту походку.

Когда Джейк ушел подальше, он склонил голову и прошептал:

— Он хороший, не пойми меня превратно. Но я думал, что ты вернешься не с ним.

Она тяжело вздохнула.

— Давно вы знали?

— С того дня, как увидел, как ты несешь его из Венедльгримм. Он был едва живой, ты так переживала за него, что я думал, что мы лишимся рук, если попытаемся забрать его у тебя.

Она слабо улыбнулась.

— Вполне возможно.

Они шли в тишине. На вершине холма она выдохнула:

— Выглядит иначе, — сказала она, окинув замок взглядом. — Рада видеть, что вы убрали эти ужасные лозы.

Шамус рассмеялся.

— Айе. Когда ведьма умерла, они завяли. А потом мы просто подожгли их, — он посмотрел на ее взгляд. — Ты видишь шанс, да?

Она кивнула.

— Когда-то это место было великим.

— Да. И будет снова.

— Хотя местами кажется, что камни стоят больше, чем само строение, — она посмотрела на покосившуюся башню. — Почему вы его чините?

Шамус пытался говорить спокойно.

— Месяц назад приплыл торговец и сказал, что продает свои товары. Я сказал ему, что это незаконно, а он сказал, что нет, потому что герцога свергли. Ты слышала об этом?

Она ухмыльнулась.

— Я многое слышала, Шамус. Много — ложь.

— Хмм. Даже не знаю, теперь много капитанов с разными товарами заполняют мою пристань. Они забрали корабли, оставшиеся от армии герцога, и работают на них. Будто вернулись старые дни, люди трудятся, города назначают себе лордов. Я слышал, они выбрали канцлера. Как там его?

— Колдерой, — она подавила смех, говоря это. — Это было забавно. Никто не признается, что голосовал за него.

— Точно, — пробормотал Шамус. Он расправил плечи и глубоко вдохнул. — Я тут подумал, пока мы говорили о городах. В Коппердоке была благородная семья...

— Шептунов. Да, я слышала.

— И, — Шамус положил ладонь на ее плечо. — И нам нужна леди в Коппердоке.

Она смотрела на его лицо. А потом невольно отпрянула.

— Не думаю...

— Не думай, просто скажи, что сделаешь это. Мы простые, мы почти все время правим собой сами. Нам просто нужен официальный защитник, — он опустил голову к ее. — Останешься с нами? Станешь нашей леди?

Она смирилась.

— Что я получу за это?

— Все это, — он указал на Вендельгримм.

Она рассмеялась.

— Ты сможешь его переименовать.

— Я плохо умею давать имена.

— Ты же дракон? — он раскинул руки. — А это твой насест. Так почему бы не назвать его...

— Насест, — она широко улыбнулась. — Замок Насест. Гениально.

Они рассмеялись. Но имя осталось. Они шли, и он показывал ей, что нужно сделать, что они изменили. И они говорили, что в Насесте на потолках плесень, в Насесте в подвалах мыши, верхним этажам Насеста нужно больше опор, иначе они обвалятся. Чем больше они так говорили, тем больше Шамусу нравилось название.

Они смотрели, как Джейк магией нарезает ствол дерева на доски. Топором это было бы быстрее. Мужчины бегали за бревнами для него. Шамус не был уверен, с магами понять было сложно, но он думал, что Джейк счастлив.

— Хочу задать вопрос, — сказал он, Килэй вскинула брови. — Что за шалость ты хочешь совершить весной?

— Основная команда отправится в долины. Знаю, — сказала она, когда Шамус присвистнул, — это не прогулка по лесу. А я... подумывала поискать там, где жарче.

— И суше, и много песка? Да, я знаю, о чем ты, — Шамус ухмыльнулся. — Я не люблю пустыню, но не завидую беднякам, идущих за Гильдериком. О том месте ходят слухи. Надеюсь, они знают, куда идут.

Она сморщила нос.

— Вряд ли. Но они в хороших руках.

Он смотрел, как она разглядывает Насест, не видя его. Не было конца пустоте в ее глазах. Он не мог выдерживать это, он должен был спросить.

— Мы увидим юного мастера Каэла?

Ее плечи поднялись и опустились.

— Зависит от него.

— У тебя не было выбора?

— Не было, — ее взгляд стал тяжелее, она боролась с эмоциями. — Странное чувство... я словно ранена всем, чем можно было. Я не знаю, как продолжать. Как можно продолжать? — она повернулась к Шамусу, сталь в ее глазах сменилась болью. — Как это вытерпеть?

Бедняжка. Шамус положил ладонь на ее плечо, сжал, пока пальцы не заболели, но она вряд ли это ощутила.

— Ничего не поделаешь, — сказал он, пытаясь говорить мягко. — Это ранит всех, леди Дракон, какой бы прочной ни была броня. Это не исцелить. Нужно лишь накрыть это работой, а время сделает все остальное.

Она улыбнулась, хоть и печально. Она скрестила руки и посмотрела на море, а потом сказала, все еще улыбаясь:

— Времени у меня много. Я просто буду ждать его. Я буду ждать вечно... до последнего восхода солнца.

Больше книг на сайте - Knigolub.net